4
М-34

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ТОМ
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

ПРОВЕРЕНО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Том
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1949

РЕДАКТОРЫ:

академик С. П ОБНОРСКИЙ,
профессор Р. И. АВАНЕСОВ
и профессор Ф. П. ФИЛИН

4
М-34
Ин-та Русского языка
Библиотека
МО. Яз. и Лит. Отделения АН. СССР
4447

ПРЕДИСЛОВИЕ

В I томе „Материалов и исследований по русской диалектологии" помещены статьи, посвященные изучению весьма разнообразных, как территориально так и типологически, говоров русского языка. Различные по объему и характеру разработки, все они основаны на собранных самими авторами материалах, впервые ими вводимых в научный обиход. Эти материалы сами по себе имеют большой научный интерес как источник для построения истории русского языка. Они либо относятся к территориям, еще не подвергавшимся исследованию с лингвистической точки зрения, либо сообщают новые, ранее в науке неизвестные или мало известные данные.

Однако материалы эти собирались в разное время, главным образом в 20-х и 30-х годах нашего столетия, и потому они не отражают современного состояния в развитии русских говоров. К тому же авторы статей по преимуществу наблюдали лишь традиционный слой говора и не ставили перед собой вопроса о развитии русских диалектов за советский период нашей истории, о качественных сдвигах в них, обусловленных коренным переустройством советской деревни, укреплением колхозного строя, культурным ростом нашего крестьянства. Нельзя не отметить, что почти все статьи, собранные в настоящем издании, посвящены описанию фонетики и отчасти морфологии; изучение же диалектного синтаксиса и лексики, представляющее важную и неотложную научную задачу, остается за их пределами.

Выпуская в свет I том „Материалов и исследований по русской диалектологии", редакция считает нужным сообщить, что в последующих томах этого издания, кроме публикации

новых материалов, будут помещаться статьи и исследования, посвященные анализу разных сторон диалектной речи, в том числе синтаксиса и лексики, статьи и исследования по вопросам лингвистической географии русского языка, в особенности в связи с критикой буржуазной западноевропейской лингвистической географии, статьи монографического характера об отдельных русских диалектах и диалектных явлениях в их динамике.

П. С. КУЗНЕЦОВ

О ГОВОРАХ ВЕРХНЕЙ ПИНЕГИ И ВЕРХНЕЙ ТОЙМЫ [1]

ВВЕДЕНИЕ

Предметом настоящей работы будут русские говоры селений, расположенных по верховьям р. Пинеги (приток Сев. Двины) и находящихся на сравнительно небольшом расстоянии от них к западу селений, расположенных по берегам р. Верхней Тоймы (также приток Сев. Двины). Целью моей является установить по языковым данным условия возникновения этих говоров в связи с общей историей края. Этой целью определяется то обстоятельство, что в центре моего внимания лежит основной слой рассматриваемых говоров, т. е. совокупность черт, унаследованных от эпохи их возникновения, хотя одновременно с этим всюду, где это нужно, я отмечаю и процессы, имеющие место в современном языке. По этой же причине на первом плане исследования стоят фонетика и морфология. Не менее важным я считаю изучение синтаксиса и лексики, но они еще слишком недостаточно изучены в диалектологическом разрезе, а поэтому синтаксический и словарный материал одной узкой

[1] Описываемые говоры были обследованы мною летом 1928 и 1929 гг. О фонетике их мною был сделан доклад на заседании Московской диалектологической комиссии МДК зимой 1929—1930 гг. Настоящая статья была написана в 1940—1941 гг. По обстоятельствам военного времени вторая часть работы, содержавшая морфологию и общие выводы, зимой 1941—1942 гг. была почти полностью утрачена. В данной работе мною приводятся такие названия населенных пунктов и сельсоветов, какие существовали в 1928 и 1929 гг.

группы говоров в настоящее время еще не может пролить достаточно яркого света на условия их возникновения. Непосредственным поводом к двум моим поездкам в указанные районы послужили ответы на программы Диалектологической комиссии Академии Наук СССР, полученные из д. Окуловки, расположенной у впадения в Пинегу Выи, и из с. Карпогорья на Пинеге (приблизительно 300 км ниже впадения Выи и 150 км выше г. Пинеги).[1] Эти ответы давали возможность предполагать, что южная граница поморских говоров на карте Диалектологической комиссии проведена неверно и что в действительности она должна проходить значительно севернее, чем это показано на карте (по карте вся Пинега входит в область поморских говоров).

Как уже сказано, я предпринял две поездки для изучения говоров на месте: первую — в июне 1928 г., вторую — в июле и августе 1929 г. Маршрут первой поездки был следующий: от пристани Верхняя Тойма на Сев. Двине, лежащей приблизительно под 62°13′ с. ш., 14°45′ в. д. (от Пулкова) вдоль р. Верхней Тоймы по деревням, входящим в сельсоветы Верхняя Тойма и Вершина, до водораздела между Верхней Тоймой и Пинегой; затем через водораздел (волок длиной около 50 км) и деревни, объединенные в сельсовет Горка и расположенные по берегам Верхней Пинеги и Лохамы, впадающей в Пинегу слева; далее в деревни Гавриловского сельсовета, расположенные по берегам Выи, впадающей в Пинегу; наконец, в деревни Выйско-Ильинского сельсовета, расположенные по берегам рек Пинеги и Выи около их слияния. Расстояние сухим путем от Верхней Тоймы до Окуловки — центра Выйско-Ильинского сельсовета, около 130 км. Обратно я возвращался тем же путем. Маршрут второй поездки на участке Верхняя Тойма — Керга (деревня Горковского сельсовета, самый верхний населенный пункт на Пинеге) в основном совпадает с маршрутом первой.

---

[1] См. Труды Комиссии по диалектологии русск. яз. при АН СССР, вып. 11 — отв. на прогр. № 2 и вып. 12 — отв. № 178.

От Керги я спустился вниз по Пинеге на лодке до устья Выи (расстояние около 100 км), а затем далее, вниз — через села Кучкас, Нюхча, Сульца, Сура. Общее расстояние от устья Выи до Суры около 150 км. Маршрут пройден лишь в одном направлении (обратно я возвращался другим путем — на пароходе вниз по Пинеге и Сев. Двине до Архангельска). Во время поездки 1928 г. мною были обследованы в сельсовете Верхняя Тойма с. Верхняя Тóйма, деревни Прилýк (по карте — Двухгригорьевское) и Цыгáново; в сельсовете Вершúна деревни Гóрка и Мúла; в Горковском сельсовете деревни Кéрга, Лóхама (нет на карте), Гóрка, Мошкáново; в Гаврилóвском сельсовете деревни Лáмлево, Кáлоснемо; кроме того, записан говор трех жителей из д. Василёво, в которой сам я не был; в Выйско-Ильинском сельсовете деревни Окýловка, Мáтокурье, Ýстье, Мáтигора (Никитинская), Прилýк, Симакóво, Горá Вáхтинская, Чудúново. Во время поездки 1929 г. были обследованы: в сельсовете Верхняя Тойма — деревни Ручевскáя, Малетúнская, Верхоконская (Кокýй), Сумарóковская, Мартемьяновская и Прилýк; в сельсовете Вершина — деревни Пóга, Бубнóвская, Окýлово, Шипúцино, Мúла; в Горковском сельсовете — деревни Кéрга, Велúкая и Вáдюга; в Выйско-Ильинском сельсовете — деревни Окýловка, Ýстье, Мáтигора; села Кýчкас, Нюхча, Сýльца, образующие каждое самостоятельный сельсовет; в Сурском сельсовете — с. Сýра и деревни Прилýк, Филимóново и Осáново.

Весь обследованный район представляет собой обширную область, покрытую непроходимыми летом хвойными лесами и пересеченную многочисленными реками. Все селения расположены по речным долинам, причем от В. Тоймы до Выи включительно они идут небольшими группами тесно между собой расположенных сравнительно небольших деревень. (Каждая такая группа обычно и образует теперь сельсовет с довольно большими пространствами между различными группами.) Ниже Выи идут большие далеко друг от друга расположенные села Кучкас, Нюхча и Сульца. Сура же вновь представляет собой кучку тесно расположенных деревень, в данном случае с боль-

шим селом в центре. Земледелие в этом краю издавна не давало достаточных средств к существованию. Широко развиты различные лесные промыслы, с которыми связано большинство мужского и частью женского населения. Различные виды промыслов сменяются по сезонам, вообще же большинство взрослого мужского населения проводит большую часть года вне дома.

В начале зимы идет охота (промышленное значение имеет лишь охота на белку), в конце зимы рубка леса, весной и частью летом сплав, летом окорка балансов и пр. По сплаву и окорке балансов наряду с мужчинами работают и женщины. Кроме того, многие заняты в других отраслях лесной промышленности — в смолокурении, выгонке серы и т. д. Некоторое значение имеет рыболовство. Многие уходят, — особенно же уходили раньше, — в отхожие промыслы в Архангельск, в Ленинград. В последние годы отход на-сторону сократился вследствие интенсивного развития лесной промышленности края.

Всю списываемую область можно разбить на два основных района экономического тяготения: 1) Верхняя Тойма, Вершина, Горка и Выя с Гавриловским сельсоветом, с центром тяготения в Верхней Тойме; 2) Кучкас, Нюхча, Сульца и Сура с центром тяготения в Суре. (Сура является самой верхней пароходной пристанью на Пинеге, от нее начинается регулярное судоходство; выше пароходы заходят лишь в весеннее половодье.) Граница этих двух районов совпадает с прежней административной границей губерний Архангельской и Северо-Двинской (еще ранее Вологодской). Связь между этими районами, во всяком случае раньше, была слаба, между ними даже не существовало проезжей дороги. В пределах первого района относительно слаба связь между деревнями, расположенными по разные стороны водораздела. Живому общению между различными районами в наибольшей степени способствуют сплавные работы. Жители верховьев Пинеги часто уходят со сплавом (вначале молевым, а затем с плотами) далеко вниз — вплоть до Усть-Пинеги, где Пинега сливается с Двиной. На сплав же

приходит на Пинегу много рабочих не только из Верхней Тоймы, но и из других районов Северного края.

Население рассматриваемых районов теперь сплошь русское, представителей иных национальностей поблизости нет. Лишь Нюхча, около которой начинается зимний тракт на Вашку расстоянием около 80 км, до некоторой степени соприкасается с коми-зырянами. Некоторые из жителей Нюхчи умеют говорить по-зырянски.

Русское население края появляется здесь со времен старой новгородской колонизации. О давности новгородских поселений в рассматриваемом районе говорит уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича от 1137 г., упоминающая Пинегу и Тойму (неясно, Верхнюю или Нижнюю, впадающую в Двину 30 км ниже) в числе новгородских владений.[1] Согласно современной традиции нынешнее русское население ведет свой род от новгородских колонистов. Борьба с чудью ярко отразилась в местной легенде. Начиная с XIV в. в этот край идет и вторичная русская колонизация с юга, из Ростово-Суздальской земли, из Москвы. Долгое время Двинская земля служила яблоком раздора между Новгородом и Москвою. В местных преданиях сохранилась память и об этой колонизации, хотя и более слабая, чем о первой, Новгородской. Так, по преданию часовню около Выи построил москвич.

Судя по тем сведениям, которыми мы располагаем по истории русского языка, звуковой и грамматический (в особенности морфологический) строй на протяжении весьма длительного времени обладает достаточной устойчивостью. Некоторые исследователи выдвигали, правда, мнение о меньшей устойчивости именно фонетических и морфологических норм. Они указывали, что в первую очередь чуждое влияние проявляется именно в фонетике и морфологии, в то время как словарь

[1] С. Ф. Платонов и А. И. Андреев. Очерк Новгородской колонизации Севера, стр. 32—33. Очерки по истории колонизации Севера, вып. I, П., 1922.

более устойчив.[1] Но здесь речь идет об изменениях недавних и современных, т. е. о развитии говоров в эпоху капитализма, в условиях разрушения старой хозяйственной замкнутости, и в послеоктябрьскую эпоху, когда разрушение этой замкнутости пошло гигантскими шагами.

Сравнительная устойчивость звуковых и грамматических норм говора дает возможность при наличии колонизации, массового движения населения в новые края, прослеживать пути и эпохи этой колонизации по языковым данным в тех случаях, когда нет или недостает данных исторических.

В рассматриваемой области (как, впрочем, и в большинстве мест) процесс разрушения старой системы говора в большей мере захватывает мужское население, которое гораздо больше, чем женское, связано с отходом, а во время империалистической и гражданской войны в большинстве прошло через армию. Женская часть населения, особенно до революции, редко покидала деревню, или же уходила недалеко, в соседние районы. Мне встречались старые женщины, ни разу не видавшие парохода; поэтому у женщин прочнее и отчетливее сохраняются языковые черты, характеризующие старую систему говора. Достаточно ярки эти черты и у детей, остающихся дома, с женщинами, в то время как мужчины бóльшую часть года проводят вне дома. Впрочем, в настоящее время и женщины идут в ногу с мужчинами, уходят на заработки, повышают свой культурный уровень,[2] вследствие чего говор женской молодежи уже значительно приближается к мужскому.

После этих вводных замечаний перехожу к описанию звуковой и морфологической системы изученных мною говоров. Излагаю сначала общее для всех, а затем особенности, в которых отдельные районы расходятся между собой.

---

[1] См., напр., Мансикка. О говоре Шенкурского уезда, Изв. ОРЯС, 1914, т. XVII, кн. 2, стр. 89.

[2] Процент грамотных среди женщин раньше был очень невелик при сравнительно высокой степени грамотности мужского населения; во время моих поездок молодые женщины были уже в большинстве грамотны.

ФОНЕТИКА

а) Ударение и интонация

В большинстве из рассматриваемых говоров ударение в экспираторном отношении слабое. Различие между ударным и неударным слогом по силе относительно невелико; иногда оно столь мало, что даже двухсложное слово производит впечатление слова с двумя ударениями, например: ве́рхно́т (Прилук в Суре),[1] взе́ла́ (место записи неизвестно). Неударяемый слог в обоих случаях по относительной силе к ударяемому приближается к вторичному ударному слогу многосложных слов (см. ниже).

В многосложных словах обычно развивается, помимо главного, вторичное ударение. Особенно ясно заметно оно в более чем трехсложных словах с ударением на начальном слоге. Это вторичное ударение тем сильнее, чем многосложнее слово и чем, следовательно, дальше расположено оно от главного ударения. Что касается места вторичного ударения, то в четырех- и пятисложных словах с начальным ударением (на такие больше всего примеров) оно падает, повидимому, обычно на конечный слог. В тех случаях, когда дальше нет слогов, оно падает на второй от ударения. Примеры: за́ озеро то̀ (Окуловка), — постопозитивная частица „то“ обычно энклитична, а здесь, вследствие передвижения ударения на предлог и создания обширного комплекса последующих слогов, настолько усиливается в экспираторном отношении, что по силе почти равна главному ударению: по у́л̣ӧ́ (Кучкас), завешча́ли э̀ттоцки́ (Осаново в Суре). С неначальным ударением: прова́ливаюц'ц'э̀ (перед паузой), заси́нева̀т (Окуловка). С вторичным ударением в начале слова: два̀ццэти́ (Прилук в Суре), вы̀даите́ (=выдадите — Малетинская). Вторичное ударение, подобно многосложным словам, может развиваться также на месте главного

[1] В данном случае сочетание с энклитикой, фонетически являющееся одним словом.

ударения в словах, вообще могущих нести самостоятельное ударение, но ставших неударными во фразе, причем это вновь развивающееся вторичное ударение по месту может и не совпадать с прежним главным ударением; прежний же ударный слог звучит еще слабее, чем принявший новое, вторичное ударение. Это явление отмечено, например, в случае с вспомогательным глаголом „было", — он является в энклитическом положении в форме „бӯлò" (Окуловка) — распределение по силе, считая главное ударение за 1, — конечное *о* за 2 (ˋ), *у* же за 3 (ˊˋ). Также: я гò^{у}рю̀ (= я говорю — Малетинская); в этом примере новое, вторичное ударение является не на прежнем месте и в то же время занимает слог, непосредственно прилегающий к слогу с главным ударением (явление вообще редкое), на протяжении всего звукового комплекса идет постепенное ослабление экспирации. Пример с сохранением старого главного ударения в виде вторичного в непосредственном соседстве с главным ударением ′, также редкий, — на то́м мѝсте (= на том месте — Устье).

В отношении места ударения наблюдаются колебания в одних и тех же словах, когда такие колебания не влекут за собой смешения смысла (по крайней мере не отмечено случаев колебания, в результате которых имело бы место смешение смысла). Например, ли́кци || лекци́ (= лечь — Великая), Мале́тин — Малети́н (в собственном имени — Малетинская), до У́сьпиньги || до Усьпи́неги (= до Усть-Пинеги — повсеместно). В сочетании с предлогами: на́ черту || на цёрту́ (ребята из Бабинова и Петрухина в Вые). Колебания можно слышать в говоре одного и того же лица. Подобные колебания мы встречаем и в других русских говорах, а также в русском литературном языке. Они объясняются сравнительно малой фонематической значимостью русского ударения. В русском языке вообще немного слов, различающихся только местом ударения.

Сравнительно с литературным языком ударение в ряде случаев сдвинуто к началу слова. Примеры: к ре́ке ходи́ли (Мошканово в Горке), во́да (Малетинская), спи́на, ру́чей (повсеместно), со́лма (= солома — Нюхча; впрочем, наряду с этим отмечено

и соло́ма). Ударение на начальном слоге широко распространено в многосложных географических названиях, например: У́сть-Пинега (фонетически обычно у́с'пин'га), Ка́рпогорье и пр. (повсеместно). Во многих случаях это объясняется исконно-финской природой названий (Ка́лоснемо), но, как показывают приведенные примеры, тенденция начального ударения распространяется и на названия русского происхождения. Впрочем, нужно сказать, что не всегда даже исконно-финские названия имеют ударения на первом слоге. Так, наряду с Хо́рнема, Ве́ркола, Я́взера, Ка́лоснемо и т. д. следует отметить Кевро́ла.

Случаи сдвижения ударения к концу слова (по отношению к русскому литературному языку и другим говорам) в большинстве случаев ограничены определенными морфологическими категориями (что, впрочем, следует сказать и в отношении некоторых случаев сдвижения к началу). Так, повидимому, ударение на конечном слоге постоянно имеет форма глаголов в 2-м л. мн. ч., например: на зоре́цьку пойдите́, ко́лько хотите́ (Окуловка). В формах 1-го л. мн. ч., 2-го л. ед. ч., 3-го л. ед. и мн. ч. часто имеет место обобщение конечного ударения, т. е. распространение его с тех случаев, где оно было исконно, на те случаи, где его раньше не было, например: кося́т горбу́шыма (Верхнеконская в Тойме), душы́т (=душит, 3-е ед. ч., там же) и т. д. Встречаются случаи сдвижения ударения на конец и в падежных формах существительных. Эти сдвижения обычно также объясняются морфологически. Например: временё́м у меня́ боли́т (Нюхча). Из случаев, не связанных с определенными морфологическими категориями, можно указать на форму девоцьки (=девочки — им. пад. мн. ч. — Ламлево, Гавриловский сельсовет).

На протяжении фразы в широких пределах осуществляются модуляции голосового тона, что особенно заметно в говоре женщин. Конечный слог перед паузой, независимо от того, ударный он или не ударный, заметно протягивается, например: где́, знаш где́, на пове́те̄ (Окуловка), а хозя́ин опе́ть уе́хал вози́ть (Окуловка). Этот конечный слог имеет обычно отлого-

восходящую интонацию с крутым падением в конце, например: вози́ть. В случае конечного неударяемого слога падение интонации в конце осуществляется, повидимому, медленнее, причем часто весь этот слог характеризуется нисходящей интонацией. Вообще же в музыкальном отношении фраза состоит из ряда отрезков с восходящей интонацией, последний же отрезок характеризуется восходяще-нисходящей интонацией с более быстрым падением, чем восхождением. Примеры интонационного движения во фразе: а хозя́ин опе́ть уе́хал вози́ть (Окуловка); заси́нева́т (Окуловка); поди́ ша́ньги йсь (Прилук в Суре); она́ моя́ до́цька (Ручевская в Тойме); Ива́н Фёдорыць, да сади́с ко столу́ то (Мартемяновская); молоди́цо́.....у (Бубновская в Вершине). Интонационное построение обычной фразы несколько приближается к интонационному построению вопросительной фразы русского литературного языка.

Система ударения и интонации на протяжении всей рассматриваемой группы говоров в общем единообразна. Следует выделить лишь одно место, а именно д. Устье в Вые, отличающуюся от окружающих деревень выйской группы заметно более сильным в экспираторном отношении ударением; особенно сильный экспираторный подъем падает на ударный слог слова, несущего фразовое ударение, например: на по́неси попловите; э.....у (междометие при переспросе, близко по значению к „ась?“). Наряду с этим заметен более быстрый темп речи (относительно короче безударные слоги). Все эти явления более ярко выступают в говоре мужчин. Интонационные особенности говора не ускользнули от внимания окрестных жителей, в результате собеседований с которыми я и решил направиться в эту деревню для проверки сообщенных мне сведений.

С исторической точки зрения, ударение в рассматриваемых говорах в ряде случаев обнаруживает, как видно из приведенных примеров, новообразования.

б) Вокализм

Во всех рассматриваемых говорах различаются, как и в литературном языке, гласные *и, э, а, о, у, ы* с различными промежуточными оттенками.

Под ударением гласные подвергаются различным изменениям в зависимости от качества соседних согласных, а иногда и гласных (в большей степени, чем в литературном языке).

а в положении после мягкого согласного слегка сдвигается в более переднее образование, в положении же между мягкими согласными с обеих сторон значительно сдвигается вперед и вверх, достигая степени *э*, например, седь (=сядь), боéцця (=бояться — Окуловка), опéть, взéли (Устье), поправлéтця (Гора Вахтинская; в этом примере, возможно, и а[э]), хоть пéтеро имáйте (Чудиново), петь (=пять), сменéть (Метигора), лéгёт (=ляжет — Ламлево Гавриловского сельсовета), взеть (=взять) (Керга), боелись (=боялись — Лохама), грезь (Мошканово), взéли (Великая), променéть (Вадюга), поднéцся (Кучкас), нý ко сéть (=ну-ка сядь — Нюхча), размéли (=размяли — Сульца), опéть (Сура), гонéют (=гоняют — Ручевская в Тойме), опéть (Малетинская), jэйца (=яйца — Мартемяновская), снеть (=снять — Прилук в Тойме), опéть (Пога в Вершине), дéдя (=дядя — Бубновская), задавлéют (=давят — Окулово), сеть (=сядь — Мила). Явление, как показывают примеры, распространено во всех рассматриваемых говорах.

Изредка артикуляция в указанном положении смещается еще дальше вверх, достигая степени *э* закрытого и даже *и*, например: се"дь (=сядь — Окуловка), сорок пить, опúть (Прилук в Тойме), *и* в пить (=пять) может быть объяснено и не фонетически, влиянием безударного положения, где изменение *э* > *и*, как увидим ниже, довольно обычно (ср. пидисят).

э вместо *а* может наблюдаться и в таких случаях, когда вызвавшая изменение мягкость уже исчезла (в результате отвердения или полного исчезновения согласного), например: лек (= ляг — Горка в Пинеге). Конечное *к* является в результате отвердения *к'* (ср. лек'= ляг, Окуловка в Вые); покацэ́й (= покачай — Филимоново в Суре), боэ́цця (= бояться — Горка в Пинеге).

Сохранение *а* (точнее *ä*) между мягкими согласными, иногда наблюдающееся, исключительно влиянием литературного языка (хотя оно несомненно и есть) объяснить нельзя. Хотя это *а* (*ä*) и наблюдалось чаще у мужчин, уходивших на промыслы на сторону, но приходилось встречать его и у таких лиц, которые вообще отражают более древний слой говора, например, с хозя́йкой, хозя́ин (у старухи в Бубновской).

Ударяемое э наблюдается, как и в литературном языке, в положении после мягких согласных, а также изредка в начале слова (напр. э́ттоцки — Осаново в Суре). В положении перед твердыми согласными оно иногда принимает более закрытый характер (сравнительно с литературным языком), порой занимая даже положение среднее между э и *и*, например: дэ́ло (дило — Горка в Пинеге), по такому дэ́ᵘлу (Ручевская), хотэ́ᵘл (Прилук в Тойме), нэ́т || нет (Пога в Вершине). Случаи *и* вместо э в этих условиях единичны и могут быть объяснены не фонетически: по э́тому ми́сту (при обычном „место" — Малетинская, записано у женщины родом из Голубина за Паленьгой).

В поведении э перед мягкими согласными обнаруживается различие между говорами разных районов, причем граница этих районов совпадает с водоразделом между Пинегой и Двиной. На Пинеге э перед мягким согласным обычно почти такое же, как перед твердыми. Смещение артикуляции вперед и вверх почти незаметное. Примеры: по зарэ́цью, сjэ́здят, медвэ́дь (Окуловка), jэ́здил, мэ́сиць (Устье), здесь (Гора Вахтинская), сэ́яла (Чудиново), поэ́здим (Керга), повэ́сь (Лохама), лэ́зеᵘтэ (Горка в Пинеге), повэ́сить, пэ́сни (Кучкас), здесь, одэ́цця (Нюхча), в э́том мэ́сте (Сульца), вэ́яли (Сура). Лишь иногда в этих условиях является звук заметно закрытого

образования, промежуточный между *э* и *и*, например: лѐнь ста́ла доли́ть (Кучкас), вре́мя || врѐмя (Сура — сильно закрытое *э* отмечено у старого матроса — старика 70 лет), де"нь, зде"сь (Окуловка), де"нь (Керга), на ме"сяц, зде"сь (Нюхча), дѐньги-те (Филимоново в Суре — звук сильно закрытый, близкий к *и*). Очень редко артикуляция смещается в еще более верхнее образование, давая настоящее *и*, например: вме́сте || ви́сте (Чудиново), пре"йдет так пое́де"м (Кучкас), здись || здесь (Нюхча). Переход в верхнее образование, повидимому, более распространен в Кучкасе и Нюхче, чем в Вые.

К западу от водораздела, в деревнях Вершины и Верхней Тоймы изменение в указанных условиях *э* в *и* весьма обычно. Мы находим здесь ряд слов с чередованием *э* (перед твердыми) — *и* (перед мягкими согласными) и ряд слов, где такого чередования нет, поскольку нет форм с твердыми согласными после ударяемого гласного, но где мы находим *и* в соответствии с *э* в говорах к востоку от водораздела. Примеры: в ли́се || лес (Мартемьяновская), би́леньково || бе́лой (Прилук), здись, с ми́сяц (Ручевская), погри́ю || погре́ю, по коли́нима || коле́но (Малетинская), не"ди́лю (Сумароковская), в зе́млю ли́сти (= лезть — Прилук), жоли́ёт, ми"сяць (Бубновская), в том ми́сте (Мила); наряду с этим: заjэ"ит' (= заедь, т. е. заезжай — Прилук в Тойме) — дифтонг с долготой, объясняющейся интонационно — точнее, полифтонг, начинающийся с сильно закрытого *э* и непрерывно переходящий в *и*.

Ассимилирующее влияние на ударяемое *э* оказывает иногда не только непосредственно последующий мягкий согласный, например: ле"кце (Пога в Вершине) — *к* твердое (а последующее *ц* мягкое).

и<*э* может сохраняться и после исчезновения вызвавшего смягчение согласного: ловчи́э (= ловче — Прилук в Суре).

Ударяемое *э* на конце слова во всех рассматриваемых говорах обычно открытое: в волосте́, на лошаде́ (Прилук в Тойме), где, на переде́ (Окуловка) и т. д.

В случае частичного отвердения согласных перед *э*, о чем см. ниже, в консонантизме, артикуляция его становится несколько

4447.

белее открытой и в то же время несколько более задней, например: оммэ́рить (Окуловка), вэ́тер (Калоснемо Гавриловского сельсовета). Таких примеров, впрочем, очень мало.

э или *э̀* закрытое перед твердыми согласными, чередующееся в западной части говоров с *и* перед мягкими согласными, *э* на конце слова обычно является рефлексом старого *ѣ*. *э* перед твердыми согласными и на конце слова из старого *е* ограничено преимущественно определенными морфологическими категориями: во 2-м л. мн. ч. глаголов — пойдите́ (Окуловка), хотите́ (Гора Вахтинская), отдохните́ (Чудиново), хотите́ (Горка в Пинеге), накосите́ (Кучкас), бат ча́ю хотите́ (Сульца), пройдите́ (Малетинская в Тойме). В Тойме и Вершине также в 3-м л. ед. ч. и в 1-м л. мн. ч.: напьёмся (Мартемяновская), забьёт (Прилук в Тойме), возьмёт (Бубновская в Вершине). В Пинеге в этих случаях *о*: попловёт, повезёт (Окуловка). Единичный случай *э* в окончании притяжательного местоимения: моё (Прилук в Тойме). На конце слова постоянно *э* на месте старого *е* также в некоторых лексических образованиях: ишта́ (еще — Прилук в Суре), ишэ́ (= еще — Осаново в Суре).

э на месте старого *е* (или *е* из *ь*) наблюдается также перед недавно отвердевшими согласными: де́ргают (Мартемяновская в Тойме).

Сильно закрытое *э̀* перед мягкими согласными, как показывают приведенные выше примеры, к востоку от водораздела наблюдается не только на месте старого *ѣ*, но и на месте старого *е* (а также *е* из *ь*). На западе от водораздела в этих случаях может наблюдаться *и* *и*: помúньшэ (Ручевская на Тойме), мúньшэ (Мила).

Под влиянием литературного языка наблюдающиеся в говорах Тойцы и Вершины чередования *э*/*и* могут утрачиваться. Но у некоторых лиц, живших в городе, получивших известное образование и утративших ряд местных черт, эта черта держится упорно.

и возможно главным образом в начале слова и после мягких согласных, *ы* после твердых. В случае вторичного отвердения согласных, предшествующих *и*, артикуляция послед-

него смещается назад, в направлении к *ы*. Примеры: скаж'и́, л'ожы́т, замоцы́ли (*ц* твердое, гласный промежуточный между *и* и *ы* — Окуловка), молцы́ (Керга). Поскольку процесс отвердения аффрикат еще не закончен, возможны в одних и тех же формах колебания *и*/*ы* со всевозможными промежуточными вариантами. Изредка может сохраняться передняя артикуляция, лишь слегка сдвинутая назад, и после отвердевшего согласного, например: не цӣшывала (не чищивала — Ручевская в Тойме) — *ц* твердое, а после него *и*. Вероятно, в результате колебания *и ы*, *ц*'/*ц* в одних и тех же формах, стала возможной такая форма, как ц'и^{ы}с (= чист — Прилук в Тойме).

Этимологически *и* восходит к старому *и*, а также к старому *ы* после заднеязычных согласных. Лишь в двух случаях мы находим его на месте старого *ѣ* перед мягкими согласными: си́вёр, jис' (есть, кушать). Эти два слова имеют такую форму и в тех говорах, которые не знают изменения *ѣ* > *и* перед мягкими согласными. В единичных случаях к старому *ѣ* восходит и конечное ударяемое *и*: гди (Чудиново), вездѝ (Горка в Пинеге), на корми́-то (= на корме-то — Вадюга). Но эти случаи, где *и*, как известно, разъясняется морфологически, для рассматриваемых говоров не характерны, и объясняются, вероятно, влиянием соседних поморских говоров. Большинство жителей тех мест, где эти формы отмечены, регулярно уходит на сплав вниз по Пинеге, в районы поморских говоров. Случаи *мни* (= мне), *вси* (= все) будут рассмотрены в морфологии.

ы после заднеязычных согласных внутри слова отмечено лишь в очень немногих словах: кы́цьки (так зовут овец), Кы́спала (название реки), кы́ска („кошка"), например: „ко́тко аль кы́ска" (= кот или кошка — Окуловка).

о встречается главным образом в начале слова, между двумя твердыми согласными, после мягкой и перед твердой, на конце слова (как после твердой, так и после мягкой согласной). Случаи *о* между двумя мягкими согласными (из которых одна может быть j) немногочисленны и ограничены определенными морфологическими и лексическими категориями: со фсёй роднёй, всёй во́лостью (Окуловка), по фсёй (Малетин-

ская), но наряду с этим: по всéй волосте (Гора Бахтинская), по мнé по фсéй (Бубновская), на фсéй шшэкé (Сульца), — может быть и под влиянием литературного языка.

После мягкого согласного артикуляция *о* сдвигается вперед, иногда довольно заметно, например, ниц̈ӧ ни помогло́ (Филимоново в Суре). Вообще после мягкого *ц* обычно *ӧ*.

Этимологически *о* восходит к старому *о*, а также к старому *е* перед твердыми согласными, в последнем случае, в отличие от литературного языка, и в слове книжного происхождения кр'ос (=крест — Устье). *о* из *е* перед мягкими согласными представляет результат аналогии, например: неужо́ли (Сумароковская в Тойме), — возможно, под влиянием ужо́.

В очень немногих случаях *о* перед твердыми согласными после мягких, возможно, восходит к старому *ѣ*: телёга (Окуловка, Прилук в Тойме, Мартемяновская), помёшкай[(повелит. накл.) (Нюхча)].

у особых замечаний не вызывает.

Неударяемый вокализм всех рассматриваемых говоров характеризуется вообще отчетливым качественным различением безударных гласных. Так, например, в слове „загородите́“ (Окуловка) вполне отчетливо звучат и оба *о* и *а* начального слога.

Но, тем не менее, редукция в определенных условиях возможна, чаще всего между двумя ударениями — главным и побочным — в соседстве с сонорными согласными и *в*, причем подвергаться редукции могут все гласные, независимо от места образования, а редукция может итти до нуля; сонорный же согласный может принимать на себя слоговую функцию, но может оставаться и неслоговым.

Примеры: на у́л'ц'у (=на улицу — Окуловка), говри́ з дя́дей (Горка), не говри́т некак (Устье), походи́-ка по у́л̥це, про́вл̥ка (=проволока — Кучкас), де́фшка (=девушка — Нюхча) — в последнем случае редукция *у* до нуля с оглушением *в* перед следующим глухим согласным; ф самва́ре (Филимоново в Суре), у́с'п'ин'га (=Усть-Пинега) — впервые отмечено в Прилуке в Тойме, но в такой форме (наряду с „у́с'п'ин'ега“) повсеместно;

хорш̀о (Мартемяновская в Тойме, Пога в Вершине). Подобные случаи отмечены и вниз по Пинеге, за границей говоров, являющихся объектом настоящего описания: и з'мо́й ходи́ли (= и зимой ходили — Веркола).

В тех случаях, когда редукция идет не до нуля, гласная может подвергаться качественным изменениям. Так, в слове „у́с'п'ин'ъга" редуцированный гласный переднего ряда (ь). В слове „гов^{у}ри́т" (Бубновская в Вершине) между *в* и *р* сильно редуцированный лабиализованный гласный заднего ряда, верхнего подъема. Такой же гласный несколько более низкого образования в „говори́т" (Устье). Со врем'н'о́м (Бубновская) — качество редуцированного гласного трудно точно определить.

Случаи исчезновения гласного рядом с *с* могут быть объяснены морфологически: за́ три ме́сця (= за три месяца — Великая в Горке), ме́сцёф (= месяцев — Мартемяновская) — возможно влияние слов с беглым *е* в суффиксе *-ец-*. Впрочем однажды отмечена форма *месц'* (= месяц) с *с* некратким (Устье).

В некоторых случаях редуцируется конечный гласный в возвратных формах глагола: жа́лицс^{ə} (Бубновская в Вершине). В окончании им. пад. ед. ч. муж. р. прилагательных: три го́да цетве́рт^{ə} (Филимоново в Суре) — здесь, кроме того, исчезло конечное *и̯*.

Изредка возможна редукция рядом с взрывными и аффрикатами: ц̑^{ъ}ты́р'е (Кучкас), цты́р'е (Филимоново), хот^{и}те́ — в этом случае явственно сохраняется окраска *и*. Широко распространена форма с'ъца́с, с'ца́с (= сейчас) — с редуцированным гласным или с редукцией до нуля. В одном случае редукция до нуля начального гласного рядом с долгим взрывным: кӯра́т розува́иссе (= в аккурат разуваешься — Нюхча).

Редукция в особенности распространена в энклитиках и проклитиках: тък jэ́с' ра̄шо́т (= так есть расчет — Прилук в Тойме), ба́ба г^{ъ}рит пл'а́шэт (баба, говорит, пляшет — Кучкас),

Во всех рассмотренных выше случаях редукция носит факультативный характер.

Редуцированные гласные могут являться также в результате эпентезы в трудно произносимых согласных группах: подо́ч'ə̀ва (=подошва — Окуловка), О́л'ᵇгой [=Ольгой (творит. пад.) — Ручевская в Тойме]. Иногда трудно решить, имеем мы дело с редукцией или эпентезой: у м'ᵊн'а́ (=у меня — Устье), м'ине́ м'ᵇн'е́ (дат. пад., — Окуловка).

Значительно в большей степени, чем ударяемые, безударные гласные подвергаются влиянию соседних гласных и согласных.

Довольно часто оказывают друг на друга ассимилирующее влияние *о* и *а* соседних слогов: сомова́р, норо́ц'но (Окуловка), от комороф (Кучкас), гормо́шка (Мила), на зоготофке ле́су (Бубновская), парахо́д, в Гала́ндию (Керга — если только это не влияние литературного языка), говорит, на́да (Малетинская — обычно „на́о"), хвара́ю (Бубновская), ба́да́, нё откры́та (Окуловка). Нефонетической является такая форма, как баю́сь (Нюхча — у старухи, вообще аканья не знающей).

Влиянием соседнего лабиализованного *у* объясняется такая форма, как *зо у́тками* (Осаново в Суре).

Единичный слу́чай ассимиляции *ы* последующему ударяемому *а*: в Москве́ не быва́л, ногой не ба́ва́л (Кучкас); *а̇* — гласный среднего ряда, но несколько более высокого подъема, чем нормальное *а*.

Во всех рассмотренных выше случаях ассимиляция носит факультативный характер.

Широко распространено во всех рассматриваемых говорах стяжение гласных в результа́те утраты *j* в интервокальном положении (о чем ниже, в разделе консонантизма): не зна́м, Ники́тиньска, успе́т || не зна́эм, хто́ зна́эт (Окуловка), стреля́ш (Устье) и т. д. Стяжению подвергаются сочетания гласных с ударением на первом из них как однородных, так и разнородных, причем в случае разнородных гласных последующий уподобляется предшествующему.

Значительное влияние на безударные гласные оказывают соседние согласные, в первую очередь мягкие, в соседстве с которыми артикуляция гласного смещается обычно вперед

и вверх. *а* в положении после мягкого согласного перед твердыми смещается в направлении к *э*: цесóвня (= часовня — Симаково в Вые), не обезáтельно (Окуловка), пѐтáк (ребята из Бабинова и Петрухина), месна́ пи́ща (Сура), озебу́т (= озябнут — Филимоново), трехну́ла (Пога в Вершине), петна́е̯т' (Бубновская). Это изменение наблюдается главным образом в предударном положении. *а* вместо *э* в послеударном положении объясняется аналогией: ви́дял (Окуловка).

Смещение *а* в направлении к *э* шире в тех случаях, когда *а* окружено мягкими согласными с обеих сторон. В этом случае оно наблюдается не только в предударном, но и в послеударном положении: не гледи́т, тресёцця, петна́ццет' (Окуловка), три́ццет' (Устье), шэсл'и'во (= счастливо — Прилук в Тойме), ми́сец'; отка́шлет' (Бубновская в Вершине). В указанных условиях возможно смещение гласного еще дальше вперед и вверх — в направлении к *и*, в особенности если в последующем слоге стоит *и*: пидися́т (Нюхча), фся́кой фс'иц'ино́й (всякой всячиной) (Верхоконская), т'ижоло || чежоло́ (Пога в Вершине). Смещение артикуляции может сохраняться и после исчезновения вызвавшей ее причины, например: боэзл'и́во (Окуловка), несмотря на исчезновение *j* в интервокальном положении, сохраняется *э* < *а* в 1-м предударном слоге; ме́сиц (Мартемяновская) — *ц* звучит уже твердо, но перед ним, тем не менее, *и* из *а*. Следует заметить, что наряду с формами с *э*, *и* из *а* мы в тех же случаях находим и *а*, лишь слегка сдвинутое по артикуляции вперед.

Безударные *а*, *о*, *ы* в соседстве с губными согласными могут подвергаться лабиализации. Для *о*, которое и без того является лабиализованным, дело идет об усилении лабиализации и смещении артикуляции в направлении к *ô* закрытому, а затем к *у*. Гласный *ы*, подвергаясь в указанных условиях лабиализации, сохраняет, повидимому, артикуляцию среднего ряда, давая, таким образом, звук типа *ÿ*.

Примеры: дова́й (= давай — Окуловка), дова́ть (Горка в Пинеге); в результате аналогии может быть и форма дола́ (= дала — Горка в Пинеге); Бôри́с, бу̂ло (= „было“ в энклити-

ческом положении — Окуловка); заведёно бу у фсéх (здесь, возможно, сказывается и ассимилирующее влияние последующей гласной), бустро (=„быстро“ под ослабленным ударением — Верхоконская).

Формы типа „бувáть“ могут объясняться и аналогией.

Независимо от влияния соседних согласных и гласных наблюдается изредка усиление лабиализации безударного *о* в начальном слоге, выражающееся в смещении артикуляции в направлении к *у*: упéть (опять — Можаново, Кучкас), на угорóдь (на огороду-ту — Нюхча).

Долгое *о*, отмеченное в определенных интонационных условиях, обычно в звательной форме, перед паузой, к концу постепенно сужается, изменяясь в направлении к *у*: мáмко....у (Малетинская), молодúц'о....у (Бубновская).

Во всех рассмотренных выше случаях лабиализация не имеет особенно широкого распространения.

Подходя к системе гласных рассматриваемых говоров с фонологической точки зрения, мы на основании всего вышеизложенного устанавливаем для всех говоров пять гласных фонем — *и, э, а, о, у*; для говоров же, расположенных к западу от водораздела между Пинегой и Двиной — сверх того особую фонему, восходящую к старому *ѣ*, являющуюся в виде *э* перед твердыми согласными и в виде *и* перед мягкими. Эта фонема отличается от *э* тем, что перед мягкими согласными дает *и*, а от *и* — тем, что перед твердыми согласными дает *э*. Гласные *и* и *ы*, как и в литературном языке, являются разновидностями одной фонемы. Взаимоотношения между различными гласными фонемами несколько иные, чем в литературном языке. В то время как в литературном языке все гласные под ударением отчетливо различаются, в наших говорах возможны совпадения различных фонем в одном варианте и под ударением. Так *а* и *э* совпадают в одном звуке в положении между мягкими согласными; фонемы *ѣ* и *и* (в тех говорах, где *ѣ* выступает как особая фонема) совпадают перед

мягкими согласными; *ъ* и *э* — перед твердыми согласными и на конце слова.

Гласные фонемы в безударном положении после твердых согласных и в начале слова сохраняют свою самостоятельность, после мягких же согласных возможны совпадения различных фонем в одном звуке в большей степени, чем под ударением. Так *а* и *э* совпадают в одном звуке и перед твердым согласным (в предударном слоге). Может совпадать с ними и *о* после мягкого согласного и шипящего, которое вообще в большей степени сохраняет свою самостоятельность, главным образом в послеударном положении, но иногда и в предударном: пое̯д'ом, бу̯ĭот (= будет — Окуловка), буваĭот (Кучкас), но: не замо̯жэт (Кучкас) — ср. под ударением: поплов'от, л'ожы̆т (Окуловка). Возможны и случаи совпадения *а* и *э* после мягких согласных с *и*. *э* (*ъ*) в безударном положении сохраняет свой облик: к р'ек'е̯, б'ежы̆т.

в) Консонантизм

Заднеязычный звонкий согласный во всех рассматриваемых говорах нормально взрывный (*г*). Звонкое фрикативное *ɣ* употребляется лишь в немногих словах церковно-славянского происхождения или словах, по корню связанных с последними; например, боɣа̯ч, боɣа̯той (Окуловка), блаɣодар'и̯м. Кроме того оно наблюдается в определенных условиях, как результат позиционного изменения *г*, в первую очередь как результат ослабления последнего в интервокальном положении в окончании род. пад. ед. ч. муж. и средн. рода местоименного склонения, например: цёɣо̯ (Окуловка). Следует, впрочем, заметить, что ступень с *ɣ* в рассматриваемых говорах наблюдается очень редко, чаще мы находим наряду с нередкой здесь наиболее архаической ступенью *-ого* с *г* взрывным дальнейшую ступень ослабления с полной утратой согласного в этом окончании (*-оо*): как зовут н'его̯, кото̯рого, цёо̯ (Окуловка), цёго̯, нико̯ (Горка в Пинеге), не̯чого (Керча), ницэго̯ (Нюхча), с одного̯, ничёо̯ (Сура), цёо̯ (Малетинская), у почто̯оо (у почтового —

Цыганово в Тойме), ницэ́ (Бубновская в Вершине), сёдн'а (=сегодня — Горка в Пинеге) — этимологически в последнем случае также род. пад. местоимения. Встречается наряду с этим и позднейшая ступень с развившимся между двумя лабиализованными гласными новым согласным *в*: у нево́ (Окуловка), нечево́ (Керча), ницево́ (Малетинская), у сонно́во (Бубновская в Вершине). Формы с *в*, возможно, объясняются влиянием литературного языка, но форма *пово́с* (=погост) указывает на то, что процесс мог совершаться в говорах и независимо от литературного языка. Поскольку колебание *г* || γ || отсутствие согласного || *в* главным образом наблюдается в определенном окончании, явление это должно быть отнесено к морфологии, но основа его фонетическая.

Явление несколько иного порядка — колебание форм с *г* и *в* в таком слове, как *когда, когды — ковда, ковды*, но без ступени γ.

х подвергается иногда замещению через *ф* или *хв*, о чем ниже, в разделе, посвященном губным.

Заднеязычные согласные обычно, как и в литературном языке, подвергаются палатализации, перед гласными переднего ряда внутри слова, например: розробо́тк'и, полпли́гк'и (Пога в Вершине), нало́г'има (=налогами — Окулово в Вершине, — по-деревён'с'к'и Окуловка), в рек'е́ (Устье) и т. д. О немногочисленных случаях сочетания *кы* внутри слова см. выше, в вокализме.

В отличие от литературного языка заднеязычные палатализованные согласные возможны (в глагольных формах) перед гласными заднего ряда, именно *о*, а также на конце слова: текёт (Горка в Пинеге), текё (Сульца), берегёт (Окуловка), лёгёт (=ляжет — Горка в Пинеге), жгё (Сульца), жгёт (Сура, Прилук в Тойме), лек' (=ляг, повелит. накл. — Окуловка). Для *х* примеров нет.

Среднеязычное *j* в интервокальном положении, обычно после ударения, но иногда и перед ударением может ослабляться до полного исчезновения, например: не зна́эм, не оправда́эт (Окуловка), прое́хали (Устье), копа́эм (Гора Вахтинская),

зна́эт (Горка в Пинеге), ча́эм, поэ́ш (Кучкас), ци́стыэ (им. пад. мн. ч. — Малетинская). О стяжении гласных, представляющем дальнейшую ступень развития только что приведенных форм, см. выше, в разделе вокализма. Наряду с формами без *j* встречаются и сохранившие его в том же положении, точнее в виде i̯; например: бува́i̯от (Кучкас).

Спорадически отсутствует *j* в начале слова перед э: э̄ш̄о́ (= еще — Окуловка), мно́гие э́с' (= есть — Чудиново).

Развитие эпентетического *j* в начале слова перед гласными, повидимому, несколько шире, чем в литературном языке. Оно может развиваться и перед *и*, например: йней (Окуловка).

Из переднеязычных взрывных согласных звонкое *д* обладает менее напряженной артикуляцией, чем глухое *т*, в силу чего может в интервокальном положении подвергаться редукции, выражающейся в утрате затвора и переходе *д* в звук типа i̯, а затем и в полном исчезновении его, например: бу́i̯от (= будет), не оддайи́м (= не отдадим), ви́i̯ал (= видел — Окуловка), не даи́м (= не дадим), на́а ма́ти (= надо мать — Горка), не найти́ бу|у(?)ет тебе́ (= не найти будет тебе — Кучкас), не могу́ хои́ть (Нюхча), Ни́нка хо́ит (= ходит — Филимоново), схои́ (= сходи — Прилук в Тойме). Наряду с этим отмечены и случаи сохранения *д*: ви́дял, ви́диш, поэ́дём (Окуловка), на́до на лошади́ (Горка в Пинеге). Как показывают примеры, исчезает чаще всего мягкое *д*, но может исчезать и твердое.

Переднеязычные фрикативные свистящие согласные *с* и *з* как твердые, так и мягкие, особых замечаний не вызывают. Шипящие *ш* и *ж* нормально твердые, например: даш (Пога в Вершине), не замо́жэт (Кучкас), сумашэ́дшэй (Сура), бо́л'шэй ча́с'ju (Мартемяновская), лу́чшэ (Окуловка), у па́шоцьки (Гора Вахтинская), о рожстве́ (Горка в Пинеге), лёжы́т (Окуловка), вложы́л (Устье), жыть, шы́бко (Кучкас), бежы́т (Сульца). Но наряду с этим встречаются, — правда, очень редко, — те же шипящие и в палатализованной форме, притом не только перед гласными переднего ряда, но и на конце слова, например: ви́диш', латы́ш', скаж'и́ (Окуловка — у одного и того же лица,

которое обычно употребляет *ш, ж* твердые), на́ш'и (Чудиново — опять-таки у лица, употребляющего *ш, ж* твердые), бо́л'ш'е, наш' || наш (Пога в Вершине), ж'ивó́т (Бубновска). Вниз от Выи мягкие *ш* и *ж* не отмечены, но недостаточность примеров и из тех мест, где они есть, не дает возможности делать какие-нибудь выводы. Может быть, эти случаи свидетельствуют о сравнительно недавнем отвердении шипящих в этих говорах.

Долгие шипящие *ш̄* и *ж̄* нормально твердые, например: треш̄а́ло, эш̄ó, худ'а́ш̄ojo, до́ж̄ык (Окуловка), спу́ш̄она, слу́жаш̄ы (Горка в Пинеге́), про́ш̄э, jáш̄ык, г дож̄у́ (= к дождю — Кучкас), та́ш̄ыт (= тащит — Сура), ч'и́шу ш̄о́ткoi (Малетинская в Тойме). Лишь изредка эти согласные палатализованы: рош̄'ита́ла, пл'о́ш̄'ет, ш̄'етово́да (= счетовода — может быть, влияние литературного языка), до́ж̄'ик || до́ж̄ык (Окуловка), на обе́их ш̄'ека́х, прије́ж̄'ал (Нюхча), гла́з заш̄'ур'и́лса (Сура), наш̄'о́т (Верхоконская). Очень редко в составе рассматриваемых согласных слышится легкий взрыв, иногда довольно заметный, т. е. вместо долгого фрикативного звука наблюдается сочетание фрикативного и аффрикаты *шч, ждж*, например: мо́шчы (Сура), до́ж'джи́ (Окуловка). Особенно заметный взрыв в первом из этих примеров.

Долгие шипящие подвергаются сокращению в соседстве с взрывными (в том числе и сонорными) и на конце слова, например: соопша́т (= сообщат — Горка в Тойме), ф су́шности, жэ́ншынам (Гора Вахтинская), плаш (= плащ — Окуловка), до́ж паў (пошел дождь — Сура). Очень редко сокращение наблюдается и вне указанных условий: обраш̄е́ње (Нюхча), ша́с'je (= счастье — Сура), шэсли́во (Прилук в Тойме). Обычно в этих словах долгое *ш̄*.

О долгих шипящих в результате ассимиляции см. ниже.

Переднеязычные аффрикаты представлены одной фонемой, артикуляция которой вне зависимости от позиционных условий колеблется от *ц* до *ч* с различными промежуточными образованиями, больше склоняясь в сторону *ц*. Колебания

возможны у одного и того же лица. Основному слою говора свойственно палатализованное произношение этой аффрикаты, теперь же наблюдаются большие колебания и в этом отношении, возможно, не без влияния литературного языка. Зависимости твердости и мягкости от качества соседнего звука не наблюдается. Примеры: девóц̄'ки (им. пад. мн. ч.), горцáна (= горчана, т. е. жители Горки — Ламлево), цёловéк || человéк || ц'ʷеловéк, пóц̄'та || пóчта (*ч* твердое), бол'н'йц̄'у, бол'н'йч'у, молцы́ (= молчи — Керга), за Ч'удúново, чай (*ч* твердое), боя̄ц̄'а (= бояться), цóрна земля́, бýркајуц̄'е, кáменц̄'а, Чудúново, цытáэт || ц'итáэт (Окуловка), ц'иʷс (= чист), óц̄'ʷен' (*ц* очень мягкое, шепелявое — Прилук в Тойме), на пéцке (*ц* полумягкое — Ручевская), лóжецки (*ц* твердое — Мартемяновская), с цёвó, ницэвó, камешóч'к'и || камешóцк'и (*ц* твердое — Малетинская).

Палатализованное *ц* может утрачивать фрикативный элемент и на его месте образуется своеобразный согласный типа *т*, который, повидимому, произносится при дорсальном (как вообще при палатализованных согласных) положении спинки языка, примыкающей на широкой поверхности к переднему нёбу, причем отрыв производится сразу, кончик же языка нейтрален, опущен вниз, а не прижат к верхним зубам. Примеры: с'тⱼ'итáли (= считали — Окуловка), ц'еты́ре тⱼесá (= четыре часа — Матокурье), нитⱼ'евó (Гора Вахтинская), на гран'итⱼ'е (= на грачице — Вадюга), т'ⱼйш̄у (= чищу), птúт'ⱼка (птичка — Мошканово). Один раз мне пришлось наблюдать этот звук и в непалатализованной форме перед гласным *а*: тⱼáсто (= часто — Малетинская). Отличие этого звука от соответствующего палатализованного, повидимому, состоит в меньшей поверхности примыкания спинки языка к нёбу, следствием чего является больший объем резонирующей полости и более низкий собственный тон.

Регулярно отмечена во всех рассматриваемых говорах аффриката с долгим затвором *ч* твердое в одном слове „рабочие“: робóч̄ие (Окуловка, Верхоконская), робóч̄их (Чудиново) и т. д. После этого *ч* следует *и*, а не *ы*. По показаниям

конторщика Северолеса, малограмотные местные жители пишут „роботчие". Это же *ч* долгое твердое отмечено в названии реки и деревни *jэ̄чуга* (в Вые). Менее показательно *пра̄чка* (Сура), так как слово, вероятно, не местного происхождения.

В Вые отмечено в одном слове *ч̄'* долгое мягкое (с неполной мягкостью), не находящееся в колебании с *ц*: подо́ч̄'ъва (= подошва — Окуловка). Не останавливаюсь сейчас на таком случае, как *ш'ч'аны́* (= штаны — Окуловка), где также всегда *ч*, а не *ц*. Здесь мы имеем дело с результатом ассимиляции *т* предшествующему *ш*.

Следует заметить, что мужское население, сплошь уходящее или уходившее ранее на сплавные работы и отхожие промыслы, под влиянием литературного языка усваивает различение *ц* и *ч*, причем устанавливается литературное произношение этих звуков (*ц* твердое, *ч* мягкое), но вообще цоканье держится довольно упорно.

Из губных взрывных согласных звонкое *б* характеризуетс меньшей напряженностью сравнительно с глухим *п* (подобно тому, как мы видели выше, *д* относительно *т*), а поэтому в интервокальном положении изредка может ослабляться до полного исчезновения, напр.: ба́оч'к'и (= бабочки — Окуловка).

Фрикативное *в* в современных говорах характеризуется губно-зубной артикуляцией. В интервокальном положении оно, подобно *б*, может исчезать, главным образом в соседстве с лабиализованными гласными, но не только, например: поэд'о́м (= поведем), го́лоу (= голову — Окуловка), но́у ста́ит ны́н'а (= новую ставит ныне — Гора Вахтинская), на́ оз (= на воз — Ламлево), реу́т (= ревут — Устье), де́ушка (Нюхча), прожы́ (= проживу), филимо́ноо (= филимоново — Филимоново в Суре). Такое поведение *в* указывает, повидимому, на сравнительно недавнее в рассматриваемых говорах билабиальное произношение *w*. На него указывают и, — правда, очень редкие, — случаи изменения *в* в неслоговое *ў*. Оно отмечено дважды у одного и того же лица в Прилуке в Тойме в начале слова

перед согласным после конечного лабиализованного гласного предшествующего слова: это ўс'о́ (= это всё), попа́л'ц'у ўj̯э́хал (= по пальцу въехал). Вообще же обычно *в* перед глухими согласными и в конце слова оглушается, т. е. изменяется в *ф*: о́фц'и (= овцы), фц'ара́ (вчера — Окуловка), о́буф' (Устье), кроф (Нюхча) и т. д.

ф, позиционно не обусловленное, наблюдается в заимствованных словах: фунт, ко́фта, Филимо́ново, Ники́форович и т. д. Этот же звук широко распространен отчасти в корнях, а главным образом в окончаниях на месте этимологического *х*, а также на месте *х*, являющегося в определенных условиях на месте *к*, причем в одних и тех же формах наблюдаются колебания х/ф. Примеры: иф (= их), ф кишка́ф (Мартемяновская), на нога́ф (Пога в Вершине), у ни́ф (Бубновская), э́тиф (Мила), нефто́ (= никто — Устье), фто (= кто — Сульца) и т. д. На ряду с этим: на нога́х (Великая), их (Кучкас), нехто́ (Окуловка), и т. д. Изредка наблюдается замена *ф* посредством сочетания *хв* (точнее *х* с лабиализованным призвуком), что свидетельствует, повидимому, о сравнительно недавнем утверждении *ф* в рассматриваемых говорах, например: хвна́р' (Керга). Вероятно, под влиянием такой замены лабиализованный призвук может сопровождать и этимологическое *х*: охво́тник (Нюхча). Замещения этимологического сочетания *хв* через *ф*, наблюдающегося во многих северных говорах, мы здесь не находим: ср. хвата́эт, хвощ́й (Окуловка).

Конечные губные в части рассматриваемых говоров постоянно тверды, в части же говоров могут быть и мягкими. На Вые отмечено колебание твердых и мягких: кроф (= кровь), о́буф' (Устье). В Горке отмечена твердость конечного *ф* (из *в*): любо́ф. Вниз от Выи, в Кучкасе, колебание: во́сем', но: вноф-ту (= вновь-то) — здесь, впрочем, возможна и ассимиляция последующему твердому *т*. В Сульце — твердое *ф* (из *в*): кро́ф-то бежы́т; в Суре — твердое *ф* и мягкое *м*. В Тойме конечные губные могут быть мягкими в тех случаях, как в литературном языке: кроф' (Сумароковская), кроф', во́сем' (Ручевская), но иногда встречаются и колебания: три̯ца́т' се́м' || три̯ца́т' с'ем

(Малетинская). В некоторых случаях мягкие губные могут объясняться и влиянием литературного языка.

В положении перед *j* губные в Вые и в Тойме постоянно мягки, например: п'ја́ной (Окуловка). Единичный случай твердого губного в этом положении встретился в Бубновской (в Вершине) — бјэ̄ц̄'а (= бьется), также в Вадюге, например: пја́ной. Вообще же примеров недостаточно.

В положении перед гласным переднего ряда *э* в некоторых случаях наблюдается неполное смягчение губных: оммэ́рит', вэ́т'эр. *м* и *в* в этих примерах лишь слегка палатализованы. О более широкой артикуляции *э* в этих случаях см. выше, в разделе вокализма.

Из сонорных согласных особых замечаний требует твердое *л*. В части рассматриваемых говоров оно изменяется перед согласными и на конце слова в неслоговое *ў*. Это изменение наблюдается по Пинеге вниз от Выи, в разных районах в различной степени. Уже в Кучкасе наряду с вполне отчетливым велярно-зубным *л* (например: фс'о́ шо́л в одну́ сто́рону, са́хару да́л и т. п.) в подобных же формах отмечено *ў*, например: зда́ў уш о́н, на ў́ўку (= на улку, т. е. на улицу), слыха́ў бы, паха́ў фс'о и т. п.

Все приведенные примеры записаны у одного старика. Лабиализация во всех этих случаях несильная. Возможно, что частью здесь даже не *ў*, а *л* велярнозубное с затвором без взрыва (точнее, взрыв происходит после прекращения вибрации голосовых связок). В некоторых случаях лабиализация более заметная под влиянием последующего или предшествующего звука: зда́ў уш, на ў́ўку. В последнем случае как бы долгое *у*, к концу редуцирующееся. В Нюхче также наблюдаются колебания *л*|*у* в одних и тех же условиях. Последовательно изменение *л*>*ў* перед согласными и на конце слова наблюдается лишь в Суре (из Сульцы у меня, к сожалению, слишком мало примеров), например: вы́шоў, сходи́ў, купи́ў, на сва́ўку, буты́ўку (Филимоново). Изредка, впрочем, и здесь *л*: не на до́лго вет' (у девушки из Филимонова). *л* без взрыва отмечено в энклитическом „был". Интересен случай: пла́ко

(= плакал — Прилук в Суре) — после *о* слышен лишь слабый призвук с лабиализацией.

В Суре встречается как будто произношение *ў* на месте *л* и перед гласными, например: ви́деўа, быўа́ || была́ — у одного старика в Прилуке в Суре. Наличие форм с *л* и *ў* в одном и том же положении исключает возможность индивидуального дефекта речи. В одном слове — *шаву́ч* — в Суре широко распространено произношение *в* (точнее, *ў* или *w*) на месте *л* перед лабиализованным гласным. Нефонетически мы наблюдаем *в* на месте *л* (притом губнозубное палатализованное), перед гласным переднего ряда и в глаголе *шав'и́т'* (= шалить). В такой форме этот глагол известен также в Нюхче и Кучкасе. Насколько широко вообще распространено изменение *л* > *ў* перед гласными за недостаточностью примеров сказать трудно. А. М. Селищев отмечает подобное изменение для говоров Восточной Сибири, а также для некоторых северных говоров европейской части СССР, форму же „шавить" — для Каргопольского говора.[1]

Для *р* следует указать на колебание *р*|*р'* в одних и тех же формах, где в древности было *р* мягкое в сочетании *ьр* между согласными, например: де́р'гают (Устье), заде́рнет (Кучкас), де́р'гают || поде́ргиват (Бубновская в Вершине). Мягкое *р'* нормально является перед суффиксом *-ск-*, содержавшим в древности *ь*, например: тата́р'ской (Бубновская в Вершине).

Как правило, все звонкие шумные согласные перед глухими и на конце слова оглушаются, как и в литературном языке. Но изредка можно встретить не вполне оглушенный звонкий согласный на конце слова перед паузой во фразе, произнесенной с сильным экспираторным подъемом: смоли́ш уж (*ж* полузвонкое, вибрация голосовых связок не прекращается сразу после *у*), не повезёш уж (Окуловка).

Неполное оглушение возможно и на конце слова перед начальным глухим следующего слова: до́ж там был (*ж* полузвонкое — Сура).

---

[1] Диалектологический очерк Сибири, стр. 47 и 182.

Сонорный согласный может частично оглушаться перед глухим: по ýл̄'ц'е (= по улице — Нюхча) — долгое слоговое *л* к концу постепенно утрачивает вибрацию голосовых связок, прекращающуюся раньше начала *ц*.

При встрече двух взрывных согласных они объединяются в долгий взрывной, который может затем сокращаться: шлюбáўки (= шлюпбалки — Сура). Если первый из взрывных мягкий, а второй твердый, может произойти ассимиляция по отсутствию палатализации, например: вы́пӣто (= выпить-то).

В очень редких случаях заднеязычные согласные палатализуются после мягких согласных, например: хорошэн'к'ь (Окуловка). Явление отмечено лишь для *к*. Впрочем, нормально во всех описываемых говорах в таких случаях *к* твердое: Вáс'ка, сабáц'ка и т. д.

В двух случаях отмечена полная ассимиляция предшествующему переднеязычному согласному; нóч'у (= ночью Пога в Вершине), тр'е̄т'ей год (Бубновская). Следует заметить, что такая ассимиляция характерна для коми языка, не столь удаленного территориально от рассматриваемых говоров.[1] Впрочем, говорить о влиянии коми языка трудно, т. к. явление отмечено в Вершине, а не в говорах, наиболее близких к территории коми, в первую очередь в Нюхче. Интересно, что Селищев приводит именно эти примеры для говора сибиряков: трет'т'а, трет'т'ий, ноч'ч'у.[2]

Сочетание *ст* как твердое, так и мягкое в положении не перед гласным повсеместно упрощается в *с*: не дáс (= не даст), попáс' (= попасть), крес'jáнские бáбы (Окуловка). Наряду с этим отмечен один случай ассимиляции *с'т'* > *с̄'* перед гласным: погосси́ла (= погостила — Керга).

В Нюхче отмечено несколько случаев палатализации переднеязычного согласного после мягкого *л'*: бóл'н'о, л'д'у. Там же отмечено изменение *с* > *ш* перед мягким *л'*: шл'озá (= слеза) — последующий палатализованный согласный вызы-

[1] Лыткин. Материалы по коми грамматике, стр. 14.

[2] Диалектологический очерк Сибири, стр. 73.

вает более широкое примыкание спинки языка к переднему нёбу у предшествующего согласного, в результате чего свистящий изменяется в шипящий. *ш* подвергается полной ассимиляции последующему *с*, в результате чего 2 л. ед. ч. возвратной формы имеет следующий вид: освободи́ссе (Прилук в Тойме). В результате прогрессивной ассимиляции на расстоянии *с* может изменяться в *ш*: шошто́й (шестой).

На Вые в одном слове наблюдается вполне регулярная ассимиляция *т* предшествующему шипящему *ш*, причем *т* изменяется в *ч*: *ш'ч'аны* вместо *штаны*. Этого явления нет ни в Горке ни в Тойме. Аналогичному изменению там же на Вые может подвергаться и *д* после *ж*, в результате чего является сочетание *ждж* или, с утратой затвора, долгое палатализованное *ж̄'*, например: ж̄'а́л'и (= ждали — Окуловка). Наконец, возможно изменение аффрикаты *ч'* > *с'* после *с* в результате прогрессивной ассимиляции в слове, заимствованном из литературного языка, на произношение которого, повидимому, влияет его написание: с̄'етово́да (= счетовода, род. пад. ед. ч.— Окуловка); но в том же говоре возможна для этого слова и ассимиляция в обратном направлении, в результате чего *ш'ч'*, а с утратой затвора *ш̄'*: ш̄'етово́да.

Сочетание „переднеязычный или губной звонкий взрывной + однородный по месту сонорный" обычно сохраняется. Лишь изредка наблюдается изменение *бм* > *м̄*, например: оммери́т' (= обмерить). Отмечен один случай полной ассимиляции *м* последующему *н* в слове, заимствованном из литературного языка; ф ко́н̄оте (= в комнате — Прилук в Тойме).

Из отражений ассимиляции, имевшей место в прошлом, но не подкрепленной отношениями современного языка, следует отметить мягкость *с* в суффиксе, прилагательных *-ск-*, — например: дем'ја́нос'кой (= демьяновский — Чудиново).

В области диссимилятивных процессов следует указать на тенденцию изменения взрывных согласных и аффрикат в фрикативные в положении перед взрывными. Примеры: нехто́, хто, фто (< хто), коне́шно, моло́сной (Окуловка), *с* < *ц*. Сюда же, повидимому, такой случай, как: на ры́вной ло́вле

Ручевская) — изменение *б* > *в* перед *н*, являющимся по способу преграды взрывным. Впрочем, чаще взрывные согласные и аффрикаты в этих условиях сохраняются: норо́ц'но (Окуловка), поле́кц'е (Бубновская), л'о́кой (= легкий).

Рассматривая систему согласных описываемых говоров с фонологической точки зрения, мы видим, что она для всех говоров в общем однородна, а от литературного языка отличается наличием одной аффрикаты на месте двух — *ц* и *ч* — литературного языка и наличием заднеязычных палатализованных *к'* и *г'*, как особых фонем. Наличие особой фонемы *ӡ*, а также *ӡ'*, вряд ли должно быть принято, так как каждый из этих звуков встречается лишь в одном слове. Существование *к'*, *г'* как особых фонем доказывается тем, что эти звуки могут находиться в необусловленной позиции. В особенности следует обратить внимание на палатализованный заднеязычный согласный на конце слова, где он играет определенную морфологическую роль: лек' (= ляг). Повелительное наклонение выражается нулевой морфемой и чередованием согласного в конце основы, что распространяется, в отличие от литературного языка, и на глаголы, с основой на заднеязычный согласный (т. е. не только с'аду — с'е́т: „сядь", но л'а́гу — л'ек'). *а* > *э* изменяется фонетически между двумя мягкими согласными (из которых один *к'* < *г'*).

Наблюдающееся в части говоров изменение *л* > *ў* для фонематической системы значения не имеет, так как в звуке *ў* фонема *л* не совпадает ни с какой фонемой (точнее, *ў* является не вариантом, а вариацией *л*).

Взаимоотношения между глухими и соответствующими звонкими согласными фонемами близки к литературным (за небольшими отступлениями, указанными выше). Также отношения между твердыми и мягкими (за исключением того, что несколько шире распространена ассимиляция по мягкости, а также того, что в части говоров конечное положение для губных является слабым).

Наконец, следует обратить внимание на несколько меньшую устойчивость фонем сравнительно с литературным язы-

ком, выражающуюся в том, что между некоторыми фонемами обнаруживаются позиционно необусловленные колебания (в первую очередь у *ф/х*).

МОРФОЛОГИЯ

В склонении единственного числа существительных, оканчивающихся на *-а*, следует отметить совпадение родительного, дательного и предложного падежей в одной форме с окончанием *-и* (после мягких согласных), *-ы* (после твердых согласных), наблюдающееся в говорах вниз от Выи, т. е. в Кучкасе, Нюхче, Сульце и Суре, например: ф кипя́ц'ей воды́, на стены́, по э́той шшоки́, на руки́, ф той-то избы́ (Кучкас), на то́й стороны́, на земли́ (Нюхча), к Са́шки, на поли́ци (Сульца), иди гдя́ди, на у́лиц'и, в Я́взеры (Сура). Впрочем, наряду с такими формами, в тех же говорах в значении дат. и предл. пад. употребляются также формы, оканчивающиеся на *-е*. В говорах же Верхней Тоймы и верховьев Пинеги (до Выйско-Ильинского сельсовета включительно) формы дат. и предл. пад. оканчиваются на *-е*, например: по кни́шке (Малетинская), по доро́ге (Бубновская), к ре́ке (Мошканово), в голове́ (Шипицыно в Вершине), по реке́, по у́лице (Окуловка) и т. д.

Совсем единичными являются отмеченные в различных местах случаи окончания *-е*, т. е. одинаковые с дат. и предл. пад., для выражения род. пад.: шла́ с на́шой новине́ (Горка в Вершине), у Я́шке худа́ пря́шка је́сь (Кучкас).

В склонении единственного числа слов мужского рода, оканчивающихся на согласный, наблюдается во всех говорах широкое распространение форм род. пад. с окончанием *-у* (не только в количественно-определительном значении, как в литературном языке), а также местного падежа с окончанием *-у́* (ударяемое), например, по загото́фке ле́су (Бубновская), из э́гово гла́зу (Керга), от бе́регу, от пожа́ру, коньяку́ (Окуловка), са́хару дал, от о́секу,[1] около до́му-ту, је́ш са́хару

[1] Осек — рана; то, что рассечено.

(Кучкас), два до́му (Филимоново в Суре), бат ча́ю хотите́ (Сульца), на волоку́-ту (Прилук в Тойме), на холоду́-то (Малетинская), ф то́м дому́ (Ручевская), на суду́ (Керга), на пальцю́ (=на пальце — Нюхча). Изредка лишь наблюдаются в местном падеже формы с окончанием *-е* от таких слов, которые в литературном языке нормально оканчиваются на -у: в ли́се (=в лесу — Мартемяновская), в ро́те (=во рту — Филимоново в Суре), в про́шлом го́де (Сура).

В склонении единственного числа существительных женского рода, оканчивающихся на мягкий согласный и на шипящий, в говорах Верхней Тоймы и верховьев Пинеги (до Выи включительно) дательный и предложный (местный) падежи довольно часто имеют окончание *-е*, развившееся, повидимому, под влиянием склонения существительных женского рода, оканчивающихся на *-а*. В местном падеже это окончание *-е* обычно несет на себе ударение. Примеры: к но́ч'е, к но́ц'е (Малетинская), по волосте́ (Мартемяновская), к Мезе́не (Гора Вахтинская), в волосте́, на лошаде́ (Прилук в Тойме), в записе́ (Малетинская), на пече́, на лошаде́ (Пога в Вершине), на пристане́, на зале́ (Керга), на меле́ (Великая), на ц'епе́ (Вадюга), на пристане́ (Чудиново), в волосте́, на переде́, на повёте (Окуловка), во вфсе́й волосте́ (Гора Вахтинская), в жи́зне-то (Устье). Изредка такие формы встречаются и вниз от Выи, но в виде исключения, например: на посте́ле (Кучкас), ф кров'е́, на переде́ (Сульца), на меле́ — параллельно с „на мели́“ (Сура).

В склонении личных местоимений следует указать на обычное для северных говоров окончание род. и вин. пад. ед. ч. *-а* после мягкого согласного. При этом гласный основы в 1-м л. может выступать в различном виде, а иногда и отсутствовать, например: у м'н' а́ (=у меня — Устье), у мня́ (Гора Вахтинская). Дат. пад. того же местоимения обычно оканчивается на *-е*, причем в основе может являться гласная различного качества, возможно, под влиянием формы род. и вин. пад. минѐ, мьнэ̀, мне (Окуловка).

В склонении местоимений неличных следует отметить наличие согласного *н* в начале косвенных падежей местоиме-

ния *он, она, оно*, употребляемых без предлогов, перенесенное, повидимому, по аналогии из сочетаний этих падежей с предлогами, например: Па́влом нево́ зову́т (Керга).

В местоимениях с основой на мягкий согласный в род., дат., твор. и предл. пад. ед. ч. наблюдаются формы с окончанием *-ой*, повидимому, под влиянием местоимений с твердым согласным в конце основы, например: со фсёй роднёй, всёй во́лостью хо́дят (Окуловка), по фсёй (Малетинская). Наблюдается, впрочем, в тех же формах и гласная *е*: по всéй волостé (Гора Вахтинская), по мне по фсéй (Бубновская в Вершине).

О различных формах окончания прилагательных и неличных местоимений род. пад. ед. ч. муж. и средн. рода было сказано в фонетике.

Окончание твор. пад. мн. ч. существительных, прилагательных и местоимений представлено обычно в форме *-ми*: зо у́тками (Осанозо в Суре). Наряду с этим наблюдается также окончание *-ма*, чаще у прилагательных и местоимений, например: с большы́ма (Окуловка), бе́лыма пя́тнами (место записи неизвестно). Форма на *-ма* для существительных отмечена лишь к западу от водораздела (т. е. в Верхней Тойме). Примеры: горбу́шама[1] (Кокуй в Тойме), за поку́пкима (Прилук в Тойме), нало́гима (Окулово в Вершине), о́кнома (Мартемяновская). Единичный случай формы на *-ма*, в значении дат. пад. отмечен в Малетинской у старухи из Собки и, возможно, не характеризует рассматриваемого говора: по коли́нима (=по коленям). Интересно, что эта форма отмечена как раз у такого слова, которое долго должно было сохранять форму двойственного числа.

Широко распространено употребление согласуемой постпозитивной частицы, например: старицёк-от (Бубновская), окно́-то (Бубновская), косьё-то (Малетинская), полови́на дэ́рева-та (Гора Вахтинская), но́чь-та (Пэга в Вершине), полу́шку-ту (Филимоново на Суре) и т. д.

[1] Горбуша — короткая изогнутая коса.

В области глагольных форм следует отметить наличие форм без окончания *-т* в 3-м л. ед. ч. 1-го спряжения, наблюдающееся в Горке в Пинеге, а также в говорах вниз от Выи (в Кучкасе, Нюхче, Сульце и Суре), например: идё (Нюхча), берё (Филимоново в Суре). В Горке в Пинеге это явление охватывает, повидимому, весь Горковский сельсовет, так как оно отмечено, помимо этих деревень, по крайней мере в двух крайних пунктах его — в Керге на юго-западе и в Вадюге на северо-востоке. Вообще же в рассматриваемых говорах как в единственном, так и во множественном числе наблюдается в 3-м л. обычное для северного наречия твердое *-т*. К западу от водораздела перед твердыми согласными окончаний настоящего времени глаголов 1-го спряжения под ударением наблюдается *е* вместо ожидаемого *о*, например: напьёмся (Мартемяновская), забьёг (Прилук в Тойме), возьмёт (Бубновская и Вершина).

Возвратная частица часто (хотя и не всегда) выступает в форме *-се*: розувáиссе (Нюхча), лягáиц̄'е (Филимоново в Суре). Впрочем, часто эта частица имеет и форму *-ся*.

Наблюдается употребление страдательного причастия прошедшего времени среднего рода как безличного сказуемого со значением перфекта, например: кóшке дáвано йсь (Сура).

Инфинитив глаголов с основой на заднеязычный согласный характеризуется суффиксом -чи (-ци-) как ударяемым, так и безударным, например: лúкци || лекцú—лечь (Великая).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенных выше фонетических и морфологических черт все рассматриваемые говоры можно разбить на три основные группы: 1) говоры к западу от водораздела (Верхняя Тойма и Вершина); 2) говоры бассейна Верхней Пинеги и Выи (Горковский, Гавриловский и Выйско-Ильинский сельсоветы); 3) говоры вниз от устья Выи (Кучкас, Нюхча, Сульца и Сура). Говоры Верхней Тоймы и Вершины харак-

теризуются наличием *и*<*ѣ* в положении перед мягкими согласными, возможностью форм на *-ма* в твор. пад. мн. ч. не только у прилагательных и местоимений, но и у существительных и постоянным наличием *-т* в 3-м л. глаголов. Для говоров верховьев Пинеги и Выи характерно э на месте древнего *ѣ* не только перед твердыми, но и перед мягкими согласными, только перед мягкими несколько более закрытого, чем перед твердыми, и наличие форм твор. пад. мн. ч. на *-ма* лишь у прилагательных и местоимений. Говоры Кучкаса, Нюхчи, Сульцы и Суры характеризуются судьбой *ѣ* в общем одинаковой с говорами второй группы, изменением *л*> *ў* перед согласными и в конце слова, совпадением форм род., дат. и предл. пад. ед. ч. у существительных, оканчивающихся на *-а*, и возможным отсутствием *-т* в окончании 3-го л. ед. ч. глаголов 1-го спряжения. Внутри говоров второй группы может быть выделен говор Горковского сельсовета, отличающийся от говоров Гаврилозского и Выйско-Ильинского сельсоветов возможным отсутствием *-т* в 3-м л. ед. ч. глаголов 1-го спряжения. Случаи *и* на месте *ѣ* в конце слова, наблюдающиеся в говорах верховьев Пинеги, вполне единичны. Северная граница третьей группы говоров не определена. Я перечислил здесь лишь такие черты, которыми рассматриваемые говоры друг от друга отличаются. Вообще же все эти говоры очень близки между собой.

Как видно, говоры к западу от водораздела, по крайней мере по судьбе *ѣ*, примыкают к восточной группе северновеликорусского наречия, говоры же верховьев Пинеги являются переходными от восточной к поморской группе (они сближаются с поморской группой по судьбе *ѣ* перед мягкими согласными, но отличаются от нее отсутствием *и* <*ѣ* на конце слова, за исключением случаев вполне единичных и, вероятно, занесенных со стороны). Говоры вниз от Выи, с одной стороны, как бы образуют дальнейший переход к говорам поморского типа (по некоторым морфологическим чертам, именно — по совпадению в одной форме род. и предл. пад. существительных на *-а*), с другой же стороны, отличаются не только от помор-

ских говоров, но и от примыкающих к ним с юга говоров верховьев Пинеги и Выи наличием *ӱ* <*л*.

Близость говоров верховьев Пинеги и Выи говорам Верхней Тоймы делает вероятным предположение, что бассейн Верхней Пинеги первоначально заселялся не с низовьев Пинеги, по реке, как можно бы было думать, а с запада, через водораздел, из бассейна Верхней Тоймы. О таком направлении колонизации говорят как будто и некоторые названия населенных пунктов. Одни и те же названия повторяются порой в разных районах. Так, например, есть деревни Прилук в Тойме, Прилук в Вые и Прилук в Суре; деревни Горка в Вершине и Горка в Пинеге (т. е. в верховьях Пинеги); деревни Окулово в Вершине и Окуловка в Вые. Это совпадение названий может быть объяснено как результат того, что колонисты, основывая новый населенный пункт, давали ему во многих случаях название того пункта, откуда они вышли. Колонизация шла через волок от Двины к Пинеге, а не обратно. Двина как основная водная магистраль края была колонизована, вероятно, раньше, чем Пинега. С. Нюхча расположено у впадения в Пинегу р. Нюхчи. Часть села, расположенная ниже впадения реки, называется Занюхча. Повидимому, Занюхча была заселена позднее, чем Нюхча. Положение же Занюхчи на нижнем берегу Пинеги говорит за то, что колонизация шла вниз, а не вверх по Пинеге. Различная судьба *ѣ* в говорах к западу и к востоку от водораздела, на первый взгляд, как будто говорит об обособленности друг от друга говоров Верхней Тоймы и Верхней Пинеги. Но следует иметь в виду, что в ту эпоху, когда колонизация только еще началась, *ѣ* в Новгородской земле произносилось, вероятно, как звук, отличный и от *и* и от *э*. Различия в рефлексах могли установиться позднее. Возможно, что колонизационная волна, шедшая вниз по течению Пинеги, сталкивается с другой волной, идущей снизу от впадения Пинеги в Двину. За это говорят некоторые черты, наличные в говорах вниз от Выи, роднящие эти говоры с говорами поморской группы, в первую очередь совпадение в одной форме род., дат. и предл. пад. у существительных на *-а*.

Встает вопрос: каково происхождение *ў* <*л* в говорах вниз от Выи, отличающее их как от говоров Выи, так и от более северных говоров чистого поморского типа?

Можно ли думать здесь об иноязычном влиянии? Можно ли предполагать, что мы имеем здесь дело с говорами потомков (по крайней мере частично) обрусевшего исконно нерусского населения? Вообще изменение *л*>*ў* , вполне понятное вследствие артикуляционной близости этих звуков, наблюдается в самых различных и весьма удаленных друг от друга языках. Условия, в каких изменяется *л* в наших говорах, в большинстве случаев одинаковы с другими северными говорами — положение перед согласными и на конце слова. Но интересно, что наши говоры с *ў* представляют сравнительно небольшой остров, окруженный русскими говорами, не знающими этого явления. Между тем одно из основных наречий коми-зырянского языка знает это изменение как раз в положении перед согласными и на конце слова. В литературе, посвященной коми языку, обычно говорят об изменении *л* в *в* (не указывая на билабиальный характер этого *в*, на близость его к *ў*).[1] Полагаю, что здесь дело в неточности наблюдения и что в коми-зырянском языке на месте твердого *л* является в известных условиях не губно-зубное *в*, которое там вообще есть, а билабиальное *w* или неслоговое *ў*. Основываю свое предположение на наблюдениях над иньвеньским диалектом коми-пермяцкого языка, проведенных мною во время пребывания в Кудымкаре в 1941 — 1943 гг. Там *л* в любых условиях изменяется в *w* (*ў*), резко отличаясь от имеющегося там вообще губно-зубного *в*. Между тем в литературе и применительно к этому диалекту говорят просто об изменении *л*> *в*.[2] На то, что и в коми-зырянском языке в указанном положении наблюдается не *в*, а *w* (или *ў*),

[1] F. Wiedemann, Grammatik der syrjänischen Sprache. СПб., 1884, стр. 27; В. И. Лыткин. Материалы по коми грамматике, стр. 7.

[2] В. И. Лыткин. Материалы, стр. 9; его же. Краткий обзор диалектов коми языка. Зап. Общ-ва изучения Коми края, вып. 5, 1930, стр. 31; Н. Рогов. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1869, стр. 6; И. И. Майшев. Грамматика коми-пермяцкого языка. Л., 1940, стр. 11—12.

имеются косвенные указания в работе В. И. Лыткина, посвященной говору древней письменности коми.[1] Там говорит он о том, что *в* на конце слова и перед согласным во многих диалектах приближается к неслоговому *ў*. Речь в данном случае может итти лишь о *в*, полученном из *л*, так как *в* губно-зубное, не развившееся из *л*, в обоих коми языках возможно лишь в начале слова перед гласным.

Как уже было сказано во введении, местная легенда сохранила воспоминания о борьбе русских с чудью. Чудь после поражения отступила через леса в направлении на Вашку, т. е. туда, где ныне находятся коми-зырянские поселения. Некоторая же часть чуди, по преданию, осталась среди русских. Часть жителей д. Чудиново в Вые считается потомками чуди. Впрочем, сказания о борьбе с Чудью мне приходилось больше слышать на Вые, а не в той области, где мы вправе предполагать непосредственное угрофинское воздействие.

Но следует иметь в виду, что коми-зырянский диалект, знающий изменение *л* > *в* (*w*) перед согласными и в конце слова, расположен на значительном расстоянии от говоров Кучкаса, Нюхчи, Сульцы и Суры, а в наиболее близком территориально удорском диалекте (куда входит и Вашка) *л* на конце слова и перед согласным совершенно теряется, удлиняя предшествующий гласный.[2]

---

[1] О говоре древне-коми письмен. Сб. Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 2, 1931, стр. 41—42.

[2] В. И. Лыткин. Материалы, стр. 9.

В. Г. ОРЛОВА

О ГОВОРЕ СЕЛА ПЕРМАС НИКОЛЬСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящее описание составлено на основании материалов, собранных в 1938 г. экспедицией Московского городского педагогического института. Основным объектом изучения был говор с. Пермаса Никольского р-на Вологодской обл., расположенного в 140 км от ст. Шарья. Кроме того были обследованы говоры деревень Завражье и Городище Пермасского сельсовета. Говоры этих деревень оказались одинаковыми с говором с. Пермаса, и ввиду этого в дальнейшем описании они не выделены.

Выбор сельской местности, значительно удаленной от железной дороги, от культурных и промышленных центров, определялся задачей экспедиции — изучить архаический тип говора. По этим же соображениям в качестве объектов изучения привлекались главным образом люди пожилые, никуда не выезжавшие из родного села, преимущественно старые женщины, наиболее полно сохранившие старинный тип говора. Записи производились в процессе обычной разговорной речи. Речь сказовая, песенная в диалектологических целях не записывалась.

ГЛАСНЫЕ

Наблюдения над гласными ударных и безударных слогов показывают, что ударение не имеет в говоре того значения для изменения гласных фонем, какое мы наблюдаем, например, в литературном языке или в южнорусских говорах. Так, в говоре с. Пермаса фонемы *а* и *о* различаются не только

под ударением, но также и в безударных слогах; см., например, слово „добавл'éйут", где *а* и *о* различаются в своем звучании в безударных слогах; ср. также различение *е* и *и* в безударных слогах, хотя бы следующих слов — ст'еб'ел'к'й, п'ер'ес'ел'éн'ц'ах (предл. пад. мн. ч.), пр'ив'ез'й и т. п.

С другой стороны, существенные изменения гласных могут быть в говоре и под ударением под влиянием другого фактора, весьма значительного в говоре, а именно под влиянием твердости или мягкости соседних согласных. См., напр., изменение *а* в *е* между мягкими согласными под ударением: п'éт' (пять) но п'áтой; вз'éт', но вз'ál; и изменение *ê* в *и* в тех же условиях — с'êл, но с'йл'и (сели).

Состав гласных говора с. Пермаса может быть представлен на приводимой таблице.

и	(ы)	у
ê		ô
е		о
	а	

Звук *а* представлен в говоре как в ударяемом, так и в безударном положении, ср.: даў и далá, браў и бралá, плáт'ит, плат'йla, см. также: добавл'éйут, галáнка, мал'йна и *т.* п. Изменение *а* наблюдается, когда *а* находится в положении между мягкими согласными. В этом случае *а* изменяется в *е*, причем такое изменение наблюдается как под ударением, так и без ударения: вз'éт' (ср. вз'áў), нар'éд'ат (ср. нар'áт), п'éт' (ср. п'áтой), оп'èт', с'éд'ом (ср. с'áду), йèс'л'и, п'йèн'иц'а (ср. п'йáной), хоз'éин, д'éд'а, фставл'éй, п'ер'ем'ен'éйут, рост'ер'éл'ис'а, отправл'éт', пр'éн'ик'и, нап'éл'ил'и, затопл'éйом.

Ср. такое же изменение *а* в *е* и в безударном положении между мягкими согласными: п'ет'й, тр'иц'ет'й, с п'ет'им (-с пятью), пр'ед'ён'о, гл'ед'ит, гл'ед'ел'ц'оф, п'ет'ис'т'ёнок; д'ёс'ет', м'ис'ец'ной.

Звук *о* отличается по звучанию от *а* как в ударяемых, так и в безударных положениях. Ср. дóўг'ийе и доўгá, полóжыт и положы́la, плóх и плохá, см. также холóдная, пос'л'éд'ней, сторожóўской, дорогáйа, розд'ealac'; в заударных слогах — вы́мок, вáл'енкоў пр'ён'иц'коў.

В предударных слогах наблюдается изменение *о*, выражающееся в усилении лабиализации и приобретении этим звуком более закрытого характера так, что этот звук производит акустическое впечатление, близкое к *у* (в записях передается то знаком ô, то *у*). Такое изменение *о* наблюдается в соседстве с губными или задненёбными согласными, см. — бôлóто, булóто, смуród'ина, пôлованá, с сôбóй, пôговор'úla, пôўторá, кутóра (-которая), дôмóй со двôрá, кулóс'йа, пунóс, кôрóва, пушлá, пумолóже; ôб'édываў на бôлшóй, кôп'éйок, вôзмý, пôсôл'áт. Однако указанное изменение *о* в ô в настоящее время уже необязательно, о чем свидетельствуют записи полóжыт, положы́la, холóднаа, пос'л'éд'н'ий, коўдá, коп'éйак, бол'н'иц'а, кол'óса.

Звук *е* звучит только после мягких согласных и шипящих, причем перед мягкими согласными этот звук независимо от ударения произносится как в ударяемых, так и в безударных слогах; ср. в'ér'х и вв'ер'хý, ст'éб'ел' и ст'еб'ел'кú, б'ér'ок и б'ер'огá, см. также п'ер'ес'ел'ён'ц'ах, н'ел'з'á, нав'ез'óт, пос'ел'и́ц'а, пл'ем'ón'ик. Перед твердыми согласными также независимо от ударения звуку *е* соответствует *о*. Так под ударением: в'ер'óвоц'ка, д'óржыт, б'ер'óзовы, пом'óрло, кр'óст, бр'óвна, ц'ет'в'óртой, к т'óтам, п'óрс (-перст, палец), н'óбо, пом'óшкат; тоже и в безударном (предударном и заударном) положении: т'осáў, вос'м'орых, сц'отовóтка, д'оржáл'и, в'оснóй, ц'отыр'е, п'оклá, л'ожáнка, погр'обá, ц'овó, шостóй, л'отуномъ, ц'оўнóк, б'орýт, ц'olов'ék, жон'ихý, а также в'ит'ор, б'ér'ок, ов'éц'ок, пóм'ор, с'ив'ор, посúйош, л'из'ош, п'ис'он, пáшот, уц'ýйот, пр'ивы́кн'от.

Произношение *о* вместо *е* в открытом конце слова, —гóр'о, пóл'о, мóр'о, сéр'ц'о или в положении перед мягкими согласными независимо от ударения, ср. земл'óйу, родн'óйу, на кл'óн'е, на б'ер'óз'е, л'óн'ка, а также с'ин'ойо, лúт'н'ойо, может быть понято, особенно последнее, как возникшее в результате грамматической аналогии: гóр'о, пóл'о, под влиянием с'елó, окнó; з'емл'óй под влиянием женóй, б'ер'óз'е, под влиянием б'ер'óза и т. д.

В соответствии с этимологическим ѣ в говоре звучит под ударением перед твердым согласным *ê* (закрытое *е*), — звук переднего образования, производящий акустическое впечатление, близкое к *и*, напряженный: прийêхаў, н'е об'ёдываў, лёт, нêт, св'êту, насмотр'ёўс'а, нар'ёску, захот'ёlоса, выб'ёгывали', поб'ёс'ёват', сл'ёдуйот, н'евёста, хл'ёп, л'ётом, в'ёк, с'ёно, м'ёўкой, б'ёўка, б'ёдно, с'н'ёк, усп'ёшно, хр'ён; перед мягким согласным закрытому ê соответствует *и*: пос'úйу, насúйал'и, изв'ис'ùа, хл'úб'ена, с'úв'ор, стр'ит'иla, м'úс'ец'ной, в'úс' (повел. накл.: взвесь!), усп'úйоц'а, с'úт', св'úц'ка, в'úд'ор (род. мн.), в'ит'ор, зв'úр'и, посп'úй (повел. накл.), узр'úл'и, фсов'úт'и, хот'úл'и, зд'úс'а, н'ед'úл'а, н'ев'úс'т'и, згор'úл'и, пос'úйош, по сос'úд'ам, л'úз'ош, жал'úйош, р'úц'ка, гов'ùн'о, п'úс'он, сл'úс'т'и (слезть), т'епл'úйо.

В первом предударном слоге в соответствии с ударяемым *ê* перед твердыми согласными звучит *о* (так же звучит в этом положении и *е*) — р'ока́, в л'оса́, в'оса́, б'огу́, б'одна́, н'омо́й, сл'опо́й, п'оту́х, с'орко́, с'онокóс, йозда́; перед мягкими согласными здесь, как и в ударяемой позиции, звучит *и*: р'ик'и́, отв'иц'а́ў, дийèц'а, д'ил'и́т', см'ийел'иса, поб'ид'н'а́йе, с'ин'ц'о́.

СОГЛАСНЫЕ

Состав согласных звуков изучаемого говора может быть охарактеризован приводимой ниже (на стр. 49) таблицей:

1. В соответствии с велярным (твердым) *л* литературного языка в положении перед непередними гласными звучит l среднее, кроме которого, как и в литературном языке, имеется

также *л* мягкое. От последнего l отличается тем, что средняя часть языка при его образовании не поднимается столь энергично к среднему нёбу, кончик языка прижимается к передней части нёба меньшей плоскостью (см. подобное l в западноевропейских языках).

По участию голоса и шума	По месту образования / По способу образования		Губные				Язычные							
			губно-губные		губно-зубные		переднеязычные				Средне-язычные		Задне-язычные	
							зубные		нёбно-зубные					
			т.	м.	т.	м.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.
шумные	Взрывные	зв.	б	б'			д	д'					г	
		гл.	п	п'			т	т'					к	
	Фрикативные	зв.			в	в'	з	з'	ж/ж			й		
		гл.			ф	ф'	с	с'	ш/ш				х	
	Аффрикаты	зв.												
		гл.						ц'						
сонорные	Плавные						l	л'	р	р'				
	Носовые						н	н'						

Употребление л' — l в говоре в положении перед гласными соответствует употреблению *л'* — *л* в литературном языке. Ср.: л'ожáнка, бол'éў, вз'éл'и, л'éт, з'емл'ан'ицʼа, н'ед'ил'у, л'уб'лў, в'ел'ил'и и т. п. и оболоклáс'а, бывáла, прийéхала, холóднаа, поговор'и'ла, похлóпат', мес'и́ла, лóшат', сóлот, на плáт'о, плáц'от, колоколéц', лафка, п'оклá, сúлой, лон'ской, оболóцка, глýпос', лáдно, лúко, лýц'е.

Мягкое *л'* в положении перед согласными *ш, н, т, з* изменилось в велярное *л*, встречающееся в говоре только в этом положении: болшо́й, осталны́йе, лново́тка, т'ажо́лше, волн'а́йе (вольнее), култу́рно, да́лну (вин. пад. прилагательного), по́лза, лном. Лишь изредка в подобном положении в говоре встречается *л'* — бол'шо́й, пал'то́, да́л'ше, по́л'за, л'ном; такое произношение, видимо, является новым, возникшим под влиянием литературного языка. На месте среднего l в положении перед согласными и на конце слова произносится *ў* (спирант губно-губного образования): ушоў, прийе́хаў, даў, прислáў, губ'и́ў, слы́шаў, захот'е́ў, мо́ўц'а, соўда́т, жо́ўтой, ц'оўно́к, тоўшыно́й.

2. Долгие *ж* и *ш* являются твердыми: шыл, шу́ку, шэпок, шо, росц'ишá́л'и, запр'ешá́л'и, п'и́ша, ошо́, зав'е́душой, подход'а́шой, кнутов'и́шо, йамшына, соло́мшык (=псаломщик), хл'о́шот, роспушу́, мушы́ны, обйе́шык, тоушыно́й, в'ербошы́к, пом'е́шык, нар'еп'и́ше, йешо́, п'еше́р'ы, пушáй, йа́шык, дожа́, розйежа́ат, до́жыка, прийежа́ў, дош.

3. В говоре имеется только одна аффриката *ц'* (*ц* мягкое), в которой совпали этимологические *ц* и *ч* — отс'и́ц'ена, изуц'а́ў, уц'и́ц'а' ц'е́р'е́с, да н'е́кц'ому, н'иц'ово́, кру́жец'ку, н'ец'е́йел'и, до́ц'ка, св'и́ц'ка, избац', врац', вод'и́ц'а, ц'е́рква, дв'она́ц'ет'и, пшон'и́ц'а, м'и́с'ец', от'е́ц', кл'уц'.

4. Согласный *й* (йот), находящийся в положении между гласными, нередко выпадает, благодаря чему возникает возможность непосредственного взаимодействия двух гласных артикуляций: коп'е́ок, волн'а́е, отправл'е́ем, т'ер'е́ем, розйежа́ат. бол'ша́а, зароботаам, поха́ам, рабо́тает, ла́ат (лает). В говоре отмечен также и дальнейший этап изменения — стяжение гласных в результате ассимиляции: рабо́тат, быва́т, пор'е́вл'ивat, кра́сна, т'и́ха, б'е́lo, хоро́шо и т. д. (ср. случаи с й: п'ер'ем'ен'е́йут, удобр'е́йут, нам'ец'е́йут, усп'и́йот, ворены́йо, ры́жыйо).

5. Сочетание согласного с последующим *й* изменилось в говоре в долгий мягкий согласный — на собра́н'и, вв'ид'е́н'и, на тр'е́т'ем, св'ин'ý, досв'ида'н'а, правл'е́на, сл'ива́н'а, собы́т'а, конпа́н'а, ус'ил'е́н'а, цolова́н'а, в л'и́н'у (в линию), на пла́т'о, сва́-

т̄'а, св'ида́н'а, ц'айоп'и́т'о, кам'е́н'о, отп'ева́н'о, розв'и́т'а нет (= нет развития).

6. Согласный *г* имеет в говоре взрывное образование. Лишь в ограниченном кругу слов книжного происхождения находим заднеязычное фрикативное γ: γо́споди, боγа́то, γосуда́р'с'тво, блаγодар'а́, бо́γу.

В конце слова в соответствии с *г* последовательно произносится *к*: сожо́к, д'е́н'ок, н'е́друк, кн'и́к, насл'е́к (ночлег), сн'е́к, б'ер'о́к.

Звук *г*, изменившийся в *к* перед следующим согласным, не подвергается в говоре диссимиляции; произносят: л'о́ккой, л'о́кк'и (легкие), л'е́кч'е, а также м'а́ккой. Звук *к* отмечен в словах: кутора́, па́ска.

7. Согласные *в* и *ф* занимают в говоре несколько особое положение среди согласных, парных по звонкости и глухости. В положении перед гласным *в* в нашем говоре имеет губно-зубное образование; в конце слова и перед следующим глухим согласным *в* изменяется в *ф*: фс'ех, д'е́фк'и, ла́фки, св'окро́фка, фставл'е́й, фтур'м'е́, не́фково, фтвойи́х, офса́, взатыфп'ер'о́т, пифко́, ло́фкой, д'е́р'ефцо, кроф, лубо́ф, густо́ф, киlом'е́троф, коро́ф, цер'ко́ф, солда́тоф. Однако, наряду с подобным изменением *в*, неоднократно отмечено в этих положениях отсутствие оглушения *в* и изменение его в спирант губно-зубного образования *ў*: даўно́, Ст'опа́ноўна, этажо́ў, за́йкоў, в'и́моў, стару́шкоў, ка́п'ел'еў. Такое произношение не обязательно в говоре и чаще встречается у представителей более старого поколения.

Звук *ф* в самостоятельном употреблении, не обусловленном фонетическим положением, отмечен лишь в узком круге явно заимствованных слов: фа́ртук, куфа́йка, ф'е́ршал, конф'е́тка, форс'и́т, картофка, куфа́рка.

8. На конце слова употребляются как мягкие, так и твердые согласные, мыл и мыл', бес'е́довать и сл'е́дуйот, т'е́с' и т'о́с и т. д. Исключение в этом отношении представляют лишь губные согласные, которые выступают в конце слова только в твердом виде — кроф, л'убо́ф, ц'е́ркоф, руп, го́луп, с'ем, во́с'ем.

В заключение обзора согласных следует сделать несколько частных замечаний о произношении отдельных согласных в особых фонетических условиях.

Так, в говоре наблюдается отвердение мягкого *н* в положении перед *ш* или *ш̄* — жéнш̄ына, м'éнше, рáнше, под'óншына, потóнше.

Перед суффиксами *-ск*, *-св-* звуки *н* и *р* постоянно смягчаются, хотя *с* в этом суффиксе, обычно мягкое, может быть и твердым — под'ер'ев'éн'с'к'и, еон'с'кóй, резáн'ской, йерман'ской, жéн'ска, т'йф'ин'с'ка, магн'итогóр'с'кой, государ'с'во.

В говоре наблюдается непоследовательность в смягчении *р* в словах со старым сочетанием редуцированного с плавным перед задненёбной и губной. См. нáв'ер'х, св'éр'х, п'éр'вы, ц'éр'ква; в'éрх, ц'ет'в'éрк, соп'éрва, вв'éрх.

МОРФОЛОГИЯ

Имя существительное

Склонение имен существительных в единственном числе

По системе падежных флексий существительные можно подразделить на 3 склонения.

1. К 1-му склонению следует отнести имена на *-а*. В подавляющем большинстве случаев это слова женского рода типа: в'оснá, р'окá, робóта, сóсна, ногá, мáтка и пр. или дер'éўн'а, п'ис'н'а, вóл'а, св'ин̄'á, пакл'á и пр., исторически восходящие к склонению существительных с основами на *а*. Слов муж. рода в этой группе немного: стáроста, суд'йá, мушы́на и немногие др. По своему словарному составу эта группа значительно шире, чем соответствующая группа имен литературного языка. Так, в нашем говоре к ней относится ряд слов, исторически восходящих к разным типам склонения, а не только к основам на *а*, или ряд заимствованных слов, известных в литературном языке как слова мужского рода, а также различные суффиксальные образования, относящиеся в литературном языке

к муж. и средн. родам. Например: ц'ёр'ква, свекро́ва или свекро́ўка, жы́зн'а, пл'ёс'н'а, бол'ёз'н'а, пос'т'ёл'а, ма́т'ер'а (часто в этом значении употребляется слово ма́т'ер', а также ма́тка) и до́ц'ер'ка (или до́ц'ер', до́ц'ка), магаз'и́на, комба́йна, л'и́тра, м'ётра и пр.

Встречаем в говоре ряд суффиксальных образований, имеющих в говоре форму женского рода на *-а*; л'и́шка, уро́нушка (мн. ч. уро́нушки), lуко́шка (вз'аў lуко́шку), за́роботка, вр'ёда и др. Среди последних имен выделяется группа собирательных имен типа роб'ат'и́шка, роб'а́тка, lопото́шка (одежда). Прилагательные при подобных словах ставятся обычно в единственном числе (хоро́ша былá роб'ет'ишка, рва́н'ен'ка lопото́шка и т. п.), в то время как предикат при них употребляется чаще в форме множественного числа (бежа́т роб'ет'и́шка, роб'ет'и́шка ход'и́л'и и пр.).

По месту ударения отдельных падежных форм это склонение может быть подразделено на 3 группы: 1) слова с неподвижным ударением на основе типа па́ўка, по́л'за, шко́la, ма́тка, ка́ша, оболо́ц'ка, д'ер'ёўна и т. п.; 2) слова с неподвижным ударением на флексии (с'остра́, Москва́);[1] 3) слова с подвижным ударением — имеющие в вин. ед. ч. ударение на основе, в остальных формах — на флексии (пора́ — по́ру, р'ока́ — р'ёку,[2] з'емл'а́ — з'ёмл'у, изба́ — и́збу).

Следует отметить, что словарный состав каждой из перечисленных групп в говоре отличается от состава подобных групп в литературном языке. Особенно относится это к последней из перечисленных групп. В изученном говоре она значительно шире, чем в литературном языке — черта вообще характерная для севернорусского наречия, в большей степени сохраняющего архаическое ударение. Примеры подобных форм: в'осн'а́ — в'о́сну, коза́ — ко́зу, изба́ — и́збу и пр.

Состав других групп с неподвижным ударением также часто не совпадает словарно с подобной группировкой в лите-

[1] Хотя есть один пример: в Мо́скву.

[2] Есть единичный один пример „за р'оку́".

ратурном языке. Ср. примеры слов, имеющих в изученном говоре ударение на основе при других типах ударения в литературном языке: со́сна, сп'я́на, ду́ша (н'е к ду́ше, ду́шу), св'и́н'а, (св'и́н'у, св'и́н'е), гу́ба (гу́бы, гу́бу), засу́ха. Или примеры с неподвижным ударением на флексии при ударении на основе в литературном языке: чашá, шпалá, молон'á, пакл'á, шынà и др.

Падежные флексии этого склонения таковы:

Твердый вариант

	I тип	*II тип*	*III тип*
И.	со́сна	с'остра́	изба́
Р.	со́сны	с'остры́	избы́
Д.	со́с'н'и	с'остр'е́	изб'е́
В.	со́сну	с'остру́	и́збу
Т.	со́сной	с'остро́й	избо́й
М.	со́с'н'и	с'остр'е́	изб'е́

Мягкий вариант

И.	св'и́н'а	шар'йа́	з'емл'а́
Р.	св'и́н'и	шар'йи́	з'емл'и́
Д.	св'и́н'и	шар'йе́(йи)	з'емл'е́
В.	св'и́н'у	шар'йу́	з'е́мл'у
Т.	св'и́н'ой	шар'йо́й	з'емл'о́й
М.	св'и́н'и	шар'йе́(йи)	з'емл'е́

2. Ко 2-му склонению относятся имена средн. и муж. рода на *о*: окно́, в'одро́, по́л'о, вр'е́м'о, д'еду́шко, хл'е́бушко и пр., а также имена муж. рода на согласный звук (твердый или мягкий) и на *й*: дом, двор, кон', от'е́ц', сара́й, Гр'иго́р'ей. По характеру падежных флексий это склонение близко к соответствующей группе имен литературного языка, однако по своему словарному составу оно в говоре значительно шире, чем в литературном языке. Ср. следующие группы слов этого склонения:

1) Слова муж. рода на *о*: парн'и́шко, роб'онч'ишко, ба́т'ко, сы́нко и др. К этой группе относится также ряд собственных

имен: личных мужских имен типа Ондр'у́шко, Ва́н'о, Пахо́мко, Lад'и́м'ерко, Сан'ко́ и др. и кличек животных типа: Воронко́, Рышко́, Кор'ко́ и др.

2) Слова иноязычного происхождения, а также аббревиатуры на *о*, не изменяемые в литературном языке типа Райзо (зав'е́душ̄ой райза), с'ел'по (ф с'ел'п'е́), к'ино (ф к'ин'е́, ис кина), пал'то́.

3) Ряд глагольных имен средн. рода на *-н'о*: пл̄а́кан'о, гови́н'о, пр'ед'и́н'о (прядение) и пр.

4) Группа имен средн. рода на *-м'о*, восходящая к старым основам на *-ен*: и́м'о, т'е́м'о, вр'е́м'о и пр., склоняемые в говоре, как и другие слова средн. рода на *о*, с мягкостью предшествующего согласного типа: мо́р'о, по́л'о. Ср. формы дат. пад. с и́м'у; твор. — вр'е́м'ом, род. — и́м'а и др. Правда, в речи молодежи можно встретить также и формы типа вр'е́м'ен'и, и́м'ен'и, но, с одной стороны, подобные факты малочисленны и даже в речи одного и того же лица перемежаются с фактами употребления форм типа и́м'у, и́м'ом и пр., а с другой — подобные формы иногда употребляются и ошибочно. Например: и на до́ўго вр'е́м'ен'и (вин. пад.), что, безусловно, говорит о том, что это факты в говоре новые, заимствованные из литературного языка.

5) Отдельные слова с иным родовым значением, чем в литературном языке, например: о́буф, по о́був'у дали, в о́був'е.

По характеру ударения слова этого склонения также могут быть распределены на три подгруппы:

1) С неподвижным ударением на основе, типа л'ёс, м'ис'ец', з'ёт', наро́т, т'о́с, т'ёс', сы́н, ко́ўхос, ст'око́лко, с'и́м'о, и́м'о, м'е́сте и пр. В словах этой группы перенос ударения с основы на флексию возможен только при образовании формы предл. (местн.) пад. на -у, например: в городу́, в дому́, в л'осу́, в м'ис'ец'у́, на поводу́, на сплаву́, в хл'еву́, на св'оту́ и пр. Повидимому, к этой группе следует отнести и слово гвос' (гвоздь); есть примеры: гво́з'д'а, гво́з'д'ом, но на гвоз'д'у́.

2) С неподвижным ударением на флексии отмечены только имена на *о* средн. и муж. родов: окно́, -а́, -у́, син'ц'о́, -а́, -у́,

м'еско, -á, -ý (мясцо), в'одрó, -á, -ý, Сан'кó, -á, -ý, Воронкó, -á, -ý, сел'пó -á, -ý, Райзó -á, -ý и пр.

3) Слова, имеющие в связи с отсутствием окончания в им. пад. ударение на основе, а в косвенных падежах на флексиях, типа скóт-á, йамшы́к-á, йазы́к-á, стóл-á и пр. Ряд имен этой подгруппы склоняется с беглым гласным: огур'éц' — огур'ц'á, стар'иц'óк — стар'иц'кá, л'óн — л'нá и т. п. Система флексии данного склонения представляется в следующем виде:

Мягкий вариант

Муж. род		Средн. род		
И. гу́с'	д'éн'	пóл'о	Вáн'о	с'и́м'о
Р. гу́с'а	д'н'а	пóл'а	Тóл'а	с'и́м'а
Д. гу́с'у	д'н'ý	пóл'у	—	с'и́м'у
В. —	д'éн'	пóл'о	—	с'и́м'о
Т. гу́с'ом	д'н'óм	пóл'ом	Тóл'ом	с'и́м'ом
П. —	д'н'é	пóл'и	Вáн'и́	си́м'и

Твердый вариант

Муж. род		Сред. род	
I тип	*II тип*	*II тип*	*I тип*
И. дóм	стол	Сан'кó	м'е́сто
Р. дóма	столá	Сан'кá	м'е́ста
Д. дóму	столý	Сан'кý	м'е́сту
В. дóм	стол	Сан'кá	м'е́сто
Т. дóмом	столóм	Сан'кóм	м'е́стом
П. дóме	стол'é	Сан'к'é	м'и́с'т'е.

Слова на отвердевший губной согласный звук представляют как бы смешанный тип склонения: в им. и вин. пад. основа их оканчивается на твердый, в остальных формах — на мягкий согласный звук. Ср. голуп, обуф или обуў, и гóлуб'а, по óбув'у, обув'ом и пр. От слова „ден'" возможны след.

формы род. пад.: д'н'á, д'н'ý (ото д'н'ý) и дни (трéт'ово д'н'и, до с'овóд'н'ишн'ево д'ни).

При обзоре падежных форм этого склонения обращает на себя внимание значительно большая распространенность флексии -у для род. и предл. пад. сравнительно с литературным языком. Так, наряду с значением части целого, род. пад. на -у значительно чаще может обозначать место: из гóроду, с потоўкý, с с'онок'óсу, от сплáву, ис Сов'éту, с вóзу, из дóму, из л'éсу, из Л'ен'ингрáду, ис сарáйу и т. д. Предл. пад. на -у отмечен главным образом при местном значении формы в л'осý и на л'осý (есть и в л'éс'е), в домý, в йугý и на йугý (от назв. реки Юг), на волокý, на сплавý, на трактý, ф садý, на мостý, на кустý (рост'от), ф хм'ел'ý (зары́то в сухóм хм'éл'е). Несколько примеров отмечено и с временным значением предл. пад. на *-у*: на годý (несколько раз в год), на д'н'ý, в этом м'ес'ец'ý;

3. К 3-му склонению относятся существительные женск. рода на мягкие согласные, шипящие и отвердевшие губные.

Это склонение представляет собою в изученном говоре разрушающуюся группу: часть слов, исконно принадлежавших к этому типу, отошла от него, приняв флексию -а (см. выше о словах типа жúз'н'а, пос'т'éл'а, пл'éс'н'а).

Однако не только в силу этой словарной ограниченности рассматриваемого типа склонения можно говорить о нем, как о вымирающей категории в данном говоре. О том же говорит и самый состав флексий этого склонения, среди которых часто отмечаются формы, перенесенные из склонения других слов женск. рода. Характерен также и известный дуализм форм: одно и то же слово, взятое в одной и той же форме, часто с одним и тем же значением, может выступать в одних случаях с исконными флексиями этого склонения, в других — с флексиями, перенесенными из другого женского склонения.

Так, в дат. и предл. пад. этого склонения как под ударением, так и без него встречаются разные окончания, то *-и*, то *-е*, причем в дат. пад. флексия *-е* явно господствует, а в предл. она тоже ощутительно преобладает над старой флексией *-и*.

Примеры употребления дат. пад.: к lошад'é, по доц'ер'é, по шерс'т'é, по сов'ес'т'é, к кóс'т'е, по гláд'е (вышивать) и др.; предл. пад.: ф п'ец'é, в гор'с'т'é, в м'ед'é (= в меди), ф С'иб'ир'е, на lóшад'е, на плóшад'е, во ржé, ф т'ен'é (в тени), ф кос'т'é (боль в кости), об мы̀ше. В твор. пад. также встречаются формы, по аналогии перенесенные из другого склонения, но они сравнительно редки. Ср. lóшад'йу, мы̀шйу, шéрс'йу, мáт'ер'йу, кóс'йу и рядом: lóшадей, с мáт'ер'ой, с мы̀шей, гlá-д'ей (шить гладью).

В незначительном количестве случаев отмечены примеры своеобразной комбинации двух флексий, типа: lóшад'йой, мáт'ер'йой, где *й* — из старой флексии, а *ой* — из другого склонения.

Парадигма данного склонения, таким образом, представляется в следующем виде:

И. lóшат'
Р. lóшад'и,
Д. lошад'é, lóшад'и
В. lóшад'йу, lóшад'ей, lóшад'йей (ср. также нóц'у)
П. lóшади, lошад'é.

Склонение существительных во множественном числе

Формы множ. ч. образуются в говоре посредством особой системы флексий множ. ч. Кроме этого формы множ. ч. в ряде случаев отличаются от ед. ч. также и самым составом основы, наличием тех или иных суффиксов. Так, например, в говоре имеется группа слов (главным образом имен родства), образующих формы мн. ч. с суффиксом *-овй-а*: братов'йá, з'ет'ев'йá, мужов'йá, кумов'йá. Ср. также: шур'ин — шуровйа.

См. также группу слов, имеющих во мн. ч. суффикс *-йа*: постав'йá, кóл'йа, гвóз'йа, волóс'йа, брáт'йа.

Существительные на *-анин* имеют во мн. ч. основу на *-ан* (п'ермас'áна, хр'ес'йáна, зыр'áна, вологжáна).

Названия молодых существ, образующих формы ед. ч. с суффиксом *-онок, -онк*, во мн. ч. представляют этот же суффикс: порос'óнк'и, т'ел'óнк'и, д'ит'óнк'и, роб'ет'óнк'и, цыпл'óнк'и.

Формы типа т'ел'áта, порос'áта, р'еб'áта встречаются в говоре изредка у молодежи и, видимо, заимствованы из литературного языка.

Место ударения в формах мн. ч. обычно неподвижно (или всюду на основе, или всюду на флексии). В большом количестве примеров это место не совпадает с литературным языком. Ср. сорты́, обруц'и́, санк'и́ (на санка́х), шпалы́, полта́, с'остры́, р'ок'и́, травы́.

Падежные флексии мн. ч. в основном совпадают с литературным языком. Так, например, в им. пад. мн. ч. слова средн. рода имеют окончания *-а*, жен. рода *-ы* и муж. рода *-а* и *-ы*, *-и*. Примеры средн. рода: м'еста́, окна́, в'одра́, пол'а́, гор'а́, п'ива́, полта́, д'ер'ева́, ср'ес'ва́ и пр.; жен. рода: ла́в'инк'и, п'ис'онк'и, с'и́т'и, ка́ци (ка́дк'и), стару́шк'и, шпалы́, р'и́ц'к'и, шко́лы, травы́, с'остры́ и пр.; муж. рода с окончанием *-а:* тота́ра, зыр'а́на, п'ермас'а́на (т. е. все слова на *-анин* в ед. ч.), сынов'йа́, братов'йа́, сватов'йа́ и пр., кварта́ла́, духа́, кл'ев'ера́, воўка́ (и во́ўк'и), в'отра́, дома́, дуба́, п'ер'евыбора́, города́, мыса́, поставá, вороб'йа́, угол'йа́; муж. рода на *-ы*, *-и*: столы́, смотры́, мужик'и́, гр'ибы́, бара́к'и, сорты́, роб'о́нк'и, порос'о́нк'и, т'ел'о́нк'и, у́гл'ик'и, зв'йр'и.

В род. пад. отмечено окончание *-оф* (*оў*) не только у слов муж. рода, где оно преобладает над другими флексиями (нулевой и *-ей*), но частично даже у слов средн. и жен. родов. Примеры форм на *-ов* от имен. муж. рода: от домо́ў, ис cal-да̀тоф, б'ес башмако́ф, у парн'иц'ко́ф, вороб'йо́ф, воўко́ф, к'ilом'е́троф , м'едв'ид'о́ф, ва́л'енкоў и мн. др.; от имен сред. рода: ср'е́с'воф, хоз'а́йс'воф, п'иво́ф, стройе́н'йоф, место́ф, д'ер'ево́ф, зада́н'йоф, ды́шloф, polот'е́нц'еф, п'ис'моф и т. п.; от имен жен. рода — стару́шкоф, ла́пкоф, ка́п'ел'оф, за́йкоў (может быть от зайко).

Другие формы род. пад. отмечаются для слов муж. рода чаще на мягкий согласный, а также для жен. и средн. родов (тоже преимущественно мягких основ).

Муж. род: а) с нулевой флексией: ра́с (два рас), д'о́н (дней), тота́р, цыга̀н, т'ел'а́т, роб'а́т, порос'а́т; б) с флексией

-ей: рубл'ёй, братов'ёй, з'ет'ов'ёй, мурашёй, зайц'ёй, р'еб'ёй (рябчиков), мужов'ёй, кон'ёй, м'ис'ац'ёй, сынов'ёй, но и сынов'йóф, мужов'йóф, мурашóф, м'ис'ец'óф.

Средн. род: а) с нулевой флексией: йеиц', клóф, с'óл, в'ед'óр.

Жен. род: а) с нулевой флексией: в'óрс (вёрст), д'ён'ок, с'ес'т'óр, ст'ён, п'йс'он (песен), п'ис'енóк.

б) с флексией *-ей*: из жерд'ёй, доц'ер'ёй, св'екр'óв'ей.

Формы дат. и твор. пад. совпадают в общей форме на *-ам* (безотносительно к роду и склонению имени).

Примеры дат. пад.: к д'ев'ат'йм ц'асáм, по гос'т'áм, по кустáм, по мужáм, звал'и жóн по воскр'ес'ён'ам, женáм.

Примеры твор. пад.: за lошад'áм, с рáзным в'ёрам, кварталáм (рубили дрова кварталáм), за воўкáм, за кон'áм, с'ит'áм (ловят рыбу) за футорáм (за хуторами), з докторáм п'ер'ет св'аткáм, с л'уд'áм, ногáм, рукáм (своим рукам делаю), с с'ем'йáм, с'йлам (фсем сйлам помогala), бадогáм, кл'ётоц'кам. Наряду с подобными формами отмечено несколько случаев употребления твор. пад. *-ами*: сынов'йáм'и, ос'ен'áм'и, с'ерпáм'и, д'ит'áм'и.

Вин. пад. обычно равен им. пад. у существительных неодушевленных и род. пад. у одушевленных, причем к одушевленным относятся названия и лиц и животных. Однако есть один пример, неоднократно повторенный в записях (таким образом, несомненный), употребления формы „кони“ в значении вин. п. мн. ч.: ит'й по кóн'и сход'ить и пр.

Наконец, предл. пад. мн. ч. имеет окончание *-ах* для всех имен: на lошад'áх, на кон'áх, об роб'атах, на йейц'ах, в зубáх, во дв'ир'áх, на футорáх, на кустáх, в (моих) пам'ет'áх.

Характерной особенностью говора является употребление при существительных постпозитивных частиц „от“, „то“, „та“. Наблюдения показывают, что можно представить некоторое соответствие отдельных форм этих частиц с отдельными формами существительных. Так с им. пад. муж. рода употребляется частица „от“: нафстр'éц'у у нáс дóм-от; лéс-от мóл'йу ид'óт; и сад-от стаў вол'йц'а; сын-от говор'ит пожив'й мáма; бежáт нарóд-от; о пáск'е пожáр-от быў; нóвой дóм-от стойт; см. употребление этой же частицы и в вин. п. ед. ч. муж. рода;

во шка́п-от; от'ец' тулу́п-от од'ова́йот; пр'ишо́ў он наро́д-от скл'ика́т'; в различных косвенных падежах ед. ч. муж. рода употребляются частицы „ту", „то": кто т'еб'е сахарку́-ту да́ў; Вас'ил'йом му́жа-то зову́т, та́к уж зову́т сы́на-то; с'ер'е́бр'аны потко́вы у кон'а́-то; сы́на-ту тр'и́ го́да уц'иў.

В им. пад. ед. ч. жен. рода употребляется частица „та": ма́мка-та на города́х жыла́; попр'им'орла́ скот'и́на та; пloха ба́ба та л'ожит; в вин. пад. ед. ч. жен. рода употребляется частица „ту": пошоў на робо́ту-ту; коро́ву-ту дойт'; скот'и́ну-ту загна́т' на́до; уш не в'ида́ў с'естру́-ту.

Во мн. ч. отмечено только употребление частицы „ти": ф п'е́рвы-т'и го́ды; па́шут-то хорошо́ трактора́-т'и; свои л'у́д'и-т'и.

Имя прилагательное

(Склонение полных прилагательных, порядковых числительных, причастий и местоимений с окончаниями полных прилагательных).

Полные прилагательные имеют одинаковые флексии как под ударением, так и без ударения. Для им. пад. ед. ч. такой флексией прилагательных муж. рода является *-ой* (реже *-ей* — в мягком варианте), для жен. рода *-айа*, сред. — *-ойо*. Примеры прилагательных муж. рода с окончанием под ударением: друго́й, болшо́й, вос'мо́й, тако́й, баско́й, болно́й, пусто́й, шесто́й, вз'ато́й, ми'ло́й, пр'ин'ето́й, lонско́й, — сколко́й (год); без ударения: робо́тной (старик), жона́той, ста́ршой, д'йа́кон'ской, фс'а́кой, бо́лшенкой, с'и́ц'евой, гума́жной, стро́гой, ма́loй, ме́ўкой, п'а́той, доро́д'н'ен'кой, д'ер'ев'е́н'ской, зд'е́шной, м'е́ўкой, п'а́той, за́ц'ей, л'ис'и́ц'ей, тр'е́т'ей, ка́р'ой, ква́шоной, двойета́жной, н'еда́вн'ой, и́хной.

Примеры прилагательных жен. рода с окончанием под ударением: баска́йа тоўста́йа (= толстая), годова́йа, проста́йа, с'ома́йа, ўз'ата́йа (взятая замуж), морска́йа, друга́йа, в'оска́йа (= имеющая большой вес); без ударения: болшӯшайа, зд'е́шнайа, инт'ер'е́снайа, с'и́вайа, по́ўнайа, в'и́ўжнайа, баскӯшайа (красивая), т'ижо́лайа.

Примеры прилагательных средн. рода с окончанием под ударением: тоўстóйо, опш̄óйо, болшóйо, пустóйо, lонскóйо, с'омóйо, с'ин'óйо, краснóйо; без ударения — йáснойо, стар'ѝнойо, нóвойо.

В форме род. пад. ед. ч. муж. и средн. рода употребляется окончание *-ово* (-ова), наряду с которым встречается также окончание *-ого* (*-ога*): у кáжново, пlохова, твойовó, жывóво, с'омóво, трéт'йово, пр'ин'атóва, фторóво, огур'ёшново; прóшlого, п'áтого, того́, у мого́.

В род. пад. ед. ч. жен. рода наблюдаются две формы: одна с флексией *-ыйо*, другая с *-ой*; отмечено также несколько примеров, записанных с флексией *-ойо*. Первая из них (*-ыйо*, *-ийо*) встречается в архаическом пласте говора, главным образом в речи стариков и женщин. Примеры: у родны́йо мáт'ер'и, со болшы́йо дорóшк'и, ис хорóшыйо ш̄ерст'и, свойéйо робóты, от св'аты́йо воды́, от кáм'енныйо ц̣'éркви, из-за какúйо-то бóл'и. Примеры род. пад. ед. ч. жен. рода с окончанием *-ой*: у роднóй, от болшóй, простой и т. п. Флексия *-ойо*, повидимому, представляет собою своеобразную комбинацию обеих форм (*-ыйо* и *-ой*). Примеров с подобной флексией отмечено немного: с óс'ен'и с̄áмойо, из нáшойо д'ер'éў'н'и, у однóйо у дóц̣'ер'и.

В дат. пад. ед. ч. муж. и средн. рода окончание *-ому*: такóму, фс'омý, свойомý, крáсному, посл'éд'н'ому, рáзному, нóн'ешному, рáзному, кáжному.

В дат. пад. ед. ч. жен. рода *-ой*: к свойóй, такóй болшóй, роднóй, баскóй, москóс'кой и др. В вин. пад. муж. рода прилагательные, определяющие одушевленные существительные, имеют окончания род. пад., прилагательные же мужского рода, определяющие неодушевленные существительные, равно как и прилагательные средн. рода, в вин. пад. ед. ч. совпадают в своем окончании с им. пад.: про нáшево оц̣'á, своvó брáта, какóво то мужыкá и т. п.; но п'úхтовой л'éс, рáзной товàр, фс'огóдной гóт, пустóй йá̄шык, болшóй огорóт, фп'ервóй и др.; сред. рода: в свойó вр'ém'o, про капýснойо с'им'о, в л'óтно вр'émo.

Вин. пад. ед. ч. жен. рода имеет окончание -уйу: на в'ерховýйу лóшат', инд'ив'идуáл'нуйу, баскýшуйу (= самую красивую), пл'ем'енýйу, ч'уд'и́нос'куйу и др. Несколько записей представляют окончание -*óйу*: подýшнойу, стар'и́нойу.

В твор. пад. ед. ч. муж. и средн. рода — окончание -*ым*, -*им*: болшы́м, нóвым, свойи́м, с'и́н'им, ус'т'ýс'к'им (= устюжским), с'овóдным, позапрóшлым. В этом же падеже в жен. роде -*ойу* и -*ой* — прáвойу рукóй, болшóйу дорóгой, а также свойóй рукóй, болшóй дорóгой, со стáршой с'острóй.

В предл. пад. ед. ч. муж. и средн. рода окончание -*ом*: ф пустóм, на свойóм, в новóм, ф с'и́н'ом, на стáром, ф прóшlом гóд'е, на другóм году́, на тр'ét'ем. В том же падеже жен. рода окончание -*ой*: болшóй, на свойóй, ф простóй и т. п.

Во множественном числе нет родовых различий. Так, им. пад. мн. ч. для всех трех родов имеет общую флексию -*ыйо*. Ср. пл'ем'áныйо св'и́н'и (ж. р.), голýб'ен'к'ийо глаза (м. р.), болшы́йо óкны те (ср. р.); так же ч'ужы́йо, плох'и́йо, нóвыйо, друг'и́йо. Та же форма в вин. пад. при неодушевленных существительных: на фторы́йо сýтк'и, э́дак'ийо н'éб'ел'и, давнóшныйо скаск'и. В род. пад. мн. ч. окóнчание -*ых* (-*их*): болшы́х, свойи́х, баск'и́х, мáйск'их. В дат. -*ым* (-*им*): нáшым, друг'им, стáрым кон'ам, п'éрвым. В твор. пад. -*ым* (-*им*):[1] свойи́м рукáм, с нóвым товáрам, с п'йáным мужыкáм и пр. В предл. — -*ых* (-*их*): в гумáжных плáт'йах и о свои́х д'ит'áх.

Порядковые числительные, как уже было сказано выше, склоняются по описанному выше склонению без всяких отклонений. Интересно здесь отметить лишь одну особенность их изменения, а именно возможность для составных порядковых числительных падежных изменений каждого слова, их составляющего. Подобное явление связано обычно в говоре с повторением предлога: в д'ев'атсóтом ф тр'éт'ем году, на двац'áтом

[1] Флексия -*ыми* (-*ими*) зарегистрирована в незначительном количестве примеров: с мáлым'и д'ит'áм'и, со свойи́м'и сынов'йáм'и и, видимо, заимствована из литературного языка.

на фторóм вы́дал'и и пр. Если нет предлога, то изменяется обычно лишь последнее слово: два́ц̄'ет' ли шестóво с'омóво ли, тр'и́ц̄'ет' п'áтово году.

Наряду с описанными выше местоименными (полными) прилагательными в говоре широко употребляются стяженные формы прилагательных типа: хорóша избá, нóва шкóла, стáры гóды, стар'и́ну с'остру́, каку́ дóц̄'ку и т. п.

По внешнему виду стяженные формы прилагательных близко напоминают старые падежные образования именных прилагательных. Однако ряд особенностей этих форм позволяет уверенно относить их к разряду стяженных местоименных прилагательных.

Таковы их следующие морфологические черты:

1. Место ударения в них всегда совпадает с ударением местоименной формы и расходится с ударением собственно-именных, предикативных форм. Ср. хорóшы йáгоды (стяженная местоименная форма) и травы те хорошы́ (именная предикативная форма).

2. Ограниченность круга форм местоименных прилагательных. Они встречаются лишь в тех формах, в которых могло быть выпадение *й*. Так, в записях отмечены лишь следующие стяженные формы полных прилагательных: а) им. — вин. пад. средн. рода ед. ч.: п'éрво воскр'ес'ён'о, м'áкко м'éсто, огур'éшно с'им'о, дóбро д'élo, ф п'éрво вр'ém'o; б) им. пад. ед. ч. жен. рода: хорóша скáска, стáрша дóц̄', богáта с'остр'á, дожд'овá погóда, болша́ вода́, крас'и́ва, кругlол'и́ц̄'а, б'ela му́ц̄'ка, в'и́тр'ена óспа, б'éla баскá мукá, жарá вел'и́ка; в) им. и вин. пад. мн. ч. при неодушевленных существительных: мáл'ен'к'и ц̄'ипл'óноц̄'к'и, молоды́ т'и, хорóшы йáгоды, нóвы и́збы, ф п'éрвы т'е гóды и пр. г) вин. пад. ед. ч. жен. рода: молóсну (субстативированное прилагательное), в робóтну пору, на другу́ ту рабóту, стáру ту ц̄'éркву, на и́хну стóрону, на ц̄'élну пет'идн'éфку и др.

3. Отсутствие каких-либо остатков именных образований, которые нельзя было бы объяснить стяжением: нет форм типа „из больша дома“, к „большу дому“ и пр.

4. Четкое формальное отграничение аттрибутивной функции от предикативной выражено и в том, что форма им. пад. ед. ч. муж. рода, которая по образованию не является стяженной, может выступать только в качестве предиката, а в аттрибутивном значении не встречается. Таким образом, при наличии оборотов типа „хоро́ша д'ефка пр'ишl̆а", не может быть „хорош парн'иц'ок пр'ишоў" при „б'е̂la му́цка йе́с'" не может быть „б'е́ў хл'е́п йе́с'".

5. Наличие фактов, отражающих промежуточные стадии изменения местоименных форм: здоро́ваа, хоро́шаа, б'е́лоо и под., т. е. форм, где *й* утрачен, а стяжения еще не произошло.

Склонение притяжательных прилагательных

Притяжательные прилагательные с суффиксами *-ин -ов* довольно широко распространены в говоре. Образуются подобные прилагательные главным образом от личных имен и имен родства. Притяжательные прилагательные сохраняют довольно последовательные именные флексии для ряда падежных форм.

См. формы ед. ч. муж. рода: ил'йи́н д'е́н', ил'йина́, ил'ийну́, ил'йины́м, об ил'йин'е́; формы жен. рода: с'е́стр'ина (изба), с'е́стр'иной, с'е́стр'ину, о с'е́стр'ин'е; формы средн. рода: оц̄'о́во, оц̄'о́ва, оц̄'о́ву, оц̄'о́вым, об оц̄'о́ве.

Формы мн. ч.: матк'ины, матк'иных, матк'иным, матк'иными, о матк'иных.

Примеры к отдельным падежам: им. пад. ед. ч. муж. р.: ма́т'ер'ин сарафа́н, до́ц'ер'ин адр'ес, сно́х'ин сы́н, му́жова с'остра́; среднего рода: ф'ил'ӣпово гов'ӣн'о; жен. р.: эта сно́х'ина, а д'е́воц'ка сы́нова. Род. п. ед. ч. муж. р.: от ил'ийна́ дн'и́, о́kolo боγоро́д'иц'йна дн'и́, с хр'исто́ва дн'и́. Дат. п. ед. ч. муж. рода: оц̄'о́ву брата́ну, к ф'ил'ӣпову посту́. Вин. п. ед. ч. жен. рода: ма́тк'ину избу, сно́х'ину, с'е́стр'ину.

Сравнительная степень прилагательных

Формы сравнительной степени образуются в говоре с суффиксами *-ейе-*, *-айе-*, (айа-) и *-е*. При этом от некоторых

(немногих) прилагательных зарегистрированы двоякие формы сравнительной степени как с первым, так и со вторым суффиксом: кр'епц'а́йе и кр'е́пц'е, кул'турн'ейе и кул'ту́рн'е.

Примеры образования с суффиксом *-ейе-*: скусн'е́йе, дружн'е́йе, ц'ишше́йе, т'ипл'и́йо, попрово́рн'ейе, попрожытошн'ейе, поўн'е́йе, кул'ту́рн'ейе; с суффиксом *-айе-* (*-айа-*) покрупн'а́йе, пот'епл'а́йе, в'ес'ел'а́йе, скор'а́е (с выпадением *й* между гласными), т'епл'а́йа, бойч'а́йа, с'ер'а́йа, скор'а́йа, трудн'а́йа. С суффиксом *-е-*: коро́ц'е, п'ло́ше, ху́же, ши́пц'е, бо́л'е, ра́н'е, кр'е́пц'е. Есть также отдельные случаи на *-а*: в'есе́л'а, ско́р'а.

Имена числительные

Числительные количественные по склонению близки к современным литературным формам. Основные отличия в их склонении таковы:

1. Числительное „оба" в косвенных падежах не различает рода: об'е́х сынов'йо́ф, об'е́х рук. Тоже надо сказать и о склонении местоимения „одни": одн'е́х, одн'е́м — одинаковые формы для всех родов.

2. Числительные от 5 до 20 и 30 в косвенных падежах наряду с обычными флексиями (именными) могут употребляться с флексиями местоименных прилагательных: ф п'ет'и́х м'еста́х, на д'в'ена̄ц'ат'их йа́йц'ах, к д'ес'ат'и́м дн'а́м и пр.

3. Числительные тр'и — ц'отыр'е могут согласоваться с именами предметов счета; на тро́и су́тк'и, по ц'етыр'о́м су́ткам и пр.

4. Ударение значительно чаще, чем в литературном языке, перетягивается на предлог: по́ два, по́ тр'и, на́ два, на́ п'ет', на́ ш'ес', на́ с'ем'еро, по́ сорок, за́ тр'ӣц'ет', за́ два̄ц'ет' и под.

5. При составных числительных предлог обычно повторяется: за́ тр'ӣце'т за́ п'ет' л'е́т; за́ сорок за́ два рубли, по́ сту, по п'е̄д'ес'ат.

6. Тоже часто при числительном с наименованием предмета счета — за тр'и за в'орсты́, з дву́м з д'е́тькам и т. п.

Местоимения

В говоре употребляются такие формы личных местоимений, как йа, ты, он (им. пад.); м'ен'á, т'еб'á, йовó, йóй (род. пад.); мн'é, мн'й, т'еб'й, тоб'й, йому́, йóй (дат. п.); м'ен'á, т'еб'á, йовó, йойó (вин. пад.); за мнóй, за тобóй, за йóй (тв. пад.); мн'é (предл. пад.) и такие формы возвратного местоимения, как с'еб'á (род. пад.), с'еб'é, соб'é (дат. пад.), с'еб'á (вин. пад.), собóй (тв. пад.), о с'еб'é (предл. пад.). Во мн. ч. зафиксировано употребление форм: мы, вы — (им. п.), нáм, вáм (дат. и тв. пад.), о нáс, вáс (прéдл. пад.).

Для неличных местоимений характерны формы род. пад. ед. ч. жен. рода от свойейó и свойóй, у тыйó, самойó, от тойó и пр.

Глагол

Спрягаемые глагольные формы

От глаголов тематического спряжения (1-го и 2-го) личные формы настоящего времени образуются путем сочетания основы настоящего времени с личными окончаниями.

В ед. ч. личными окончаниями являются *-у* для 1-го л., *-ш* для 2-го, *-т* для 3-го; во мн. ч. *-м* для 1-го л., *-т'о* для 2-го и *-ут* или *-ат* для 3-го.

При этом в основах на твердый заднеязычный звук согласный основы 1-го л. последовательно проводится по всем формам:

п'оку́	тку́	ст'ер'огу́	помогу́
п'екóш	ткóш	ст'ер'егóш	помогóш
п'екóт	ткóт	ст'ер'егóт	помогóт
п'екóм	ткóм	ст'ер'егóм	помогóм
п'ек'ит'ó	ткит'ó	ст'ер'ег'ит'ó	—
п'окýт	ткýт	ст'ер'огýт.	—

Однако в глаголе „б'егу́“ в говоре отмечено обобщение основы с шипящим согласным по типу 2—3-го л.: бежу́,

бежи́ш — бежа́т. Для глаголов 2-го спряжения обычно также сохранение одного ударения во всех формах: кошу́, кос'и́ш, кос'и́т, кос'и́м, кос'а́т; вар'у́, вар'и́ш, вар'и́т, вар'и́м, вар'а́т; сол'у́, сол'и́ш, сол'и́т, сол'и́м, сол'а́т; рубл'у́, руб'и́ш, руб'и́т, руб'и́м, руб'а́т; затопл'у́, затоп'и́ш, затоп'и́т, затоп'а́т, навал'у́, навал'и́ш, навал'и́т, навал'а́т; ташу́, таш̄ы́ш, таш̄ы́т, таш̄а́т; сушу́, сушы́ш, сушы́т, суша́т.

С подвижным ударением отмечены глаголы: вар'у́, ва́р'ит и в'ажу́, в'а́жет. Видимо, преобладают в говоре формы с неподвижным ударением на основе или на окончании.

Однако мы можем говорить о спряжении с неподвижным ударением лишь условно, так как форма 2-го л. мн. ч. многих глаголов имеет ударение на окончании. По своему звуковому составу эта форма для многих глаголов совпала со 2-м л. мн. ч. повелительного наклонения, и тогда лишь одно ударение дифференцирует эти две формы.

Ср. 2-е л. наст. вр. и 2-е л. повел. накл.

п'ек'ит'о́	п'ек'и́т'о
запр'аг'ит'о́	запр'аг'и́т'о
упад'ит'о́	упад'и́т'о
нес'ит'о́	нес'и́т'о
вез'ит'о́	вез'и́т'о и т. п.

Среди личных форм глаголов с основой настоящего времени на *-айе-*, *-ейе-* обращают на себя внимание фонетические варианты, представляющие все стадии процесса падения интервокального *й*, последующей ассимиляции гласных и, наконец, их стяжения: зна́йет, зна́ет, зна́ат; зна́т; робо́тайот, робо́тает, робо́тат, робо́тат; ум'е́йет, ум'е́ет, ум'е́т; жал'е́йет, жал'е́ет, жал'е́т. Преобладают среди них стяженные формы: роб̄таш, игра́ш, н'е д'е́лам, ба́ш (= баеш), од'ева́т, л'ага́ш, умыва̄а (= умывается), оболока́т, оставл'а́т, ум'е́т, жал'е́т, но немало примеров, отражающих стадии, предшествовавшие стяжению: типа, робо́таш, оставл'а́аш, зна́ат.

Формы прошедшего времени в нашем говоре сходны с литературными, отличаясь от них лишь фонетически: знáў, б'иў, ц'итáў, ход'иў, прос'йў, згор'éў, п'иў, м'оў, укрàў; уз'ala, покос'йla, поп'ивála, попотоўклá; вышlo, зашlo и т. п.

Зарегистрировано несколько примеров с употреблением старой формы давнопрошедшего времени: ф тóт гóт внóго бы́л'и гор'éл'и; нац'инáў быў и жыў бывáў; йéздиla былa в Москву́ ту.

Наряду с формами будущего простого времени, образуемыми от основ современного вида, и по формам, аналогичным настоящему, в говоре известны формы будущего сложного времени, образуемого путем соединения личных форм вспомогательных глаголов „буду" или „стану" с инфинитивом спрягаемого глагола: стáну или бу́ду спáт', бу́ду кос'йт' стáну или бу́ду уц'йт', стáну п'исáт', стáнут воз'йт'.

Неспрягаемые глагольные формы

Суффиксами инфинитива в говоре является *-т'* (*-т*) *-ти-* и *-ци*. Как и в литературном языке, инфинитив на *-ти* последовательно употребляется под ударением, а также при ударной приставке „вы" от тех же глаголов: мес'т'й, вы́мес'т'и, плес'т'й, вы́плес'т'и. В архаическом пласте говора — в речи старшего поколения, в произведениях народного творчества (песнях, сказках) — отмечены инфинитивы на *-ти* и при ударении на основе. Вместе с тем в говоре намечается процесс сужения круга инфинитивов на *-ти*, — отсюда такие формы, как пон'éс', подм'éс', ит'йт' и пр. Инфинитивы на *-ц'и* от основ на заднеязычные согласные подверглись в говоре следующим изменениям: под влиянием других форм в них перенесен заднеязычный согласный. Ср. п'екц'й ст'ер'екц'й, помокц'й, бер'екц'й, постр'икц'й вместо старых п'еч'й ст'ер'еч'й, б'ер'еч'й, помоч'й. Употребление форм на *т* и *т'* в инфинитиве не разграничено ни семантически, ни синтаксически. Формы на *-т* употребляются вообще значительно реже форм на *-т'*.

Ср. примеры употребления инфинитива на *т*: н'е хожу́ кос'йт, в'йткой ду́т стáну (веткой бить буду); хотела писат;

ход'ил'и спат; остайус сlужыт, спат то, зац'а̀ў робо́тат и пр., с случаями, где инфинитив на *т'*: пр'ихо́диц'а робо́тат'то; сва́д'бу ту справл'а́т' л'и́шно; нам не дожы́т'; тутока нел'з'а́ бут'и́т', рев'и́т' тут мн'е́? забойа̀lас йе́хат'; не ста́la ход'и́т', н'е мого́т п'иса́т' и пр.

Местоименных причастий, действительного и страдательного, в системе говора нет. Отдельные заимствованные из литературного языка формы их употребляются в говоре в значении существительных: пом'о́ршыйо, зав'е́душ̄ой, кр'ешо́ныйо.

В то же время следует отметить, что среди прилагательных не мало форм, восходящих исторически к старым местоименным причастиям: таковы 'гор'а́ц'а вода́, п'еко́ной хл'еп, сол'о́ныйо, сушо́ныйо, гр'ибы́, покры́той двор, тру́женой наро́т. Отмечены случаи предикативного употребления именных причастий: одна́ оддана́ до́ц'ер'; друга́ робо́тат вы́йехавши: л'е́вой руко́й п'и́сано; кото́ры оста́фшы коро́вы ти; што молоды́х т'ел'а́т напу́скано.

А. Н. ГВОЗДЕВ

ДВА ГОВОРА ОДНОГО СЕЛА[1]

(Село Канаевка, Городищенского р-на, Пензенской обл.)

Село Канаевка, при станции того же названия (Пензенской ж. д.), имеет два конца: 1) Шигонь (ближайший к ж.-д. станции) и 2) Крукол (это же название носит ручей, разделяющий оба конца). Каждый из этих концов имеет свой особый говор.

По количеству населения Крукол раза в три меньше Шигони, — всего в селе свыше 4 тысяч населения. Среди старожилов не сохранилось воспоминаний о том, когда возникло село или какой-либо из его концов. Не помнят также, чтобы когда-либо концы были организованы в разные общества или вообще как-нибудь обособлялись; костюм, носящий черты известной старины, и тип построек в обоих концах также одинаковы.

Единственно, в чем сохранилась память о различном происхождении жителей этих концов, это смутное предание о том, что крукольцы принадлежат к „мещере". Так, одна женщина из Шигони, указывая в сторону Крукола, говорила: „мишшóри туды̀-та", а о возникновении села: „Тады́ адúн был шыгóнец, адúн был мишчыря́к, прóзьвишчы штóли?" Крестьянин из Крукола заметил о себе: „мы из мишшóр штоль".

Одним из основных вопросов в описании говора с. Канаевка является выяснение взаимодействия двух говоров, территориально объединенных в одном селе.

Для решения этого вопроса очень важно иметь сведения о происхождении обоих описываемых говоров — крукольского

[1] Статья написана в 1926 г.

и шигонского. По этому вопросу удалось получить некоторые, — правда, недостаточно определенные, — сведения. Это справка, полученная от заведующего Пензенским архивом А. Е. Любимова, которую и привожу полностью: «Точных данных о времени возникновения поселения не имеется. Население с. Канаевка было на положении государственных крестьян. О первых насельниках местности существует местное предание, по которому население было пришлое: одна группа — переселенцы из с. Шигони, Инсарского уезда, а другая — мещеряки (неизвестно откуда). До проведения Сызрано-Вяземской ж. д. каждая из названных частей общества жила обособленно; при разделах новые крестьянские хозяйства селились на той территории, которая принадлежала их однообщественникам: мещера — в мещере, шигоньцы в шигоньцах. С проведением железнодорожной линии и с постройкой вокзала в шигоньском конце в районе железнодорожного отчуждения стали с одинаковым правом селиться как мещера, так и шигоньцы. Однако до последнего времени сохранились как пережиток наименования: „Шигоньская сторона“ и „Мещерская сторона“,[1] последняя именуется еще „Крукольской“. В официальных бумагах и при статистических обследованиях в с. Канаевка всегда значилась одна община».

Кроме того, в „Экономических примечаниях“ к планам генерального межевания, которое было закончено в Пензенской губернии в 1792 г., оказалось очень важное сообщение: „Село Канаевка экономических крестьян в бесспорном отводе... 150 дв. 679 м. 479 ж.... По обеим сторонам речек спаского она ж и корукол и ее отвершка шинбаза попова родника и его отвершка“.[2]

Следовательно, во время генерального межевания существовали уже оба конца, разделяемые ручьем Крукол, и, следовательно, говоры находятся в соседстве больше 150 лет.

---

[1] Во время двукратного посещения Канаевки мне не пришлось слышать названия „Мещерская сторона“.

[2] Цит. по выпискам моего покойного брата Б. Н. Гвоздева.

Как указывалось, вообще между концами не замечается различий, но сами крестьяне ясно сознают разницу в говоре жителей обоих концов. Так, один крестьянин из Шигони с насмешкой указывал на такие особенности произношения в Круколе: „ня зна́й, мяшо́к, Ва́нькя, Та́нькя", по его словам в Круколе „перьвара́чвъют слава́". Другие крестьяне из Шигони также сообщали, что жители Крукола вызывают насмешки своим произношением, и приводили примеры со случаями сильного яканья. Характерно, что крестьяне из Крукола соглашаются с оценкой соседей, признавая свое произношение неправильным и заслуживающим насмешек; так, один из крестьян говорил о себе, что они „переворачивают" слова, девушки рассказывали, что парни из Шигони дразнят крукольских девиц таким произношением, как „мяшо́к, мяки́на".

В полном согласии с приведенными показаниями крестьян, в Канаевке оказалось два очень различных говора в указанных концах села; при этом, как и следует ожидать по насмешкам крестьян над особенностями произношения в Круколе, господствующим является говор Шигони: он значительно однороднее и устойчивее в своих чертах, а говор Крукола не обладает устойчивостью и испытывает влияние говора Шигони. Это сказывается в том, что у многих представителей этого говора замечается смешение особенностей обоих говоров.

Поэтому в дальнейшем при характеристике диалектных особенностей будут указываться различия, встречающиеся у представителей разных групп.

Характеристика говоров Шигони и Крукола будет расположена следующим образом: в случаях, когда известное фонетическое или морфологическое явление в обоих говорах характеризуется одинаковыми чертами, то дается его описание с приведением примеров из обоих концов; когда же по отношению к описываемому явлению между говорами имеется расхождение, то дается описание для каждого говора отдельно.

1. В 1-м предударном слоге после твердых на месте *о*, *а* всегда *а*: сабра́нья, дваре́ц, бальшо́й, спарно́, пани́так, малчы́

институт русского языка им. В. В. Виноградова

(Шиг.); дава́й, кана́ццa, дапре́ш, загнёть; табе́, вазьми́, каньцу́ (Крук).

2. Судьба *е*, *ѣ*, *я* в 1-м предударном слоге не одинакова в обоих говорах. В Шигони имеет место умеренное яканье:

а) перед твердыми согласными и отвердевшими в сочетаниях на твердый согласный всегда появляется *а* (*я*): привязла́, пятна́ццъть, претсяда́тель, пъсьпява́ют, въремяна́, лека́рства, мяста́х, яво́, сяло́, терябо́чкъй, стряло́ю, трявош, фсяво́ зярно́, вяно́чки, вярсты́, нъ лятý, стрялý, ямý, зънясýт, събярýт; сюда же надо отнести и азямно́е, где *я* на месте старого *и*; после шипящих: фчара́, фчара́шней, чаво́, аржано́й, чаты́ри, пъчамý, шалко́въю. Но в отрицании и приставках *и*: низва́ная, ни ба́гюшка, ни пло́тют, ни хо́чу, ни сто́ит, бизно́гии;

б) перед мягкими всегда *и*, без всякой зависимости от того, каков ударный гласный; так (под ударением *а*): дися́тник адиня́ньйе, шъзьдися́т, йидя́т, тибя́, зимля́, миня́цца, миня́, педьдися́т, пъйидя́т, адьдиля́ют, пъвинячя́ют; (под ударением *е*, *ё* из старых *е*, *ь*) събире́м, зиле́ную, зиле́ненькъй, пите́рку, бигёш, чътьвире́н'ках, сире́шки, наприде́м, ийёе; (под ударением *е* из *ѣ*) нидéли, тибé (дат. пад.), ф силé, бисéдушка, стрилé, на рикé, весилéй; здесь же упомяну случаи появления *и* в отрицании и предлоге: ни сéина, бис хлéба, (под ударением *и*) визи́, привизьли́, ръзьвили́, блисьти́т, стреми́сьси, изьмини́ла нъ сериди́, зимли́, лити́;

в) шипящие влияют на предударный гласный, как мягкие: так, после отвердевших шипящих вместо *а* и *е* выступает *ы*: лъшыдёнки, жыре́льйи; перед шипящими имеется *и*: сича́с, дишэ́вли, вичэ́рьни, мишшо́ри, ишчо́, дифчо́нки, виньцо́.

Звук *ы* отмечен перед мягким в начале слова после отпадения начального *й*: ычэ́йки, ые́.

Звук *'а* (*я*) отмечен только перед группой согласных со вторым мягким *к*: вянки́.

Единственным исключением является: пъясья́.

Яканье Крукола ассимилятивно-диссимилятивное.

В 1-м предударном слоге на месте старых *е*, *ѣ*, *я* перед твердыми согласными и отвердевшими в сочетаниях с твердым

www.ruslang.ru

всегда *'а* (*я*) (в этом — сходство с Шигонью): сьняла́сь кътяха́, абяза́тельна, кърянна́я, ляса́, ръсвяла́, вярха́, перядо́м, черядо́м, пънямно́шку, яго́ра, вядро́, сяло́, пънямно́гу, бядно́, пято́к, пятко́м, вядру́, бяру́ть, сьмяху́, пъ сялу́, фсяму́, вярху́шка; после шипящих: чао́, ничао́, чатыре. Также *'а* (*я*) появляется в отрицании и в предлогах (в этом — отличие от Шигони): ня зна́им, ня ска́жу, ня бро́сим, ня на́да, ня ну́жна, ня бо́льна, ня зна́йти, ня мо́гу, бяз збо́ркаф, чиряз дво́р.

Перед мягкими появляется *'а* (*я*), когда под ударением *я*; *и*, *ю* и *е* из *ѣ*; когда же под ударением *е*, *ё* из *ь*, *е*, то появляется *и*; так (под ударением *я*): пъмята́х, няльзя́, сямья́, зямля́, нидъвяря́ють, в зятья́х; в отрицании: ня пья́най; перед шипящими: пъдьяжжа́ють, прияжжа́ли, мяша́ющца; после шипящих: ни щядя́ть; (под ударением *и*): нърядя́ть, срядя́лись, срядя́щца, принясьля́, дяля́ть, ръздяля́ли, зеляня́щца (=зеленеться), бяря́, яфи́мка, приняся́, пъявя́лъсь, тряпя́сь, сьтякля́ (=стекли), пъ сями́, ряди́лись, сяли́лись, припляли́сь, глядя́, вяля́, мяки́на, ряди́щца; перед шипящими: ляжы́ть; после шипящих: чявя́ща, жани́лись; (под ударением *ю*): сьмяющца. Здесь же упомяну: бизьдялю́шки; перед отвердевшим *ц*: вяньцу́; после отвердевшего ц: ущаплю́сь; (под ударением *е* из *ѣ*): жале́за (под ударением *о* с предшествующим твердым согласным, перед которым отвердевший шипящий): сьмяшно́, пяшко́м; (под ударением *е*, *ё* из *е*, *ь*): мине́ (меня), тибе́ (тебя), сибе́ (себя), у мине́, сире́дь; нъприде́м, сире́шках, атнисе́ть, пъринёк, вите́лъчка, привизёш, жърибёнък, ръзьдиле́на, биде́нкаф, дите́ (здесь *ё* заменило по анологии *я*), ие́, ат ние́ (в этих двух случаях на конце некогда было *ѣ*; наличие предударного *и* говорит за его переход в *е* до возникновения данного типа яканья); перед шипящими: мище́рска, мишшо́р, но мяшо́к; после шипящих: жыре́лках, но шабёр.

Случаи, когда в соседстве с предударным гласным находятся отвердевшие шипящие и *ц*, помещены в рубриках, где на их месте имеются мягкие согласные, так как в огромном количестве акающих говоров шипящие влияют на предударный (определяя его качество) наравне с мягкими согласными.

Ограниченность примеров не позволяет решить вопрос о влиянии шипящих на предударный гласный в рассматриваемом говоре. Для этого пригодны только те примеры, когда предударный гласный, с одной стороны, соседит с шипящим, с другой — с мягким согласным (или: шип. + глас. + мягк., или мягк. + глас. + шип.), а под ударением находятся звуки *е*, *ё* из старых *е*, *ь*, так как во всех других случаях появление предударного *я* не зависит от соседства с шипящим. Такой пример, как жырёлках, говорит за то, что шипящие могут быть приравнены к мягким. Но имеются случаи — мяшóк, вяршóк, будто бы говорящие за обратное; правда, появление в них *я* может быть объяснено аналогией образования с суффиксом *ок* после твердых согласных.[1] Случай шабёр может быть объяснен аналогией других падежей ед. и мн. ч. Ср. в Шигони: шабёр, шабры — это слово может быть и заимствованием из других говоров. Перед спорадически твердым *щ* отмечено *и*: мищёрска, мишшóр.

В таком чистом виде ассимилятивно-диссимилятивное яканье отмечено у лиц старшего поколения; так, приведенные примеры записаны в говоре трех старых женщин и двоих пожилых мужчин из трех разных семей. Нарушений данного типа яканья у этих лиц не отмечено, но у других лиц заметны значительные отступления от него. Образцом их могут служить записи от одного крестьянина средних лет, бывавшего на заработках в разных местах, но при рассмотрении его данных приходится иметь в виду, что он в разговоре со мной обращал внимание на произношение. Это сказалось в том, что при расспросах он иногда менял свое произношение; например, свою фамилию он первоначально произнес: Фидяшóф, при переспросе же — Фидешóф; такое *е* при переспросах, а также иногда в случаях отчетливого, подчеркнутого произношения появлялось в 1-м предударном слоге при всяких условиях; это составляет его личную черту, не встретившуюся у других крестьян Кру-

[1] Это отмечается в других говорах с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем.

кола. У Федяшева после мягких перед твердыми обычно *'а(я)*, как в обоих концах села; *е* отмечено: семо́й, без гла́с; в отрицании и предлогах в согласии с крукольским произношением *'а(я)*: ня на́да, ня хо́чъш, чиряз дво́р. Между мягкими: а) когда под ударением находится *и*, отмечено то *'а(я)*, то *и*; — увяли́, зъвяли́, гляди́ш, ад зямли́; шави́чки, дили́шки, сьтисни́ли, кълисьни́цы, перед шипящим — ляжы́т, ряшы́ли; b) та же двойственность, когда под ударением *е* из *ѣ*: ниде́лю; жале́знъи; с) может быть, случайно, отмечено почти только *'а(я)*, когда под ударением *я*: ф сня́х, пляма́ньник, зямля́, зьдяля́лись (разделялись), педьдяся́т; шъзьдеся́т, убяжа́л; d) когда под ударением *е, ё* из *е, ь*, ни разу не отмечено *я*: плите́нь, визе́н, нипъгриб ён фьпире́г, мине́, дире́вних, симе́й; себе́, мене́ (даже — меня́); лъшыдёнка, ишшо́, но Фидяшо́ф, мешочек, мешо́чък.

Выключая случаи с *е*, как такие, в которых сказывается нарочитое искусственное произношение, надо отметить здесь две черты, которые имеются и у других представителей Крукола, с невыдержанным ассимилятивно-диссимилятивным яканьем: а) спорадическое появление то *я*, то *и* отмечено в тех положениях, где в говоре Крукола имеется *я*, а в говоре Шигони *и*, т. е. здесь имеет место частичное влияние второго говора; но b) никаких колебаний не отмечено, и появляется только *и* в тех положениях, когда оно имеется в обоих говорах, следовательно, крукольская основа такого произношения сказывается в том, что *я*, хотя и спорадически, появляется в тех фонетических положениях, в которых оно возможно при ассимилятивно-диссимилятивном яканье.

Среди младших представителей Крукола встретились и такие, у которых уже совсем не оказалось следов ассимилятивно-диссимилятивного яканья, и все примеры говорят за умеренное яканье, одинаковое с Шигонью. Это отмечено у одного подростка, прошедшего школу, и у двух молодых женщин; старшие представители в этих семьях имели ассимилятивно-диссимилятивное яканье.

3. Во 2-м предударном слоге после твердых на месте *о, а* появляется редуцированный *ъ*: пъкале́ла, ръзьвили́, гълавы́,

зъ нявó, нъ сабрáнья, лъшыдёнка, врáта; чътырёх (Шиг.); кънаёфку, дъвяряют, пъмятях, дъмасéтка, пъжалéиш, рьзьдилёна (Крук.). Однажды между губными отмечено *у* вм. ъ: пупасýть (Крук.).

В случаях, когда 2-му предударному слогу предшествует еще слог, гласный 2-го предударного выпадает: перьядáит, перьвараčвъют (Шиг.); сърфанý, пъзнавúли, нъвратúл (Крук).

4. Во 2-м предударном слоге после мягких на месте *е*, *ѣ*, *я* имеется ɛ: претсядáтель, времянá, ветярóк, йеравóйе, нъсериди, терябóчкъй (Шиг.); йеравинка, перяéл, несусьмéтнъя, нечавó, не заýгь, неварóчай (Крук.). Гласный в отрицании выпадает, когда за ним идет гласный звук: нь удóбна, нь ахóта, нь аднавá, нь адёшку; сохранение ɛ: не агнисёть (Крук.); в Шигонии отмечен один случай такого рода с сохранением ɛ: не удóбнъ, аналогичный пропуск в предлоге: н арьтéли (на артели).

5. На месте начального *о* во 2-м предударном слоге имеется *а*: аддадýт, асужóн, адиáньйе, адьдиляют, агурцы́, азямнóйе (Шиг.); абязáтельна, адинáкъвы, астаёцца, атабьют, ад бязьдéлья, аб жырёлкьх (Крук.); *а* отмечено и в таком случае, как: аражанóй. Отпадение начального *о* в словах: в гарóди (Шиг.), аб жырёлкъх (Крук.).

6. Звук *у* не редуцируется во 2-м предударном: тупатáты, кумачý, мужычкáм (Шиг.); рукавóк, грубиáнтъвъйи, шураváть, но чегуны́ (Крук.).

7. В заударных неконечных слогах имеется ъ после твердых и ɛ после мягких: дéвъчка, лóшъдя; чáтьвера, зилёнɛнькъй, бúсɛрнъй (Шиг.); зá мъстъм, зъсажóнъва, утóпъли, несусьмéтнъя; манéнечьки, пасéили (Крук.).

8. В конечном закрытом слоге между твердыми имеется *а* и ъ: пани́так, загóнаф, сóрак, óкъл, чътьвирёнькъх (Шиг.), стóпал, рядам, дéвак, пани́так; зá мъстъм, окъл, збóркъф, ядък. Те же звуки имеются после твердых перед мягкими, включая сюда неслоговое *и*: молóденькай; терябóчкъй, несусьмéтнъй, зилёненькъй, бúсɛрнъй (Шиг.); нáгай, прасвáтать, маскóфскай, пьянай; зá съль (Крук.); после шипящих перед

твердыми: тава́ришчаф, не́шчъм (Шиг.); хо́чът (Крук.); после шипящих перед мягкими: три́цц'ыть; пятна́цц'ъть, два́цц'ъть, ло́шъть (Шиг.), варо́чай, ска́жъть. После мягких появляется ɛ; так перед твердыми: гри́вɛн, дɛ́нɛк, страда́ɛт (Шиг.); зна́ɛм, по́ɛс, сярьгɛ́м (Крук.); перед мягкими: во́сɛмь, да́ɛвъть, прɛтся-да́тɛль, фчара́шнɛй, го́днɛсь (Шиг.); при́дɛть (Крук.).

9. В конечном открытом слоге после твердых отмечены *а* и *ъ*: ме́ста (им. п.), ча́тьвɛра, пло́ха, по́тнъ, ка́жнɛвъ, дɛ́лъ, ма́лъ (Шиг.); далёка, удо́бна, азя́бла, на́да (Крук.).

10. В конечном открытом слоге после мягких нет единства в обоих говорах. В Шигоне чаще встречается ɛ или *и*: чаты́ри, ноя́дныи, дишɛ́зли, тапɛ́ри, пава́дилси, в гаро́ди, к вичэ́рьни, в ычэ́йки; появление *'а(я)* отмечается редко: но́ня, дво́я, тро́я.

В Круколе, наоборот, в этом положении почти всегда появляется *'а(я)* врɛ́мя, гряшнɛ́я, нъпужа́йтя, зна́йтя, ува́дɛтя, бро́сьтя, паку́шайтя, вы́тьтя, пан'е́ньша; и отмечено — испужа́лси, зна́йги.

11. Имеются случаи стяжения гласных: зна́ш, зна́т, таска́ш, пушша́м, шыго́ньски, мачли́вɛ (мочливое — Шиг.); зна́м, пасе́мши (посеявши), сваво́, Мищɛ́рска (Мещерское — Крук.).

12. В Круколе отмечено *и* на месте старого *ѣ* в формах глагола „ем": пайил, йи́ст;[1] в Шигони — паɛ́ст.

13. Вот несколько встретившихся случаев необычного ударения: кълако́л, присту́па, пасьля́ (после) (Шиг.); за́ мъстъм, за́ съль, чо́лнак (челнок), запо́н, дачэ́рьнины, бядно́, укра́дуть, на́йдуть, при́дɛть, нɛ было́, на́гай (Крук.).

СОГЛАСНЫЕ

14. Звук *г* — взрывной: грясь, в гаро́ди, го́ры (Шиг.); на́гай, гнёть, гряшнɛ́я, даже бъгачо́ф; фрикативное отмечено только в кауда́ (Крук.). Но в Круколе отмечено конечное *х* вм. *к*, ожи-

[1] Такое же появление *и* вместо *ѣ* только в этом глаголе встречено мной в одном южно-великорусском говоре с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем (с. Кирилово, Вадского р-на, Пензенской обл.).

даемого по наличию взрывного г: на кру́х, пиро́х, сьнех, паро́х, де́нех, бе́рех.

15. Звуки *ч* и *ц* не смешиваются. Шипящие *ч*, и долгие *ш*, *ж* чаще произносятся твердо, но спорадически встречается полумягкое и мягкое произношение, одинаково в обоих концах и часто у одних и тех же лиц; так: ча́тьвера, де́въчка, чаво́, чай, фчяра́, сичя́с, пушша́м, ты́шшы, ташшы́л, прашо́л шша; бальшу́щяя (у одной женщины на месте *щ* оказывается твердое *шч*: ты́шчы, ишчо́, ташча́й тава́ришчаф); дажжо́ф (Шиг.); дово́, час, хо́чъм; пляча́; четыре́х, чявица, не́чем, па че́рнъму; мишшо́р, нъпушша́ли, зъташшы́ла, ишшо́, шшэй; мищ'е́рска, щядя́ть; прияжжа́ли, пъд'яжжа́ють (*жж* полумягко, Крук.).

16. Звук *ф* в говоре существует: фунт, сърафа́н (Шиг.); яфи́мка, сърафа́н, фата́ (Крук.).

17. Звук *в* в конце слова и перед глухими переходит в *ф*: дажжо́ф, дамо́ф, фсе, де́фьки (Шиг.); збо́ркъф, бъгачо́ф, фсё, маско́фскай, афца́, де́фка (Крук.); но там же встретилась форма „у луга́х", которая может быть истолкована как остаток перехода *в* в неслоговое *у*.

Звук *в* между гласными, из которых второй лабиализованный, *о* или *у*, часто выпадает: ка́о, ча́о, па́йник (повэйник) зъня́о (Шиг.); у ня́о, зау́ть, ча́о (Крук.).

18. Звук *р* перед задненёбными и шипящими обычно тверд: пасьве́рх, агурцы́, но ста́рьшы (Шиг.); вярха́, де́ргъють, вярху́шка, къчырга́, даржы́, вяршо́к (Крук.).

19. Губные в конце слова и перед j мягки: восемь (Шиг.), семь, во́семь; пья́най, атабью́ть (Крук.).

20. Говоры расходятся в произношении *к* после мягких согласных. В Шигони такое *к* твердо: толька, ко́лька-та (сколько-то), мало́денькъй, холо́дненькъй, ва́нька, нь чътьвире́ньках, ма́ненькаю, кита́йка. В Круколе оно мягко: кита́йкя, нъ кита́йких, хазя́йкя, то́лькя, то́льки, ва́нькя, пъ мане́ньке, мане́нечьки.

21. Мягкость *н* отмечена: у ка́жнева (Шиг.); ка́жнею (каждую) вяньцу́ (Крук.).

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

22. В Шигони в 3-м л. всегда имеется твердое *т*: зна́т, бала́т, пъсьпява́ют, сида́т, зънясу́т, хо́дют, зака́тют, вда́рют, ста́нут, бу́дет, ба́йет.

В Круколе у старшего поколения (у тех же лиц, у которых выдержанное ассимилятивно-диссимилятивное яканье) всегда мягкое ть: живёть, пръдаёть, завёть, гнёть (перед мягким *ть* всегда ё), да́сьть, ска́жъть, при́деть, пайду́ть, иду́ть, зау́ть, но́сють, нака́звъють, де́ргъють, прихо́дють, щадя́ть. У других имеется мягкое *ть* наряду с твердым, а среди молодёжи есть такие лица, у которых только твердое *т*.

23. В 1-м л. встречаются случаи переноса ударения на основу по аналогии других лиц (но переходное смягчение налицо): но́шу (Шиг.); хо́жу, ска́жу, ня мо́гу (Крук.).

24. Переходное смягчение задненёбных в глаголах отсутствует: бигёш (Шиг.).

25. *с* в возвратной частице мягко: пава́дились (Шиг.); пъявйлъсь, сялйлись, ущаплюсь (Крук.); во 2-м л. возвратная частица произносится как „сьси", в 3-м — „ца": стримйсьси (Шиг.), бьёсьси (Крук.); сьмяюцца, мяша́юцца (Крук.).

26. Личные местоимения в Шигони имеют такие формы: род. и вин.: у миня́, миня́; дат.: тибе́; в Круколе: род. и вин.: мине́, у тибе́, тибе́; дат.: табе́, сабе́.

27. Местоимение 3-го л. после предлогов имеет *н*: зъ няо́, ат ни́х; яво́, ему́, ие́ (Шиг.); у няо́, ат ние́, на нём, ие́ (Крук.).

28. В окончании род. пад. ед. ч. муж. рода прилагательных и местоимений имеется *в*: пе́шъва, яво́ (Шиг.); свово́, зъсажо́нъва (Крук.).

29. Встречается им. мн. ч. на *я*: друж'я́, пъясья́, въласья́, бру́сьйи (Шиг.). ухва́тьйи, брусья́ (Крук.).

30. Род. мн. ч. существительных на *оф*: дажжо́ф, това́ришчаф (Шиг.) бъгачо́ф, сило́ф, збо́ркаф (Крук.).

31. Род. ед. ч. жен. рода на *и* из *ѣ*: у каро́ви (Шиг.).

32. Имеются случаи употребления постпозитивного члена: на́ш-от, ф сиде́-та, к абе́дьни-та, кане́ц-ат, ту́ды-ат, прасто́й-ат (Шиг.); гнёть-та, кита́йких-тъ (Крук.).

33. В словарном отношении разницы между говорами Крукола и Шигони не замечено. Для установления словарных особенностей был проведен опрос по программе МДК.[1]

Привожу результаты опроса по пунктам программы; слова, имеющиеся в программе и пропущенные в настоящем перечне, в говоре отсутствуют. Записаны слова большей частью орфографически.

1. Крестьянский дом и его части: изба, клеть, горница, сени, сарай; ко́ник (лавка от двери к переднему углу), судняя лавка (у печки), брус (полка из одной доски, идущая от угла печки — не вдоль стены), полатный брус.

2. Части печи: чело, шесток, горнушка, печурка, боров.

3. Женская одежда: рубаха, состоящая из двух частей: 1) нижняя из холста — „стан“ (она не видна из-под сарафана). 2) верхняя из цветной фабричной материи с преобладанием оранжево-красного цвета — „рукава“; самые рукава — широкие, около кисти перехвачены узкой полоской, за которой идет плиссированное расширение, называемое „брыжжы“. Сверх рубахи носят „сарафан“; он представляет одну высокую юбку на лямках, спереди сверху вниз спускается цветная полоса пальца в три шириной, иногда же ширина ее доходит до четверти; на ней помещаются „декоративные“ пуговицы. Сарафан—всегда синего цвета, бумажный; самое название „сарафан“ прилагается только к домотканному костюму, когда же он шьется из фабричной материи, то называется „китайка“. Сарафан у талии обязательно подпоясывается поясом. Сверх сарафана (не всегда) носят „запон“ — обычный фартук городского типа, подвязывающийся на высоте талии; он шьется из цветной материи и внизу украшается покупной бахромой, называемой „маньжа́ты“. Верхнее шерстяное платье типа поддевки называется „пани́так“.

4. Головные уборы. Обычно женщины и девушки носят платок, завязываемый сзади внизу. У молодых замужних

[1] Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты рус. языка, II, северн. и средн. великорусские говоры, изд. 2-е, стр. 20—22.

женщин такой головной убор: 1) волосы сверху закручиваются шишкой, и эта шишка из волос называется „кичкой"; 2) собранные так волосы обхватываются „повойником", который представляет неглубокий мешок величиной в покрытую волосами часть головы; 3) на него надевается „наклонник", подковообразный предмет из тонкой доски шириной около 4 см, обшитый материей, надевается он на голову концами назад; 4) спереди к нему привязываются две полоски спускающиеся от него на лоб — „бархотка" и „поднизь", украшаемая бисером; 5) сзади тоже две полоски — „подзатыльник" и „бисер". Весь этот убор закрывается платком, завязанным сзади. Шелковый платок называют „фатой".

5. Обувь. Женщины обычно носят „коты" с белыми чулками, а поверх чулок накручиваются, иногда сплошь, черные шерстяные „оборы", плетеные тесемкой. Из других названий обуви употребляются: лапти, бахилы, онучи, сапоги, башмаки, полусапожки.

Женский костюм в целом, несмотря на соседство станции и железной дороги и на то, что он резко отличается от костюмов всех соседних сел, вполне устойчив. Даже у молодежи не замечается стремления к замене его другим. Желание сохранить костюм в неприкосновенности, препятствием чему является недостаток материи соответствующего рисунка, вызвало такую активность местных женщин: они через кооператив посылали на фабрики образцы платков и материи, прося выработать нужные им ткани (наблюдение 1926 г.).

6. Название домашней утвари: горшок, крынка, бадейка, квашня, ухват, сковородник, кочерга.

7. Названия земледельческих работ: пахать, бороновать, навозить.

Из слов приведенного в программе МДК списка употребляют только следующие: лошадь, квашня, сковородник, ухват, коромысло, ковш, зыбка, зола, навоз, назем, тропка, дорожка, волосья (но „трепать за виски"), кочет, паук, волк, пахать, бороновать, доить, мести, играть песни, коровод, рели (высокие), качели (низкие), вопить и голосить (по покойнике),

врать и хвастать и брехать, умориться и замучиться; баять, зевать и шуметь; свекровь; горница, сельница (гумно), горнушка, шесток, конек.

Отмечу еще несколько записанных местных слов, частью имеющих только фонетические отличия: адя́ (пойдем), бо́ли (больше), врак (овраг), ды́ху нет (дыханья), зача́ть (начать), крипи́ва (крапива), мачли́ва (мокрое) ме́ста, насусьме́тный (бесчисленный), нынь и нонь (ныне), пава́дились (привыкли), пъсканя́цца (созревают, о конопле), прима́цца (приниматься), с пыло́чку (с пылу), суды́ (сюда), туды́ (туда), ташчэ́й (худей, сравн. степень от „тощий"), терябо́чкъй (посредством дерганья), шабёр (сосед) (Шиг.), ай (или), абря́да (наряд), нака́звъють (поручают), на на́шъх пъмятя́х (Крук.).

Закончив характеристику говоров Шигони и Крукола, необходимо сделать несколько общих замечаний.

Прежде всего, надо отметить, что эти два говора не ассимилировались, несмотря на совместное существование в одном селе в течение по меньшей мере 150 лет, если принять, что оба конца села возникли незадолго до генерального межевания. Но тот факт, что во время генерального межевания Канаевка была значительным селом в 150 дворов с 1158 душами населения, может говорить о том, что село возникло значительно раньше; в таком случае и сожительство говоров продолжалось больший срок.

Чтобы установить, как изменился каждый из рассматриваемых говоров под влиянием соседства с другим, самым надежным было бы знать их характеристику в начале их совместной жизни. Это было бы нетрудно установить, имея сведения, из какой группы говоров вышел каждый из них.

Как указывалось, по полученным мною сведениям, население с. Канаевки частью пришло сюда из с. Шигони Мордовской АССР (быв. Инсарский уезд). Название одного конца Шигонским подтверждает эти сведения. Поэтому я обратился к учительнице с. Шигони М. В. Кочетковой с просьбой сообщить сведения о говоре с. Шигони.

В присланном ею ответе есть два указания, косвенно подтверждающие родство населения с. Канаевки и с. Шигони. Так 1) крестьяне обоих сел — государственные, 2) старый женский костюм одинаков с канаевским („в старое время носили московские сарафаны с медными пуговицами и позументами напереди"). Что касается самого говора, то он оказался целиком сходным с говором Шигонского конца. Это делает вполне вероятным, что шигонский говор занесен в Канаевку из с. Шигони и со времени переселения не подвергся заметным изменениям.[1]

Это типичный переходный говор. Об этом свидетельствует наличие 1) взрывного *г*, 2) твердого *т* в 3-м л. глаголов, 3) род. пад. местоимений — на *я*, 4) аканья и, в частности, характера яканья, 5) может быть, твердых *щ*, *ч*, 6) наконец, словарных особенностей. Переходные говоры с таким сочетанием особенностей вообще довольно широко распространены в Пензенской области. В нем нельзя указать таких черт, появление которых с необходимостью следовало бы относить ко времени его бытования в Канаевке.[2]

Несколько иначе обстоит дело с говором Крукола.

За отсутствием точных сведений, откуда переселились представители этого говора, можно сделать лишь некоторые предположения о более ранней характеристике этого говора по его теперешнему состоянию, — именно, устанавливая, к какой диалектологической группе следует его отнести. За его принадлежность к южнорусским говорам говорят такие черты, отличающие его от говора Шигони: 1) мягкое *ть* в 3-м л.; 2) род. пад. местоимений на *е*, 3) ассимилятивно-диссимилятивное яканье, которое зарегистрировано только среди чистых южнорусских говоров; 4) неорганическое смягчение *к*, тогда как в северных и переходных говорах Пензен-

[1] Ниже, в Приложении, даются сведения о говоре с. Шигони Мордовской АССР.

[2] Допустить, что говор Шигони пришел в Канаевку северным и только там утратил оканье, невероятно, вследствие устойчивости яканья Шигони и резкого отличия его от яканья Крукола.

ской области эта черта не отмечается.[1] Но представлению о южнорусском говоре противоречит наличие взрывного г. Однако, ввиду необычности такого сочетания южнорусских и севернорусских особенностей в переходных говорах, считаю возможным относить крукольский говор к чистым южнорусским говорам и, следовательно, допустить более раннее существование в нем фрикативного γ, подтверждением чего служат такие примеры, как крух, пирóх. В частности, по типу яканья и другим чертам этот говор относится к восточной группе южнорусских говоров. Самое название „мещера", приписываемое жителям этого конца, также указывает на южнорусские говоры с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем.

Приняв эти предположения о типах говоров Шигони и Крукола ко времени их встречи в Канаевке, по вопросу об их взаимодействии можно отметить следующее:

1. Как и в настоящее время (см. выше о насмешках над произношением крукольцев), господствующим был говор Шигони, и поэтому в нем не заметно следов влияния со стороны говора Крукола.

2. Говор Крукола представляет пример усвоения южнорусским говором севернорусских особенностей при посредстве переходного говора.

3. По вопросу о том, какие черты ассимилируются скорее всего, а какие, наоборот, дольше всего сохраняются, можно отметить такие подробности: а) как и следует ожидать, в словаре различия между говорами стерлись; при этом словарь в общем язляется типичным севернорусским или, точнее, переходным; южнорусская номенклатура отсутствует (напр., нет таких названий, как „махотка, дежа, рогач, емки, чапельник, скородить, волочить"); такие слова, как „запон, коник, судняя лавка", имеющиеся в южнорусских говорах, нередки

[1] См. 5-й выпуск „Трудов Моск. диал. ком.", стр. 91, прим. 58, где указано, что неорганическое смягчение „не отмечено вовсе в с.-в.-р. говорах Нижегородской, Казанской, Пензенской, Симбирской и других губерний Нижн. Поволжья"; см. также мою статью „Типы великорусских говоров Пензенской губ." стр. 17.

и в переходных говорах Пензенской области; b) если можно допустить раннюю ассимиляцию словаря, то по отношению к морфологическим и фонетическим явлениям в целом невозможно установить разную степень их сопротивляемости влиянию другого говора: нельзя установить, например, что морфологические особенности исчезают скорее, чем фонетические; так, до настоящего времени сохранился ряд фонетических (ассимилятивно-диссимилятивное яканье, неорганическое смягчение *к*) и морфологических (*ть* в 3-м л., род. и дат. пад. местоимений) особенностей крукольского говора, а исчезла такая крупная черта, как γ фрикативное.

4. Самый процесс замены известной черты одного говора соответствующей чертой другого первым этапом имеет смешение, когда при одних и тех же условиях появляются разные варианты произношения или форм (ср. характер яканья; окончание 3-го л.), из которых одни случаи представляют сохранение старого, а другие — заимствуемое новое. Такие же случаи, как крух, пирóх, свидетельствуют о том, что такое производное явление, как конечное *х*, вызванное наличием в говоре в более ранний период фрикативного γ, в своей дальнейшей судьбе может оказаться несвязанным с этим явлением-причиной и при ассимиляции с другим говором сохраняться в прежнем виде, несмотря на утрату явления, обусловившего его возникновение.

Может быть, пример возникновения нового явления, которого не существовало в обоих столкнувшихся говорах, представляют формы хóжу, нóшу, так как обычно в говорах формы 1-го л., образованные от основы других лиц, имеют и конечный согласный, одинаковый с другими лицами, именно являются в виде хóдю, нóсю.

В таком случае, можно отметить, что влияние воздействующего говора может сгладить одно различие (здесь различие в последнем согласном основы), не затронув другого (ударение на основе вм. окончания); в результате возникает явление, представляющее контаминацию соответствующих фактов двух говоров.

5. По вопросу о том, почему господствующим говором оказался говор Шигони, можно отметить, что на это мог повлиять значительный численный перевес в населении Шигони по сравнению с Круколом; как указывалось, первый конец по числу жителей втрое превосходит второй. Однако необходимо обратить внимание и на то, что во всех пунктах, где имеется расхождение между обоими говорами, особенности говора Шигони совпадают с соответствующими чертами литературного языка, так что в своем влиянии на говор Крукола говор Шигони имеет мощного союзника в литературном языке. Некоторым подтверждением того, что литературный язык оказывает влияние на взаимоотношение этих говоров, служит то, что быстрое разрушение говора Крукола началось только у теперешнего молодого поколения (выше указывалось, что у старых женщин еще вполне последовательно сохраняются особенности говора Крукола, а среди молодежи есть такие, которые целиком их утратили, слившись по говору с Шигонью); это может быть поставлено в связь с влиянием школы и современной общественной жизни.

6. Наконец, одно замечание о женском костюме. Тип костюма с синим сарафаном на лямках, имеющим спереди цветную полосу, можно считать севернорусским.[1] Ввиду этого можно поставить вопрос, не произошла ли в области костюма ассимиляция, выразившаяся в том, что Крукол сменил свой костюм на шигонский. На предположения о том, что теперешний канаевский костюм не должен быть давним в Круколе, наводят следующие основания: а) для южнорусского населения Крукола севернорусский комплекс костюма является странным; б) как указывалось, жители Крукола носят название „мещеры", а для русской мещеры характерен поневный комплекс костюма;[2] в) в частности, мне известен южнорусский говор с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, одного типа

[1] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры. М. 1926, стр. 108.

[2] Там же.

с крукольским, причем население, говорящее на этом диалекте и имеющее поневный комплекс костюма, тоже носит название „мещеры“ (с. Кириллово Вадского района). Повторяю, что, за отсутствием фактических данных я только ставлю вопрос, решение которого помогло бы осветить такие важные этнографические проблемы: а) идет ли ассимиляция в языке в одном направлении с ассимиляцией в быте (здесь подчинение Крукола); б) какие различия в говоре или костюме сохраняются дольше и, следовательно, могут обнаруживать более древние исторические группировки населения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Сведения о говоре с. Шигони Мордовской АССР

Они представляют собой ответы учительницы с. Шигони М. В. Кочетковой на вопросы составленной мною анкеты. Звуки и их группы, относительно произношения которых в анкете ставились вопросы, обозначены курсивом.[1]

1. Село Шигонь, Ново-Троицкой волости, Саранского уезда.

2. В слоге перед ударением говорят: в*а*д*а́*, *а*н*и́*, б*а*льн*о́й*, п*а*йд*у́*, г*а*д*а́*, ст*а*я́ть, б*а*льш*о́й*, а вместо сосед говорят ш*а*б*ёр*.

3. Говорят: с*я*л*о́*, в л*я*с*у́*, р*я*б*о́й*, с*я*стр*а́*, стян*а́*, пят*о́*к, р*я*бр*о́*, б*я*д*а́*, л*я*г*у́*шка, ж*а*н*а́*, ям*у́*, ш*а*ст*о́й*, пятн*а́*дцать, ж*а*л*а́*ть, р*я*к*а́*, пл*я*с*а́*ть, п*я*шк*о́*м.

4. Б*и*р*е́*за, в гр*и*з*е́*, в р*и*к*е́* (р*я*к*а́*), н*и*с*е́*м, ц*и*н*и́*ть, м*и*н*я́*, ж*а*л*у́*дак, з*и*тья́, н*и*ст*и́*, час*ы́*, б*и*р*е́*шь, гл*и*д*и́*, (гл*я*дел), на ст*и*не, в в*и*сне (вясна), л*и*жит, б*и*жать, ц*ы*лея, дис*и*тина, ж*и*них, с*и*стрица (сястра), в*и*лел, ч*и*ремаха, н*и*веста, р*а*бяты, л*я*док, з*и*ленай, п*и*терка, паш*и*ница, гл*я*деть, т*я*мно, в*и*дешь, в*я*нки, на ш*а*стке, кач*и*рьга, д*и*фченка, ц*а*на, на п*я*ске, н*и*льзя.

5. Г*а*лав*а́*, с*и*мяна, к*а*ласк*и́*, пятух*и́*, *я*рав*о́й*, в*а*рот*а́*, мясаéд, в*а*дян*о́й*, с*а*лав*е́й*, п*а*лав*и́*на.

6. Муж*у*к*и́*, с*у*хар*и́*, чагун*ы́*, к*у*зняц*у́*, с*у*ндук*и́*, т*у*пар*ы́*, д*у*рак*и́*, р*у*кам*о́й*ник.

---

[1] Словарные данные собраны из вопросника программы МДК.

7. *А*гарот, *а*гурцы, *а*тказать, *а*фца, *а*башел, *а*дин, *а*тапри, *а*бмалатил, *а*тарвать.

8. Лéсам, пóлям, нóжак, лóшать, хóлат, úгаль, прóдал, зáмуш, в гóраде, вóласы, вы́гнали, дóжжык, пáлкай, óсянью, óзяро мéсяц, вéтяр, пóяс, кáминь, дéвять, он бýдит, дáйти, слýчай, салóмай, кáнул, спрáтать.

9. Грясь, взять, пять, мятай, дивя́тка.

10. Знат, моят, Андреф, бывáт, думат, Николаф, другýю, вясéлую.

11. Пéчка, вéсел.

12. Рок, друк, парóк, дóрок, крук, лек.

13. *Шш*ука, *шш*ы, и*шш*ý, рóшша, дожжы́, кляшшы́, *шш*ыпáть, вóжжы.

14. Чы́стый, учытяль, чытáть, тачы́ть.

15. Чáшка, дóчь, *ть*вет, úлица, чыстай, ручка, час, цепь, речка, чéтвяро, цапы́.

16. Чайку, Ванька, авечка, хозяйка, дочька, горька.

17. Первый, серьп, русскай, верьх, балафство, черьпать, качарьга, дергают.

18. Тиши, темнай.

19. Кислай, кинуть, в руке, Киеф.

20. в руке, внук, дефка, влес, кароф, лафка, фсе, овсы

21. Крофь, семь, голупь, приготофь, рупь, корабль, любофь.

22. Миня́, тибя́, сибя́, тибе́, сибе́, адны́.

23. Мое́, родны́я, сырыми, дрова́ми.

24. Зло́ва, прямóва, яво́.

25. В шесты́м часу, в свои́м до́ми, в больши́м, на ржаны́м по́ли.

26. При дялах.

27. Тикёшь, запрягёт, испякёт.

28. Он идёт, он растёт, просит, бьёт, он знат, они нясут.

29. Фунт, фартук, сарафан, Филипп, Фядот, канфета.

30. Хожу́, ношу́, прошу́, уступлю́, набáвлю, посажу́, ворочу́, обхожу́сь.

31. Говорят с частицей то: агарóд-ат, зямли́-та, бáбы-та, цеп-ат.

32. *Ня* дам, *ня* верит, *ня* знай, *ня* знат, *ня* все.

33. 1) Крестьянский дом называется избой; части его: сени, лавка, коник, брус; 2) части печи: чело, шесток, корнушка, печурка, кожух, свинья; 3) женские наряды и их части: сарафан, кумачник, китайка, фартук, запон, шубка, поддевка, нагрудник, пояс. Молодые девушки и женщины носят теперь только сарафаны и юбки, а пожилые — кумачники (из кумача красного на подкладке), китайки и сукманы самотканные (в старое время носили так называемые „московские" сарафаны, с медными пуговицами и позументами впереди); 4) обувь и ее части: лапти, онучи, сапоги, полсапожки, коты, чулки; 5) женские головные уборы: повойник (в более старое время была сорока). Завязывают платок: волосы причесывают на прямой пробор, против пробора делают конек, концы завязывают под „подбородкой"; 6) предметы домашней утвари: горшок, чугун, ведро, лохань, кувшин, чашка, рубель, скалка, ночёвки, ухват, кочерга, сковородник; 7) лошадь, квашня, сковородник, ухват, коромысло, ковш, ушат, зыбка, зола (от дров), пепел (от соломы), назем, тропка, виски и косы, кочет, паук, волк, ячмень, пахать сохою, бороновать, доить корову, мести пол, резать хлеб, петь песни, водить „каравот", рукобитье (перед свадьбой). Рельи, хвастать, замучиться, хороший, баять и калякать, зевать, молчи, свекровь, чалэк (у стариков).

Употребляются слова: горница (передняя комната в пятистенном доме), грядка (в огороде), горнушка (часть печи), поветь (соломенная крыша избы). Остальные слова не употребляются.

Хотя некоторые записи вызывают сомнение, но подавляющее большинство данных можно признать достоверными, и общий характер говора с. Шигони обрисован с достаточной определенностью. Это типичный переходный говор с умеренным яканьем, с твердыми долгими шипящими и *ч*.

В заключение выражаю глубокую благодарность А. Е. Любимову и М. В. Кочетковой, доставившим использованные здесь сведения.

Тексты

Щигонский конец

Скака́л каза́к наедино́чки,
Блисти́т кале́чка на руке́
Кальцо́ каза́чка пъдари́ла.
Ана́ дари́ла гъвари́ла,
Што чириз го́т буду твая́.
Го́т прашо́л — каза́к стряло́ю
Ф сяло́ радно́йе паскака́л,
Зави́дил ха́ту пад гаро́ю,
Заби́лась се́рцъ — он малчя́л.
На фстре́чю ста́рая стару́шка
Търаплива́ гъвари́т:
Напра́сна ты каза́к стрими́сьси,
Напра́сна му́чаиш каня́
Тибе́ каза́чка изьмини́ла,
Другому́ шша́сьтьи адда́ла
Ты вертайси пъскаре́я
Ф сяло́ в радно́йе пъгуля́ть.

Ни бяла́ заря́ в ако́шъчку вашла́,
Я взашла́, пришла́,
Бе́лы ру́чки падала́.
Мил на го́ренки паха́жъваит,
Свой туго́й лучо́к натя́гъваит,
Клинаву́ю стряла́ у́ накла́дъвъит,
Клинаво́й стриле́ нака́зъвъит:
Ты лити́, лити́ клянóвая стряла́
Мяма са́дику зиле́нъва,
Ми́ма ле́су те́мнъва,
Ты убе́й-къ, убе́й, клянóвая стряла́,
Сизóва нъ лятý,
Се́ру у́тицу на Во́лги на рике́,
Ръзальёцъ з гор по́лья вада́,
Из азёр клю́чъньки пайлу́т,
Пъ лушка́м а́лы цвяты́ зъцвяту́т.
Я па е́тим цвята́м хади́ла,
Пъ лазу́ривым гуля́ла.
Ни нашла́ я цве́тика алóва
Супрати́ свабо́ милóва.
Како́й мой ми́лъй харо́шъй —
Чърнабро́венькъй, че́рнагла́зинькъй.

В. Н. СИДОРОВ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ ОДНОГО ИЗ ГОВОРОВ РЯЗАНСКОЙ МЕЩЕРЫ

Материалом для настоящего описания послужили записи, произведенные мной летом 1925 г. в с. Мелехове, Рязанской области, Чучковского района (по административному делению того времени — Сасовского уезда, Чучковской волости).

Мелехово — большое село,[1] принадлежавшее во времена крепостного права нескольким помещикам.

Перед революцией с. Мелехово было волостным центром и входило в состав Касимовского уезда, Рязанской губернии, находясь на самом его юге, неподалеку от границ Сапожковского уезда Рязанской губернии и Шацкого уезда Тамбовской губернии. По рассказам местных жителей, относительно еще недавно в непосредственной близости от Мелехова почти не было селений, и вся Мелеховская волость состояла лишь из самого села. Только за последние какие-нибудь 15—20 лет вокруг выросли выселки из разных сел и деревень, в том числе и из с. Мелехова.

Территориальная обособленность еще в недавнем прошлом, отдаленность от культурных и административных центров, от железной дороги (до ближайшего полустанка 15 км по малопроезжей и почти незаселенной дороге) сказались в со-

[1] В начале XX в. в нем насчитывалось до 2500 жителей. („Россия", под ред. В. П. Семенова, т. III. Среднерусская черноземная область. СПб., 1902, стр. 331).

хранении целого ряда интересных архаизмов в материальной и духовной культуре. Отразилось это и на говоре села.

По своему языку с. Мелехово принадлежит к так называемой русской мещере.[1] Большая сохранность традиционного языка, в котором весьма последовательно проводятся характерные диалектные черты, делают Мелехово не безинтересным объектом для диалектологического описания.

Задача настоящей работы — дать представление о традиционном говоре села таким, каким он сохранился до 1926 г. и каким он был в употреблении, можно сказать, у подавляющего большинства мелеховского населения. Поэтому в ней не упомянуты процессы взаимодействия языка местного и литературного, его смены языком города и т. д. Впрочем, надо сказать, в этом отношении с. Мелехово и не давало характерных показательных данных.

В основу работы легли, главным образом, записи образцов разговорной речи и в меньшей степени записи песенного материала. Язык песни, представляя собой по сравнению с разговорной речью иной языковый „стиль", осуществляет систему произношения, несколько отличную от фонетической системы разговорного языка, почему им не всегда можно было воспользоваться.[2] Так, в пении мелеховцев наблюдается меньшая степень редукции неударенного вокализма (вместо редуцированных *ъ*, *ь* обычно представлены звуки более полного образования *а*, *и*). „Играя" хороводную песню, они, кроме того, нередко употребляют в начале слова перед гласной

[1] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных. СПб., 1913, § 119, стр. 309—312; И. Е. Лахерма. Отчет о поездке в Саратовскую, Пензенскую и Тамбовскую губ. к обрусевшей мещере („Этногр. обозр.", 1915, № 2—4, стр. 145—151); Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры. Ч. I (Тр. Гос. музея Центр. пром. обл. М., 1926, вып. 3, стр. 10 и сл.); М. Д. Малинина. Очерки рязанской мещеры („Вестник рязанских краеведов", № 3. Рязань, 1925, стр. 1—20).

[2] См. замечания о языке песен А. М. Селищева. Заметки по великорусской диалектологии. I. К изучению типов аканья („Slavia" Roč. VI, Seš. 2 a 3 Praha, 1927, 458—462).

„паразитный“ *j* (jóн, на jул'йцу, тр'й jузлá),[1] из-за ритмического задания допускают перестановку ударения (на jул'йцу, Ван'ушá, на калпáцк'и, дрýгаi), или пропуск гласной (на jул'цý). При „вавканье“ частушек можно наблюдать черты городской фонетики, сказывающейся в различении аффрикат *ц* и *ч*, в наличии губно-зубной глухой фонемы *ф*.

Короткий срок, бывший в моем распоряжении для наблюдения и записи языкового материала, обусловил неравномерность отдельных разделов работы. С достаточной полнотой представлена здесь лишь фонетика говора. В морфологии пришлось ограничиться отдельными замечаниями, а синтаксис совсем опустить.

Предлагаемое описание фонетической системы говора ставит своей задачей дать представление о совокупности фонем, выступающих в качестве дифференциальных знаков языковых значений, и о видоизменениях этих фонем, обусловливаемых фонетическим положением их в слове.

Однако для диалектологических целей такое описание недостаточно. Даже в том случае, если бы диалектология ставила себе целью лишь описание и группировку говоров в том их виде, в каком они существуют в определенную эпоху, то и тогда чисто синхронное описание фонетической системы давало бы слишком общий материал для диалектных сопоставлений. При таком описании можно показать сходство и различие говоров лишь по общему количеству и качеству фонем и по общим нормам их реализации в слове. Но такое описание не позволяет производить конкретные сопоставления соответствующих фонем, хотя бы качественно и совершенно тождественных, поскольку исторически они могут образоваться в результате различных фонетических процессов. Отсюда вытекает необходимость в историческом освещении звуковой

[1] Акад. А. И. Соболевский. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике. 20 („Лингвистические и археологические наблюдения“, вып. I. Варшава, 1910, стр. 39—43). Н. Дурново. Паразитное j в великорусском наречии („Мелкие заметки по русскому языку“. ЖМНПр., 1902. № 6, отд. 2. стр. 257—260).

системы говоров. Это тем более необходимо, что для диалектологии, как науки исторической, синхронное описание и группировка говоров — не самоцель, а средство и материал для воссоздания истории национального языка на всей территории его распространения и во всем разнообразии его диалектных различий.

Замечания исторического характера, включенные в описание фонетической системы, не претендуют на полноту и систематичность и касаются очень немногих фактов, главным образом тех, генезис которых представляет существенные различия по русским говорам. Замечания затрагивают лишь генезис фонем, а не их вариантов и вариаций, поскольку последние определяются действующими в настоящее время нормами реализации фонем.

ФОНЕТИКА

1. В языке с. Мелехова пять гласных фонем. Их качество и образование в общем таково же, как и соответствующих гласных литературного языка. Это 1) переднее, верхнего подъема, нелабиализованное *и* (ӣшут, бах'йла, стар'ӣнъi̯, тр'ӣ рубл'й); 2) переднее, среднего подъема, нелабиализованное *е* (е́тът, в б'е́лъм, ар'е́х, ше́ст, в ыз'б'е́, нъ п'иц'е́); 3) среднее, нижнего подъема, нелабиализованное *а* (на́да, бра́т, ван'ца́л'ис', ф с'т'ап'а́х, ана́, стаi̯м'а́); 4) заднее, среднего подъема, лабиализованное *о* (о́вът, о́с'ьн', но́н'а, т'о́тка, с'ало́, дупл'о́) и 5) заднее, верхнего подъема, лабиализованное *у* (у́гъл', бу́д'ът', гӯшу, кр'у́цi̯и, друшку́, пъгл'ид'у́).

Все эти гласные различаются лишь в положении под ударением.

2. Фонема *е* мелеховского говора в основном является отражением старой фонемы **ѣ*. Такое *е* из **ѣ* выступает во многих корнях слов как перед твердыми, так и перед мягкими согласными: б'е́лъи, в'е́к, в'е́тка, в'е́т'и (вид узора), в'е́шка, из'в'е́снъi̯а, нав'е́рна, д'е́ф'к'и, д'е́шка, д'е́лъi̯ут', рукад'е́л'i̯а, ад'е́л'у, над'е́ну, з'д'е́шнъi̯а, ат'j̯е́хът', кл'е́ф, кл'е́ш̄ы, кал'е́нку, л'е́тъм, л'е́зут', н'е́ту, с аб'е́ду, ар'е́шки, п'е́с'н'и, с'е́i̯ут', пас'е́фка,

с'ém'ьнъi̯a, с'éн'и, сас'éт, хл'éп, цулав'éк, цéфка, шéпка[1] и др. Этого же происхождения *е* в глагольных суффиксах: ибл'ит'éла, гл'ид'ела, иплашéла; в суффиксе сравнительной формы: пъб'ил'éi̯; в падежных окончаниях местоимения в'éс'; фс'é, фс'éх; в окончании предл. пад. ед. ч. существительных: в угл'é, пр'и ацé, ф кушык'é, ф с'ил'é, в гар'é, в бат'в'é, ф п'ицé; в дат. пад. ед. ч. существительных жен. рода: г жын'é, г эамл'é, к р'ик'é, в род. пад. ед. ч. существительных жен. рода: у жын'é, б'из дуг'é, у с'астр'é, из'амл'é и в некоторых других случаях.

В двух словах на месте этимологического **ѣ* отмечена фонема *и*. Эти слова — jи́с'т' и д'ив'ьр': фс'éх jи́с'т' застáв'у, анá л'ипъвъи л'истк'и̯ jи́с'т', д'он д'в'анацът' н'и jи́ш,[2] другóва д'ив'ьр'а — слова, известные в такой огласовке и другим говорам, не знающим перехода **ѣ* в *и*, в том числе и говорам Рязанской области.[3]

Кроме **ѣ* фонема *е* может исторически соответствовать также старому **е*. В этом случае она обнаруживается преимущественно в положении перед мягкими согласными, причем такое *е* может восходить как к исконному **е*: ф с'éр'ьду, п'ир'éд'н'и̯, д'éр'ьва, пъс'ир'ét'рыг'и, с'éм', шéс'т', тр'ét'и̯, цét'в'ьра, на н'éi̯, у н'éi̯, кам'éн'i̯и, кар'éн'i̯и, jéс'т' („имеется") и др., так и к *е* из **ь*: д'éн', д'в'éр', л'уд'éi̯, жéр'т', в'éр'т', вд'éр'н'иш, п'éр'в'ъi̯ с'éр'п, цéр'ква, в'éр'хн'и̯, д'éр'гъицы, д'éр'жыца и др. Перед мягкими согласными фонема *е* не из *ѣ* может вступать в чередование с фонемой *о*, являющейся в той же морфеме

[1] О*ѣ из *oi̯ в слове „щепка" см. N. Dournovo. Le traitement de *sk dans les langues slaves" („Revues des études slaves", t. VI, fasc. 3—4. Paris, 1926. p. 216—223).

[2] Ср. также в частушках, где слово jи́с'т' рифмует со словами с ударяемыми *и*:

ja р'яб'и́нушку лама́ла	пр'ихад'и́ р'иб'и́ну jи́с'т'
ипуска́ла к'и́с'т'и вн'и́с	выб'ира́i̯ л'убу́i̯у к'и́с'т'
já м'и́лъму маха́ла	са мно́i̯ р'а́душкъм сад'и́с'

[3] Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусского наречия. Варшава, 1892, стр. 30, 33—34.

в положении перед твердыми согласными: жéр'т' — жóртка, д'в'éр' — д'в'óрк'и, цéр'т'и — цóрта, в'éр'т' — в'óртъм, д'éр'жыц̄а — пад'óршка, ш̄éл' — ш̄óлъцка, на н'éі — на н'óм и др. Хотя фонемы *е* и *о* в данном случае обнаруживаются в фонетически различных положениях, однако для современной системы языка Мелехова чередование *е* — *о* фонетически не обусловлено. На это указывает, с одной стороны, то, что фонема *е* может выступать не только перед мягкими согласными, но и перед твердыми (ср. хотя бы *е* из **ѣ*), а с другой стороны, то, что фонема *о* после мягких согласных может выступать не только перед твердым согласным, но и перед мягким (см. § 3).

По большей части фонема *е* не из **ѣ* выступает в положении перед мягкими согласными, но в некоторых случаях такое *е* является и в положении перед твердыми согласными. Сюда, например, относятся случаи произношения *е* перед аффрикатой *ц̄*: п'éц̄, п'éцка, ат'éц̄, кан'éц̄, с'в'ит'éц̄, кр'ис'т'éц̄ (но дашóц̄к'и). Отмечено произношение *е* перед твердым долгим шипящим: в'éш̄ы, но произносится и *о*: т'óш̄а; к сожалению, зарегистрированы лишь единичные примеры, по которым невозможно сделать какие-либо выводы. Фонема *е* из **ь* представлена перед твердой согласной *ρ* в положении перед шипящими: в'éршн'ик, в'éржыц̄а(?) „мерещится“, дéржыц̄а. Последнее слово известно в говоре Мелехова также с мягкой согласной *ρ'*: д'éр'жыц̄а, ср. д'ир'жы́; а в других словах с тем же корнем перед твердым *ρ* выступает фонема *о*: пад'óржывъіит', пад'óршка. Наконец, фонема *е* не из **ѣ* перед твердым согласным является в начале слова, например, в местоимении éта, étът, étъва и пр., в междометии éх: éх, дъ паіду́ мла́да ја ф садóк, ф са́т садóк, éх дъ сарву́ д ја мла́да дъ ја цв'а́т цв'атóк.

3. В говоре с. Мелехова не различается двух задних лабиализованных фонем среднего подъема, как это наблюдается во многих русских говорах — и в частности в говорах Рязанской области. В соответствии со старым *о*, вне зависимости от прежних интонационных отношений, в языке одна фонема *о*. Она же является и на месте *ъ*.

После мягких согласных, шипящих и *ц* фонема *о* этимологически соответствует гласным *е́* и *ь*. Такое *о* является большей частью перед твердыми согласными: хр'о́ст, в'о́рст, ад'о́р, н'о́ба, кат'о́нък, наз'д'о́вък, д'в'о́рк'и, ц̣о́рта, па ц̣о́рнъму, ф ц̣о́м, капц̣о́нъ̣а, шо́лкъвъи, дашо́л, жо́ртка, слажо́на, распӯшо́нъи и др. и на конце слова: фс'о́, у н'ийо́, кал'ц̣о́ хърашо́, иш̄о́ и др. Однако нередко фонема *о* произносится и перед мягкими согласными: т'о́т'а, наз'д'о́в'ик'и, закл'о́п'к'и, пц̣о́л'н'ик и др. Также в личных окончаниях глаголов: жыв'о́т', маг'о́т', бл'уд'о́т', даи̯м'о́т', пъмагн'от'; — б'ир'о́т'а, пр'ишйо́т'а, п'ик'о́т'а; — пъс'м'ийо́с'и и в окончаниях имен: з'амл'о́ı̯ с'в'ин'йо́ı̯, ис фс'о́ı̯.

В некоторых словах фонема *о* заменила этимологическое *а*, — ср. пло́т'им, завол'у, завор'у, — явившись в них на почве неразличения в безударных положениях фонем *о* и *а* (см. ниже, 6 и 7).

4. Различаясь в слоге под ударением, гласные фонемы не остаются качественно тождественными в любом ударенном положении, а видоизменяются в зависимости от соседства с твердыми или мягкими согласными. Однако это видоизменение не имеет фонематического значения, потому что, как бы значительно ни видоизменялось основное качество гласных, они в любом положении под ударением различаются между собой. Иначе говоря, в ударенном слоге гласные фонемы в зависимости от позиции реализуются в вариациях, а не в вариантах.

5. Более других гласных фонем в слоге под ударением видоизменяется фонема *и*, которая в положении после твердых согласных реализуется в вариации *ы* — нелабиализованном звуке верхнего подъема среднего ряда.

Следовательно, как гласная переднего ряда, фонема *и* произносится в начале слова: и́збы, и́ш̄ут', и́х и после мягких согласных фонем: хад'и́ла, стар'и́нъ̣ı̯, н'и́тка, пал'и́к, кам'ји́, угл'и́, тр'и рубл'и́. После твердых согласных фонем, парных с мягкими, произносится вариация среднего ряда *ы*: в ы́збу, аты́ш̄ут', цв'аты́, каблы́, шыпы́ (ср. угл'и́, кам'ји́), цатыр'и, зы́пка, цалы́ш, ры́га, вы́в'ила. Вариация *ы* (впрочем по образованию несколько более передняя) представлена также и в

положении после шипящих согласных *ш*, *ж* и аффрикаты *ц* — твердых согласных, внепарных по твердости и мягкости (см. § 20): кушы́н, шы́та, шы́т, зъдвашы́лс'и, ишы́, пр'ижы́м, мужы́к, гужы́, д'ир'жы́, дажы́, цы́стьі, пълуцы́ла, кан'цы́. После задненёбных согласных *к*, *г*, *х*, тоже внепарных по твердости и мягкости, произносится, однако, основной вид фонемы *и*, причем последняя смягчает предшествующие ей задненёбные (см. § 25): р'атк'и́, цър'ип'к'и́, съпаг'и́, с'ир'г'и́, бах'и́ла. Но на стыке слов перед фонемой *и* произносятся несмягченные задненёбные, а сама фонема *и* реализуется, как и после остальных твердых согласных, в вариации *ы*: к ы́збъм, ка́к ых зау́т.

Указанное видоизменение фонемы *и*, т. е. реализация ее в вариации среднего ряда *ы*, вариации, определяемой положением после твердых согласных, характерно для фонемы и не только в слоге под ударением. Подобное же явление наблюдается и в неударенных позициях, но там оно сопровождается, кроме того, процессом редукции гласных, который захватывает не только фонему *и*, но и другие гласные фонемы.

Видоизменения прочих гласных фонем в слоге под ударением не так значительны, и их вариации представляют собой звуковые оттенки того же акустического типа, что и основной вид фонемы. Из таких вариаций[1] можно указать, например, на более высокое (узкое) образование гласных *и*, *е* в положении между мягкими согласными: (пр'и́д'ит', в'и́д'ил'и, хад'и́т', л'ит'и́т'; — кал'е́н'и, н'ив'е́р'у, р'ип'е́і, з'д'е́л'ньі), и на более переднее образование в такой же позиции гласных *а* (ап'а́т', з'ат', в'ат'а́м'и, л'ат'а́т'), *о* (б'ир'о́т'а, нъс'м'ијо́с'а, закл'о́п'к'и), *у* (л'у́б'ут', паjу́т', л'у́д'и).

6. Наиболее существенны для фонетической системы мелеховского говора видоизменения гласных фонем в неударенных позициях. Особенно большое значение в этом отношении имеет характер реализации гласных *а*, *о*, *е*.

Как и в других акающих южно- и среднерусских говорах, вокализм с. Мелехова характеризуется неразличением в не-

[1] В описании эти и подобные им вариации транскрипцией не отмечаются.

ударенных слогах фонем *а, о, е,* которые, в зависимости от их положения по отношению к ударенному слогу и некоторых других особенностей позиции (твердости и мягкости соседних согласных, качества гласных под ударением), реализуются в общих для них вариантах.

7. В слоге, непосредственно предшествующем ударению, гласные фонемы *а, о, е,* видоизменяясь, совпадают в редуцированных вариантах *а, и* (*ы*). Эти гласные — акустически того же, в общем, типа, что и фонемы *а, и* (*ы*): они отличаются от последних несколько большей краткостью и несколько сдвинутой к нейтральному укладу артикуляцией языка. Произношение того или другого из них обусловлено мягкостью и твердостью соседних согласных, а в положении между мягкими согласными, кроме того, качеством ударяемой гласной.

После твердых согласных и в начале слова без предшествующей согласной гласные фонемы *а, о* в непосредственно предударном слоге реализуются в варианте *а*, вне зависимости от твердости или мягкости последующей согласной: сама́, плато́к, вал'о́к, стар'ӣнъі, стару́ха; — вада́, п'а́т' гадо́х, скат'и́ну, ја гъвар'и́ла, шъбала́ (ср. шабо́л'ш̄ык'и), стаім'а́ стаи́т'; — в проклитиках: на у́л'ицу, на вы́хъд'и, па на́шъму, хад'и́л'и па ја́гъд'и, са скр'а́п'к'им'и́, пад го́р'а, хл'аба́і кал'хо́ш и др. В начале слова — ана́, ан'и́ (ср. о́н), ас'мо́і, аткў́л'и, або́их (о́ба), авра́х, ад'и́н, адна́ и т. д.

Тот же вариант *а* образуется из фонем *е, а, о,* после мягких согласных, перед твердыми: нъв'архў́, цв'аты́, гър'амы́шнъі, тр'и́ с'г'аны́, д'ало́х мно́га, в'ано́к, д'в'ана̄цът' ку́зъф с'ава́л'н'ик, гаршо́к с̄'ър'абро́м; — п'ата́к, п'атна̄цът', р'ада́м'и, ис пус'т'ако́х; — с'астра́, у с'астр'е́, с'ало́, к с'алу́, р'абро́, бр'авно́, с'в'акры́, т'алу́н', къл'асо́, пр'ин'асу́, к н'аму́, сапл'и́ т'аку́т', ва́с куды́ пън'асло́, хл'аба́і кал'хо́ш, т'алка́ ибадра́л, пълв'адра́; — в проклитиках: п'ър'ат па́скъі, п'ър'а̄тро́іцъі, д'л'а ва́с, д'л'а ста́ну и др.

В положении между мягкими согласными произносятся варианты *и, а,* причем их употребление регулируется характером гласной в слоге под ударением. А именно, перед гласными верхнего (*и, у*) и среднего (*е, о*) подъема в предударном слоге произносится звук *и*, тогда как перед гласной нижнего

подъема *а* употребляется вариант *а* (несколько более передний, чем аналогичный звук в положении после и перед твердыми согласными). Например:

1) перед ударяемыми гласными *и, у, е, о*: п'ит'и́, д'ир'жы́, пр'ил'ит'и́т'а, н'ис'и́, из̄'им'л'и́, р'иб'и́ну, с'ид'у́, гл'ид'у́, пъгл'ид'у́, к р'ик'е́, ф с'ил'е́, в'из'д'е́, пр'ис'е́н' („прясльце"), гл'ид'е́ла, ибл'ит'е́ла, пъс'ир'е́т' ры́г'и, с'в'ит'е́ц̣, кр'ис'т'е́ц̣, пл'ит'е́н', р'ип'е́ушк'и, п'ит'о́х вы́в'ьла, з̄им'л'о́і̯, т'ик'о́т', б'ир'о́т'а, п'ик'о́т'а, у н'ијо́, ијо́ (вин. ед.), нъс'м'ијо́с̄'а, в'ир'о́вц̣к'и, з'ил'о́нъі̯, и др.;

2) перед ударяемой гласной *а*: нъ ас'мо́і̯ д'ас'я́тък, шъз'д'ас'а́т, в'ан'ц̣а́л'и, в'ан'ц̣а́л'ис', в'ат'а́м'и (в'е́т'и — вид узора), ф с'т'ап'а́х, д'л'ь р'аб'а́т, з'ам'л'а́, з'ал'м'а́, нъјад'а́ц̣а, н'и път'ар'а́і̯, зъл'ат'а́т', гл'ад'а́т', с'ад'а́г', н'ал'з'а́, н'аз'л'а́, ис пл'ат'н'а́, лъз'ајá, с'п'ар'ва́, д'в'е́ ид'а'ја́лы, х'аз'а́ин и др.

8. Шипящие согласные *ш, ж, ш̄, ж̄* и аффриката *ц̣*, будучи по своему образованию звуками твердыми, функционируют в непосредственно предударном слоге по отношению к гласным *е, а, о*, как мягкие звуки. Поэтому после них употребление гласных в предударном положении соответствует употреблению гласных после мягких согласных.

Перед твердыми согласными после шипящих и *ц̣* в предударном слоге произносится вариант *а*: шасто́к, пръш̄ава́і̯т'а, а пато́м уш шаба́н', кушако́м, жана́, жано́і̯, цаво́, цаты́р'и ц̣апка́, цана́, ц̣ално́к, цало́, цалы́ш, нъц̣ава́т'. Перед мягкими согласными звук *а* произносится только перед слогом с ударяемым *а*: шал'а́т', лъшад'а́м, лъц̣ај́а́, цар'а́, къц̣ар'га́, а перед остальными гласными употребляется вариант *ы*: шыл'и́ш, с лъшыд'м'и́, пръд'ьшыв'и́ла, ф кушык'е́, биш̄ыс'т'и́, у жын'е́ стан жын'е́, ижыр'о́лка, въръжый, ицын'и́ и др.

Точно так же положение гласных в предударном слоге перед шипящими и *ц̣* оказывается аналогичным их положению перед мягкими согласными. Поэтому качество гласного, стоящего перед ними, определяется после мягких согласных характером ударяемого гласного. Перед слогом с ударяемым *а* произносится вариант *а*: л'аж'а́т', л'ажа́нка, ср'ажа́ла, нър'ажа́ла, пъіаж̄а́і̯, май в'аш̄а́, зъм'ац̣а́т'ьл'нъі̯, пъп'ац̣а́л'н'ьі̯, перед

слогом с ударяемыми гласными *и, у, е, о* произносится *и*: л'иж'ы́т', б'ижы́, т'ьл'ишóм нъружы́, ишó, ф п'ицé, п'ицýрка.

9. Таким образом, систему реализации гласных фонем в слоге, непосредственно предшествующем ударению, можно свести к следующему: между мягкими согласными, шипящими и *ц*, за исключением позиции перед ударяемым *а*, фонемы *е, а, о* реализуются в варианте *и* (*ы*), во всех же остальных положениях — в варианте *а*. Последний, следовательно, произносится после и перед твердыми согласными, а также между мягкими согласными, шипящими и *ц* перед ударяемым *а*.

По характеру употребления предударных гласных после мягких согласных язык с. Мелехова принадлежит к говорам с „ассимилятивным яканьем второго типа“:[1] звук *а* произносится перед твердыми согласными и перед мягкими только перед слогом с *а*. Здесь, следовательно, та разновидность яканья, которая отличается от широко распространенного в русских говорах „умеренного яканья“ произношением *а* между мягкими согласными перед слогом с ударяемым *а*, тогда как в говорах с умеренным яканьем между мягкими согласными обобщен один звук типа *и*, независимо от качества ударяемой гласной.

10. Система „ассимилятивного яканья“ очень последовательно проводится в языке с. Мелехова. Она не распространяется лишь на некоторые проклитики, в которых не только перед мягкими, но и перед твердыми согласными в непосредственно предударном слоге произносится гласная *и*. Такова отрицательная частица „не“ и предлог „без“, например: н'и на́да, н'и хо́цу, н'и па́шут', н'и но́с'у; — б'из ру́цък, б'ис це́р'к'в'и, б'изо́лъту и др., но н'ал'з'а́, н'аз'л'а́. С таким же гласным употребляются эти проклитики и в других неударяемых положениях: н'и л'агла́, н'и прас'е́кла, н'и запро́с'у, н'и в'инава́т'и, б'из дуг'е́, б'ишыс'т'и́. Необходимо еще отметить, что в вин.-род. пад. личных и возвратного местоимений между мягкими

[1] Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1, вып. 2, 1918, стр. 68, 72; его же. Введение в историю русского языка. Часть I. Brno, 1927, стр. 133; Н. Дурново, Н. Соколов и Д. Ушаков. Очерк русской диалектологии. М., 1915, стр. 39.

согласными перед ударяемым *а* произносится звук *и*: м'ин'á в'ан'цáл'и, т'иб'á завýт', шт'о у м'ин'á, тó и у т'иб'á, у с'иб'á, с'иб'á бл'улá. Факт „выпадения" этих форм из системы ассимилятивного яканья, повидимому, указывает, что в языке с. Мелехова здесь вариант фонемы *и*. В такой огласовке указанные формы довольно часто встречаются в севернорусских говорах.[1] Севернорусские формы, видимо, представлены и в языке с. Мелехова (ср. с южнорусск. формами на *е*: у менé, тебé, себé).

11. В остальных безударных положениях: в предударных, кроме начального, и в заударных, кроме конечного открытого слога, гласные фонемы *е, а, о* реализуются в редуцированных вариантах ъ и ь. Первый из них — краткий гласный средне-заднего ряда, среднего подъема, второй — такой же краткий, передне-среднего ряда верхне-среднего подъема.

Артикуляционно и акустически звуки типа ъ, ь не представляют вполне одинаковых образований, так как в зависимости от темпа и эмоциональности речи в произношении их наблюдается различная степень редукции. Иначе говоря, варианты ъ и ь, в которых реализуются фонемы *е, а, о*, — это не два постоянных по своему качеству звука, а ряды звучаний с различной степенью полноты образования. Чем менее редуцированы эти фонемы, тем больше их варианты по акустическому впечатлению и по образованию приближаются к звукам *а, и* непосредственно предударного слога. Вся эта совокупность факультативных редуцированных вариантов, реализующихся в предударных слогах, кроме непосредственно предударного и в заударных, кроме конечного открытого, условно обозначается в настоящей работе по наиболее редуцированной своей разновидности знаками ъ и ь. Обозначая звуки, встречающиеся только в определенной позиции слова, знаки ъ, ь в то же время указывают на сами эти позиции, т. е. служат для обозначения позиций потенциально наибольшей редукции.

Необходимо, однако, отметить, что даже при наибольшей редукции мелеховские гласные ъ, ь менее редуцированы, чем

[1] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 14, 149.

аналогичные звуки русского литературного языка в соответствующих позициях. Они менее кратки и отличаются от редуцированных звуков литературной речи артикуляцией языка, менее сдвинутой к нейтральному укладу.

Различие в употреблении редуцированных вариантов типа ъ, с одной стороны, и типа ь, с другой, обусловлено твердостью и мягкостью предшествующих им согласных.

После твердых согласных, в том числе шипящих и *ц*, произносится ъ, после мягких — ь. Например:

1) в предударных слогах: а) после твердого согласного: ф стър'инý, нъпускнói, съмад'ёл'шнъi, нъцавáл'и, пъiасóк(пóiьс), с лъшыд'м'й, дъмавói, дъмав'йда, с кълаклáм'и (кóлъкъл), съшн'ик'й, ръстр'ьп'ахн'йт'а, у жън'ихóх, шъз'д'ас'áт, цъл'икóм: в проклитиках: нъ вад'ё, нъ п'ър'арýбъх, нъ ръжаствó, нъ вас'мói д'ас'áтък, съ вратáм'и, дъ цар'á свъбад'йт'ъл'а, зъ бугрóм, път кал'ёнку, кам'ён'iи дъ кар'ёнiи; б) после мягкого согласного: фп'ьт'арóм, п'ьд'ас'áт, ф т'ьпл'акáх, пръд'ьшыв'йла, с'ьм'арых, т'ьл'ишóм нъружы, гаршóк с'ър'абрóм, м'ьл'ьхас'кáiа и др.

2) в зударных слогах: а) после твердого согласного: дат. мн. бáбъм, л'ёнтъм (ср. рукáм); в рыгъх, в анýцъх, нъ п'ър'арýбъх (ср. ф с'т'ап'áх), б'из рýцкъх, изáпълънкъх, тр'и пáсмъх, пáт' хýнтъх, ис крáснъх (ср. мнóга д'алóх), п'ёр'въi, бóсъi, шл'áшъi, в'исóкъi длубóкъi, цыган'с'къi (ср. бал'шói, плахói), ф пóтпъл'и, на выхъд'и; б) после мягкого согласного, с'ин'ьiа, з'имн'ьiа (ср. плахáiа), пъп'ацáл'н'ьi, ишó стар'ин'ьi (ср. пъб'ил'ёi), ф с'ёр'ьду, д'ёр'ьва, с óс'ьн'и.

12. Из фонем *е*, *а*, *о* в начале слова (не после согласной) во 2-м и далее от ударения слоге представлена лишь гласная *о*. Она реализуется в этом положении в варианте *и* (более редуцированном, чем в непосредственно предударном слоге): ивад'já (óвът), т'алкá ибадрáл, вадói ибдajýт', ибрат'йлс'и с'в'ин'jói, ибл'ит'ёла фс'ó, итървалáс', тóл'ка иснав'áты, иднарýшнъi нóш, д'в'ё ид'ajáлы и др.

13. В исходе слова без ударения гласные по полноте образования приближаются к гласным непосредственно предударного слога. Хотя они и более редуцированы, чем последние,

но все же не в такой степени, как гласные во 2-м и 3-м слоге перед ударением и в закрытых заударных слогах.

Фонемы *а, о* в исходе слова без ударения реализуются в варианте *а* как после твердых, так и после мягких согласных. Например:

1) после твердых согласных: ры́га, це́р'ква, ко́бл'ина, н'о́ба, го́рлушка, про́з'в'иша (ср. цана́, с'ало́); род. пад.: ста́на, цо́рта, авра́га, со́н'ца (ср. т'алка́); ли́шнъва, у хр'о́снъва, како́ва, харо́шъва (ср. таво́, съмаво́).

2) После мягких согласных: им.-вин. пад.: по́л'а, гул'а́н'іа, пла́т'із, пад го́р'а (ср. дупл'о́, ружјо́); род. пад.: кало́д'ьз'а, свъбад'и́т'л'а, з го́р'а, б'ис пла́т'іа (ср. из дупл'а́ дъ цар'а́) и др.

Фонема *е́* на конце слова в безударном положении реализуется в варианте *и*, а после шипящих и *ц* — *ы*; род. пад.: у ба́б'и, ис це́р'кв'и, ис фс'о́і с'и́л'и, пъс'ир'е́т' ры́г'и, у Ла́р'к'и, ис ка́шы, у т'о́шы (ср. ста́н жын'е́, б'из дуг'е́); пр. п. пр'и ба́б'и, ф це́р'кв'и, на сва́д'б'и, ф кало́д'ьз'и, ф по́тпъл'и, на у́л'ицы, пр'и со́н'цы (ср. в ыз'б'е́, пр'и а̄це́).

14. Менее существенны для фонетической системы говора видоизменения в неударенных слогах фонем *у, и*.

Они количественно редуцируются в зависимости от положения по отношению к ударенному слогу (потенциально наибольшая редукция во 2-м и 3-м слогах перед ударением и в закрытых заударных слогах и наименьшая в непосредственно предударном положении). Вместе с редукцией происходит известный сдвиг в артикуляции языка к нейтральному укладу. Для фонемы *у*, кроме того, можно отметить более переднее образование в позиции между мягкими согласными, а для фонемы *и* — более заднее (среднего ряда, типа *ы*) после твердых согласных. Но их основной акустический тип в общем сохраняется в любом неударенном положении: густо́і, в угл'е́, пуша́іут', гул'а́н'іа, бл'уд'о́т', крут'ика́, свајá рукад'е́л'іа та, ф кушык'е́, ва́фкъіут', л'е́зут', нъ свајý падво́рицу нъ свајý шыро́куіу; — пр'иду́, ф стър'ину́, ишы́т'а, сызна́нк'и, в ыз'б'е́, пр'ин'асу́, на тро́ицу, к на́м го́р'к'им б'исца́сным, в'ан'ца́л'ис', уб'и́л'и, д'е́ф'к'и, це́пы и т. д.

Сохраняя в неударенных слогах свое звуковое качество, в частности лабиализацию, фонема *у* во всех положениях различается с другими гласными фонемами. Нельзя того же сказать про фонему *и*, так как она совпадает с фонемами *е*, *а*, *о* в тех позициях, где эти гласные реализуются в варианте *и* (*ы*), т. е. в непосредственно предударном слоге между мягкими и шипящими согласными перед ударяемыми *и*, *е*, *о*, *у*, с фонемой *о* — в начале слова в слоге 2-м и далее от ударения, с фонемой *е* — в безударном исходе слова.

15. Согласных фонем в языке с. Мелехова — 31.[1] Образование их показано на таблице.

Согласные фонемы			Губные		Губно-зубные		Зубные		Нёбно-зубные		Ср. нёбные	Зад. нёбные
			тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.		
шумные	взрывные	глухие	п	п'			т	т'				к
		звонкие	б	б'			д	д'				г
	фрикативн.	глухие					с	с'	ш — ш			х
		звонкие			в	в'	з	з'	ж — ж		j	
	аффр.	глухие					ц					
сонорные	носовые		м	м'			н	н'				
	плавные						л	л'				
	дрожащие								р	р'		

[1] По сравнению с литературным языком, имеющим 34 согласных фонемы, в языке с. Мелехова отсутствуют: глухие губно-зубные *ф*, *ф'* и аффриката *ч'*.

16. В произношении отдельных лиц, вместо обычных для большей части населения мягких зубных *с'*, *з'*, употребляются мягкие нёбно-зубные согласные $с^{ш'}$, $з^{ж'}$. Они образуются поднятием передней части спинки языка к альвеолярной части нёба и, как у других мягких звуков, средней части языка, образующей сужение при *j*, к средней части нёба. Например: нъ $с^{ш'}$алу́ но́$с^{ш'}$у$т^{ш'}$ у на́с, $с^{ш'}$и́тъм $с^{ш'}$е́ю$т^{ш'}$, н'або́$с^{ш'}$ н'и $пра с^{ш'}$е́хла, $фс^{ш'}$а́къі $фс^{ш'}$а́къі шл'о́нкъі шы́та, мы $фс^{ш'}$е́ нар'а́$д^{ж'}$им$с^{ш'}$и, нъ$з^{ж'}$б'ира́л'и, ја́ уш до́ръга н'и запро́$с^{ш'}$у ва$з^{ж'}$м'и́$т^{ш'}$а, на$з^{ж'}$$д^{ж'}$о́вък в$з^{ж'}$ала́, $з^{ж'}$$д^{ж'}$е́лъ$т^{ж'}$, $з^{ж'}$о́рны и др.

Мягкие взрывные *т*, *д* произносятся с довольно значительной фрикацией $т^{ц'}$, $д^{з'}$. В большинстве случаев фрикативный элемент, сопровождающий взрыв, — зубной, но у лиц, произносящих вместо зубных фрикативных *с'*, *з'*, нёбно-зубные $с^{ш'}$, $з^{ж'}$, этот элемент также нёбно-зубной — $т^{ш'}$, $д^{ж'}$: но́$с^{ш'}$у$т^{ш'}$, пр'и$т^{ш'}$и́, ји́с$и'т^{ш'}$ да$д^{ж'}$и́$т^{ш'}$а, $д^{ж'}$ало́х, рука$д^{ж'}$е́л'іа и др.

Мягкие нёбно-зубные $с^{ш'}$, $з^{ж'}$ и мягкие $т^{ш'}$, $д^{ж'}$ с нёбно-зубной фрикацией встречаются, главным образом, у старшего поколения мелеховцев. Но эти же звуки представлены и у отдельных лиц из молодежи. Такое произношение мягких губных, повидимому, реликтовая черта старой фонетической системы, утраченная большей частью современного населения села.

17. Говор с. Мелехова цокающий. В нем не различаются старые аффрикаты **с'* и **č'*, совпадая в одной твердой зубной аффрикате *ц*. Например: 1) фонема *ц* в соответствии со старым **с'*: кал'цо́, кан'е́ц, го́р'н'ица, цана́, цв'ато́к, цалы́ш, пълат'е́н'ца, со́н'ца, сце́пы и др., 2) фонема *ц* в соответствии со старым **č'*: п'е́ц, цало́, цално́к, ку́цка, ја́ръцка, къцар'га́, къпацо́к, нъ цуразка́х, цаво́, капцо́нъіа, камцатно́і, пъп'ацал'н'ьі, нъцава́т', вълацы́т' и т. д.

18. Древнерусским сочетаниям **š'č'*, *ž'dž'* (из более ранних сочетаний **stj* **zdj*, а также **sk*, **zg* перед *j* и гласными переднего ряда) в говоре с. Мелехова соответствуют долгие твердые шипящие фонемы ш̄, ж̄: гу́ша, в'е́шы, кл'е́шы, т'о́ша, шо́лъцка, даш̄о́цк'и, и́шут', пуша́ют'; во́жы, да ы́, пъіажа́і и др.

Такие же долгие твердые шипящие *ш, ж* представлены в говоре с. Мелехова на стыке морфем, как результат фонетической реализации сочетаний *сш, зш, сж, зж* (см. 26). Может быть, поэтому и долгие шипящие в приведенных примерах (т. е. не на стыке морфем, а внутри их) правильнее было бы рассматривать не как отдельные фонемы, а как фонематически двойные согласные, получающиеся из сочетаний фонем (ср. имеющиеся в говоре случаи чередования этих фонем с двумя фонемами: гу́ша — густо́і; даш̄о́цк'и — даска́, и́шут' — иска́л).

19. Задненёбная фрикативная глухая фонема *х*, кроме случаев ее употребления, общих для всего русского языка (ср. хад'и́т', патхва́т'ут', схаро́н'иш, пръсыха́л, харо́шуіу, с'в'е́р'ху, хл'е́п, саха́, хаму́т, хлу́т, п'ихт'и́л', лаха́нка и пр.), представлена в языке с. Мелехова еще в соответствии с глухой губно-зубной согласной *ф*. Как замена звука *ф* фонема *х* представлена в ряде заимствованных слов: ху́нт, ханар', съръханы́, ха́бр'ик'и, храмцу́с, хранцу́с'къі, Хам'и́н, Х'е́т'ка, Хро́лку, Х'адо́с'іа, Марху́н'ка, Ага́х'іа и др.

Эта же фонема *х* выступает во флексии род. пад. мн. ч. имен существительных *-ох*: с або́их кап'цо́х, ар'ишко́х н'и на̀да л'и, д'л'ь как'и́х д'ало́х, гадо́х вас'на́цът' и др. (см. 36). Здесь она является заменителем губно-зубной фонемы *в* в положении оглушения звонких согласных. Однако в других положениях, где оглушаются звонкие согласные (т. е. перед глухими согласными и на конце слова, не в окончании), фонема *в* реализуется в губно-зубной глухой вариации *ф* (ла́фка, каро́ф, см. 23). Таким образом, фонема *х* выступает на месте фонемы *в* только в таком положении оглушения звонких, которое не чередуется с положением, где звонкие согласные не оглушаются. Ср. ф по́тпъли, но в углу́; ла́фка, но ла́въцка; каро́ф, но каро́вы; паста́ф', но паста́в'у и т. д. Именно таково положение на конце слова в окончании.

20. Система согласных говора характеризуется наличием двух рядов соотносительных пар фонем, различающихся и совпадающих в тождественных фонетических условиях.

Один такой ряд состоит из 9 пар глухих и звонких согласных: *п* : *б* = *п'* : *б'* = *т* : *д* = *т'* : *д'* = *с* : *з* = *с'* : *з'* = *ш* : *ж* = = *ш̄* : *ж̄* = *х* : *г*. По своему образованию каждый член пары отличается от другого отсутствием или наличием вибрации голосовых связок. Задненёбные *х* : *г*, кроме того, различаются тем, что глухая *х* — это звук фрикативный, а звонкая *г* — звук взрывной. Остальные согласные: сонорные *м*, *м'*, *н*, *н'*, *л*, *л'*, *р*, *р'*, губно-зубные *в*, *в'*, задненёбная *к*, средненёбная *j* и аффриката *ц* соотносительных по глухости и звонкости пар не образуют. Второй ряд соотносительных фонем состоит из 11 пар твердых и мягких согласных, артикуляционно различающихся отсутствием или наличием дополнительной „йотовой" артикуляции. Таковы фонемы: *п* : *п'* = *б* : *б'* = *т* : *т'* = *д* : *д'* = *с* : *с'* = = *з* : *з'* = *в* : *в'* = *м* : *м'* = *н* : *н'* = *л* : *л'* = *р* : *р'*. Внепарными фонемами являются: передненёбные *ш*, *ж*, *ш̄*, *ж̄*, задненёбные *х*, *г*, *к*, средненёбная *j* и аффриката *ц*.

Объединение согласных в группы по признаку взаимонеразличения в тождественных для соотносительных фонем фонетических условиях можно представить в следующей схеме:

п — *б* *т* — *д* *с* — *з* *в* *м* *н* *р* *л*
| × | = | × | = | × | | = | = | = | = |
п' — *б'* *т'* — *д'* *с'* — *з'* *в'* *м'* *н'* *р'* *л'*
ш — *ж* = *ш̄* — *ж̄* = *х* — *г*

Вне таких групп три фонемы: задненёбная *к* (см. 22), средненёбная *j* и аффриката *ц*. Эти фонемы не входят ни в один из соотносительных рядов согласных.

21. Вся совокупность согласных фонем различается только в положении перед гласными *и*, *а*, *о*, *у*. Во всех остальных положениях различаются лишь отдельные группы согласных, так как в них, видоизменяясь в своем качестве, совпадают или парные глухие и звонкие фонемы, или твердые и мягкие, или же, наконец, и те и другие вместе.

22. Парные глухие и звонкие согласные различаются перед всеми гласными и перед согласными сонорными *м*, *м'*, *н*, *н'*, *л*, *л'*, *р*, *р'*, губно-зубными *в*, *в'* и средненёбной *j*.

В других положениях парные глухие и звонкие не различаются: звонкие, оглушаясь на конце слова и перед глухими согласными, совпадают с соответствующими глухими фонемами, а последние, в свою очередь, озвончаясь перед парными звонкими, совпадают с соответствующими звонкими фонемами. Например:

1) оглушение звонких на конце слова: хл'ёп (ср. с хл'ёбъм), прóлуп' (ср. прóлуб'и), аб'ёт (с аб'ёду), гвóс'т' (б'из гваз'д'ёі), пóлъс (палóз'іи), калóд'ьс (ис калóд'ьз'а), нóш (б'из нажá), дóш (дажы); взрывная звонкая *г* на конце слова реализуется в фрикативном глухом варианте *х*: авráх (авráг'и), лýх (лугá), л'óх (л'аглá), парóх, дрýх и др.

2) оглушение звонких перед глухими: апшыта (ср. ибл'ит'éла), ф пóтпъл'и, пат крышъі (пад н'ём), ис пуст'акóх (из авráга), исталк'óм (изламáты), расцыс'т'ил'и, ръск'идáты (разр'áд'у), б'ис цéр'кв'и, б'ис плáт'іа (б'из рýцък), гвóс'т' (б'из гваз'д'ёі), пó'ьст (на пóіьз'д'и), лóшка (ложъцка) и др. Звонкая взрывная задненёбная *г* в положении перед глухой взрывной *к* и аффрикатой *ц* реализуется, как и на конце слова, в фрикативном глухом варианте *х*: м'áхкъі, м'áх'к'ии, л'ахкó, м'áхцы.

3) озвончение глухих перед звонкими: шъз'д'ас'áт (б'ишыс'т'й), згар'ит', з'д'élъіут', (смаг'óм), з гáшн'икъм, з дугóі, з бумáгъі, з гóр'а (с л'éнтым'и), а хóд'бы тáк, свáд'ба (свáтъіут'), адгóн'ут' (итървалáс') и др.

Из двух процессов — оглушения звонких и озвончения глухих — количественно преобладает первый. Поэтому неразличение парных фонем происходит, главным образом, при их оглушении, а не озвончении. Это позволяет поставить в общий ряд соотносительных по глухости и звонкости фонем именно задненёбные *х*: *г*, а не *к*: *г*, несмотря на то, что глухая взрывная *к*, озвончаясь перед парными звонкими, также не различается со звонкой взрывной; ср. г жын'é, г з'амл'é, но к р'икé.[1]

[1] Примеров на озвончение фонемы *х* не зарегистрировано.

23. Так же, как парные звонкие согласные, оглушаются на конце слова и перед глухими согласными внепарные звонкие фонемы *в*, *в'*. Но, в отличие от первых, они не совпадают с глухими фонемами, поскольку в описываемой звуковой системе соответствующие парные глухие фонемы отсутствуют.

Оглушаясь, губно-зубные звонкие фонемы *в*, *в'* реализуются в губно-зубных глухих вариациях *ф*, *ф'*. Например: 1) на конце слова: ку́зъф (ср. ис ку́зъва), кл'е́ф (кл'е́въм), паста́ф' (паста́в'у), карто́ф' (карто́вн'ь); 2) перед глухими согласными: д'е́ф'к'и (д'л'и д'е́вък), паста́фка (паста́въцка), о́фцы (ав'е̯ц), фс'о́, фс'е́, фс'а́къ̯ (в'е́с'), заста́ф't'a (заста́в'у) ф хунту́, ф по́тпъл'и (в углу́).

В середине слова, в положении перед группой согласных *с'к*, оглушенная вариация фонемы *в* исчезает или, иначе говоря, изменяется до нуля. Так исчезает *ф* на стыке суффиксальных элементов *-ов-* и *-с'к-* в прилагательных типа: м'ъл'ъхас'ка̯а (ср. м'е́л'ьх-ъв-а и цыга́н'-с'к-ъ̯), дубро́с'к'ии, к с'е́р'гъс'къ̯, кас'и́мъс'къ̯.

Факультативно, главным образом в эмоциональной речи, исчезает вариация *ф* в начале слова перед зубной фрикативной *с* в местоименной форме „фс'о́": с'о́ на н'е̯́ хърашо́, с'о́ равно́, ф стър'ину́ с'о́ та́хта и рядом: он фс'о́ со́брал, ибл'ит'е́ла фс'о́ и др.

Так же факультативно, в зависимости от темпа и экспрессивности речи, произносится с ослабленной артикуляцией или даже совсем выпадает фонема *в* между гласными в местоименной форме „цаво́". Отсюда, с одной стороны, произношение: вы̄ цаво́ ӣшыт'а, н'ицаво́ н'е́т харо́шъва, с другой: во́т ца(в)о́та, н'е́ту н'ица(в)о́, да е́та ана́ цао́, ту́т цао́, а то́ цао́ш, и, наконец, со стяжением гласных: а цо́ нъд'ава́т' та; ср. также: цаво̯́та, ца(в)о̯́та, цао̯́та, цо̯́та.

24. Второй ряд соотносительных фонем, парных по твердости и мягкости, различается, прежде всего, в двух положениях: во-первых, на конце слова (по́п, хл'е́п — с't'е́п', про́луп'; ху́нт, аб'е́т — ма́т', го́с't'; по̯́ьс, по́лъс — нъвал'у́с', кало́д'ьс';

ку́зъф — картоф'; прада́м — с'е́м', во́с'ьм'; пъсажо́н — сла́н'; у́гъл — у́гъл'; анба́р — д'в'ер') и, во-вторых, перед гласными фонемами *и* (*ы*), *а*, *о*, *у*.

Твердые и мягкие зубные согласные и нёбно-зубные *р* — *р'*, кроме того, различаются перед задненёбными (н'йтка — Ка́т'ка, па́ска — с'йс'ка, шло́нка — с кан'ко́м, т'алка́ — вал'ка́, шмы́ргъна — къцар'га́, Марху́н'ка — нъв'ир'ху́) и твердыми губными (падмо́і — с'ид'мо́і), адба́в'у — сва́д'ба, па́сма — вас'мо́і, изма́зъл — ваз'му́, сталбы́ — пал'ба́, н'и рву́ — п'е́р'въі, с'е́р'п, с'п'ар'ва́). Фонемы *р* — *р'* еще различаются перед *ш*, *ж* (в'е́рш-н'ик — паста́р'шы), *н*, *н'* — перед *ц* (в'инца́ — кан'цо́х), *л*, *л'* — перед *н*, *ш*, *ц*, (по́лнъі — бо́л'на; то́лшы — бал'шо́і; кал'цо́).

В других позициях парные твердые и мягкие согласные не различаются. Перед гласной фонемой *е* парные твердые смягчаются и совпадают с мягкими согласными, например: саб'е́ (са̄бо́і), на вы́хъд'и, на пу́з'и (ф пу́зу), нъ бат'в'е́ (батво́і), ис па́с'м'и (па́сма), у жын'е́ (жана́), пъб'ил'е́і (б'е́лъі), в гар'е́ и т. д.[1] Так же смягчаются твердые фонемы, совпадая с мягкими перед средненёбной согласной *j*: зу́б'ji, врат'já, ивад'-já (о́вът), пад'jо́м, бру́с'ji, пало́з'ji (по́лъс), в'jе́хъл, кам'jи́, рукад'е́л'ja. См. также: п'jáн, уб'jу́, д'jáвл, гла́д'jу, Х'адо́с'ja, с в'ин'jо́і, кам'е́н'ji дъ кар'е́н'ji, за́гъвън'ja.

Парные зубные фонемы (кроме *л*, *л'*) и нёбно-зубные *р*, *р'*, различающиеся перед твердыми губными, не различаются перед мягкими, так как в этом положении твердые зубные и *р'* смягчаются: нъ бат'в'е́ (ср. батва́), х'аз'а́ic'т'в'ънъі (х'аз'а́і-ства) д'в'е́, д'в'ана́цът' (двум'и́), с'в'е́р'ху, с'в'аза́ты (свал'и́лс'и), с'п'ар'ва́, с'п'ихт'ил'о́м, ис па́с'м'и (па́сма), в ы́з'б'е́ (в ы́збу), з'б'и́ла, нъз'б'ира́л'и, ръз'м'ан'а́і, сар'в'и́ (рву́), см. также: т'в'арда́, д'в'е́р'и, д'в'о́рк'и, с'в'о́кър, с'в'акры́, с'п'ина́, ско́р'п', с'м'ата́на, з'в'азда́ и др. Не различаются зубные фонемы также перед зубными: перед твердыми произносятся твердые зубные, перед мягкими — мягкие; ср. ста́на, хр'о́ст, стаім'а́

[1] На стыке слов твердые согласные перед *е* не смягчаются, напр.: с е́т' им, пад е́ту, в е́нты и др.

стайт' и с'т'уд'ано́, ко́с'т'и, гар'с'т'е́і, б'ис' т'алка́; — з дуго́і, гара́зда, з'в'азда́ и наз'д'о́вък, з'д'е́шнъі, шъз'д'ас'а́т; — хр'о́с**ъ**ва, иснава́ты и п'е́с'н'и, квас'н'и́ца; — сызнанк'и и пра́з'н'ик; — адна́, находнъі и ад'н'и, б'ид'н'и́ца, упл'е́т'н и; — е́нтъі, ф хунту́ и б'из' л'е́н'т'и, е́н'т'и; — кр'е́слы, сла́н', паслабжы и с' л'е́нтым'и с'л'е́ги, по́с'л'и и др. Нёбно-зубные *р*, *р'* тверды перед твердыми зубными и мягки перед мягкими; ср.: з'о́рны, нав'е́рна и вд'е́р'н'иш, го́р'н'ица; карто́ф', жо́ртка, в'о́ртъм и пар'т'а́нк'и, же́р'т', в'е́р'т'; го́рлушка и в го́р'л'и; но сами зубные тверды как перед твердым *р*, так и перед мягким: тр'й, тр'а́п'к'и, кастр'и́ка, в'адр'е́, ср'а́да, с р'ису́нк'ими, разр'а́д'у.

Твердые и мягкие губные не различаются перед губными согласными, так как в этом положении перед твердыми губными произносятся твердые согласные, а перед мягкими мягкие. Ср.: в бат'в'е́ и в' б'е́лъм, ф пу́зу и ф' п'ице́, вма́жыт' и в'м'ас'т'а́х, ибвар'у́ и иб'в'аза́ты, ибмата́та и иб'м'ан'а́іут'. Аналогичное явление наблюдается в отношении губных перед задненёбными согласными, где перед несмягченными задненёбными произносятся твердые губные, а перед смягченными — мягкие: д'е́фка — д'е́ф'к'и, тр'а́пка тр'а́п'к'и, на скр'а́пкъх — са скр'а́п'к'им'и, закл'о́п'к'и, цър'ип'ки́.

Перед остальными согласными произносятся твердые губные, независимо от твердости или мягкости следующей согласной; например: плато́к и дупл'о́, бру́с'іи и бр'у́ха, кабл'ы́ и ко́бл'ина и др.

25. Большая часть согласных, внепарных по твердости и мягкости, является по своему образованию твердыми звуками. Таковы нёбно-зубные шипящие *ш*, *ж*, *ш̄*, *ж̄*, зубная, аффриката *ц* и задненёбные *к*, *г*, *х*. Из них шипящие фонемы и аффриката *ц* остаются твердыми при любых фонетических условиях, тогда как задненёбные *к*, *г*, *х* в известных положениях смягчаются, реализуясь в смягченных вариациях *к'*, *г'*, *х'*.

Задненёбные смягчаются, прежде всего, в тех положениях, в которых смягчаются все твердые парные фонемы, т. е. перед гласной *е*: б'из ду́г'е́, в авра́г'и, пъс'ир'е́т' ры́г'и, нърук'е́,

в ла́ф'к'и, ф кушык'е́, в бр'у́х'и и перед *j*; на последнее указывает, правда, лишь единичный пример: Ага́х'ja.

Но, кроме того, задненёбные смягчаются и там, где парные фонемы не смягчаются, а именно — перед гласной *и*, например: съпаг'и́, с'ир'г'и́, д'е́н'г'и, трацк'и́, д'е́ф'к'и, са скр'а́п'к'им'и, с р'ису́нк'им'и, с у́шк'им'и, раcо́х'и и др. Здесь, следовательно, наблюдается процесс, обратный тому, который имеет место в отношении парных твердых фонем. Твердые согласные перед *и* не изменяются, но зато обусловливают изменение гласной, которая после них реализуется в вариации *ы*. Напротив, задненёбные фонемы сами видоизменяются перед *и*, реализуясь в смягченных вариациях *к'*, *г'*, *х'*, а гласная фонема после них остается без изменения. Ср.: сталбы́, цв'аты́ и съпаг'и́, трацк'и́, или: с л'е́нтым'и, ба́бым'и и с у́шк'им'и', кл'и́нушк'им'и и др.

Однако на стыке слов задненёбные перед гласными *е*, *и* не смягчаются, и тогда, при отсутствии паузы, фонема *и*, так же как после других согласных, изменяется в *ы*: к е́тъму, к ы́збъм, к ыз'б'е́, та́к ы ја но́с'у.

У глаголов с основой наст. вр. на задненёбную согласную во 2-м и 3-м л. ед. ч. и в 1-м и 2-м л. мн. ч. представлены мягкие *к'*, *г'*, в фонетически необусловленном положении перед гласной *о*: тк'о́ш, маг'о́т', талк'о́м, маг'о́м, п'ик'о́т'а. Это позволило бы признать наличие в языке с. Мелехова самостоятельных мягких фонем *к'*, *г'*, если бы их употребление не было ограничено лишь определенными грамматическими формами нескольких глаголов. Аналогичное явление наблюдается также в русском литературном языке, где фонетически необусловленное мягкое *к'* произносится в личных формах глагола „ткать" (ткёш, ткёт, ткём, ткёте). Но ни в литературном языке, ни в языке с. Мелехова такие согласные не используются, как самостоятельные фонемы, фонетической системой в целом.

26. При известных условиях из сочетаний согласных фонем образуются двойные согласные, представляющие собой звуки с большей, чем обычно, длительностью.

Двойные согласные чаще всего образуются из сочетаний двух согласных, тождественных по образованию или различающихся между собой глухостью и звонкостью, твердостью и мягкостью или же тем и другим вместе. При этом, в случае если двойные согласные получаются в результате соединения разнородных звуков, их качество определяется вторым из соединяющихся согласных. Например:

1) двойные согласные из сочетаний тождественных звуков: пъдува́л'н'ик, по́дъска (*д* + *д*); а̄та̄шут' (*т* + *т*); с̄абоі̯ (*с* + *с*), б'из̄о́лъту, из̄а́пълънкъх (*з* + *з*); стар'и́н̄ъі̯ х'аз'а́і̯с'т'в'ьн̄ъі̯, зу́б'і̯и баро́н̄ъи (*н* + *н*); в̄ад'е́ (*в* + *в*);

2) двойные согласные из сочетаний разнородных звуков: ид̄ава́ла (*т* + *д*), пад̄'о́ршка (*д* + *д'*), ад̄'е́лът̄ (*т* + *д'*), рас̄о́х'и ис̄кат'и́н'и (*з* + *с*), с̄'ър'абро́м (*с* + *с'*), з̄'им'л'о́і̯ (*с* + *з'*), бл'и́н̄'ица (*н* + *н'*), в̄'адр'е́ (*в* + *в'*) и др.

Аналогично образуются двойные согласные из сочетаний некоторых фрикативных фонем, различающихся местом образования, а именно из сочетаний фрикативных зубных и нёбно-зубных: ш̄ыта, (*с* + *ш*), иш̄л'о́нк'и, б'иш̄ыс'т'и́ (*з* + *ш*), ж̄аноі̯ (*с* + *ж*), иж̄о́п'и (*з* + *ж*), байс̄'и, пъс'м'ijо́с̄'и, нар'а́д'ис̄'и (*ш* + *с'*) и др.

Из сочетаний зубных фонем, взрывной с фрикативной, образуется на стыке глагольной флексии и возвратной частицы двойное *ц̄*, т. е. глухая твердая аффриката с долгим затвором: байц̄а, нар'а́д'иц̄а, павр'о́ц̄а, пъіад'а́ц̄а, ако́т'уц̄а и т. д. Такая же двойная аффриката образуется из соединения взрывной зубной фонемы с аффрикатой *ц*: ац̄а́ (ат'е́ц̄), и она же представлена в сложных числительных: п'атна́ц̄ът', с'амна́ц̄ът', ас'на́ц̄ът', тр'и́ц̄ът' и др.

Отметим долгую свистящую согласную *с̄* в начале слов: с̄о́т, с̄ыта́ла и долгую плавную *л̄'*, получившуюся из сочетания *л'н'*: л̄'ано́і̯, л̄'ана́і̯а (ср. л'о́н).

27. Средненёбная согласная *j*, внепарная как по глухости и звонкости, так и по твердости и мягкости, видоизменяясь в зависимости от положения по отношению к ударному слогу,

реализуется, в основном, в двух вариациях. В положении непосредственно перед ударяемой гласной произносится согласный звук *j* с ясно выраженной фрикацией: па jа́гъди, ид'аjа́лы, jе́дут', пад'jо́м, пр'ишjо́т'а, уб'jу́, и в остальных положениях — звук типа неслогового *i̯* (неслоговой гласный переднего ряда верхнего подъема): паi̯ду́, стаi̯м'а́, прамо́i̯т'а, нацаi̯с'и, батво́i̯ карто́внъi̯. Ср. также: в'jе́хъл, jе́дут' и пъi̯ажа́i̯; паjе́ш и нъi̯ад'а́ц̄а; маjа́, свajа́ и мо́i̯, сво́i̯; въраб'jа́, ивад'jа́, кам'jи́ и бру́с'ji, кам'е́н'i̯и дъ кар'е́н'i̯и и др.

Неслоговое *i̯* неоднородно по своему образованию. Так, например, после согласных оно является более закрытым звуком, чем в положении между гласными. Но и здесь степень его закрытости варьирует в зависимости от качества стоящих рядом гласных.

МОРФОЛОГИЯ

28. Согласуемые формы (прилагательные, прошедш. время глагола), определяющие существительное средн. рода в им. пад. ед. ч., согласуются с ним как с существительным женск. рода, т. е. имеют окончания женск. рода: с'ало́ мала́, фс'а́ с'ало́, адна́ бр'авно́, свajа́ рукад'е́л'i̯а та, бо́л'на уш р'абро́ талста́, къл'асо́ фс'а дубо́въi̯а, у нас гул'а́н'i̯а была́.

29. Существительные женск. рода на *-а* (жана́, с'астра́) образуют род. пад. ед. ч. с окончанием *-е*: у с'астр'е́, у жын'е́, ста́н жыне́, б'из дуг'е́, из'им'л'е́.

При ударении на основе в безударном окончании произносится гласная *и*, вариант фонемы *е*, причем твердая согласная основы перед ним смягчается, как и перед фонемой *е* в ее основном виде: у ба́б'и, ис фс'о́i̯ с'и́л'и, ис па́с'м'и, б'из л'е́н'т'и, б'ис це́р'кв'и (ср. це́р'ква), тр'и лапа́т'и.

30. В твор. пад. ед. ч. имен жен. рода на *-а* представлено окончание *-оi̯* (*-ъi̯*); з'им'л'о́i̯ нав'е́рна папа́лъс', шл'о́нкъi̯ шы́та, бума́гъi̯ ибмата́та, jа́ зъ вадо́i̯ схо́д'у, ибрат'и́лс'а с'в'ин'jо́i̯, зимо́i̯ зъган'а́л'и скат'и́ну. То же окончание и у прилагательных в этой форме: гар'а́цъi̯ вадо́i̯ ибдаjу́т', це́м пакры́ть та? батво́i̯ карто́внъi̯.

31. У существительных муж. и средн. рода, обозначающих „неодушевленные“ предметы, в род. пад. ед. ч. употребляется окончание *-у*: дл'а ста́ну, с аб'е́ду, п'аску́ да про́пъс'т'и, мно́га пі̯аску́, б'изо́лъту, однако наряду с окончанием *-у* встречается и другое окончание *-а*: икрам'а́ ста́на, крут'ика́ н'е́т.

32. В ряде случаев у существительных муж. и средн. рода отмечено в предл. пад. ед. ч. при предлогах „в“, „на“ окончание *-ӯ*: в л'асу́, ф хунту́, нъ мастӯ пъаб'е́дъі̯ьм, нъ с'алӯ нос'ут', но ф с'ил'е́, в е́т'им угл'е́.

33. От существительных женск. рода с нулем флексии в им. пад. зарегистрирован для предл. пад. ед. ч. всего один пример. Он имеет окончание *-е*: ф п'ицé мы́л'ис', нъ п'ицé стаи́т'.

Существительное „мать“ имеет различные формы для им. и вин. пад. ед. ч. Ср.: им. ед. ч. — ма́т' у м'ин'а́ гара́зда и вин. ед. ч. — там зъ бугро́м ма́т'ър' схаро́н'иш, н'и услы́шыш.

34. Образование мн. ч. у существительных нередко происходит посредством суффикса *-j-*: врат'j'а́, ивад'j'а́, кам'j'и́, бру́с'і̯и, кам'е́н'і̯и дъ кар'е́н'і̯и, кр'у́ці̯и, зу́б'і̯и баро́нъи, пало́з'і̯и.

35. Окончания им. пад. мн. ч. существительных различаются в зависимости от места ударения. При ударении на основе им. пад. имеет одно окончание *-и* (*-ы*): на́шы ср'а́ды, раcóх'и, сце́пы, д'в'е́р'и, пало́з'і̯и, кр'у́ці̯и, бру́с'і̯и, з'о́рны, р'аб'а́ты, бах'и́лы, кр'е́слы, ид'аj'а́лы.

При ударении на окончании в им. пад. мн. ч. два окончания: *-и* (*-ы*) — сталбы́, брусы́, гужы́, съпаг'и́, угл'и́, с'ир'г'и́, съръханы́, въражый, кам'j'и́; и *-а* — маи́ в'аша́ (но и в'е́шы), луга́, л'аса́, пъл'ика́ (пал'и́к), свълака́, ивад'j'а́, сл'ага́ (но и сл'е́г'и), жърнава́ (но и жърнавы́), ста́ръи д'ад'а́, къпыла́.

36. Род. пад. мн. ч. у существительных муж. рода с основой на твердую согласную обычно имеет окончание *-ох* (*-ъх*): п'а́т' гадо́х, ис пус'т'ако́х, маjу́ сва́тъл'и шес'т' жън'ихо́х, с або́их кан'цо́х, ткацо́х, ир'ишко́х, п'а́т' ху́нтъх, но пъджыга́л'и сас'е́т. С этим же окончанием нередко образуют род. пад. pluralia tantum: м'ьш къпыло́х, ис кра́снъх, иза́пълънкъх; и в отдельных случаях слова женск. и средн. рода:

б'из ру́цкъх (но и б'из ру́цък), ско́ка па́с'мъх, кан'у́шн'ьх н'ет, ско́л'ка по́н'къх т'и, д'ало́х мно́га, но: дл'и д'е́вък, руса́лък, ав'е́ц, р'аб'а́т гар'с'т'е́і, б'из гваз'д'е́і, у л'уд'е́і и др.

37. Твор. пад. мн. ч. имеет под ударением окончание *-а́м'и*: р'ада́м'и, с кълакла́м'и, съ врата́м'и, в'аша́м'и (в'е́ши), хр'аста́м'и, с пушка́м'и.

При ударении на основе безударное окончание представлено в виде *-им'и* (*-ым'и*) с фонемой *и* перед основой: с п'е́с'н'им'и, с л'е́нтым'и, ба́бым'и. То, что в безударном окончании твор. пад. находится гласная *и*, а не редуцированный вариант фонемы *а*, наглядно показывают существительные с основой на задненёбную *к*: са скр'а́п'к'им'и, с р'ису́нк'им'и, с у́шк'им'и ку́цк'им'и, кл'и́нушк'им'и. Смягчение согласной *к* обусловлено здесь позицией перед фонемой *и* (см. 25).

Твор. пад. мн. ч. у существительного ло́шът' образуется с окончанием *-м'и́*; с лъшыд'м'и́.

38. Имена прилагательные имеют в им. пад. ед. ч. муж. рода ударенное окончание *-о́і*: нъпускно́і, плахо́і, густо́і и безударное *-ъі*: бо́съі п'е́р'въі, шл'а́шъі, находнъі, з'д'е́шнъі, л'и́шнъі. То же окончание и в основах на задненёбную: длубо́къі, в'исо́къі, цыган'с'къі, хранцу́с'къі и др.

39. В род. пад. ед. ч. муж. и средн. рода прилагательные оканчиваются на *-ова* (*-ъва*): друго́ва д'и́в'ьр'а, м'ьл'ьхас'ко́ва, л'и́шнъва, харо́шъва, да б'е́лъва цар'а́, у хр'о́снъва (сущ.). С этим же окончанием образуется род. пад. у местоимений: како́ва, да е́тъва, фс'а́къва, при ударении на конечной гласной: тово́, цово́, съмово́, у кого́.

40. Им. пад. мн. ч. прилагательных имеет окончание под ударением: *-ы́и*: д'в'е́р'и бал'шы́и, л'аса́ густы́и, пъшывны́и в'е́т'и. При ударении на основе безударное окончание произносится *-ъи*: зу́б'іи баро́нъи, прат'а́жнъи п'е́с'н'и, ко́сы ръспушо́нъи, стар'и́нъи ко́с'т'и, л'и́пъвъи, дубо́въи, и у слов с основой на задненёбную *-ии*: п'е́р'в'ин'к'ии, дубро́с'к'ии, м'ах'к'ии, со смягчением задненёбной перед фонемой *и*.

41. Сравнительная форма образуется посредством суффиксов: *-еi̯* (*-ьi̯*): пъб'ил'е́i̯, ишо́ стар'и́н'ьi̯, пъп'ацал'н'ьi̯; *-и* (*-ы*): р'а́н'и, пара́н'и, м'а́хцы, паста́р'шы; *-шы*: ан'и́ здарофшы; *-жы*: пасла́бжы. Как видно из приведенных примеров, в говоре с. Мелехова широко распространено образование сравнительных форм с приставкой *по-* (*па-, пъ-*).

В качестве сравнительной формы к прилагательному харо́шъi̯ употребляется слово с иной основой—лу́тшъi̯: е́та лу́тшъi̯ бу́д'ит'.

42. Словообразовательный суффикс прилагательных *-с'к-* имеет мягкую свистящую согласную *с'*: руса́л'с'къi̯а за́гъвън'i̯а, хранцу́с'къi̯а бал'е́с'т', причем, если ей предшествует взрывная зубная согласная, то на морфологическом стыке произносится мягкая зубная аффриката *ц'*: цуц'ка́i̯а.

На стыке суффиксов *-ов-* и *-с'к-*, как указывалось выше (см. 23), перед суффиксом *-с'к-* выпадает вариация губно-зубной фонемы *в*: ана́ ражак м'ьл'ьхас'ка́i̯а, к с'е́р'гъс'къi̯, дубро́с'к'ии, кас'и́мъс'къi̯.

43. При образовании прилагательных посредством суффикса *-н-* конечные согласные непроизводной основы *ц*, *к* в порядке чередования заменяются перед суффиксом *-н-* на шипящую фонему *ш*: п'ишно́i̯ (п'е́ц), иднару́шнъ но́ш (ру́цка, рука́), карто́шъшнъi̯ (карто́шка и карто́ф' — карто́внъi̯), пълав'и́ншнъi̯.

Однако такое чередование факультативно, и наряду с приведенными образованиями встречаются прилагательные с аффрикатой *ц* перед суффиксом: п'ицно́i̯, ап'е́цнъi̯ (ап'е́цка), иднару́цнъi̯.

44. Род.-вин. пад. ед. ч. личных местоимений „ja“, „ты“ и род.-вин. пад. возвратного местоимения употребляется в виде: м'ин'а́, т'иб'а́, с'иб'а́ (см. 10): што́ у м'ина́, то и у т'иб'а́; м'ин'а́ в'ан'ца́л'и, т'иб'а́ завут'; а ну́ т'иб'а́ ф каб'о́л, у с'иб'а́, с'иб'а́ бл'ула́.

Дат. пад. ед. ч. личного местоимения 2-го л. и возвратного местоимения имеет форму таб'е́, саб'е́: таб'е́ дадут', ja саб'е́ с'р'ажа́ла.

В косвенных падежах указательных местоимений о́н, ана́, ан'и́ (já пъгл'ижу́ ка́к о́н л'ижыт', ана́ ражак м'ьл'ьхас'ка́i̯а,

ан'и́ пастáр'шы), при употреблении их с предлогами, присоединяется к начальной гласной местоимения согласная *н*: в н'óм з'ам'л'á былá, у н'éi̯ сы́н бы́л п'ép'въi̯, у н'иjó с'в'акры́ пъм'арлá, с'ó на н'éi̯ хърашó, д'алóх дóма та у н'их мнóга.

То же явление имеет место и в песенном языке, где эти местоимения в им. пад. обычно начинаются с так называемого „паразитного" *j*. Ср.: на jул'и́цы дъ jóн каравóт, ф каравóд'и дъ jóн Ван'ушá, дъ jóн залатói̯ и др., но — на н'óм калпацóк, на н'óм тр'и jузлá.

45. Определительное местоимение женск. рода фс'á имеет в род. пад. ед. ч. форму фс'ói̯: ис фс'ói̯ с'и́л'и.

46. Вопросительные местоимения при им. пад. хтó, штó образуют род.-вин. пад.: кавó, цавó (с вариантами цаó, цó, см. 18), дат.: камý, цамý и т. д. Посредством частиц коi̯-, -н'ибут', -та от них образуются неопределенные местоимения: искал коi̯-хтó, дъ ишó штó-н'ибут', вóт ца(в)ó-та. Ср. также: Хрóлку-та уб'и́л'и, какói̯-н'ибут' шл'ашъi̯; дъ угл'и́ вóн как'ии-та раск'идáты.

Отметим еще вопросительное (несклоняемое?) местоимение цавói̯та (может быть, из цавó ета): цавói̯та там бал'шói̯а?

Это местоимение, в зависимости от темпа и экспрессивности речи, может являться без губно-зубной *в*: цаói̯та и далее в стяженной форме: цói̯та.

47. Форма 1-го л. ед. ч. у глаголов с основой прош. вр. на гласные *и*, *е* и непроизводной основой наст. вр. на согласную (куп'и́т', нас'и́т', гл'ид'ét') имеет общую с другими личными формами основу на мягкую согласную:

а) глаголы на *-ить*: кýп'у (ср. кýп'ут'), застáв'у, пастáв'у, адбáв'у, в'и́ду (в'и́д'им), хóд'у, пъгад'ý, нар'áд'у, разр'áд'у, н'и нóс'у (нóс'ут'), изнóс'у, брóс'у, н'и запрóс'у;

б) глаголы на *-еть*: гл'ид'ý, пъгл'ид'ý (пъгл'ид'и́ш), с'ид'ý (с'ад'áт').

48. У глаголов с основой наст. вр. (или буд. прост.) на задненёбные *к*, *г* эти согласные во 2-м и 3-м л. ед. ч.

и в 1-м и 2-м л. мн. ч. заменяются на мягкие *к*, *г* (см. 25): тк'о́ш, тк'о́м (ср. тку́т'), талк'о́м, т'ик'о́т' (т'аку́т'), п'ик'о́т'а, маг'о́т', маг'о́м (магу́), ни смаг'о́м.[1]

У них, следовательно, в личных формах обобщен тот же тип чередования согласных фонем, который представлен у глаголов с основой наст. вр. на твердую согласную, парную с мягкой (ср. жыву́т' и жив'о́ш, жру́т' и жр'о́ш, л'е́зут' и л'е́з'иш и др.).

49. Типы личных окончаний у глаголов (1-е и 2-е спряжение) различаются в языке с. Мелехова только при ударении на окончании (ср. тк'о́ш, жыв'о́ш и шыл'и́ш, пъгл'ид'и́ш; т'аку́т', паjу́т' и с'ид'а́т', л'ажа́т'). Безударные окончания по типам спряжения не различаются.

При ударении на основе в окончаниях 2-го и 3-го л. ед. ч. в 1-м и 2-м л. мн. ч. произносится после мягких согласных гласная *и*; после шипящих — *ы*. Например:

а) 2-е л. ед. ч.: вд'е́р'н'иш, на̄jд'иш, н'изна́иш, л'а́жыш, раска́жыш, пъкълупа́ис'и, схаро́н'иш, н'и услы́шиш, пало́жыш, нар'а́д'ис'и;

б) 3-е л. ед. ч.: зна́ит' бу́д'ит', път'ар'а́ит', пр'и́д'ит', пад'о́ржывъит', заста́в'ит', в'и́д'ит', пало́жыт', нар'а́д'ӣца;

в) 1-е л. мн. ч.: аткро́им, паро́имс'и, пъаб'е́дъим, в'и́д'им, нар'а́д'имс'и;

г) 2-е л. мн. ч.: цаво́ ӣшыт'а, ба́ит'а, н'и заста́в'ит'а.

Безударное окончание 3-го л. мн. ч. имеет гласную *у*: пӯша́jут', ва́фкъjут', jе́дут', л'е́зут', адго́н'ут', с'е́jут', л'у́б'ут', но́с'ут' сто́jут', ата̄ша̄ут', су́шут', ако́т'ӯца.

50. На конце флексий 3-го л. ед. и мн. ч. глаголов произносится мягкая взрывная согласная *т'*.

а) 3-е л. ед. ч.: жыв'о́т', бл'уд'о́т', маг'о́т', стаи́т', л'ижы́т', згар'и́т', зна́ит', път'ар'а́ит', пало́жыт';

б) 3-е л. мн. ч.: т'аку́т', заву́т', ибдаjу́т', гл'ад'а́т', зъл'ат'а́т', л'ажа́т', л'е́зут', с'е́jут', су́шут'.

---

[1] Глагол „лечь" имеет в личных формах основу на шипящую *ж*: ф цо́м л'а́жыш, ан'и та́м л'а́жут'.

51. Флексия 2-го л. мн. ч. глаголов оканчивается на *-т'а*. Под ударением она представлена в виде *-о́т'а*, *-и́т'а*: б'ир'о́т'а, п'ик'о́т'а, пр'ишjо́т'а, дад'и́т'а, с'ид'и́т'а, без ударения в виде *-ит'а*: ба́ит'а, н'изаста́в'ит'а, ӣшыт'а.

52. Также в виде *-т'а* употребляется в языке с. Мелехова суффикс мн. числа в повелительном наклонении: ӣшы́т'а, ваз'м'и́т'а, ръстр'ьп'ахн'и́т'а, пъгад'и́т'а, заста́ф'т'а, н'и път'ар'а̣́т'а, вы прамо̣́т'а дъ л'иском зълажы́т'а, па̣д'о́мт'а.

53. Довольно широко представлены в говоре предикативные глагольные формы со страдательным значением. Они образуются от основы прош. вр. глагола посредством суффиксов *-т-*, *-он-*, *-н-*.

С суффиксом *-т-* зарегистрированы страдательные формы, образованные от основы прощ. вр. на *-а* и *-и* после твердых согласных: сабра́ты ласку́т'ик'и, н'и́тка нън'иза́та, ан'и́ изла́маты, то́л'ка иснава́ты, бума́гъ̣ ибмата́та, дъ угл'и́ во́н как'и̯и та ръск'ида́ты, н'и зърыва́тъ та, с'в'аза́ты, фс'а́къ̣ фс'а́къ̣ шл'о́нкъ̣ шы́та, апшы́та, цем пакры́тъ та. У глаголов с основой прош. вр. на *-и* после мягкой согласной отмечены страдательные формы, образованные посредством суффикса *-он-*: п'е̯́цка слажо́на, в ла́ф'к'и купл'о́н, к на́м пъсажо́н, пъсажо́н во́т хр'о́ст. С суффиксом *-н-* встретились единичные примеры: н'и шмы́ргана, м'о́тк'и нъм'ата́ны (ср. бума́гъ̣ ибмата́та).

54. Возвратная частица, посредством которой образуются возвратные глаголы, произносится с мягкой зубной фрикативной фонемой *с'*. Эта частица представлена в языке с. Мелехова в вариантах *-с'*, *-с'и*, *-с'а*.

Употребление вариантов *-с'* и *-с'и* обусловлено положением возвратной частицы после гласных или согласных фонем.

В формах глагола, оканчивающихся на гласную, обычно употребляется частица *-с'*: в'ан'ца́л'ис', итървала́с', нъвал'у́с', нар'а́д'ус', свал'у́с'. Факультативно в этом положении встречается частица *-с'а*: нъвал'у́с'а, бају̯́с'а.

После согласных, кроме форм 3-го л. и инфинитива, возвратная частица представлена в варианте *-с'и*: свал'и́лс'и, ибра-

т'йлс'и с'в'ин'јój нар'а́д'имс'и, паро́имс'и, на бо́га нацаіс'и а са́м н'и плашаіс'и. В этом же варианте возвратная частица является и во 2-м л. ед. ч. возвратных глаголов, причем на стыке личного окончания и *-с'и* из сочетания фонем *ш* и *с'* образуется двойная мягкая зубная согласная *с̄'* (см. 26): байс̄'и, пъс'м'ијос̄'и, нар'а́д'ис̄'и, пъкълупа́ис̄'и.

В формах инфинитива и 3-го л. ед. и мн. ч. на стыке окончания и возвратной частицы произносится долгая твердая аффриката *ц̄* (см. 26): маг'о́м нър'ид'и́ц̄а, баи́ц̄а, н'и павр'о́ц̄а, нъјад'а́ц̄а, ако́т'уц̄а. Твердость аффрикаты *ц̄* позволяет предполагать наличие в языке с. Мелехова четвертого варианта возвратной частицы *-са* с твердой зубной фрикативной *с*.

55. Следует отметить некоторые явления, касающиеся места ударения в глагольных формах.

Глаголы с основой прошедш. времени на *-и* и *-е* и непроизводной основой на согласную в наст. времени (см. 47) в личных формах имеют неподвижное ударение или на окончании (с'ид'у́ — с'ид'а́т') или на основе (н'и ве́р'у — в'е́р'ут').

Те глаголы, у которых в литературном языке и в других русских говорах ударение подвижное (в 1-м л. ед. ч. — на окончании и в других личных формах — на основе), в языке с. Мелехова имеют неподвижное ударение на основе, т. е. у них форма 1-го л. ед. ч. по месту ударения обобщена с другими личными формами. Ср. ку́п'у и ку́п'им, но́с'у и но́с'ут', хо́д'у́ и хо́д'ут', пало́жу и пало́жыш, разр'а́д'у, нар'а́д'ус' и нар'а́д'иси, нар'а́д'имс'и, н'и хо́цу и кал' хо́ш. См. еще: запро́с'у, а̄д'е́л'у, заво́р'у.

Обратное явление имеет место у глагола мо́ч с производными от него. Ср.: магу́ — маг'о́т', маг'о́м, н'и смаг'о́ш, смаг'о́м, у которого в личных формах обобщено место ударения 1-го л. ед. ч.

Отметим глаголы, у которых в личных формах ударение перенесено на приставку: пр'йду — пр'йд'ит', на́іду — на́ід'иш, на́ід'ит', но паіду́ — паід'о́м.

Образцы говора

1. éта май в'аш̄á, съмад$^{ж'}$él'шънъи: já саб'é ср'ажáла; ва фс$^{ш'}$ó нар'ád'ус$^{ш'}$ и паjдý; падáтна já прадáм, у кавó лúшнъва н'éт; já уш дóръга н'и запрóс$^{ш'}$у, кóл'ка дад$^{ж'}$ít$^{ш'}$а? вáм бы ран'и пр'ит$^{ш'}$ú, изутрá; тап'ép' д'алóх дóма та мнóга; б'élъи гър'амы̀шнъи пад гóр'а нóс$^{ш'}$ут$^{ш'}$; пълат$^{ш'}$én'цы, хр'астáм'и ръш̄ывáл'и с абóих кан'цóх, в'ат$^{ш'}$ám'и, стóлб'ик'им'и; какájа плáт$^{ш'}$jа та, т$^{ш'}$ьл'ишóм нъружы́, вóт на étък'их л'áмъцкъх д$^{ж'}$ép'жыц̄а, фс$^{ш'}$é с$^{ш'}$úс$^{ш'}$к'и в'идáт$^{ш'}$, прýт$^{ш'}$икъм т$^{ш'}$ьл'ишóм т$^{ш'}$и; нáша ср'áда из$^{ж'}$в'éснjа: наз$^{ж'}$д$^{ж'}$óвък, нъз$^{ж'}$д$^{ж'}$ав̀áшък, пон'ка с прóшывъj, свajá рукад$^{ж'}$él'jа та.

2. óх уш ы з$^{ж'}$ам'л'á тут т$^{ш'}$в'ардá; цójта̀ там бал'шójа; д$^{з'}$ён'г'и л'аж̀ат$^{с'}$; н'и път$^{с'}$ар'áj; ан'и ú$^{ш̄}$ут$^{с'}$ н'и зóлът; угл'и́ вон как'ии та ръск'идáты, цър'ип'к'и́, пад$^{ж'}$и́ пéцка былá; já нájду гаршóк с̄'ьр'абрóм, так вот нъвал'ýс'а ис фс'ój с'ил'и; н'и нájд$^{з'}$иш, н'и смаг'óш, бóл'на уш р'абрó талстá; знáма иплашéла, фс$^{ш'}$á с$^{ш'}$п'инá мóкрjа; ивад$^{з'}$já л'éзут$^{с'}$ и л'éзут$^{с'}$; вот выры́ли цавójта из̄им'л'é, фс'á капцóнъjа ибвал'óнъjа; гл'áка кушы́нцък; там пjаскý да прóпъс'т$^{с'}$и; да óн б'из̄óлъту; в н'óм з'ам'л'á былá; вáс куды́ пън'аслó? já пъгл'ид$^{ж'}$ý как óн л'ижы́т$^{с'}$.

3. На бóга нацájс$^{ш'}$и, а сáм н'и плашájс$^{ш'}$и; на н'éт и сýда н'éт; пакрóшу, на стóл пастáв'у фс$^{ш'}$éх júс$^{ш'}$т$^{ш'}$ застáв'у, дáм кóфш, хл'абáj кал' хóш.

4. пад$^{ж'}$ít$^{ш'}$а нáшы срóд'н'ицк'и нъ свajý падвóр'ицу, нъ свajý шырóкуjу; ръступ'ис$^{ш'}$, мáт$^{ш'}$ сырá з$^{ж'}$ам'л'á, ръскал'ис$^{ш'}$, грьбавájа даскá; ръстр'ьп'ахн'ит$^{ш'}$а, рад$^{ж'}$úмъjа мáтушка и кар'м'ил'ьц бáт$^{ш'}$ушка, свай б'élъи крылушк'и, пр'ил'ит$^{ш'}$ít$^{ш'}$а нъ свajý падвóр'ицу к нам гóр'к'им б'исцáсным.

5. jа р'иб'и́нушку ламáла
ипускáла к'ис'т$^{с'}$и вн'ис
jа м'и́лъму махáла
пр'ихад$^{з'}$и́ р'иб'и́ну jис'т$^{с'}$
выб'ирáj л'убýjу к'ис'т$^{с'}$
са мнój р'áдушкъм сад$^{з'}$ис'.

Поет одна девушка в „кърàвóдªи“, прочие повторяют каждый стих и четыре раза последние его три слога; например: ф сáт садóк, на јул'ц̂ý, жымцузнói.

6. éх, дъ паiдý млáда јá ф садóк, ф сáт садóк
ех, дъ сарвý д(ъ) ја млáда дъ ја цв'áт цв'атóк
оi, дъ зав'јý млáда дъ ја в'áн в'анóк
оi, дъ јá надª'éну в'анóк на галóфк(у)
оi, дъ паiдý ја млáда дъ ја на јул'ц̂ý
оi, дъ на јул'ицы дъ јóн каравóт
оi, дъ ф къравóдª'и дъ јóн Ван'ушá
оi, дъ на Ван'ýшы на н'óм калпацóк
оiда, дъ на калпáцк'и на н'óм тр'и јузлá
оiда, дъ пéр'ваi дъ јýв'ил дъ јóн камцатнói
оi, дъ дрýгаi јýз'ил дъ јóн залатói
оi, дъ тр'éтси'і јýз'ил дъ јóн жымцузнói

Несколько замечаний о мещерских говорах

Авторы „Опыта диалектологической карты русского языка в Европе“,[1] описывая средневеликорусские говоры, подразделили „отдел Б“ этих говоров (т. е. „говоры с южновеликорусским наслоением“) на две группы: „Западную, в общем счете средневеликорусских групп — 2-ю (на карте знак 2), и восто́чную, 3-ю (на карте знак 3)“ (стр. 42). Граница, разделяющая западную и восточную группы, ими „чрезвычайно предположительно“ проведена по Московской губ. „с С.-З. на Ю.-В. почти через г. Москву“. Следовательно, мещерские говоры, к которым принадлежит и говор с. Мелехова, как расположенные к востоку от указанной границы, относятся авторами „Опыта“ к восточной группе средневеликорусских говоров.

В качестве одной из языковых черт, которой восточная группа различается с западной, авторы „Опыта“ указывают на отсутствие в восточной группе ассимилятивного яканья, известного, по их словам, только в говорах западной группы.

[1] Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии (Тр. МДК. В. 5, М., 1915).

Возможность использования данного признака для деления средневеликорусских говоров с южновеликорусским наслоением на две группы поставил под сомнение Р. Я. [кобсон].[1] Он отметил, что сами же авторы „Опыта", характеризуя ассимилятивное яканье, указывают на то, что оно встречается, повидимому, также и в Касимовском уезде Рязанской губ. (стр. 39), т. е. на территории восточной группы говоров.

Свое указание на возможность существования ассимилятивного яканья в Касимовском уезде авторы „Опыта" основывали на данных, почерпнутых ими в работе Е. Ф. Будде — „К истории великорусских говоров", содержащей описание говоров рязанской мещеры (Спасский и Касимовский уезды Рязанской губ.). Очевидно, однако, что эти данные оценивались авторами как ненадежные, малодостоверные, в особенности при полном отсутствии других сведений о наличии ассимилятивного яканья в восточной группе, и они сочли возможным признать это яканье чертой, свойственной только западной группе средневеликорусских говоров.[2] Нужно сказать, что авторы „Опыта" имели достаточные основания, чтобы заподозрить показания Е. Ф. Будде. Действительно, из его описания вообще нельзя составить никакого представления о каких-либо типах яканья на территории мещеры. Опубликованные же им диалектологические записи не только незначительны по объему, но и мало удовлетворительны по выполнению, так как Е. Ф. Будде не сумел в них избавиться от значительного влияния орфографии. Естественно поэтому, что использовать его записи для установления такого языкового явления, как яканье, было невозможно, и нельзя винить авторов „Опыта" за то, что они ими пренебрегали, утверждая по имеющимся у них в свое время материалам, что в восточ-

[1] Р. Я. („Этнографическое обозрение", 1916, № 1—2).

[2] Отмечу, что в вышедшей позднее работе, которая специально посвящена типам яканья, один из авторов „Опыта", Н. Н. Дурново, совсем не указывает на возможность ассимилятивного яканья в Касимовском уезде. См. его „Диалектологические разыскания в области великорусских говоров", ч. I, вып. 2. Шамординская пустынь, 1918.

ной группе средневеликорусских говоров ассимилятивное яканье отсутствует.

Это утверждение, однако, оказалось неверным. Опубликованные после выхода в свет „Опыта диалектологической карты" диалектологические материалы показали, что и говорам восточнее Москвы ассимилятивное яканье известно. А именно, из двух его разновидностей в восточных говорах среднерусской группы обнаружена та, которую Н. Н. Дурново называет ассимилятивным яканьем второго типа (гласная *а* перед твердыми согласными и перед мягкими только перед слогом с ударяемым *а*).

Ассимилятивное яканье второго типа было отмечено А. Н. Гвоздевым в среднерусских говорах Пензенской губ. Таков, прежде всего, говор сел Савини и Старой Авгоры, а также деревень Новой Авгоры, Стрелковки, Среднего Поля в Краснослободском уезде.[1] Говор этих селений „с ассимилятивным яканьем и согласными, совпадающими с литературным языком, представляет обособленный островок среди говоров Пензенской губ." (стр. 96).

Как указывает А. Н. Гвоздев, села Савинь и старая Авгора были заводскими. И савинский железный завод, основанный в 1726 г., и авгорский, основанный в 1758 г., оба принадлежали одному владельцу. „Деревня Новая Авгора выселилась из Старой; Среднее Поле представляет поселение николаевских солдат, а Стрелковка — бывших лесников". Последние две деревни, незначительные по численности населения, „ассимилировались с указанными селениями благодаря бракам и постоянному общению". Район этих селений „с базаром в с. Савини и работами на авгорском и савинском заводах и в экономическом отношении был довольно замкнутым" (стр. 88).

Диалектная обособленность района с. Савини, в особен-

[1] А. Н. Гвоздев. Говор с. Савини Краснослободского уезда Пензенской губ. („Тр. комиссии по диалектол. рус. яз.", вып. 9. Л., 1927, стр. 88—96); см. также его ответ на программу („Тр. комиссии по диалектол. русск. яз.", вып. 12. Л., 1931, стр. 107—108)

ности при свете тех справок по истории его селений, которые приводит А. Н. Гвоздев, позволяет считать население района переселенцами из других мест и, следовательно, говор района непоказательным для восточной группы среднерусских говоров. „Откуда были выведены рабочие, — говорит А. Н. Гвоздев, — неизвестно" (стр. 88). Они могли быть выведены владельцем заводов и из области западной группы среднерусских говоров, в которых известно ассимилятивное яканье и система согласных в общем мало отличается от системы согласных литературного языка.

Бо́льший интерес для характеристики восточной группы среднерусских говоров представляет другой пензенский говор с ассимилятивным яканьем, описанный А. Н. Гвоздевым, хотя и этот говор не является исконным на территории Пензенской губ. Ассимилятивное яканье второго типа обнаружено А. Н. Гвоздевым еще в говоре Ушинки,[1] большого села (около 8500 жителей), „представляющего собой центр так называемых мещерских поселений б. Керенского уезда" (стр. 79).

Жители мещерских селений Пензенской, так же как Тамбовской и Саратовской губерний, являются переселенцами с территории рязанской мещеры.[2] Поэтому их говор, во всяком случае генетически, представляет собой говор восточной группы среднерусских говоров. Вместе с тем говор пензенской мещеры указывает на возможность существования таких же или, по крайней мере, близких говоров в Рязанской области. В частности, на основании показаний говора мещерского села Ушинки можно думать, что и среди говоров рязанской мещеры должны быть говоры с ассимилятивным яканьем.

---

[1] А. Н. Гвоздев. Описание говора села Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губ. (Тр. комиссии по диалектол. рус. яз., вып. 9, Л., 1927, стр. 79—8), а также „Типы великорусских говоров Пензенской губ." (Тр. Пензенск. об-ва естествозн. и краевед.", вып. V. Пенза, 1925).

[2] Д. Н. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных. СПб., 1913, стр. 311. И. Е. Лахерма. Отчет о поездке в Саратовскую, Пензенскую и Тамбовскую губ. к обрусевшей мещере" („Этнограф. обозр.", 1915, № 2—4, стр. 145—151).

Такое яканье действительно там найдено. Один из говоров с ассимилятивным яканьем второго типа — это говор д. Степанова Гиблицкой волости Касимовского уезда, сведения о котором сообщил А. Ф. Мишаров в ответе на программу Моск. диалектологической комиссии.[1] В этом говоре гласная *а* произносится перед твердыми согласными: вяла, нясла, принясла, ряка, цвятам, из вядра, мялка, залязать, высявать, пятак, плясала, напряла, сяло, слязой, лянок, вясной, сляпой, вядро, на святой, пряду, лягушка, на ряду, вяду, слязу, напяку, лянку, бялуга, бяды; и перед мягкими, когда в ударяемом слоге находится *а*: вялят, пътярять, зямля, дясятый, мянять, бялянка, дяляга, глядят; при иных ударяемых гласных перед мягкими согласными произносится *и*: бирёт, зиленый, виселье, лител, систре, тимнеть, бильё, в гнизде, видерный, тижельше, ниси, из зимли, подвизи, висилюсь, пъбилить, пити, диситина.

Другой мещерский говор с ассимилятивным яканьем второго типа — это описанный мной говор с. Мелехова. Таким образом, опубликованные после „Опыта диалектологической карты" материалы показали, что ассимилятивное яканье, и именно ассимилятивное яканье второго типа, известно не только в западной группе среднерусских говоров, но и в восточной. Поэтому по этой диалектной черте противопоставлять западную группу восточной, как это делают авторы „Опыта", нельзя. Из типов яканья, свойственных лишь западной группе и отсутствующих в восточной, остается ассимилятивное яканье первого типа (в предударном слоге *'а* только перед слогом с ударяемой *а*), если только в отношении распространения и этой черты не будут внесены изменения последующими наблюдениями.

Среди среднерусских говоров, распространенных к востоку от Москвы, ассимилятивное яканье второго типа обнаружено в селениях рязанской мещеры. Повидимому, его можно признать характерной чертой именно мещерских говоров. Весьма показательно, что этот же тип яканья представлен и в говоре

[1] Тр. комиссии по диалектол. рус. яз., вып. 12. Л., 1931, стр. 137—138.

с. Ушинки Пензенской губ., являющегося также мещерским селением. Ассимилятивное яканье с. Ушинки безусловно образовалось еще на территории рязанской мещеры, до переселения обитателей села в Пензенскую губ. На это указывает, с одной стороны, изолированность говора с. Ушинки по ряду языковых черт — и в том числе по типу яканья на территории пензенских говоров, а с другой — близость его говора по тем же диалектным чертам с говорами рязанской мещеры. В частности, весьма значительное сходство говор с. Ушинки обнаруживает с описанным мною говором с. Мелехова. Есть все основания утверждать, что это разновидности одного и того же типа говоров.

Из языковых черт, отмеченных мной в говоре с. Мелехова, общим для него и с. Ушинки являются: 1) ассимилятивное яканье второго типа; 2) произношение в начале слова не в первом предударном слоге гласной *и* на месте *о*; 3) цоканье с твердой *ц*; 4) „шепелявое" произношение мягкой *с'*; 5) твердые долгие шипящие *ш*, *ж*; 6) отсутствие фонемы *ф*, в соответствии с которой перед гласными представлена фонема *х*; 7) сохранение мягкости губных согласных на конце слова; 8) мягкая *т'* в окончании 3-го л. ед. и множ. ч. глаголов; 9) обобщение у глаголов 2-го спряжения основы не 1-го л.; 10) форма род.-вин. пад. личных и возвратных местоимений на *-а*. Правда, некоторыми чертами говор с. Ушинки отличается от мелеховского: например, качественной редукцией гласных верхнего подъема во 2-м предударном и в закрытых заударных слогах, произношением звонкой задненёбной как фрикативной γ, реализацией фонемы *в* в исходе слога в вариации $\underset{\times}{у}$, которая представлена и на конце флексии род. пад. мн. ч. существительных; но, по крайней мере, две последние черты встречаются в других мещерских говорах Рязанской области.[1]

Языковая близость с. Мелехова и с. Ушинки, территориально совершенно разобщенных, конечно, не случайна. Она

[1] Е. Ф. Будде. К истории великорусских наречий. 1896.

указывает, что среди мещерских говоров Рязанской обл. должны быть и другие селения с такой же или близкой языковой системой и, следовательно, с ассимилятивным яканьем второго типа.

Кроме ассимилятивного яканья говоры с. Мелехова с прочими мещерскими говорами сближают и некоторые другие диалектные черты. Нужно, однако, сказать, что говоры, которые обычно называют мещерскими, не представляют однородной в языковом отношении группы. Они различаются по типам яканья, по отражению *ê* (**ѣ*) и *ô*, по реализации гласной *а* между мягкими согласными, по образованию звонкой заднеёбной (*г* и *γ*), мягких свистящих (*с'*, *з'* и $с^{ш'}$, $з^{ж'}$), мягких взрывных зубных ($т^{с'}$, $д^{з'}$ и $т^{ш'}$, $д^{ж'}$), долгих шипящих ($\overline{ш}$, $\overline{ж}$, $\overline{ш}'$, $\overline{ж}'$, $ш'ч'$ $ж'\widehat{д'ж}'$), по образованию формы 3-го л. ед. и мн. ч. глаголов (на *-т'* и *-т*) и по некоторым другим языковым чертам. Общим для всех них диалектным признаком является по существу только цоканье. Однако цоканье распространено на более обширной территории, чем та, к которой в настоящее время применяется наименование „мещера", так как его обычно относят, главным образом, к северной, заокской части Рязанской области и к группе селений по правобережью Оки на территории б. Касимовского уезда (к последним принадлежит и с. Мелехово).

А именно, цоканье известно в примыкающих к территории рязанской мещеры северо-восточных районах Московской области и южных районах Ивановской.[1]

Указанные цокающие говоры Рязанской, Московской и Ивановской областей образуют обособленный диалектный остров, окруженный нецокающими говорами. Это дает основание выделить рассматриваемую цокающую группу в качестве отдельной диалектной единицы и распространить на всю эту группу название мещерских говоров, которые обычно относят

[1] Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектол. карты русского языка в Европе. М., 1915, стр. 26. Южная граница цоканья отмечена на карте, составленной Н. Н. Дурново, в его „Введении в историю русского языка", ч. I. Brno, 1927.

лишь к ее части. Следовательно, если применять термин „мещерские говоры" так расширительно, то им будет обозначен цокающий остров русских говоров, географически расположенный на территории так называемой Мещерской низины.

Этот цокающий остров объединяет говоры различных типов. Большая их часть, повидимому, среднерусские, но среди них имеются и севернорусские Владимирско-Поволжского типа, а также, по наблюдениям Р. И. Аванесова, и южнорусские. Поскольку цоканья не имеют соседние севернорусские и южнорусские[1] говоры, причем, что особенно важно, его, повидимому, судя по историческим данным, не было и ранее на территории Владимиро-Суздальского государства, цоканье мещерских говоров следует рассматривать в качестве местного явления, развившегося самостоятельно вне связи с цоканьем других русских говоров. Естественно поставить его в связь с названиями „мещера", „мещерская сторона", употребляемыми и сейчас населением Рязанской области по отношению к значительной части территории, занятой цокающими говорами, и видеть в цоканье „наследство древней мещеры".[2] Иначе говоря, цоканье мещерских говоров можно считать явлением, образовавшимся на почве взаимодействия фонетической системы языка исчезнувших дославянских насельников края, принадлежавших, как обычно полагают, к одному из финских племен,[3] и фонетической системы языка русских племен, колонизовавших Мещерский край и ассимилировавших его финское население, летописную мещеру.

О иноязычном и именно финском воздействии, как причине образования цоканья в русских говорах Восточной Европы,

---

[1] Д. К. Зеленин (Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных. СПб., 1913, стр. 316) указывает, что „цокальщики встречаются кое-где в Сапожковском уезде: это, конечно, остатки той же Мещеры на пути из Рязанского края в Пензенский".

[2] Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 315.

[3] С. К. Кузнецов. Русская историческая география. М., 1910, стр. 97—107; С. М. Середонин. Историческая география. П., 1916, стр. 195—220.

в свое время поднял вопрос В. Чернышев.[1] Такое происхождение цоканья допускал и А. А. Шахматов, хотя сам все же склонялся к тому, чтобы связывать появление цоканья с влиянием на древнерусские говоры польских мазуракающих говоров.[2] После известных работ А. М. Селищева,[3] предположение о возникновении цоканья, а также некоторых других фонетических явлений под влиянием иноязычной среды ставится на достаточно твердую почву. Мещерские говоры, как мне кажется, подкрепляют это предположение. Действительно, обособленность по цоканью мещерских говоров, образующих цокающий остров, окруженный нецокающими говорами, географическое расположение этого острова на территории ассимилированной финской мещеры, имя которой перешло на русское население, сохранившись до наших дней, принадлежность цокающих говоров к говорам разных типов: северно-, южно- и средне-русским, — все это убедительно говорит об образовании цоканья на месте и позволяет весьма правдоподобно связывать его появление с воздействием языка исчезнувшей финской мещеры.

---

[1] В. Чернышев. Как произошла мена ц и ч в русских говорах? (Вопрос лингвистам). „Русский Филологический Вестник", т. XLVII, № 1—2. Варшава, 1902.

[2] Акад. А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий. П, 1916, стр. 54 и сл.

[3] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1924, Соканье и шоканье в славянских языках („Slavia". Roč. X, Seš. 4. Praha, 1931.).

Р. И. АВАНЕСОВ

ОЧЕРКИ ДИАЛЕКТОЛОГИИ РЯЗАНСКОЙ МЕЩЕРЫ

I. ОПИСАНИЕ ОДНОГО ГОВОРА ПО ТЕЧЕНИЮ р. ПРЫ[1]

1. ВВЕДЕНИЕ

Среди болот и лесов глухой Мещерской стороны по течению р. Пры, берущей свое начало в Озерном крае и впадающей километрах в сорока в Оку, расположены с. Кидусово и слившаяся с ним в одно большое селение д. Нагорная. Песчаная бесплодная почва, большие лесные массивы, топи и болота, покрытые моховыми кочками или кустарником и редким лесом (по-местному „омшары"), — таковы природные условия края, мало способствующие земледелию. Поэтому издавна население окрестных деревень уходило на заработки — на лесной промысел, позднее — на торфоразработки, а также в Рязань и в Москву на разную работу. И сейчас значительная часть молодежи (в том числе девушки) работает „на торху" и на лесоразработках. Лишь за последнее время, в условиях коллективного хозяйства, тощая почва Мещерской стороны стала кормить крестьянина.

Село Кидусово и д. Нагорная расположены в 45 км от своего районного центра — г. Спасска Рязанской области.

[1] Настоящая статья, написанная в 1940—1941 гг., представляет собою главу из большой работы автора, посвященной изучению говоров северо-западной части Рязанской области, на основе наблюдений, произведенных им в 1939 и 1940 гг. Историческая интерпретация описанных фактов, а также обзор литературы предмета представлены в отдельных главах работы.

В заключительной части статьи сжато изложены некоторые из предварительных выводов автора.

Около 50 км отделяет их от Ижевского — районного центра той же области на Оке (в прошлом крупного торгового села).

Из „Списков населенных мест Российской империи XXXV. Рязанская губерния“ (СПб., 1862) узнаем, что с. Кидусово (№ 3250) имело дворов 28, жителей — мужчин 128, женщин 134; д. Нагорная (№ 3251) имела дворов 78, жителей — мужчин 391, женщин 435. Оба селения владельческие. Об этом рассказывают крестьяне и теперь, называя четырех местных помещиков.

Село Кидусово известно по крайней мере с конца XVI в.: оно много раз упоминается в писцовых книгах Рязанского края: „... на Мещерской стороне в с. в Кидусоль пашни и перелогу...“[1] „Да за ним же в Каменском стану на Мещерской стороне в с. в Кидусоли“ ...[2] Рядом с с. Кидусоль называются и другие существующие и ныне соседние селения — сельцо Бельское, д. Дорофеево. Характерно, что д. Нагорная, ближайшая к Кидусоли, в этих книгах не упомянута. Возможно, что это указывает на более позднее ее происхождение.

Обращает на себя внимание неполное совпадение названия села: Кидусоль при современном Кидусово. Название это, видимо, не русское и было унаследовано от дославянского населения Мещерского края. В дальнейшем оно морфологически руссифицировалось. Однако еще в середине XIX в. наряду с новым названием было известно и старое. „В этнографическом описании с. Кидусово Спасского уезда“, составленном в 1854 г. свящ. Г. Кротковым, мы читаем: „Три названия села: Кидусово, Кидусаль и Кидусоль“.[3] В „Списке населен-

[1] Приправочные книги г. Рязани 1596—1598 гг. См. „Писцовые книги Рязанского края“ под ред. В. Н. Сторожева. Рязань, 1898, стр. 380.

[2] Там же, стр. 381. См. также трехкратное упоминание с. Кидусоли в Платежных книгах городов Рязани, Пронска и Ряжска... 1594—1597 гг. Там же, стр. 83.

[3] См. у Д. К. Зеленина: Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества, вып. III. Пгр., 1916. Имея в виду акающий говор Кидусова и потому невозможность звука о в заударном слоге, в приведенных написаниях следует видеть не три, а всего два названия.

ных мест Российской империи"[1] при названии Кидусово (№ 3250) в скобках дано и Кидусаль.

Обследованные населенные пункты находятся на западной части территории так называемой рязанской мещеры, некогда занятой не-славянским, видимо, финским населением, ближайшим образом родственным с мордвою или скорее — мари. Впрочем сейчас не-русского не сохранилось ничего, кроме названия, и лишь лингвистический анализ может возвести некоторые местные языковые черты, например цоканье, к местной иноязычной „мещерской" подоснове.[2]

В диалектологическом отношении населенные пункты по течению р. Пры не обследованы. Говоры, изученные Е. Ф. Будде[3], расположены севернее, восточнее и южнее Кидусова. Ближайшие пункты, обследованные Е. Ф. Будде, находятся в 30—35 км по прямой — Чарус (Бельского р-на), Киструс (Спасского р-на), Ижевское. Около 50 км — по прямой до с. Новоселки Рыбновского р-на, которое известно в русской диалектологии по образцовому ответу Ф. М. Тоньшина на программу МДК.[4] Говор с. Новоселки, весьма близкий к кидусовскому, был предметом моих наблюдений во время другой диалектологической поездки (в 1940 г.). Имеются и другие ответы на диалектологические программы из Спасского и смежных уездов.

---

[1] Вып. XXXV. Рязанская губерния. СПб., 1862.

[2] О русской мещере см. Иловайский. История Рязанского княжества; Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных. 1913, стр. 309—312; И. Е. Лахерма. Отчет о поездке в Саратовскую, Пензенскую и Тамбовскую губ. к обрусевшей мещере. „Этнограф. обозр.", 1915, № 2—4, стр. 145—151; Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. 1 (Тр. Гос. музея Центр. промышл. обл.). М., 1926; М. Д. Малинина. Очерки рязанской мещеры („Вестник рязанских краеведов", № 3, Рязань, 1925); М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 10, 90 и др.

[3] „К истории великорусских говоров". Казань, 1896.

[4] См. Тр. МДК, вып. III, стр. 57—60. Материалы Ф. М. Тоньшина; см. также в книге Л. Васильева. О значении каморы... Л., 1929.

Краткие и не вполне точные сведения о говоре с. Кидусова мы находим в упомянутом уже выше „Этнографическом описании с. Кидусова" Г. Кроткова (1854 г.).[1] В нем указывается, между прочим, что „каждая из трех деревень прихода: Нагорная, Бельская и Дорофеевская имеет свой особый выговор; в с. Кидусове говорят правильно". Согласно нашим наблюдениям, Кидусово и Нагорная не отличаются друг от друга по говору. Более того, особых отличий я не нашел и в д. Дорофееве, куда имел возможность проехать, правда, только на один день. Мои товарищи по поездке в Кидусово посетили д. Бельскую и также сообщили, что говор ее сходен с Кидусовским. Во время другой поездки мне удалось изучить говор д. Картоносово, расположенной километрах в 20—25 на северо-запад от Кидусова, и я убедился в том, что говор д. Картоносова почти тождественен с кидусовским, отличаясь от него лишь немногими мелкими чертами. Таким образом, говор с. Кидусова и д. Нагорной можно считать типичным для целого района, территорию которого, за недостатком материала, пока определить не представляется возможным.

Исходя из сказанного, в дальнейшем изложении под кидусовским говором имеется в виду говор и с. Кидусово, и д. Нагорной. В очерке Г. Кроткова сообщаются следующие черты говора д. Нагорной:

„В 3-м л. глаголов: найдѣть, панесѣть (не пойдёть)". Эта черта в общем выдерживается и сейчас;

„*шо* вместо что" (этого я не наблюдал).

„*ц* везде заменяется буквой *ч*: чалковых, на зайчах, адинадчать, не уйметчи". Очевидно, в этом замечании следует видеть указание на цоканье (и сейчас там говор цокающий, причем употребления *ч* вместо *ц* не замечено).

„Звука *ё* совсем нет: ѣлка (вм. ёлка); шо лошади авѣс (вм. овёс), то тшелавеку каша". Эта черта отмечена совершенно правильно и соответствует традиционному говору в его современном состоянии.

---

[1] Д. К. Зеленин. Описание рукописей..., вып. III.

Для всех трех деревень отмечено употребление *х* вм. *ф*: Хилип, Хедос (так и теперь). Для д. Бельской указано произношение дамо вместо домой, дало вместо долой, известное и теперь в Кидусове, Нагорной и отмеченное также Е. Ф. Будде,[1] для некоторых говоров обследованного им района. Для д. Дорофеево указаны формы род. пад. „красныга, синига" — очевидно с γ. Такого произношения нет сейчас ни в Дорофееве, ни в Кидусове-Нагорной, где употребительны формы с *в*. Но вполне вероятно, что последние представляют собой новообразования последнего времени (об этом см. ниже, стр. 264—266).

„Описание" Г. Кроткова ранее уже было процитировано Д. К. Зелениным в книге „Великорусские говоры с неорганичным и непереходным смягчением задненёбных согласных".[2] При этом, ввиду отсутствия в описании Г. Кроткова замечаний о мягком *к* (Ванькя), Д. К. Зеленин делает вывод о приходских деревнях с. Кидусова: „мягкого *к* здесь нет", что не соответствует говору — по крайней мере в его современном состоянии: как будет показано ниже, в Кидусове после мягкого согласного (кроме *ч*) произносится мягкое *к*, причем это одна из ярких, совершенно последовательно проведенных черт говора.

Несмотря на сильно развитое отходничество, близость к Рязани, а также к Москве, Кидусово и Нагорная сохранили основные черты своего старого говора (в том числе такие не часто встречающиеся, как „непереход" е в о,[3] которые

[1] „К истории великорусских говоров". Казань, 1896, стр. 148—149.

[2] СПб, 1913, стр. 324.

[3] Этому вопросу посвящена отдельная работа автора. Среди говоров, не знающих общего „перехода" *е* в *о*, можно отметить говор с. Новоселки Ряз. уезда (Тр. Моск. диалектол. ком., III, стр. 57—60), с. Тамбовка Новоузен. уезда (Материалы МДК), говор западной части Вадского р-на Пензенской обл. (ст. А. Н. Гвоздева в „Ученых записках Куйбышевского Пединститута", вып. V, 1942), Боровичского уезда Новгор. губ. (см. у Шахматова в Литограф. курсе истории русского языка, ч. II, стр. 168); сюда же относятся некоторые говоры северо-западной части Рязанской обл., описанные мною, отдельные говоры Тульской области (по материалам В. Н. Сидорова).

представляют безусловный интерес для русской диалектологии как сами по себе, так и в связи с вопросом о происхождении и составе средневеликорусских говоров.

Задача настоящей статьи — дать описание традиционного говора с. Кидусова — д. Нагорной, как он сохранился к 1939 г., когда я имел возможность там работать. В связи с этой задачей производились наблюдения над речью местных уроженцев старшего поколения, главным образом женщин. Объектом систематических наблюдений был говор 7 неграмотных старух в возрасте от 55 до 84 лет, а также ряда других лиц — нескольких женщин более молодого возраста, детей, двух стариков 67 и 79 лет и др.

Интересуясь общими чертами говора, его фонетической системой, как таковой, а не индивидуальными особенностями речи отдельных лиц, мы не сочли нужным в дальнейшем изложении рассматривать отдельно материал, записанный от каждого лица. Поэтому здесь мы не перечисляем лиц, от которых производилась запись, ограничиваясь лишь суммарной их характеристикой. В соответствии с основной задачей, описание процесса взаимодействия местного говора с литературным языком в настоящей работе оставлено в стороне. Язык местных активистов, комсомольцев, интеллигенции также был предметом моих наблюдений, но в настоящем описании приняты были во

и некоторые другие. См. об этом в рецензии Р. Якобсона на „Опыт диалектол. карты русского языка" в „Этнограф. обозр." 1916, № 1—2, стр. 103.

Любопытное замечание об этом явлении имеется в материалах М. Макарова (начало XIX в.), относящихся к ряду уездов Рязанской губ., в том числе Спасскому: „Здесь замечу еще, что в произношении языка описываемых мною крестьян литера *е* употребляется везде с особенной твердостью или явственностью" (см. „Тр. Об-ва любителей Российской словесности", ч. 20, М., 1820, стр. 26). В приводимом Макаровым словарном материале „непереход" *е* в *о* можно усмотреть в словах „понева", „ховряченок", „шебер", „шеберка" (там же, стр. 19, 21), так как *о* после мягких согласных в этом издании вообще передается через *іо*: ср. паніова (там же, стр. 125), луніок (стр. 122), пеліова (стр. 124), пареніок (стр. 130), тіотка (стр. 131) и др. Отсутствие изменения *е* в *о* в д. Нагорной, как мы видели, было отмечено Г. Кротковым (1854): „звука *ё* совсем нет: ѣлка (вместо ёлка) и т. д." (см. выше, стр. 138).

внимание лишь такие явления в языке этих групп населения, которые соответствовали системе традиционного говора и дополняли, таким образом, наш основной материал. Языковые процессы, пережитые говором с. Кидусова в связи с коллективизацией сельского хозяйства и социалистическим строительством, мною будут описаны в специальной статье.

Записывалась лишь разговорная обиходно-бытовая речь. В связи с тем, что установление фонетической системы говора было главной задачей наших наблюдений, мы стремились к возможной точности записей и потому записывали, главным образом, отдельные фразы, части фраз и словосочетания и даже отдельные слова, избегая записей связной речи. Само собой разумеется, что нами оставлен в стороне язык фольклора — сказок, песен, частушек и пр.

Описание фонетической системы говора ставит своей задачей представить систему фонем говора как дифференциальных знаков языка, различителей значений морфем и слов, а также различных видоизменений фонем, их реализации в вариантах и вариациях, обусловленных фонетическим положением. Собранного материала оказалось достаточно, чтобы представить основные черты фонетической системы, иллюстрируя их довольно большим количеством примеров. Нельзя это сказать о разделе морфологии: несмотря на обилие материала для некоторых форм и категорий, есть и весьма досадные пробелы, ввиду чего пришлось ограничиться в этом разделе лишь „замечаниями по морфологии", не претендующими на достаточную полноту и систематичность представленного материала. При этом следует иметь в виду, что специальных наблюдений над морфологической системой говора автор не производил. Морфологический материал настоящей статьи извлечен из записей, сделанных для описания фонетики. Именно поэтому в нем почти отсутствуют наблюдения над значениями отдельных морфологических категорий, их синтаксическим употреблением, а представлен лишь инвентарь форм, их образование. Однако, думается, что последний все же представляет некоторую ценность ввиду того, что морфология русских говоров все еще остается слабо разработанной областью науки о русском языке.

II. ФОНЕТИКА

а) Гласные

Гласные фонемы и их вариации в ударенном слоге

§ 1. В описываемом говоре имеются следующие гласные фонемы:

и — переднего образования, верхнего подъема нелабиализованная (йскрă, стар'йк, п'йл'и, γл'ад'й):

а — среднего образования, нижнего подъема, нелабиализованная (ста́раi, да́л'и, стр'ал'а́л, на́, т'алка́, нъ пл'ам'а́);

о — заднего образования, среднего подъема, лабиализованная (смо́лу γо́н'ут', о́з'ирă, о́с'ин', с'ало́, ит͡н'аво́, аγн'о́м);

у — заднего образования, верхнего подъема, лабиализованная (с му́жам, път'ану́л, ц'в'ату́т', н'у́ркă, л'у́бъцк'ă, у́γал', х т'алку́, γл'ад'у́).

Чрезвычайно сложен вопрос о месте в системе вокализма описываемого говора гласного *е* — переднего образования, среднего подъема, нелабиализованного: в падежных окончаниях употребление *е* самостоятельно, фонетически не обусловлено по отношению к *о* (ср. пал'е́i, з'амл'о́i); что же касается остальных случаев, то в них *е* и *о* употребляются в взаимно исключающих фонетических условиях, что их функционально в значительной мере отожествляет, делая их как бы разновидностями одной и той же фонемы (ср. пр'ивóс, нóс (сущ.) и пр'ив'éс, н'éс; дóм и шез' д'éн). Впрочем различение *е* и *о* в падежных окончаниях позволяет говорить о наличии в описываемом говоре особой фонемы *е*, хотя и недостаточно противопоставленной фонеме *о* по сравнению с другими русскими говорами и литературным языком (подробнее см. об этом ниже, § 5).

Указанные гласные различаются под ударением (с особыми оговорками для *а*; см. ниже, § 4). Однако по своему качеству они видоизменяются в зависимости от соседства с мягкими и твердыми согласными, выступая в различных своих вариациях.

§ 2. Фонема *и* в положении после твердых согласных реализуется в своей вариации *ы* — гласном среднего образования, верхнего подъема, нелабиализованном. Таким образом,

основной вид фонемы *и* произносится в начале слова и после мягких согласных фонем: и́скрă, и́гры, л'и́пă, н'и́тъцка, стар'и́к, п'ат'и́, тр'и́. После твердых согласных, имеющих парные мягкие, фонема *и* реализуется в своей вариации *ы*: в ы́збу, с ы́скраi̯ сы́грънă, сы́пъл, мы́л, бы́л, вы́дъл, сталы́, снапы́ угълы́ (ср. агн'и́).

После шипящих *ш*, *ж* также произносится звук *ы*, несколько более передний в своем образовании: пр'ишы́та, jамшы́к, мужы́к, ишы́, нажы́, д'аржы́.

После аффрикаты *ц*, полумягкой по своему качеству, обычно произносится *и*, несколько отодвинутое назад: полуци́ла, н'и уци́л'и, ци́стă, кан'ци́, игур'ци́. Однако, в связи с наличием и твердого произношения фонемы *ц*, после нее может звучать и *ы*: пълуцы́л, цыстă, н'и уцы́л.

После задненёбных *к*, *х*, *г*, которые также не образуют пар по твердости — мягкости, фонема *и* звучит, тем не менее, в своем основном виде, смягчая при этом предшествующую задненёбную (вместо которой звучит средненёбная): к'и́слъi̯, х'и́тръi̯, ги́р'ă, ру́к'и но́ги, сно́х'и, съпаг'и́. Так произносится фонема *и* после задненёбных внутри слова. На стыке же слов, перед фонемой *и* задненёбная произносится без смягчения, в связи с чем фонема *и* реализуется в своей вариации *ы*: к ы́збам, к ыгр' е́.

Указанное видоизменение фонемы *и*, выступающей после твердых согласных в своей вариации среднего образования — *ы*, свойственно не только ударенному слогу, но также и безударным; в последних оно сопровождается редукцией гласной в той или иной степени, свойственной вообще безударному вокализму изучаемых говоров: в ыз'б'е́, в ыгр'е́, с ыл'jе́ праро́кă, к ыва̀ну, к ыз'б'е́, с'н'е́х ыд'е́т'.

§ 3. Фонема *у* в положении после мягкой согласной — не перед мягкой — выступает в вариации, представляющей собой звук, неоднородный в своей артикуляции, а именно более передний в своем начале (*у*): л'у́ба, гл'ăд'у́, в'ăл'у́. Та же фонема между мягкими согласными реализуется в своей вариации *у* — лабиализованном, верхнего подъема гласном передне-среднего образования: л'ӱ́б'ӱ, гл'ăд'ӱ́с', л'ӱд'и.

Более передние вариации фонемы *у* произносятся не только в ударенном слоге, но и в безударных, где они, однако, сопровождаются еще редукцией, охватывающей в той или иной степени вообще все безударные гласные.

§ 4. Фонема *а* в ударенном слоге в положении после мягкой согласной — не перед мягкой — реализуется в вариации, представляющей собой звук неоднородный в своей длительности, а именно — более передний и верхний в своем начале (ȧ): п'а́таi, л'а́х (прошедшее вр.), вз'а́л, у ρ'а́б'а́т, т'а́л'а́ты, мът'а́р'jа́, з'а́мл'а́. Сложнее обстоит дело с реализацией фонемы *а* в ударенном слоге в положении между мягкими согласными. В собранном материале не мало примеров, указывающих на то, что в этом положении звучит *е:* п'е́т'ъра́, γр'е́с', γл'е́т' (= глядь), ап'е́т', д'е́д'а, хаз'е́ин, н'е́н'к'и, с'е́т' (-сядь). Таким образом, после мягких согласных констатируется чередование *а* || *е*, в котором *а* выступает в положении перед твердыми согласными, а *е* — перед мягкими: п'а́таi — п'е́т', п'е́т'ъра; γр'а́знаi — γр'е́с', съмапр'а́ха — съмапр'е́х'и, баjа́лс'и — баj е́л'ис', зав'а́л — зав'е́л'и, итправл'а́л — итправл'е́л'и, итправл'е́т', итправл'е́iут'; път'ар'а́л — път'ер'е́л'и, път'ер'е́т'. Если бы это чередование было абсолютно последовательным, то *е*, чередующееся с *а*, можно было бы квалифицировать в качестве варианта фонемы *а*, которая в положении между мягкими согласными совпадает с фонемой *е* в одном и том же звучании. Ср. перед твердыми согласными: γр'а́знаi, б'ер'е́зъ́, перед мягкими: γр'е́с', нъ б'ер'е́з'и. Однако это чередование не проведено последовательно, и потому его нельзя считать, по крайней мере для современного состояния говора, чередованием фонетическим.

Имеются грамматические категории, в которых под ударением между мягкими согласными последовательно произносится *а* (ä). Это прежде всего отмечается в окончании 3-го л. мн. ч. глаголов так называемого 2-го спряжения, имеющем на конце *т':* аны в'ал'а́т', п'ил'а́т', кур'а́т', вар'а́т', з'ъл'ан'а́т', хл'еп нът'ур'а́т' и jад'а́т', стаjа́т', γл'ад'а́т', с'ид'а́т'. В этой форме *е* совершенно не употребительно. То же можно сказать

и об окончании твор. пад. мн. ч. существительных *-ами* после мягких согласных: γус'а́м'и, γваз'да́м'и (ср. дат. мн.: γус'а́м, γвазд'а́м).

В других случаях отмечено довольно большое количество колебаний — наличие между мягкими согласными то *а*, то *е*. Например, в инфинитиве: пръγан'ét', итправл'ét', п'ър'ъзан'ét', пад̄н'ét', пр'éс'т', но стр'ăл'а́т', γул'а́т'. В формах прош. времени: ибвал'éл'ис', иставл'éл'и, път'ер'éли, итправл'éл'и, но стр'ăл'а́л'и (также и стр'ел'éл'и), ид'ăл'а́л'ис'. В личных формах: итвар'éиш, јавл'éиц̄ъ, зъјавл'éјуц̄а, вал'éјут', л'ин'éјут', итправл'éјут', но път'ăр'а́ју, т'ăр'а́иц̄и, ид'ăл'а́иц̄а, иставл'а́ит'; ръзγул'а́иц̄ă, ръз'д'ăл'ăим, ръзм'ăр'а́јут', искарбл'а́јут'. Повелительное наклонение: н'и дъв'ăр'а́ј.

Следует отметить, что после *ц̄* перед мягкими согласными в записанном материале оказались примеры только с *а*, что нельзя считать случайностью. Это указывает на то, что *ц̄* функционирует в говоре в качестве твердой согласной: стр'ац̄а́т', с'ар'ц̄а́т' зъп'ац̄ал'илъс', пр'икан'ц̄а́ј'т'и.

Возможность произношения перед мягкими согласными не только *е*, но и *а* отрывает звук *е* от позиционной обусловленности, делает его самостоятельным по отношению к *а*. Благодаря этому для современного состояния говора чередование *а* || *е* становится факультативным. С другой стороны, в определенных грамматических формах между мягкими согласными вполне последовательно проведено *а*. Все это позволяет квалифицировать чередование *а* || *е* не в качестве фонетического чередования вариантов одной фонемы *(а)*, а в качестве нефонетического (морфологического) чередования представителей двух разных фонем.

§ 5. Выше (§ 1) было уже отмечено, что звуки *о* и *е* не в падежных окончаниях не различаются. Опишу здесь более подробно соотношение этих звуков.

Не в падежных окончаниях звуки *о* и *е* в тожественной позиции неупотребительны: после твердых парных согласных произносится только *о:* сто́л, сто́л'ик, но́с, γо́рат, сапо́х, γаро́х,

во́лас, γо́лас, γо́лап', бо́л'ан, ко́л'ут' и др. После мягких согласных произносится только *е* („открытый" перед твердым согласным и „закрытый" перед мягкими): б'ер'е́за — нъ б'ер'ếз'и, с'ем' д'е́н — д'ếн', пр'ин'е́с — пр'ин'ếс'т', л'е́н, с в'е́рсту, с'ем' в'е́рст, пан'е́ва, п'е́тр, св'е́кар, св'е́кла, кл'е́н, б'ер'е́ска, б'ер'е́зъваi, с'ъл'ез'е́нкă, в'есе́лаi, з'ел'е́наi, пад'е́нă, б'е́рнаф (род. пад. мн. ч. при им. ед. ч.: б'арно́), т'е́плаi, п'е́т' кап'е́н, п'ер'е́т (= вперёд), с'ер'е́д' дн'а́, с'е́стры (им. пад. мн. ч.), ав'е́с, ал'е́х (= ольха), цер'е́мъха, пр'ив'е́с, зан'е́с, прив'е́л раз'в'е́л, п'ър'ан'е́с, ст'ер'е́х, ч'ер'е́пъим, выл'е́тъвы̆ит', зам'е́тват' (= замётывать), сам цет'в'е́рт, цетв'е́ртаi, двухкал'е́ска, церназ'е́мнъiа, пат'е́рлъс', м'е́ртвых, зам'е́рс, з'е́рны (им. пад. мн. ч.), з'е́рнушкă, зав'е́ртъвыит', с'е́лы (= сёла), с'е́л (= сёл: род. п. мн. ч.) и с'е́ла, с'е́л (глаголы), у iйх л'е́т такоi, у у́так (= лёт) и ше́с' л'е́т, л'е́с, д'е́лă, б'е́лаi, хл'е́п, в'е́тра, в'е́ра, м'е́ра, с'е́раi.

В суффиксе *-енок*, а также в страдательных причастиях прошедшего времени с суффиксом *-ен-* всегда звучит также *е*: раб'е́нок, раб'е́нка, кат'е́нак, ут'е́нак, пъс'т'ил'е́нă, итвар'е́нă, и сал'е́наi, нъвал'е́нă, нъп'ил'е́на, пръстр'ил'е́на, ръсплит'е́нă, пр'ин'ес'е́нă, зътрус'е́ны, зъγрад'е́нă (также: зъγраж'е́нă).

Перед шипящими тоже произносится *е*: т'е́ша, на т'е́шы, л'е́ш, л'е́жă, д'е́шъвă.

После *ц* в корнях слов: це́рнаi, па цёрнъму, це́рстваi, це́снаi, нацёсъват': в указанных выше суффиксах: бацёнак, γалцёнак, д'ewцёнк'и; п'ецёным, к'ип'ичёнъiу.

После шипящих в ряде корней также последовательно произносится *е*, несколько оттянутое назад к среднему ряду — открытое перед твердой согласной (э) и закрытое перед мягкой (э̂): ц'ижэ́лаi, т'ежэ́лъiа, кашэ́лка, д'ешэ́фшы, д'ешэ́ваi, зажэх; то же в указанных выше суффиксах: медвежэ́нок, зъγражэ́ны. В других случаях, видимо, последовательно проведено *о*: атшо́л, патшо́л, жо́лтаi.

Таким образом, в положении после согласных — не в падежных окончаниях — звуки *о* и *е* взаимно исключаются в пределах каждого данного фонетического положения: наличие *о* после твердой согласной исключает возможность употребления после

нее звука *е*.[1] Исключая друг друга в тожественной позиции, звуки *о* и *е* как бы взаимно замещают друг друга в разных позициях. Вот эти-то отношения и объединяют функционально гласные *о* и *е*, делая их как бы разновидностями одной фонемы.[2] Однако вопрос о месте звуков *о* и *е* в системе описываемых говоров усложняется тем, что они различаются в падежных окончаниях, о чем см. выше, стр. 142.

Есть только одно положение, в котором *о* и *е* не в падежных окончаниях различаются, — это — абсолютное начало слова, где при обычном *о* (о́зьрă, о́ват, о́цьн', о́стръw, о́кан' и др.) представлено и *е*, правда, только в местоимениях на *е:* е́нтат, е́н'т'и, е́т'и и др.[3] Однако надо отметить, что на стыке слов перед начальным *е* твердые согласные смягчаются.

---

[1] И наоборот, наличие *е* после мягкой согласной исключает возможность употребления после нее звука *о*.

[2] Здесь можно отметить, что после шипящих в одних словах отмечено *е*, в других *о*. Дело исторической фонетики объяснить подобного рода „аномалии". В настоящей статье мы лишь констатируем, что после шипящих в каждом данном случае из двух звуков — *о* и *е* — употребителен только один. Возможность *о* после твердых шипящих с точки врения описательной может быть интерпретирована как указание на то, что шипящие — твердые в описываемом говоре — начинают функционировать именно как твердые согласные, в связи с чем после них, как и вообще после твердых, в ряде случаев употребляется *о*, а не *е*.

Однако функционирование шипящих в качестве твердых согласных в системе говора проведено более чем непоследовательно: выше было уже отмечено, что после шипящих при *о* в одних случаях, в других случаях последовательно употребляется *е*. Кроме того, в положении перед мягкой согласной после шипящих произносится *е*, в то время как после остальных твердых согласных *о* произносится как перед твердой, так и перед мягкой согласной. Ср. жо́ны — жэ́н'ин, жэ́нӣă, с одной стороны, с каро́вă — каро́в'ин, с другой стороны, с ст'е́па — ст'е́п'ин. Двойственность функционирования шипящих очевидна: после них перед твердыми согласными может произноситься *о*, как после других твердых (жоны, каровы; ср. ст'епа); после них же перед мягкими согласными произносится *е* как после мягких согласных (жэ́н'ин, ст'е́п'ин; ср. каро́вин). В этой двойственности сказывается былая мягкость шипящих.

[3] Не считая, конечно, возможных заимствованных слов, в записях вообще не представленных.

Произносят: вот'ётат, вот'ёту, из'ётъва, с'ён'т'их. Ср. в литературном языке — вотэ́тът, изэ́тъвъ, а также случаи с начальным *и* как в литературном языке, так и в описываемом говоре — сы́глъм'и(сы́γлым'и), во́тыjа́.

В падежных окончаниях, как уже было выше отмечено, *е* и *о* различаются. Ср., например, после мягких согласных, а также согласных внепарных по твердости — мягкости: земл'о̄i̯ — пал'е́i̯: ружjо́ — в ружjе́, дупл'о́ — в дупл'е́, нутр'о́ — в нутр'е́, пл'ацо́ — нъ пл'ице́, м'ажо́i̯ — нъ м'иже́, лицо́ — нъ лице́; рукói̯, — нъ рук'е́, сахо́i̯ — нъ сах'е́, наγо́i̯ — нъ наγе́ — в последних случаях с позиционным смягчением *к*, *х*, γ перед *е*.

На фоне приведенного материала в случаях типа ф с'ил'е́, накн'е́ (при с'ало́, акно́) надо видеть также позиционное смягчение твердых парных согласных фонем (*л*, *н*) в положении перед *е*.

После мягких согласных *о* отмечено в таких категориях случаев:

в им. пад. ед. ч. существительных средн. рода: дупл'о́, нутр'о́, ружjо́, б'ал'jо́;

в твор. пад. ед. ч. существительных муж. и средн. рода: аγн'о́м, дупл'о́м, нутр'о́м, б'ал'jо́м, ружjо́м;

в род. пад. мн. ч. существительных: м'ьдв'ад'о́ф, бajо́ф, крajо́ф, п'ан'к'о́ф, γус'к'о́ф (фамилия);

в твор. пад. ед. ч. существительных жен. рода: з'ам'л'о̄i̯, къна́пл'о̄i̯;

в местн. пад. ед. ч. местоимений муж. и средн. рода: на н'о́м, ва фс'о́м, в majо́м, твajо́м, свajо́м, на ч'jо́м;

в род., дат. и местн. пад. ед. ч. местоимений женск. рода: у majо̄i̯, на фс'о̄i̯, в majо̄i̯, свajо̄i̯, твajо̄i̯.

Особо следует отметить наличие *о* после мягкой согласной в уменьшительном суффиксе *-ок-*, а также в суффиксе *-ов-*: кул'о́к, п'ан'о́к, д'ан'о́к, иγан'о́к, уγал'о́к; журавл'о́ф, къвал'о́ф, γус'к'о́ф (фамилии).

В тех же грамматических категориях отмечен звук *о* и после шипящих и *ц*:

нажо́м, м'ажо́i̯, пл'ацо́, пл'ацо́м, на цо́м;

сн'ажóк, б'ир'ажóк, пиражóк, пушóк, м'ашóк, бълашóф (фамилия), купцóф (притяж. прилагательное).

Звук *е* после мягких согласных отмечен в следующих формах существительных:

в дат. и местн. пад. ед. ч. жен. рода: к з'имл'é, нъ з'имл'é;

в местн. пад. ед. ч. муж. и средн. рода: в нутр'é, в дупл'é;

в род. п. мн. ч.: пал'éi̯, мар'éi̯, γус'éi̯, аγн'éi̯, м'ьд'в'ид'éi̯ (наряду с м'ьд'в'ад'óф).

В личных окончаниях глаголов так называемого 1-го спряжения последовательно проведено *е* не только перед мягким *т'* в 3-м л. ед. ч. и 2-м л. мн. ч., но также и перед твердыми — перед *ш* во 2-м л. ед. ч. и перед *м* в 1-м л. мн. ч.: памр'éш, памр'éт', памр'éм, памр'ét'а; паi̯д'éш, паi̯д'éт', паi̯д'éм, паi̯д'ét'а; нал'jéш, нал'jéт', нал'jém, нал'jét'а; итаб'jéш, итаб'jéт', итаб'jém, итаб'jét'а; б'jém, уб'jét'; пр'ед'éш, пр'ед'éт', пр'ед'éм, пр'ед'ét'а; съб'ер'éш, съб'ер'éт', съб'ер'éм, съб'ерét'а; в'ез'éш, в'ез'éт', в'ез'éм, в'ез'ét'а; ид̄ахн'éш, ид̄ахн'éм; прин'ес'éш, прин'ес'éм, пъдмет'éм, нитверн'éм; изатр'éш, изатр'éм; нъклад'éш, нъклад'éм; сапjéш, сапjém, нъд'ер'éш; припалз'éш; жыв'éш, жыв'éт', жыв'éм; шjéш, шjém; зав'éш, пъзав'éм, зав'ét'а, жд'éм; талк'éш, талк'éт', талк'ét'а; зъпр'иγ'éш, зъпр'иγ'éт', зъпр'иγ'éм, зъпр'иγ'ét'а; пр'ивълак'éш, пр'ивълак'éм.

Звук *е* последовательно проведен и в глаголах с частицей *с'и;* уб'ер'éс̄'и, уб'ер'émс'и, уб'ер'éц̄а (3-е л. ед. ч.), итв'ер'н'éс̄'и, итв'ер'н'éц̄а, итв'ер'н'émс'и, ибажγ'éс̄'и, ибажγ'éц̄а, ибажγ'émс'и.

Из сделанного выше описания, между прочим, можно сделать вывод о том, что отношения между *о* и *е* в корнях слов весьма близки к отношениям между *ы* и *и*, описанным выше (см. § 2): в тожественных фонетических условиях употребляется только один из звуков каждой пары.

Отличия заключаются в том, что в начале слова кроме *о* возможно *е* (étă), которое, к тому же, смягчает конечную согласную предшествующего слова (вот'étă; сравни: вот ыjá),

а также в том, что после шипящих наряду с *е* в одних случаях в других употребляется *о* (д'ешéваі, но атшóл).

Варианты гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге

§ 6. Система вокализма описываемого говора в значительной мере определяется теми модификациями гласных фонем, которые имеют место в безударных слогах — и прежде всего в непосредственно предударном слоге.

Говор описываемых пунктов, как акающий, характеризуется неразличением в неударенных слогах гласных фонем неверхнего подъема, которые, все или частично, совпадают в общем для них варианте или даже в варианте, общем для них вместе с нелабиализованной гласной верхнего подъема. Качество такого варианта зависит от его места по отношению к ударению, от твердости или мягкости предшествующей согласной, от качества ударенной гласной, если дело касается первого предударного слога, и от некоторых других условий.

§ 7. В 1-м предударном слоге гласные фонемы *а, о, е* реализуются в одном из общих для всех них вариантов *а, а, ä; е* (*е*^{i}, *и*), *э* (*э*^{i}, *ы*). При этом разные оттенки *а* (*а, ȧ, ä*) носят открытый характер и образованы при довольно широком растворе рта, мало отличаясь, кажется, в этом отношении от соответствующих ударенных гласных. Другие гласные более или менее сдвинуты к нейтральному укладу языка и отличаются от ударенных некоторой степенью редукции (в особенности *и, ы*). Наличие *а* обусловлено положением после твердых согласных (причем после шипящих употребление *а* ограничено еще теми положениями, в которых употребляется *а* после мягких согласных). Употребление *э* (*э*^{i}, *ы*) обусловлено положением после твердых шипящих (и отчасти *ц*), будучи ограничено при этом теми положениями, в которых употребляется *е* (*е*^{i}, *и*) после мягких согласных. В положении после мягких согласных и шипящих наличие более нижних

открытых образований (*а̇, ӓ, а*) или более верхних, закрытых (*е, е*^{i}, *и, э, э*^{i}, *ы*) обусловлено качеством гласной ударенного слога. При наличии в первом предударном слоге одного из оттенков *а* употребление *а̇* или *ӓ* связано с твердостью или мягкостью следующей согласной (н'а̇су́ — н'ӓс'и́), однако это разграничение не абсолютно: при более быстром темпе речи и в речи неотчетливой *ӓ* употребляется также перед твердой согласной (н'ӓсу́). Употребление звуков *е, е*^{i}, *и* фонетически не разграничено и связано только с темпом речи, с ее большей или меньшей отчетливостью или индивидуальными особенностями; все эти звуки могут употребляться в тожественном положении. То же можно сказать и относительно звуков *э, э*^{i}, *ы:* более открытые *е* (э)-обра́зные звуки свойственны более отчетливой речи; более закрытые *и* (*ы*)-обра́зные — более беглой, неотчетливой речи. Следует отметить, что гласные *и, ы* предударного слога в соответствии с ударенным *а, о, е* образованы при недостаточно энергичном подъеме языка: это *и, ы* открытого типа — *и*^{э}, *ы*^{э}.

Перейдем к описанию говора в отношении данного явления. После твердых согласных, имеющих мягкую парную, а также после задненёбных и в абсолютном начале слова фонемы *а* и *о* в 1-м предударном слоге выступают в общем для них варианте *а:* дамо́w, стало́w, нъ стал'е́, нъ вад'е́, драва́, трава́, нъ трав'е́, стар'и́к, дала́, плато́к; па γо́ръду, па на́шъму, над л'е́сам, пад ја́блън'ӓі (н'ы), са мно́іа; каро́вӑ, γало́wка харо́шаі; ад'и́н, адна́, авра́х, астро́х, ар'е́х, ал'е́х (= ольха), акно́, аста́в'у, ат пр'и́зъву, акру́х ста́лӑ, аб'е́там (об этом).

После мягких согласных, имеющих парную твердую, а также после j (i), при наличии под ударением гласной *е*, фонемы *а, о, е* в первом предударном слоге выступают в общем варианте *е* (в индивидуальной речи и в неотчетливой беглой речи также *е*^{i} и даже неэнергичное „нижнее“ *и*); при остальных ударенных гласных те же фонемы в 1-м предударном слоге выступают в вариантах *а̇, ӓ*, причем наличие того или иного из них обусловлено твердостью или мягкостью последующей согласной: в первом случае произносится *а̇* (н'а̇су́),

во втором *ӓ* (в'ӓл'у́). Впрочем, в неотчетливой речи и перед твердой согласной может произноситься *ӓ* (н'ӓсу́).

Приведу соответствующий материал:

а) в'арсты́[1], св'акры́, цьтв'ары́х, кър'а̄ны́х, бъјавы́ја, ц'в'аты́, пъл'авы́х;

ит'акл'и́, стр'алки́, м'алк'и́, зън'алс'и́, вз'алс'и́, в'ис'ал'и́ла, в'ис'ал'и́т'ис', н'и л'ат'и́т', зъл'ацил'и, ид̄'ал'и́л'и, ид̄'ал'и́лс'и, зъв'ал'и́с'а, пъв'ал'и́, пр'ив'аз'л'и́, пъв'аз'л'и́, укр'ап'и́т', б'ар'и́т'а, б'ар'и́, съб'ар'и́, пъб'ал'и́л'и, зъстр'ал'и́л'и, д'ал'и́л'и, в'ар'т'и́ш, в'арт'и́ц̄ъ, гл'ад'и́т', гл'ад'и́, т'ал'и́ц̄ӑ, ит'ал'и́лъс'а, н'иб'аг'и́, јад'и́м, т'ар'п'и́, л'ан'и́лъс', н'и н'ас'л'и́с', пън'ас'л'и́, пъс'т'ал'и́т', пъс'т'ал'и́лӑ, ръс̄'ал'и́л'ис', сл'ад'и́ш, кл'ал'и́, јад'и́м, гр'ам'и́т', к'ип'ат'и́м, ибл'ат'и́т', в'ал'и́к'их, гр'аз'и́ш̄ӑ, р'ьб'ат'и́шак, м'ан'и́ны, с'ьр'ад'и́на, ир'ах'и́, идд'ив'ат'и́, д'ис'ат'и́, с'ам'и́ л'ет, ръз'јад'и́нъја, п'ан'и́стаі (= пенистый), зъгр'ах'и́, гр'ацихӑ, з'д'ат'и́шк'им'и, п'ан'к'и́, д'ан'к'и́, з д'ат'м'и́, в'ан'ц̄и́, л'ас'н'и́чим;

л'ажы́с', л'ажы́т', нъл'ажы́с̄'и, р'ашы́т'ьл'нӑ;

б) д'ару́т', ц'в'ату́т', пр'ив'азу́т', в'аду́т', н'асу́т', гр'абу́т', зъпл'ату́т', пъдм'ату́т', път'ану́л ръз'в'арну́л, в'арну́л'и, н'асу́ц̄а, зъб'агу́, р'астуі̯ут', пр'аду́, в л'асу́, в нашу р'ак'у́, м'аткý (= медку), на пъі̯аздý, ф кл'авý, ф с'н'агу́, ф пл'ану́, в р'акý, к н'амý, јамý, с'акýндӑ, ис п'ит'арбýргӑ;

в'ал'у́, гл'ад'у́, гл'ад'у́с', вар'т'у́, стр'ал'ну́л'и, см'аjу́ц̄ы, с'м'аjу́с', нъв'ар'ху́, к м'ьд'в'ад'у́, нъ с'ам'jу́ (рядом с на с'ем'jу), ис'ан'jу́ (= осенью), к в'ан'цу́;

м'ажу́, пр'ив'ажу́, л'ажу́, д'ажу́р'ит';

в) въі̯ават', идл'ават' (= одолевать), вздʼавáим, уб'агáі̯, зъпл'атáл'и, д'ават', д'аваі̯т'а, зъб'агáит', в'азáли, л'атáт', н'и д'ажáл'и, бр'ахáт', см'атáим зъп'акла́, н'и вы̆л'азáит', пр'иб'агáл, ръз'јадáі̯уц̄ъ, нáдь пъс'п'ахáт', икл'ават' (= околевать), пъс'п'аваит', л'акáрсва, с'амнáцът', с'л'апáі̯а, с'м'атáнӑ, дл'и с'т'апáнӑ, м'астáм'и, д'алá, с'астрá, т'алкá, зър'ахáм'и (= за орехами), пъі̯атáпӑм, из'арá (им. пад. мн. ч. от óз'ьра), н'и з'арнá, с'п'ьс-

[1] Здесь и ниже знаком *а* после мягких согласных без разграничения обозначаются как *а̇*, так и *ӓ*.

н'ака́м'и, нъ т'ил'аса́, с'ала́, з'амл'а́, д'ьр'авн'а́м; также в новом слове — бр'аγ а́дă;

jад'а́т', с'jад'а́т', в'ал'а́т', стр'ал'а́л'и, стр'ал'а́т', ни дъв'ар'а́i, ръзам'ар'а́iут', пъс'м'аjа́лс'и, път'ар'а́iу, пъγл'ад'а́т', ид'ал'а́иă, н'и т'ар'а́иă, ит'в'аца́л'и, ръзм'ар'а́iут', ръзд'ал'а́им, з'ъл'ан'а́т' (3-е л. ед. ч.), ид'ал'а́л'ис', у р'аб'а́т, мнóγă т'ал'а́т, т'ал'а́ты, ф т'ал'а́тн'ик'и, л'ан'т'а́iам (дат. пад. мн. ч.), мът'ар'jа́, д'ьр'ав'а́нъi, в д'ьр'авн'а́, н'ал'з'я́ (чаще: н'аз'л'а́), б'ьр'а́з'н'ак д'ас'а́таi, д'ав'а́таi, пл'ам'а́н'ик, с'ам'jа́, уцит'ал'jа́, к м'ьд'в'ад'а́м, д'ан'к'а́ два́, п'ан'к'а́, γр'иб'ан'а́ (им. пад. мн. ч. от гребень), д'ан'γа́м'и (также д'ён'γ'им'и);

пр'ижа́ж'ал, пр'ижа́ж'ал'и, л'ажа́т', уjа́ж'ал'и, н'иб'а́ш'ал'ас' н'и м'а́ш'а́iт'а, кър'ажjа́, два м'ашка́, с пл'аца́; м'ъс'аца́, стр'аца́т';

г) с'ало́, в'адро́, в'асло́, б'арно́, р'абро́, з'арно́, в'асно́й, с'астро́й, зъ р'ако́i, зъ ст'ано́i, р'ако́ф, д'ало́ф, с'в'акро́в'и, л'ахко́, дъл'ако́, ит н'ави́, зъ н'ави́, пъ н'амно́жку, фс'ави́, jави́; т'ало́к, п'асо́к, в'ит'аро́к, зъ с'ало́м, с т'алко́м, з'арно́м, н'амо́i, кър'ано́i;

п'ан'о́к, д'ан'о́к, ц'ир'аjо́к, м'ид'в'ад'о́ф, з'ам'л'о́i, зъ б'ал'jо́м; пл'ацо́, пл'ацо́м (но нъ пл'ице́), м'ажо́i, зъ м'ажо́i (но нъ м'иже́, мнóγă м'ижéi), jажо́м (но jежéi); γър'ачо́ (но γър'ичéi), м'ашо́к, б'ир'ажо́к, сн'ажо́к;

д) б'ер'ét', пр'ин'ес'ét', зъв'ед'ét', зъпр'иγ'ét' б'ереγ'ét', б'еγ'ét', п'ек'ét', т'ик'ét', съб'ер'ém, нъпр'ид'ém, пр'ед'ém, уб'ер'ém, з'б'ер'еγ'ét', в'ез'ém, ув'ез'ét', γр'еб'éш, γр'еб'ét', нъд'ер'éш, ун'ис'ém, итн'ис'ét', нитв'ер'нém, съб'ер'émс'и, зъв'ед'éцa, уб'ер'émс'и, пръстр'ел'énă, пъст'ел'énă, γл'ид'ét', пъм'ер'ét', ул'ит'ела, н'и в'ел'ел'и, в'ел'ел, γр'им'ел'и, γл'ед'ела, б'ер'éză, б'ер'éскă, б'ер'éск'и, в'ес'елаi, з'ел'énаi, з'ел'ён'ьн'к'иa, с'ир'д'éцка, с'ер'éдн'ьвă, т'еп'ér', р'еб'énка, чет'в'ертаi, пъ д'ир'éвн'и, дъп'ер'ét', п'ер'ét (= перёд), б'ер'ém'ьных, три б'ер'ém'ьцка, в в'ер'ét'iъх, н'ев'ésта, н'ив'ésта, н'ед'ел'и д'в'é, н'ед'ел'у, п'ър'ем'ён, п'ър'ем'éныи, в'ьс'ел'éiа, б'ис'édă, м'ед'в'ét', на jejé (вин. пад.), с'им'jé, пъ р'ик'é, с р'ек'é, у р'ек'é, в γр'ез'é, ит с'иб'é, ф с'ем'jé, д'ит'éi, с'в'ишён'ик.

§ 8. Шипящие перед гласными 1-го предударного слога, твердые в настоящее время, а также *ц*, звучащее полумягко

или твердо, в системе аканья действуют как мягкие согласные, в соответствии с чем в качестве общего варианта гласных неверхнего подъема, согласно общей системе яканья, звучит то *а*, то э (э^{и}, *ы*); при ударенном *е* в 1-м предударном произносится э (э^{и}, *ы*); при остальных ударенных гласных — *а*.

Приведу соответствующий материал:

жаны́, душавы́х, дъ шас'т'и́ цасо́w, пъ жар'и́шы, ижав'и́кă, пъшан'и́цă, лъшад'м'и́, лъшад'и́ным, жан'и́х, жан'и́лс'и, жан'и́т', пъжан'и́л'и, жан'и́цă;

жану́, жалту́ха, жалу́дак, шапу́;

жана́, жала́ит', н'и жала́іу, с кружава́м'и, с ръжасва́, бушава́ла, жара́, нъ лъшад'а́х, к лъшад'а́м, пъшано́, т'ижало́ дъ^{а}ъжаво́і дъхад'и́лă, р'ишато́;

жыл'е́ит', пъжыл'е́т', жыл'е́ла, пъжыл'е́ит', лъшыд'е́і, ит жэн'е́;

зъцап'и́л, двъцат'и́, тр'ицат'и́, цаты́р'и, цан'и́т, пръцад'и́т', пъцаму́, цана́, нъцава́ла, нъцава́т', цапл'а́іс'и, чапа́ми, цала́, в'ецара́с'а, къцат'ја́, γ дъцар'ја́м, н'ицаво́, нацао́, в'ьцаро́цки, къцато́к, цасо́w;

пъ цэн'е́, цэ^{и}л'е́і бу́д'ит', ц'ис'т'е́і, чирт'е́і (род. пад. мн. ч.).

Однако после шипящих и *ц* разграничение вариантов *а* и э (э^{и}, *ы*) проведено непоследовательно; так, например, при ударенном *е* в 1-м предударном слоге отмечено и *а:* г жан'е́, нъ лъшад'е́, ф пъшан'е́, х пъцал'е́.

Недостаточность примеров не позволяет сделать окончательных выводов. Однако можно предположить, что указанная двойственность (черта, безусловно, новая) объясняется тем, что шипящие и *ц* начинают функционировать в системе аканья в качестве твердых согласных, в соответствии с чем вытесняется вариант э (*ы*), уступая место варианту *а*, который начинает употребляться после твердых согласных вне зависимости от качества гласной ударенного слога (т. е. появляется жана́, жан'е́ по типу вада́, ваде́). Можно отметить также, что это вытеснение одного варианта (э — *ы*) другим (*а*) имеет место прежде всего, видимо, в тех образованиях, в которых

предоставлено чередование *а* || э (э^{и}, *ы*) в 1-м предударном слоге, т. е. в таких словах, различные формы которых наряду с ударенным *е* имеют под ударением и другие гласные. Ср. вышеприведенные примеры — г жане (при жана́, жану́ и т. д.), ф пъшан'е́ (при пъшано́, пъшана́ и т. д.), нъ лъшад'е́ (при лъшад'а́м) — с такими случаями, как жыл'е́т', жыл'е́ит', жыл'е́зъ, где во всех формах и производных славах налицо ударенное *е* и, следовательно, в 1-м предударном слоге закономерное э (*ы*), которое употребляется совершенно последовательно (произношение жал'е́ит' — в говоре совершенно неизвестно).

§ 9. Необходимо сделать особое замечание о характере аканья в некоторых проклитиках и приставках: отрицание не, предлоги-приставки „без", „перед", „через" произносятся со звуком *а* в 1-м предударном слоге не только при наличии в ударенном слоге *и*, *ы*, *у*, *а*, *о*, но также и при ударенном *е*, т. е. в них закрепляется предударное *а* во всех случаях, вне зависимости от качества ударенной гласной.

Таким образом, отмечено не только: н'айд'ът', н'а ф с'йлъх, н'а пр'йду, н'а в'йд'у, н'а в'йд'ут', н'а йм суд'йт', н'а вып'ила, н'а прыγн'иш, н'а мыт, н'а выр'в'и'ш, н'а жд'й;

н'а бу́ду, н'а бу́д'ит', н'а ку́цк'им'и, н'а ку́шыл'и; н'а ру́скаі, н'а п'jу́, н'а л'у́б'у н'а л'у́д'и;

н'а зна́ла, н'а тка́л'и, н'а ста́лъ, н'а ба́лъвъіс'и, н'а на́шы, н'а на́ід'иш, н'а́ жра́фшы, н'а л'а́жу, н'а с'а́ду, н'а т'а́н'иш;

н'а хо́д'у, н'ахо́т'имс'и, н'а до́браі, н'а бо́л'но, н'а хо́цит', н'а мно́γа, н'а то́п'им, н'а бро́с'ут', н'а о́чьн, н'а тро́ш, н'а о́дъıл'и, н'а пло́т'у;

но также отмечено: н'а ве́р'у, н'а в'е́р'ут', н'а jе́фшы, н'а це́лъіа, н'а іе́та, н'а jе́з'д'и (правда, отмечено и н'а іи́з'д'и).

То же в предлоге-приставке без: не только иб'ас̄'йл'ьла (= обессилела), б'азвы́хъднъ, б'аз бра́та, б'аспу́тнъі, б'асхво́стаі, б'азно́съіа, б'аз до́жа, — но и б'аз' д'е́лъ, б'ас хл'е́ба, б'ас сл'е́с (= без слез).

В приставке пере: п'ьр'аб'йл'и, п'ьр'айс't' (переест), п'ьр'ашы́ла, п'ьр'акст'йлас', п'ьр'абjу́т', п'ьр'аду́мъл, п'ьр'амо́кл'и

(„дожди"), п'ьр'ахóдит', п'ьр'арóс; рядом с этими примерами — п'ьр'апр'éит', п'ьр'ан'éс, п'ьр'ас'éл, п'ьр'ал'éз'л'и.

В предлоге перед: п'ьр'ат пáскъ̯, п'ьр'ад дóмам, п'ьр'ат сы́нам, п'ьр'ад н'и́м'и; а также — п'ьр'ат с'в'éтъм, п'ьр'ад д'éлъм.

Сказанное о проклитиках, возможно, относится и к предлогу „через", насколько можно судить по одному оказавшемуся в записи примеру: ч'ир'аз дóм и рядом с этим ч'ир'аз д'в'е н'ед'éл'и.

Закрепление в говоре указанных проклитик и приставок с постоянным *а* в непосредственно предударном слоге, являющееся безусловно следствием обобщения гласной перед слогом с ударенным *е* по образцу гласной перед слогом с остальными ударенными гласными, нарушает систему яканья как закономерного и последовательно проведенного результата имевших место фонетических процессов и делает звук *а* в первом предударном слоге до известной степени самостоятельным, позиционно необусловленным по отношению к звуку *е* (*е*^{и}, *и*), обычному при этих фонетических условиях. Ср.: при б'ас с'и́л, б'ал'и́т' — б'аз д'éла, но б'ел'éла (или б'ил'éла); при н'а в'и́д'у, н'ас'и́ — н'а н'éс, но н'ес'éш (или: н'ис'éш).

Однако четко выраженная ограниченность категорий случаев с *а* в непосредственно предударном слоге при ударенном *е* на фоне вполне последовательно выдержанной системы яканья во всех остальных категориях случаев не дает оснований для утверждения о различаемости *а* и *е* как фонем в 1-м предударном слоге: налицо морфологическое обобщение, которое нанесло только первую брешь фонетической системе, но еще не привело к полной ее качественной перестройке.

Варианты гласных фонем неверхнего подъема в остальных безударных слогах

§ 10. Выше (в § 7) было отмечено, что гласные 1-го предударного слога могут быть несколько редуцированы по сравнению с ударенными. Эта редукция вообще более значительна в других неударенных слогах. Степень редукции

неударенной гласной и ее качество зависят от ряда условий — прежде всего от места ее по отношению к ударению, а также от ее положения в абсолютном начале слова или после согласной, от положения в абсолютном конце слова или перед согласной, от качества соседних согласных и некоторых других более частных условий. Кроме того, в индивидуальной речи и ее жанровой и стилистической спецификации степень редукции неударенной гласной и ее качество зависят от условий стилистических, жанровых, от общей ситуации речи, а также в некоторых случаях от условий синтаксических. Все это будет описано в особой работе, так как выходит далеко за пределы той системы языка, которая является предметом настоящего описания, а именно — за пределы описываемой здесь жанрово-нейтральной обиходно-бытовой речи той группы местного населения, которая является носителем наиболее архаического типа местного диалекта.

По степени возрастающей редукции безударные гласные описываемого говора могут быть расположены следующим образом:

1. Гласные 1-го предударного слога:
2. Гласные заударных конечных слогов (в особенности открытых и в конце „речевого такта“);
3. Гласные 3-го предударного слога;
4. Гласные 2-го предударного слога, в особенности, когда он не является начальным (т. е. когда имеется и 3-й предударный слог), и заударных неконечных слов.

Фонемы *а*, *о*, *е* в безударных слогах (кроме 1-го предударного, о чем см. выше, § 7—9) реализуются в общих вариантах *ă*, *ă̆*, *ъ*, *ь*.[1] Качество этих гласных представляется нам в следующем виде:

---

[1] Однако в ряде морфем формального значения гласные *о* и *е*, различаясь под ударением (о чем см. выше, § 5), различаются так же, как будет показано ниже (см. §§16), и в заударном слоге. Здесь имеются в виду все остальные категории случаев, где и в ударенном слоге *о* и *е* в тожественных фонетических условиях не встречаются.

ă — нелабиализованный гласный, средне-заднего образования, несколько более высокого подъема, чем *а* ударенное, и несколько ослабленное по сравнению с последним;

ă̆ — нелабиализованный гласный среднего образования, более передний в начальный момент своей длительности, несколько более высокого подъема, чем *а* ударенное, и более ослабленное по сравнению с последним;

ъ — нелабиализованный гласный средне-заднего образования среднего подъема в одних случаях и более высокого средне-верхнего подъема в других, редуцированный;

ь — нелабиализованный гласный переднего образования верхне-среднего подъема, редуцированный.

Редуцированные *ъ* и *ь* во многих случаях акустически весьма близки к очень кратким ненапряженным, открытым *ы* и *и* и, видимо, характеризуются более высоким подъемом языка, чем соответствующие гласные (*ъ*, *ь*) литературного языка.

Употребление вариантов более заднего (*ă*, *ъ*) или более переднего (*ă̆*, *ь*) образования обусловлено положением после твердых или после мягких согласных: после твердых произносятся *ă*, *ъ*, после мягких — *ă̆*, *ь*. В пределах каждой из этих групп употребление вариантов более открытых и менее редуцированных (*ă*, *ă̆*) или более закрытых и более редуцированных (*ъ*, *ь*) зависит от указанных выше в настоящем параграфе условий. Последовательные ступени редукции иллюстрируются на примере вариантов фонем *о* и *а* после твердых согласных:

1) при первой ступени редукции произносится *а:* вада́, трава́;

2) при второй ступени редукции также произносится *а;* в ряде случаев — несколько более ослабленное по сравнению с *а* первого предударного слога: с'енӑ, д'елӑ (им. и род. пад. ед. ч.), γора́т, д'е́вак, во́т' е́так. В закрытом слоге может произноситься и *ъ:* γо́рът, д'е́вък, вот'е́тък (в последнем случае *ъ* чаще, чем *а*). В беглой, неотчетливой речи, а также не в конце „речевого такта" в открытых слогах также может произноситься *ъ*: с'е́нъ (им. и род. пад. ед. ч.);

3) при третьей ступени редукции произносится ъ: пъγ̆ва-р'йл'и, нъ стърăн'é;

4) при четвертой ступени редукции произносится звук, особенно ослабленный, в ряде случаев он сокращается до нуля, до полной утраты: пъγ̆вар'йл'и, и даже пъγвар'йл'и, пъснав'йл'и (= постановили; с полной утратой гласной и последующим упрощением появившейся группы согласных); нá скърă, вы́тъскал.

Таким образом, общая тенденция редукции гласных заключается в том, что произносятся тем более открытые звуки, чем меньше степень редукции, и, наоборот, тем более закрытые звуки, чем больше степень редукции. Употребление *ă* или ъ (а также *ă̆* или ь) не всегда ограничено фонетически: в частности, при второй ступени редукции в заударном конечном слоге может произноситься как *ă*, так и ъ. Кроме того, между *ă* и ъ (а также между *ă̆* и ь) можно подметить не мало промежуточных оттенков. Однако все это связано с индивидуальными особенностями речи, ее эмоциональной и стилистической стороной, жанровыми особенностями и пр. и существенного значения для системы говора не имеет.

§ 11. Варианты фонем *а, о, е* в предударных слогах:

Второй предударный слог — это позиция наибольшей редукции. Фонемы *а* и *о* после твердых парных согласных и задненёбных во 2-м предударном слоге выступают в общем варианте ъ, фонемы *а, о, е* после мягких согласных — в варианте ь. После шипящих и *ц* произносится редуцированный гласный, по степени подъема языка не отличающийся от ь, т. е. средне-верхнего и даже верхнего подъема, но отодвинутый несколько назад в средний ряд (в примерах этот звук обозначают знаком ъ или ъ^{ы} и даже ь^{ы}; редуцированный гласный после шипящих отличается от редуцированного гласного после других твердых несколько более передним и верхним образованием). Во многих случаях редуцированный гласный 2-го предударного слога имеет тенденцию к полной утрате, а в некоторых случаях, как будет показано ниже, произносится и с полной утратой гласного.

Случаи максимальной редукции ниже в примерах обозначены буквами ъ и ь над строкой.

Примеры:

а) после твердых согласных — зълатói̯, γълавá, вратá, пълат'ён'ц̆ă, здравá, ф къласкý, дъраγái̯ă, сърахфáн, въjават', зъγар'élъс'ă, врат'и̯ц̆ă, зъбал'él, γ̆давáлаi̯, м̆ладói̯, в̆ратá, в̆лак'éш, з д̆рахфéивă, с̆ракá, х̆рашó, к̆раýл'ал, з̆γар'и̯ц̆ă. Между глухими согласными, в особенности смычными, произносится ъ глухой (безголосость, обозначаю знаком ^ под буквой): п̆т'анýл, н'и п̆кар'м'ила, п̆харóны, пы̆сылáим, пъсмат-р'ил'й;

б) после мягких согласных — в'ът'арóк, в'ьс'ал'и́ла, б'ър'е-γ'ét', с'т'ър'еγ'é't', д'ър'ав'áньйа, п'ър'авóд'ит', н'ь паi̯д'ét', н'и баи̯с̄'и, б'ьз аγн'ý, б'ър'азн'ák, ч'ьт'в'ары́х, д'ьс'ат'й, д̆с'ат'й, п̆т'ары́х, т'ьжалó (также цижалó);

в) после шипящих: жълуд'já, г ӂн'ихý.

В 3-м предударном слоге выступают те же варианты ъ и ь, но несколько более полновесные, с меньшей степенью редукции, чем во 2-м предударном слоге: зъ дýрак-ó́м, пъ сýндукý, зъ м̆т'ăр'ắм'и, зъ м̆лакó, нъ˝ стран'é, п'ър'ъв'ал'й.

При этом степень редукции гласных в 3-м и 2-м предударных слогах обратно пропорциональна: чем полновеснее гласный 3-го предударного слога, тем сильнее редукция гласного 2-го предударного, которая может дойти и до полной утраты гласного. Это видно, между прочим, из того, что последняя имеет место по большей части в таких случаях, когда налицо 3-й предударный слог: при отсутствии его редукция гласного 2-го предударного слога до нуля наблюдается лишь в единичных случаях. При наличии 3-го предударного слога во 2-м предударном отмечена редукция гласного до нуля перед сонорными, а также перед *в*: пы̆γлав'é, зъ младýi̯а, дъ плав'ины, пъслад'éит' (= посолодеет), идл'ават', икл'ават', пъхран'ила, нъ стран'é (= на стороне), зъγрад'éна, дъ сракá л'ét, нъ прахóт (= на пароход), уγман'илс'и иснав'ит' (= оста-

новить), пъснав'ил'и (= постановили)[1] пъγвар'ит', пъγвар'ит'а пъγвар'ил'и, дъγвара́.

С полной утратой гласного 2-го предударного слога отмечены еще следующие примеры: н'и пкар'м'ил'и (= не покормили), ипхм'ал'а̄ц̄ъ (= опохмеляться), мы с кул'инаi (= с Акулиной), причем в первых двух случаях начальный слог кончается, видимо, затвором, необходимым для образования *п*, а следующий слог начинается с взрыва, размыкания губ одновременно с начальным этапом артикуляции следующей согласной (*к* и *х*).

Редукция гласного 2-го предударного слога до нуля при отсутствии 3-го предударного слога отмечена лишь в отдельных немногих случаях: прахо́т (= пароход) пр'ишо́л, храшо́, хран'и̯ц̄ъ н'е́куды, прасу́к (= поросенок). Возможно, что утрата гласного в таких примерах объясняется перенесением из случаев, в которых наличествует 3-й предударный слог. Ср.: нъ прахо́т, н'и храшо́, пъхран'ила.

Полная утрата гласного наблюдается также во 2-м предударном слоге, если он не является начальным (т. е., если налицо 3-й предударный слог), также в положении после плавных: съркаво́i γот, три пърсука́, мълдажо́н, ф сърхана́х, сърханы́, два зълтн'ика́.

После мягких согласных отмечены очень открытые разновидности редуцированного гласного переднего образования, акустически близкие к *е* (в примерах соответствующие звуки обозначены то знаком *ь*, то *е*): п'ьрпуγа́л'ис', п'еркат'ил, п'ерлав'ил'и, п'ьрвад'ил'и, п'ьрм'инава́л'и, п'ьрдаво́i, п'ерв'ал'и (п'ерв'али?).

Необходимо отметить в подобных случаях обычную твердость звука *р*.

Процесс утраты гласного после плавного, повидимому, связан с приобретением плавным первоначального слогового свойства, которое в индивидуальном произношении в говоре сохраняется:

---

[1] В последних двух случаях после утраты ъ во 2-м предударном слоге сочетание *стн* упростилось в *сн*.

ф сърхфанáх, сърквóі и др. Итак: съръхфанáх → сърхфанáх → сърхфанах. Эти слоговые плавные закономерно чередуются с сочетаниями „плавный + гласный“ (ср. сърхфаны — сърахфáн) и потому должны быть признаны заместителями сочетаний фонем — плавной с последующей гласной.

На стадию с слоговым плавным в этом процессе указывает, между прочим, такое слово, как „кладовая“, которое бытует в говоре исключительно в следующем звуковом виде: кълдавáіа, ф кълдавýіа, и т. д. Наличие в этом слове редуцированного гласного перед плавным, этимологически не оправданного, свидетельствует о распаде имевшегося здесь слогового плавного: утрачивая слоговость, плавный выделил перед собой гласный элемент: клъдавáіа → кълдавáіа → кълдавáіа.[1]

§ 12. В предыдущем параграфе было указано на то, что редуцированный гласный 2-го предударного слога, произносясь в одних случаях, сильно ослабляется в других и может совсем отсутствовать в третьих: может произноситься пъхъран'ит', пъхъран'ит', пъхран'ит' (= похоронить). В последнем случае образуются новые сочетания согласных (в приведенном примере *хр*). Таким образом, ъ в этих случаях становится как бы звуком факультативным. Вероятно, не без связи с этим факультативный (а в некоторых случаях и постоянный) звук ъ появляется и в сочетаниях согласных, внутри которых он этимологически не оправдан. Например: пълахáіа, пълахýіа, пълахó стáла; бърасáіут, въдавáіа, дърава́, дъл'ина́, зъванóк, пълат'ил, зъгар'ел (= сгорел, вероятно, не без связи с приставкой за), на търанва́и, кър'ажjá, р'ижанýіа, сънаха́, хъварóст, пъшанó, пъшан'цá, пъшан'ица, съмарóд'ина, тъварóх.

---

[1] Укажу также на произношение названия населенного пункта Къртанóсъва, которому в старых географических картах соответствует написание Крутоносово (не Кортоносово или Картоносво). Видимо, здесь полной редукции подвергся звук *у*, находясь во 2-м предударном слоге, что повело к образованию слогового *ρ* и последующему выделению перед *ρ* гласного элемента: Крутанóсъва → Кртанóсъва → Къртанóсъва.

Одни случаи отмечены и без ъ (например: зван'и́л'и брасáт'), другие всегда с ъ: таковы, например, пъшано́ пъшан'и́ца, с производными от них; съмаро́д'ина, хъваро́ст тъваро́х.[1]

Некоторые примеры требуют особых замечаний. Таково дър'ава́ (= дерева́; „деревья") при д'е́р'ьвъ̆. Неясно, почему в этой форме ъ с предшествующим твердым согласным (*д*). Полагаю, что редуцированный гласный здесь вторичного происхождения, появившийся после утраты имевшегося между *д* и *р* гласного переднего образования и последующего отвердения *д*.[2] Итак, старое дерева́, видимо, претерпело следующие изменения на почве говора: д'ьр'ава́ → д'р'ава́ → др'ава́ → дър'ава́, т. е. звук ъ в этом слове, видимо, появился таким же путем, как и в словах дърава́, търава́ и др.

С рассматриваемым явлением, повидимому, связаны и такие примеры: он н'а здра́ваі, каро́вы н'и здра́выи; др'е́вы каки́и, с мла́дъс'т'и. Откуда эти неполногласные формы? Легче всего их принять за церковнославянизмы, книжные слова. Но могли ли они попасть в говор, который во многих других отношениях весьма архаичен и был чужд городских влияний и тем более книжноцерковных. Церковнославянизмом, видимо, должен быть признан последний пример (с мла́дъс'т'и). Ср. книжный суффикс с отвлеченным значением, который едва ли бы иначе появился в говоре. Другие же примеры допускают и иное толкование: возможно, что перед нами мнимые неполногласные формы, объясняющиеся обобщением по образцу таких форм, где ударение находилось на один слог ближе к концу слова и где, таким образом, гласный перед плавным, находясь во 2-м предударном слоге (т. е. в позиции максимальной редукции), мог

[1] Отсутствие факультативности редуцированного в слове тъваро́х видно, между прочим, из форм косвенных падежей тъвраγа́, тъвраγу́ и др., где гласный после *т*, попадая в 3-й предударный слог, сохраняется, в то время как гласный после *в*, оказываясь во 2-м предударном слоге, т. е. позиции максимальной редукции, ослабляется до нуля.

[2] Как известно, зубные отвердевали и перед мягким *р*. Ср.: три (повелит. накл.), зри и др.

подвергнуться редукции до нуля: наряду с здра́ваі и др. в говоре отмечено здърава́ и здрава́; наряду с др'е́вы отмечены д'ър'ава́, др'ава́ и дър'ава́ (об этой последней форме см. выше, § 12). Формы здра́вай, др'е́вы, возможно, образованы по образцу здрава́, др'ава́.

§ 13. Фонемы *о* и *а* в абсолютном начале слова в предударных слогах, кроме первого (о котором см. выше, § 7), реализуются в варианте *и*: из'ара́ (ср. о́з'ьра), ис'ан'ју́ (ср. о́с'ьн), ир'ах'и́ (ср. ар'е́х), ида́ва́л (ср. а̄да́л, оды̆л'и), итн'ас'и́ (ср. атн'е́с), иташла́ (ср. аташо́л), ибмываит' (ср. абмы́л). Другие примеры: иγур'е́ц, иγаро́т, икуше́рка, ибухо́м, иγрано́м, изарны̆ја, икаја́нъја, иб'аза́т'ьл'на, ибласно́і, искарбл'а́іут', иднаво́, ид'ина́къва, иблацо́к (= облачко), ид'ија́ла, ип'ара́цију, иб'ижа́ла, идна́л'и́шн'ик'и; итн'аво́, ит прасту́д'и, ит с'иб'е́, ит свајо́і, ит пажа́ру, ид'ьв'ат'и́, ит зараз'и, ит а̄ца́, итарву́, ит рабо́т'и, итаіт'и́, иташла́, итаб'је́ш, ида̄хну́т', ида̄ла́, итабра́л'и́, ицс'акл'и́, итлам'и́ла, ида̄ыха́т', итап'је́сн, ид'ил'е́ны, ид'ал'а́лс'и, итвар'и́, итр'аза́л, идб'ива́ла, итпус'т'и́л'и, итм'ан'и́тъја, итлуча̄цъ, ида̄л'и́лс'и, идγул'а́лъс', ит'в'а̄ца́т', ида̄ду́г', иправда́іус', ицсыпа́ицъ, иб'есп'е́цират', иснав'и́т' (= остановить), ипраста́л'и, ипайл'и, ипазда́ла, итаб'је́ш, ит'ал'и́лъс'а, ибажд'и́, икуна́т', икл'ава́т' (= околевать), ибвал'е́л'ис', ипхад'и́т'ьл'наі, ибγар'е́ла, ибмыва́ит', ипхм'ал'а̄ца, ид'ава́лъс', ибарва́таі, иб'аша́іут', ибашју́т', ибмало́г'ут', ибажγ'е́с'и, ибал'је́с'и ибруγа́іут', ибл'ат'и́т', ибажд'и́.

§ 14. Особо следует отметить сочетания предударных гласных на стыке слов, первое из которых обычно является предлогом или отрицательной частицей „не".

Фонемы *а* или *о* + *а* или *о*, входящие в состав 2-го и 1-го предударных слогов, стягиваясь в один звук, произносятся как *а*: па‿дно́і, на‿дно́і, на‿дно́м, за‿дну́ но̄ц, зар'е́т' (= заорет), даб'е́да (= до обеда). В отчетливой речи отмечена некоторая долгота гласной предударного слога: на̄‿дно́і, да̄б'е́да, а в некоторых случаях, кажется, возможно и наличие двух, хотя и слабо выраженных экспираторных вершин, особенно если перед ними менее обычные сочетания (дааб'е́да, нааγо́н', но на‿дно́м, м'е́с'т' и). Те же фонемы, входящие в состав 3-го

и 2-го предударных слогов, стягиваясь в один звук, произносятся как *ъ* или *ы*: пъ͡днамý, зъ͡днавó, зъстравáм'и, зър'ахáм'и, въз'арáм'и, нъγур'ц̣áх, а также зыз'арáм'и, зыр'ахáм'и, ныγур'ц̣áх. Отмеченный случай без стяжения — ны иγур'ц̣áх — при сопоставлении с гласной 2-го предударного слога в абсолютном начале слова (иγур'ц̣á, истравá, ир'ах'и́ и т. д.) достаточно наглядно объясняет звук *ы* в этих случаях.

При сочетании гласных фонем *у* + *а* или *о*, входящих в состав 3-го и 2-го предударных слогов, также возможно стяжение, в результате которого произносится *у*: у͡днавó, устравów. Однако возможно произношение и без стяжения: у͡истравów (в этих случаях *уи* произносится как бы за один слог). Те же гласные, входя в состав 2-го и 1-го предударных слогов, всегда произносятся без стяжения: у а̄ц̣á, у акнá, у адн'их.

Фонемы *е* + *о* или *а*, входящие в состав 2-го и 1-го предударных слогов, в результате стяжения произносятся как *а*: мы н'а хóт'имс'и (= не охотимся), н'а̄дáм, н'адб'и́ла, н'аднá, ja па̣ідý, н'астáлс'и, н'аб'е́дыл'и, н'ар'и́т'а.[1] В отчетливой речи *и*-образный приступ, обычный в русском языке для *а* после мягких согласных, может быть более заметным и, видимо, более длительным, чем в тех случаях, где отсутствует сочетание гласных (напр., н'асý). Однако, вероятно благодаря неслоговому характеру первого *и*-образного элемента, произношение этого сочетания в два слога мною отмечено не было.

Те же фонемы, входя в состав 3-го и 2-го предударных слогов, в результате стяжения произносятся как *и*: н'ӣдалá, н'иб'а̄шáлас', н'иблаγа̣іут' (= не облагают), н'ид̄ыха̣іут', н'итказáл, н'иб'ижáит', н'ибрабóтъ̣іу, н'и͡днавó, н'и͡днамý, н'итв'ер'н'ém, н'ир'ахów — н'ицавó нéт. В сущности, здесь вторым элементом сочетания является звук *и*, который служит фонетически закономерной заменой фонем *о* и *а* во 2-м предударном слоге абсолютного начала слова (ср.: идалá, иб'а̄шáлас', итказáла и др.).

[1] В одном случае в этом положении отмечено *и*: нитказвъл'и. Возможно, это объясняется влиянием таких слов, где те же сочетания гласных находятся в 3-м и 2-м предударных слогах и где *и* фонетически закономерно (см. ниже на этой странице): н'итказáл'и.

В одном случае отмечено стяжение гласных в сочетании *о* + *и*, входящих в состав 2-го и 1-го предударных слогов: пыγра́іу (= поиграю). Такое изменение фонетически вполне понятно (пъиγра́іу → пыиγра́іу → пыγра́іу), но, тем не менее, оно не является общим фактом фонетической системы, так как наряду с пыγра́іу отмечено пыиска́л'и, пыиз'б'е́ (и даже пъиз'б'е́)[1].

§ 15. В заударных слогах наиболее сильной редукции подвергаются гласные неконечного слога, в особенности если таковым является слог, непосредственно следующий за ударенным. В этом положении, как было упомянуто выше (см. § 12), редукция может привести к полной утрате гласного.

Фонемы *а*, *о*, *е* в неконечном слоге, непосредственно следующем за ударенным, после твердых согласных выступают в варианте ъ, после мягких — в варианте ь (и):

а) ду́мъла, вы́дъла, пърабо́тъла, вы́пръс'у, на кр'и́цивъла, вы́скъзат' (или вы́скъзъат'), разы́скъвът', ста́ръіа, сы́тъіа, γу́стъіа, іъздав'и́тъіа (им. пад. ед. ч. средн. и женск. рода), на́ пъл'и, зъγа р'е́лъс'а, паку́шъл'и, кан'х' — е́тъчкаф, нас'е́тъчку, за́ сърък, јáγъ тка;

б) п'е́т'ьра, вы́н'ьсу, о́з'ьра, вы́н'ьсла, у ма́т'ьр'и, вы́т'ьну, вы́ську, вы́л'ьз'ит', м'е́с'ьца два, с'и́н'ьіа (им. пад. ед. ч. средн. и жен. рода), у кало́д'из'а, по́м'ьр'л'и, вы́в'ил'и, о́цьр'ит', н'е́ вз'ьл'и, вы́трь'бвал, у ма́т'ир'и.

Следует отметить, что перед мягкими согласными редуцированные согласные, в общем, произносятся при более высоком подъеме языка, выступая после твердых согласных нередко в звуке *ы*, после мягких — в звуке *и* и, совпадая, таким образом, с фонемой *и* (*ы*): γо́спыд'и, зъ салда́тым'и, рабо́тыл'и, не́ дыл'и (ср. н'е́ были), пр'иjе́хыл'и, дл'и сы́рыс'т'и, у ма́т'ир'и, не́ вз'ил'и (ср. н'е п'ил'и), з'д'елыит'.

В этом отношении недостаточно выразительны примеры со звуками *ы*, *и* в окончании твор. пад. мн. ч. существительных (за се́стрым'и, салда́тым'и, кры́л'іим'и, пру́т'іим'и), так как

[1] Отмечен один случай стяжения гласных в заударном слоге при сочетании ударенной гласной с заударной гласной н'е́ткъвъ (= не от кого).

в этих формах они могут быть морфологического происхождения (по образцу соответствующих форм прилагательных: ста́рым'и, си́н'им'и; ср. в говоре: с у́тк'ими, стару́х'им'и, плу́γ'им'и при ударенных рука́м'и, раγа́м'и др.).

Во 2-м заударном неконечном слоге также произносятся ъ (*ы*) и ь (*и*): вы́тълкъла, вы́скъзъла, вы́думъл'и, н'а кр'и́цивъла, ма́л'ьн'к'ьіа, х'и́л'ьн'к'ьіа, а также вы́думал'и, н'а кр'и́цивыла, ма́л'ьн'к'иіа. В этих и подобных примерах, кроме гласной ударенного слога, вполне полновесна гласная конечного слога; две же заударные гласные между ними весьма редуцированы.

§ 16. В заударных конечных слогах редукция гласной меньше, чем в конечных: степень редукции здесь может быть больше, чем лишь в 1-м предударном слоге. Особенно незначительна редукция и полновесно качество гласной заударного конечного слога в тех случаях, когда слово находится в конце фразы или речевого такта, так как для местной речи весьма характерна манера протягивать гласную последнего слога.

В непосредственно заударном конечном слоге после парных твердых согласных и задненёбных фонемы *а* и *о* выступают в общем варианте *а*: д'е́вак, γр'а́дак (род. пад. мн. ч.), со́рак, γо́рат, ку́zaw, ху́нтaw, с хла́γам, за л'е́сам, дохтар', до́браі, у́мнаі, ста́раі, с'е́рас'т', ма́лас'т', на́ нац, о́ват, па с'е́лам, к о́кнам (дат. пад. мн. ч.), ду́мат', паб'е́даі с на́м'и (=пообедай), э́так, д'е́ла, л'е́та, с'е́на (им. и род. пад. ед. ч.), с'е́ла, вл'е́зла (средн. и женск. род ед. ч. прошедш. вр.). В беглой неотчетливой речи не перед паузой может произноситься ъ: γр'а́дък, о́вът, до́хтър', ста́ръі, па с'е́лъм.

Так же реализуются фонемы *о* и *а* после твердых парных согласных и задненёбных и во 2-м или 3-м заударном слоге: вы́ду́мал, вы́мъзал, вы́мъзан, раска́зъвал, раска́зъваі, раска́зъват', γаро́хъваі, за jа́γъдаі, jа́блъшнаі; што́ вы́думъла, расска́зъвъла, вы́ньсла (женск. и средн. род прошедш. вр.). Однако в этих слогах, в особенности в закрытом слоге, редуцированный звук (ъ) произносится, видимо, чаще, чем в непосредственно заударном слоге: вы́ду́мъл, вы́мъзъл, jаблъшнъі.

Значительно сложнее обстоит дело с заударными соответствиями фонем *а*, *о*, *е* после мягких согласных и шипящих (также *ц*).

Не в грамматических окончаниях ударенным гласным *е* и *а*[1] в заударном конечном слоге после мягких согласных перед твердыми соответствует *а*: д'ён'ах, пóм'ар, вы́н'ас, вы́в'ал, вы́л'ас, кăп'éiак, бóл'ан, кýпл'ан, н'é вз'ал, вы́л'ин'ал. Однако отмечено и д'ён'их, а также перед *ц*: н'ém'иц. То же после шипящих: вы́шал (ср. шол), вы́жал (ср. жал), д'éшаф (ср. д'ешéваi), р'ьб'ат'йшак. Перед мягкими согласными произносится *и* или *ь*: вóс'им', мáт'ир', óцир'ит', д'éс'ит', д'éв'ит', вóс'ьм, óс'ьн', мáт'ьр', пáм'ьт', д'éс'ьт', дéв'ьт'.

В грамматических окончаниях ударенным *о* и *а* после мягких согласных в заударных слогах соответствует *а*, а ударенной *е* в тех же условиях соответствует *и*. То же и после шипящих, с тем отличием, что после них вместо *и* звучат звуки, более или менее приближающиеся к *ы*.

Примеры на положение после мягких согласных: в н'ижн'ам, в лéтн'ам, с Вас'ил'iам, за кáмн'ам, с пáрн'ам, с с'им'ам (ср. нутр'óм); зýб'iaw, бáрышн'аф, брáт'iаф, пáрн'аф (ср. крajóф); брáт'iам, бáрышн'ам, зýб'iам, вы́шн'ам (ср. γус'áм); пóл'а, мóр'а, γóр'а (им., вин. и род. пад. ед. ч.; ср.: нутр'ó, нутр'á), д'ер'éвн'а, jáблън'а, мáл'ин'к'аi, бéл'ин'к'аi, но стáн'им, бýд'им, вы́р'в'им, пajéд'им, зал'éз'им, дýмыим, вз'д'авáим, высáввыим, з'д'élыим, а также стáн'иш, бýд'иш, вы́р'в'иш, пajéд'иш, зал'éз'иш, н'а наiд'иш; стáн'ит', бýд'ит', вы́р'в'ит', пajéд'ит', зд'élыит' (ср. н'ес'ém — вы́н'ьс'им; формы в'ед'ém, в'ед'éш, в'ед'éт' с *е* под ударением в глаголах 1-го спряжения); ф пóл'и, в мóр'и, в д'ер'éвн'и, на jáблън'и (ср. в дупл'é от дупл'ó, нъ з'емл'é). Таково же соответствие ударенного *е* падежных окончаний в заударном слоге после твердых парных согласных и заднеёбных, которые перед фонемой *е* смягчаются: в д'éл'и, ф с'éн'и, в дóм'и, нъ пакóс'и, ф стáд'и, на м'éс'т'и, на

[1] Звук *о* в этих условиях, как было отмечено выше (см. §§ 1 и 5), не употребляется в говоре.

с'в'ёт'и, ф сав'ёт'и, ф калхóз'и, по с'йл'и, ф т'ал'áтник'и (ср. ф сел'é, нъ стал'é); нъ рабóт'и, к Дóмн'и, в усáд'б'и, ф Шатýр'и, на бер'éз'и, ф шкóл'и, γ бáб'и, на хáбр'ик'и, к старýх'и, дал д'éвъцк'и (ср. нъ трав'é, к трав'é), с рабóт'и, ат нýд'и, ат фс'оі усáд'б'и, у Дóмн'и, ит зарáз'и, карóв'и ни былó, у Лúз'и, у бáб'и (ср.: с р'ек'é, Маскв'é), нá дв'и, óб'и (ср. д'в'é).

После шипящих: ф харóшам плáт'і̯и, с мýжам, стóрʺжам (ср. нажóм), нé нцам (ср. на цóм), у мýжа, кóжа, но — скáжым, пáшым, нав'áжым, хлапóцым, скáжыш, в'áжыш, пáшыш, скáжыт', в'áжыт', пáшыт', а мýжы, ф кóжы (ср.: нъ нажé, нъ душé).

Важно отметить, что в соответствии с ударенной гласной *е* грамматических окончаний в заударном слоге никогда не произносятся более задние и открытые звуки типа *а*[1], а произносятся *и*-образные звуки, в то время как ударенным *о* или *а* соответствует в заударном слоге звук *а* (ъ). Таким образом, звуки *о* и *е*, различаясь в окончаниях под ударением как фонемы, различаются и в заударных слогах. Ср. пóл'а, мóр'а (при ударенном *о*: жыт'jó, дупл'ó) и ф пóл'и в мóр'и (при ударенном *е*: в жыт'jé, в дупл'é). Или: кáмн'ам, пáрн'ам (ср. γус'óм) и кóл'им, стáн'им, вы́н'ьс'им (ср. н'ес'ém).

Отмечу следующие категории случаев с заударными гласными, для которых отсутствуют ударенные соответствия: конечная гласная *а* во 2-м л. мн. ч. наст. — буд. вр. и повел. накл.: идахн'ét'а, пр'ин'ес'ét'а, хлапóцыт'а, скáжыт'а, ругáі̯т'а, ид'йт'а, н'и хад'йт'а, сымáі̯т'а, давáі̯т'а, пр'ин'ас'йт'а, пр'иканцáі̯т'а; в сравн. степени: пъс'ил'н'éі̯а, умн'éі̯а, γлуп'éі̯а, круп-н'éі̯а; в формах „двое", „трое": трóі̯а,[2] двóі̯а; в отдельных наречиях и частицах: нын'ца, нóн'а, фс'ó жа, засýха, штó л'а,

[1] С другой стороны, имеющееся в говоре в системе падежных окончаний соответствие ударенной гласной *а* заударной *и* (γус'áм'и — крыл'і̯им'и, прýт'і̯им'и, в брáт'і̯им'и, за з'éмл'им'и, кáпл'им'и и др.) нельзя считать соответствием фонетическим. Ср. после задненёбных: рукáм'и, наγáм'и, нóткʺим'и, д'éф'к'им'и, кн'и́γ'им'и, плýγ'им'и, старýх'им'и. Пред нами разные окончания в одних и тех же формах для ударенных и заударных слогов — характерная особенность южновеликорусских говоров.

[2] При отсутствии паузы употребляется и *и* на конце: трóи д'ит'éі̯.

а то́ раз'а (= разве), н'и дава́л'и ӣа (впрочем в последнем случае имеется ударенное соответствие: ещё).

В им. пад. мн. ч. прилагательных с ударением на окончании также употребляется на конце *а:* мълады̆ја, бъ̆јавы̆ја. В тех же окончаниях без ударения отмечено *и:* н'е́хтърыи, дли́ӣыи, то́нк'ии, з'ел'е́ныи, не ра́знаи. Впрочем разграничение *а* и *и* в этих формах, в зависимости от ударенности или безударности первой гласной окончания, требует проверки ввиду недостаточности количества записанных случаев. В числительном „четыре" записано на конце *и:* цаты̆р'и.

§ 17. Для заударных слогов положение наибольшей редукции гласной — в неконечном слоге, особенно следующем непосредственно за ударенным. В этом положении при благоприятных условиях в смысле окружения согласных возможна редукция до нуля звука. Например: ку́зва (род. пад. ед. ч. от ку́zaw), ја́γда, ја́γдаф[1] (наряду с ја́γ̆да), но ја́γътки (со звуком ъ̆ при сочетании двух взрывных — *тк* — после него), до γ̆ду, изма́зла (а также изма́ӡла), прив'а́зны (а также прив'а́ӡна), вы̆тр'ьбвал, γаро́хваі̯, ар'е́хваі̯, бар'и́скъ̆і (= борисовский), в ад'и́нцът' (без долгого затвора *ц*). В приведенных примерах имеются случаи с слоговыми согласными вместо сочетания согласной с последующей гласной. Такие случаи обычны для плавных, а также встречаются и для *н*: зо̥́лта, зо̥́лтъм, б'азγо́лсу, ку́пл'наі̯, сто̥́ржа (род. пад. ед. ч.). до̥́рγъ (а также до̥́рγа), не́ нцам (= не на чем).

§ 18. Между сочетаниями согласных, находящихся за ударенной гласной, иногда образуется вто̥ричный (обычно факультативный) гласный звук, оказывающийся в положении максимальной редукции в заударном конечном слоге: вы̆ш̆ъ̆ла, вы̆дъ̆рла (= выдрала), ка́пъл'и (= капли), кл'у́къва, пр'ивы̆къл'и, вы̆ръсъ̆ла. Таким образом, слова „капали" и „капли" в говоре могут произноситься одинаково: ка́пъл'и.

[1] Возможно, что в случаях типа ја́γда (ф) первый слог закрытый (јаγ-), чем они отличаются от случаев с сочетанием γд без факультативной гласной между ними (н'е́къγда), где слогораздел проходит перед γ.

Гласные фонемы верхнего подъема в безударных слогах

§ 19. Редукция гласных в безударных слогах, характерная для описываемого говора, охватывает гласные не только нижнего и среднего подъемов, но также и верхнего подъема. Существенное отличие тех и других заключается в том, что в последнем случае с редукцией не связаны большие качественные изменения гласных, характеризующие гласные неверхнего подъема. Ср. был — бы̀ла́, и́збы — и̯збы́, л'и́т' — вы̀л'и̯т', γу́с' — γу̯с'е́і̯. Конечно, *ы* и *ы̆*, *и* и *й*, *у* и *ў* отличаются друг от друга не только количественно, но и качественно (*ы̆*, *й*, *ў* отличаются от *ы*, *и*, *у*, между прочим, менее энергичной артикуляцией, меньшей напряженностью, менее высоким подъемом языка); но качественные отличия сравнительно невелики и позволяют оставлять их в пределах одних и тех же звуковых типов. Однако нельзя не отметить в описываемом говоре и более существенных качественных изменений гласных верхнего подъема, хотя и в ограниченном числе случаев. Так, например, *у* теряет лабиализацию в заударном слоге в следующих случаях: за́мъш, за́мъжам (ср. муж) γо́лап' (ср. γалу́пка), о́кан' (ср. икун'о́к), к'и́дъск'ии, к'и́дъсъва (=кидусовские, Кидусово, в индивидуальном произношении также и К'и́дўсъва). В этом же положении звук *ы* приобретает более открытое образование в одном случае: н'е́ бал (=не был; ср. был). Звук *а* в заударном слоге представлен в соответствии с ударенным *и* в следующих случаях: вы̀л'ал (ср. л'и́л), н'е́ п'ал, вы̀п'ал (ср. п'и́л), бро́с'ал, падбро́с'ал, кърау̯л'ал, папо̯р'т'ал, из'је́з'д'ал. Наличие *а* только в одной определенной морфологической категории (прошедш. вр. глагола ед. ч., муж. род) ставит под сомнение фонетический характер этой замены.

В случаях типа раска́з(ъ)ват' с факультативным ъ — в звуке ъ надо видеть, повидимому, замену ударенной *о*, а не *ы* (*и*), что можно усмотреть из нат'аγ(ъ)ват', раста́лк(ъ)ват', распа́хъват' и др. с факультативным ъ, а не с *и*. Приведу случаи с редукцией до нуля заударной неконечной гласной

в подобных случаях: раскáзват', н'иткáзвы̆йца, напáхвали, насв'йствъіу, скýват', скýпват', атп'йхвъіут', а также атп'йхъвъіут'.[1]

Если по отношению к этим примерам нельзя утверждать, что налицо редукция гласной верхнего подъема, то последняя, безусловно, имеется в случае пáснак (=пасынок; с редукцией до нуля *ы* в заударном неконечном слоге, ср. сын).

В совершенно единичных случаях качественные изменения безударных гласных верхнего подъема отмечены и в предударных слогах: дъбавáіу (=добывзю); близко сюда подходит — афцарá (=офицера; с редукцией до нуля гласной 2-го предударного слога). В одном случае отмечено *у* в первом предударном слоге в соответствии с ударенной *и* (ы) мужукá, мужук'й, мужукóф (ср. мужык). От объяснения этого случая воздержусь ввиду единичности примера.

б) Согласные

Состав согласных фонем и замечания об отдельных фонемах

§ 20. В описываемом говоре имеются следующие 29 согласных фонем:

губные: *п, б, п', б', в, в', м, м'*,

язычные, зубные — *т, д, т', д', с, з, с', з', ц, н, н', л, л'*,

нёбно-зубные — *ш, ж, р, р'*,

средненёбные — *j*,

задненёбные — *к, х, γ*.

Таким образом, по составу согласных фонем описываемый говор беднее литературного языка и сходных с ним по системе консонантизма говоров. В нем отсутствуют следующие пять фонем, имеющиеся в литературном языке: аффриката *ч*, губные фрикативные глухие — *ф, ф'*; долгие шипящие *ш̄', ж̄'*.

§ 21. В соответствии с фонемами *ц* и *ч* литературного языка и сходных с ним в этом отношении говоров в изучаемом говоре представлена одна фонема — зубная аффриката *ц*.

[1] Близок к этим примерам и случай с заударным неконечным гласным после мягкой согласной: расп'йл'ыим; после шипящей: н'а спрáшъваі.

Акустически она производит впечатление полумягкого звука. Наблюдатель, привыкший к очень мягкому, часто шепелеватому *ц* вологодских, ветлужских, олонецких и других северновеликорусских говоров, воспринимает звук *ц* описываемого говора как твердый. Однако при более детальном наблюдении оказывается, что образование *ц* в говоре сопряжено с некоторым участием средней части спинки языка и что, таким образом, перед нами полумягкий звук. Характерный акустический эффект этого звука связан, повидимому, с его чисто зубным характером — кончик языка находится у верхних зубов — в противоположность мягкому шепелеватому *ц'*, ближе подходящему к категории альвеолярных. Степень „мягкости" *ц*, т. е. подъема средней части спинки языка, в индивидуальном произношении колеблется довольно значительно: приходилось наблюдать как более мягкие оттенки *ц*, так и более твердые и даже, наконец, почти вовсе лишенные среднеязычной артикуляции. Наиболее распространено произношение полумягкой *ц*, при образовании которой средняя часть спинки языка незначительно поднята по отношению к соответствующей части нёба.

Во всяком случае нельзя не отметить, что звук *ц* описываемого говора сильно отличается от очень мягкого, шепелеватого *ц'* — известного автору по личным наблюдениям во всем Поветлужьи, в Никольском районе Вологодской области, в районе Кубинского озера, в Пудожском районе Карело-Финской ССР и др.

В связи с колебаниями в качестве звука *ц* в записях нет однородности: часть примеров снабжена знаком ', обозначающим полумягкость, для других обозначена мягкость (') в соответствии с произведенным акустическим впечатлением; во многих случаях буква *ц* лишена диакритических знаков: соответствующие случаи были восприняты наблюдателем с твердым *ц* (после такого *ц* отмечено, между прочим, *ы*, а не *и*). Привожу относящийся сюда материал в том виде, как он был записан:

а) На месте этимологического *ч*:

без обозначения мягкости в той или иной степени: н'и сацт'éш фъзацл'й, в'éцнъіа, дóцка, дóц, п'éцку, ц'ир'н'йка, с'ецáснъіа,

пъцаму́, нъцава́ла, с'ица́с, цаты́р'и, к но́цы, н'и уцы́л'и, с ма́л'цыкъм, хлапо́цыт'а, у до́цыр'и, лу́цы, хо́цы;

с обозначением мягкости: с'ц'ита́т', н'а хо́ц'ит' р'е́ц'ка, н'йтъцк'и, иɣур'е́ц'к'и, на ц'о́рта, н'цао́, н'и мац'л'йвъі ɣо́т, с'в'е́ц'к'и, су́мъц'к'и, пълуц'йла, с ц'е́м тъ, иблац'о́к, ны́н'ц'а, н'а кр'йц'ивъла, размо́ц'у, страц'а́т', къц'ато́к, къц'ат'јо́ф, къц'ат'ја́, в'ец'ара́с'а, ц'асо́w, ɣр'ац'йха, ц'ис'т'е́н'к'а, ц'а̄шы, н'а ку́ц'к'им'и, на́ нац', н'е́ зъ ц'ьв'о́, н'иц'аво́, ни ло́шыц'к'и, прикан'ц'а́йт'и, су́мъц'к'и, тр'и б'ер'е́мьц'ка, пъц'аму́, пъц'ар'ко́внъму, уц'ит'ал'а́, пен'е́н'ц'ила, зъ п'ац'а́л'илъс';

с обозначением полумягкости: уц'йс', палуц'й, по́мъц'и, на ц'о́рта.

б) На месте этимологического *ц*:

без обозначения мягкости в той или иной степени: ат'е́ц, це́д'им, нъиɣур'ца́х, н'и д'ир'афца́, с'ан'ца́, цап'к'й, пъ цен'е́, цала́, цана́;

с обозначением мягкости: на ста́н'ц'ии, ста́н'ц'ъіа, с'ан'ц'о́, к в'ан'ц'у́, ц'ап'а́іс'и, н'а ц'е́лъіа;

с обозначением полумягкости: зъц'ап'йл, иц'ан'йл'и.

Надо полагать, что многие случаи, записанные с „*ц* твердым“ (вернее, с *ц* без диакритического значка), произносились с *ц* полумягким. Впрочем, цоканье не выдерживается последовательно: в записанном материале немало примеров с *ч*.

§ 22. Отсутствие фонем *ф*, *ф'*, употребляющихся в русском языке в заимствованных словах, объясняется наличием в говоре в соответствующих случаях звука *х*, а в некоторых положениях сочетания *хв* или *хф* особого образования: ху́нтаф, хабр'и́шнъі а, на ха́бр'ик'и, Хама́ (= Фома), х'е́ршал, ханар', ф т'ихý л'ажа́л, път'ехо́н, Трах'и́м (= Трофим), шо́х'ер, С'ърах'и́м (= Серафим), нъ тархý, търхава́іа, Хрол (= Фрол), Мархýткэ, кан'х'е́тъцкаф, с хла́ɣъм, ко́хта, т'и́х (= тиф). В положении между гласными, а также в начале слова перед гласной субститутом *ф* может быть *хв* или *хф*. Обращает на себя внимание: 1) безразличие в губном элементе в отношении наличия или отсутствия голоса; 2) слабость этого губного элемента и, как будто, его неидентичность исконному сочетанию *хв* в хватать, хвоіа, хва-

л'и́т' и др. и потому известная нерасчлененность элементов сочетания. Вследствие этого наблюдатель порою затрудняется в транскрибировании соответствующих случаев, колеблясь между буквой *х* и сочетанием *хв* или *хф*. Возможно, что в изучаемом говоре произносится особое лабиализованное *х*, которое, видимо, и надо считать основной заменой иноязычного *ф*. В процессе дальнейшего приспособления этого звука (особой рудиментарной фонемы?) в заимствованных словах к своей фонетической системе это лабиализованное *х* приравнивается к своему звуку (=фонеме) *х* или к обычному сочетанию фонем *хв*.

§ 23. В изучаемом говоре отсутствуют фонемы, соответствующие долгим мягким шипящим литературного языка и сходных с ним в этом отношении говоров. Отличие между звуковой системой литературного языка и изучаемого говора заключается в следующем: в русском литературном языке долгие мягкие шипящие представляют собой особые фонемы, так как, произносясь как „мягкие" звуки, они отличаются от фонем *ш, ж* не только долготой, но и мягкостью, причем долгота мягких шипящих, встречаясь только не на стыке морфем, нечленима, и потому не образует сочетания фонем.[1] В противоположность этому долгие твердые шипящие, образуемые в результате ассимилятивных процессов на стыке приставки и корня, членимы, т. е. представляют собой сочетания фонем; в отличие от первых, долгие твердые шипящие могут быть названы двойными согласными. Ср. в литературном языке: жа́т': ж̄а́т' = шыт': ш̄ыт' = п'иса́т': с'п'иса́т' = р'е́зът': сре́зът'; но пъиж'а̯і, во́ж'и, даж'а́; ш̄'и, иш̄'у́.

В изучаемом же говоре долгие шипящие как на стыке приставки и корня, так и в пределах одной морфемы произносятся одинаково — всегда твердо: жат', ж̄ат', также — пъі̯аж̄а̯і; шы́л, ш̄ы́л, также иш̄у́. Другими словами, квалификация долгих шипящих в изучаемом говоре и ему подобных не должна отличаться от квалификации долготы согласных других кате-

[1] Таким образом, перед нами именно долгие, а не двойные звуки, если понимать под последними сочетания двух фонем.

горий, так как долгота этих последних также не стоит в зависимости от морфологических условий. Ср. длина, длина̄ (долгота членима: ср. плата, платный) и ан̄ъ (Анна), ван̄ъ (долгота не членима); сад'ит' и с̄ад'ит' (долгота членима: ср. р'езът' и ср'езът') и со̄ръ (долгота не членима). Долгие *н* и *с* в ан̄ъ, со̄ра как бы приравниваются к долгим *н* и *с* в дл'ина̄, с̄ад'ит' и квалифицируются как двойные согласные, т. е. как сочетания фонем. Если считать, что в русском языке вообще и в литературном языке в частности отсутствует категория долгих согласных фонем, например, *в̄*, *н̄*, *с̄* и др., в отличие от „кратких" или недолгих *в*, *н*, *с*, то в изучаемом говоре то же надо констатировать и для шипящих: долгие шипящие (как и другие категории долгих согласных) внутри морфемы не различаются по своему качеству от долгих (двойных) шипящих на стыке морфем и потому квалифицируются наряду с другими категориями долгих согласных как сочетания фонем (двойные согласные): пъiажа̄i, как ж̄ал; ишу́ как ш̄ыл.

Приведу относящийся сюда материал:

ш̄: ш̄ыл, ръш̄ал'ил'с'и, ръш̄ыб'ет', ш̄у́баi, ш̄апкаi, ръш̄ата́лс'и, пу́ш̄ына, γу́ш̄а, у пам'е́ш̄ыка, аш̄о́, ишо́, в ро́ш̄ы (местн. пад. ед. ч.), с т'е́ш̄аi, уташ̄ы[и]л'и, пуш̄а́имс'и, таш̄а́т', праш̄а́им, пуш̄а́i, пръпуш̄а́тъiъ, ш̄апу́, и́ш̄ут', ш̄е́п'к'им'и, ц'а́ш̄ы, ш̄о́тк'им'и, пуш̄а́ит' то́ш̄ын'к'аi, н'и б'аш̄а́лас' в заш̄ыту, п'и́ш̄ы, в'е́ш̄ы, в муравл'и́ш̄ы, нъ хран'ил'и́ш̄ы (местн. пад. ед. ч.), пъ жар'и́ш̄ы, то́лш̄ы (*ш* не долгое);

ж̄: ж̄ано́iъ, ра ж̄ылс'и, ръж̄ыр'ел, ж̄ары; приiажа̄л, даж̄о́ф, даже́i, дъж̄ацо́к, дро́ж̄ы.

Система согласных

Общая характеристика

§ 24. Система согласных фонем изучаемого говора, как и литературного языка, характеризуется наличием двух рядов соотносительных пар фонем: 1) фонем парных по глухости — звонкости; 2) фонем, парных по твердости — мягкости. Каждая пара фонем того или другого ряда различается или совпадает в определенных тожественных для всех пар данного ряда

условиях, благодаря чему и создается то, что мы называем соотносительностью. Кроме этих двух основных рядов, вместе охватывающих всю систему согласных, для задненёбных в говоре имеется еще один частный ряд: задненёбные согласные *х*, *γ*, *к*, из которых первые две образуют пару по глухости-звонкости, оставляя вне пары по этому признаку *к* (*х*:*γ*; *к*), по другому признаку — взрывности-фрикативности образуют пару *к*:*х*, оставляя вне пары по этому признаку *γ*.

С точки зрения соотносительности по глухости-звонкости 16 согласных фонем объединяются в 8 пар, противополагаясь остальным 13 согласным, не образующим соотносительных пар этого ряда. Эти пары следующие: *п*:*б* = *п'*:*б'* = = *т*:*д* = *т'*:*д'* = *с*:*з* = *с'*:*з'* = *ш*:*ж* = *х*:*γ*. Фонемы, входящие в состав каждой из этих пар, отличаются одна от другой отсутствием или наличием голоса, т. е. музыкальных тонов, образуемых дрожанием голосовых связок. Непарные по глухости-звонкости согласные следующие: *м*, *м'*, *в*, *в'*, *н*, *н'*, *л*, *л'*, *р*, *р'*, *ц*, *j*, *к*.

Те же 29 согласных фонем, с точки зрения соотносительности по твердости-мягкости, распределяются следующим образом: 22 фонемы образуют 11 пар, остальные 7 согласных — непарные в этом ряду. В говоре представлены следующие пары по твердости-мягкости: *п*:*п'* = *б*:*б'* = *т*:*т'* = *д*:*д'* = *с*:*с'* = *з*:*з'* = *в*:*в'* = *м*:*м'* = *н*:*н'* = *л*:*л'* = *р*:*р'*. Фонемы, входящие в состав каждой из этих пар, отличающиеся одна от другой отсутствием или наличием дополнительной средненёбной (среднеязычной) артикуляции, не точно называемой „йотовой" или „и-овой". Непарными по твердости-мягкости являются фонемы: *ц*, *ш*, *ж*, *j*, *х*, *γ*, *к*.

Задненёбные фонемы (*х*, *γ*, *к*) образуют одну пару по взрывности-фрикативности (*к*:*х*), а при позиционной звонкости *г*:*γ*, оставляя вне пары по этому принципу фонему *γ*.

Глухость-звонкость

§ 25. Согласные фонемы, парные по глухости-звонкости, различаются перед гласными (например, та́м — да́м, зап'и́л — заб'и́л,

пъхад'и́ — пъγад'и́, хо́лат — γо́лат), сонорными согласными (про́с'у — бро́с'у, сатру́ — к в'адру́, хл'е́п — γл'е́п (= Глеб), хра́м — к'илаγра́м, бр'ахн'а́ — аγн'а́), перед губно-зубными фрикативными *в*, *в'* (сво̯і — зво́н, с'в'е́р' — з'в'е́р', хво́с'т'ик — γво́з'д'ик), перед j (п'jу́ — б'jу́). В других положениях они не различаются: звонкие согласные на конце слова и перед глухими согласными (как парными со звонкими, так и внепарными), оглушаясь, совпадают с соответствующими глухими согласными фонемами; напротив, глухие согласные перед парными звонкими озвончаются, совпадая с соответствующими звонкими.

Примеры на совпадение звонких согласных фонем с соответствующими глухими:

а) На конце слова: хл'е́п (ср. хл'е́бъ, хл'е́бнъ̯і), γры́п (ср. γрыбы́, γрыбно̯́і), го́лап' (ср. го́лъб'а, γълубо́к), са́т (ср. ф саду́), наро́т (ср. мно́γъ наро́ду), γла́с (γлаза́, γлазо́к), зам'е́рс (ср. зам'е́рзну, зам'е́рзла), но́ш (ср. нажа́), ро́ш (ср. ржы́), лу́х (ср. луγа́), с'н'е́х (ср. с'н'е́γъ), кру́х (ср. кругом), уб'е́х (ср. уб'аγла́), бо́х (ср. бо́γа), д'е́н'ах (ср. д'е́н'γ'им'и, д'е́н'γъм), сапо́х (ср. съпаγа́), авра́х (ср. авра́γа), л'а́х (ср. л'аγла́).

б) Перед глухой гласной: ап то́м (ср. аб н'о́м), ипт'аса́т' (ср. иблажы́л'и́), патп'и́шым (ср. падн'о́с), пътп'ил'и́л и (ср. падр'е́зъл'и), ръспил'и́л (ср. ръзвад'и́л), б'ьс т'иб'е́ (ср. б'из н'аво́), шу́пка (ср. шу́ба), ска́ска (ср. ска́зъцка), мя́хка (ср. м'аγън'к'а̯і), л'е́хка (ср. л'аγо́н'к'а), д'ехт'у (ср. де́γът'),[1] хл'е́пца (ср. хл'е́бъ), мълатца́ (= мълаца́; ср. мълад'е́ц), γалу́пцик (ср. γалу́бъцка), п'ир'ит каз'бо̯́і (ср. п'ир'ад ла́фка̯і).

Примеры на совпадение глухих согласных фонем с звонкими перед звонкими: з'д'е́лът' (ср. ср'е́зът'), адγо́н'иш (ср. атво́з'им), адγо́н'ут' (ср. атно́с'иш), каз'ба́ (ср. кас'и́т), з'д'е́р'ъва (ср. с ло́шыд'и), мълад'ба́ (ср. мълат'и́т').

§ 26. Согласные внепарные по глухости-звонкости также могут озвончаться или оглушаться. При рассмотрении их надо

[1] При наличии фрикативной γ и, следовательно, пары х: γ, в последних трех примерах нет диссимиляции по способу образования, а имеется только ассимиляция по участию голоса.

иметь в виду следующее: в то время как первые согласные, оглушаясь или озвончаясь, совпадают с противопоставленными им звонкими или глухими фонемами своей пары, — при оглушении или озвончении согласных внепарных такого совпадения с другими фонемами не происходит, поскольку соответствующие противоположные им по глухости-звонкости согласные фонемы в говоре отсутствуют. Если первые, оглушаясь или озвончаясь, образуют ряды позиционных вариантов, в которых скрещиваются представители разных фонем, то вторые — согласные внепарные по глухости-звонкости — образуют вариации фонем: сонорные согласные на конце слова после глухих согласных в немногих относящихся сюда случаях могут произноситься без голоса, выступая в глухих своих вариациях (П'ётр̥). Глухая согласная фонема *ц* перед звонкими парными, озвончаясь, выступает в своей звонкой вариации *дз*͡: ат'ёдз͡ ба пр'ишо́л. Особых замечаний требуют фонемы *в*, *в'* и *к*.

Фонемы *в* и *в'* перед гласной произносятся как губно-зубные звонкие звуки: каро́ва, трава́, траву́, о́ват, завýт', зав'и́, в'ьс'ало́, в'е́слы (им. пад. мн. ч.), в'ино́. В положении после гласной перед *у* звук *в* факультативно отсутствует: жыу́, жыу́т', плыу́т', д'е́ушка. В тех же случаях отмечено очень слабое билабиальное жы^{w}у́, плы^{w}у́т'.

Фонема *в* произносится, между прочим, в форме род. пад. ед. ч. мужск. и средн. рода: пълахо́ва, иза фс'аво́, из ыл'ано́ва, харо́шъва, јаво́, таво́, каво́, тако́ва. В некоторых местоимениях интервокальное *в* может отсутствовать: н'иц'ао́, н'ицоо́, у као́, у коо́, у ко̄, јао.[1]

Вторичное интервокальное *в* отмечено между гласными *и* и *о*: Ръд'иво́н, Лър'иво́н (Родио́н, Ларио́н), ръд'иво́лаф; ср. также ра́д'ива (ра́дио).

---

[1] Формы с предударным *о* (н'ицоо́, у коо́, у ко́) мне представляются не реликтами оканья, а вторичными образованиями, получившимися в результате ассимиляции ударному гласному (вероятно, после утраты интервокальной гласной), ассимиляции, связанной с слабоударяемостью местоимений и их аллегровым характером.

Фонема *в* перед согласными (не только глухими, но и звонкими) выступает в своей вариации w или у̯, которые практически не всегда можно отличить друг от друга; залóу̯ка, карóу̯ка, н'а лóу̯ка, д'éу̯ка, д'éwка, на лáу̯ку, нъ пабы̆wку, γалóу̯ка бал'и́т', д'ешówка, пазáwтр'икъла, да зáwтр'ика, прáwда, дау̯нó. В той же вариации реализуется фонема *в* и на конце слова: луγóу̯, с'анóу̯, л'асów, д'алów, цасów, з дуб'jów, м'ид-в'ад'ów, пудów. Необходимо отметить особую ослабленность артикуляции билабиального *w* на конце слова, которая в ряде случаев приводит к полной его утрате. Так, например, наречие „домóй", отмеченное в виде домów, чаще произносится без w на конце слова: домó. Другие случаи: п'ет' сынó (=сынов), прóт'и свajói̯ (прóт'иw), насу́прът'и.

Однако на конце слова, а также перед глухими согласными наряду с *w*, *у̯*, нередко произносится другая вариация фонемы *в* — глухой, губно-зубной звук — *ф:* н'ев'éстаф, кат'énкаф, кан'х'éткаф, афсу́. Эта вариация, видимо, неисконная для говора и появилась позднее.

Фонема *в* в начале слова (а также „в" предлога) всегда сохраняет свой губно-зубной характер, выступая перед глухими в глухой вариации *ф*, перед остальными звуками сохраняя свою звонкость. Ср.: в адну́ м'éста, в рóшы, кускá в рóт'и н'é была, в дóм'и, в γóрат; но: фп'ер'éт (=вперед), фт'ирáт', фкýсна, фхад'и́т', ф кън'ухá javó, ф къласку́, ф с'н'аγу́, ф старóшк'и, ф крав'и́шы, ф сърхванáх. Звук *ф* функционально является вариацией фонемы *в*, а не ее вариантом, так как в сильной для различения глухости-звонкости позиции в изучаемом говоре звука *ф* нет, т. е. отсутствует фонема *ф* (см. выше, § 22).

Начальное *в* перед согласной обычно утрачивается в разных формах местоимения „все", а также и в некоторых других словах: с'é пашл'и́, тáх тъс'ó и жыв'éм, с'ó жа, с'аво н'и раскáжыш, ушóл п'ер'éт (=вперед), рóд'и как (=вроде как), спахáл'и (=вспахали), н'а спóмн'иш (=не вспомнишь).

Такие случаи, как единичные унýк, удавá, ур'éм'а с начальным *у* при внук, вдава, вр'ем'а, не могут быть рассматриваемы

в системе современного языка как варианты фонемы *в* ввиду отсутствия чередования с *в*. Точно так же следует квалифицировать и встречающееся *у* в предлоге в соответствии с предлогом „в“: у кан'ýшн'у, у бал'н'йцу, у кáтку; наряду с этим употребляется: ф кан'ýшн'у, в бал'н'йцу, ф кáтку.

Внепарная глухая фонема *к* перед звонкими парными фрикативными согласными озвончается, выступая в своей звонкой вариации — задненёбном взрывном *г*: г жын'ихý, г жан'é, г з'им'е (ср. к л'éсу), кáг жа, тáг жа, г γóръду, г γар'é. Квалификация звука *г* вариацией фонемы *к*, а не ее вариантом объясняется отсутствием в изучаемом говоре фонемы *г* (взрывной, звонкой, задненёбной). О фонеме *к* в положении перед звонкими взрывными согласными см. ниже, в § 27.

Взрывность-фрикативность

§ 27. Фонема *к* перед взрывными согласными в результате диссимиляции чередуется с соответствующим фрикативным согласным, причем перед звонкими взрывными согласными имеет место одновременно ассимиляция по участию голоса. Ввиду этого фонема *к* в положении перед глухими взрывными выступает в варианте *х*, а в положении перед звонкими взрывными — в варианте γ. Таким образом, кроме двух основных соотносительных рядов согласных (глухих-звонких и твердых-мягких) в говоре наличествует, — правда, только для задненёбных — ряд (из одной пары!) взрывных-фрикативных.

Примеры: тáх та (ср. тáк л'и), х тамý (ср. к н'амý), х т'алкý, ках таi̯é сказáт', хтó, н'ихтó, н'éхтърым,[1] дъхтар'éi̯, дóхтар', тръхтар'йст, трахт'éр, прадýхтаф, пýнхты, хрýхты, 30 jéхтъраф; х пáп'и, х пóл'у, х п'атрý, х п'ат'й, х Пáшы (к Паше), х п'ър'авóзу, х карóвам, х камý, х кóшк'и, х Кóл'и (к Коле);

γ д'éлу, γ дъцар'áм, γ д'éду, γ дóму, γд'é, γ бáб'и, γ бáбам, γ бал'н'йцы, γ бал'ным, γ бéдным.

[1] Сочетание *хт* в этом примере свидетельствует о редукции до нуля гласной заударного неконечного слога; о других примерах утраты гласной в этом положении см. выше, § 17.

Твердость-мягкость

§ 28. Парные твердые-мягкие согласные фонемы различаются:

1) На конце слова: с'jém (ср. с'ém'); дýп, хл'ép (ср. γóлап', с'т'ép'); д'éн — род. пад. мн. ч. (ср. д'éн'); в'éс (ср. в'éс');ýγъл (ср. ýγъл'); тавáр (ср. ханáр') и др.

2) Перед фонемами *а, у, и* (*ы*), также перед фонемой *о*. Перед *а:* к сáду (ср. с'áду), з'áбну (ср. зад); п'ила́ (ср. з'амл'á); т'акýт' (ср. тап'ý); γл'ад'áт' (ср. вадá), хл'éба (ср. γóлъб'а) и др.

Перед *у*: лýжа, пилý (ср. л'ýд'и, н'ид'éл'у); хóду (ср. хóд'у); спрóсу (ср. спрóс'у); ибмалóту (ср. ибмалóт'у), кладý (ср. γл'ад'ý); с вóзу (ср. свóз'у); Л'ýбу (=Любу), ср. л'ýб'ю (=люблю); сýпу (ср. кýп'у) и др.

Перед *и* (ы): сытна (ср. с'ítnaj); п'ílы (ср. п'íл'и); забы́л'и (ср. заб'íл'и); мы́ла (ср. м'íла); пыл'ít' (ср. п'ил'ít); дым (ср. клад'й), ты (ср. зъплат'й); вы (ср. н'ь зъдав'й) и др.

Перед *о:* как было показано выше (см. § 5), фонема *о* после мягких согласных употребляется только в падежных окончаниях и уменьшительном суффиксе -ок (дупл'ó; ср. в дупл'é, γус'óк). Поэтому твердость-мягкость перед *о* может различаться только в этих категориях; например п'аро́ — нутр'ó, п'аро́м — нутр'óм, с'ало́ — дупл'ó, с'ало́м — дупл'óм, до́м — м'ид'в'ад'óм, садów — м'ид'в'ад'ów. Ср. перед безударным вариантом *о:* д'éла — пóл'а (им. пад. ед. ч.); за д'éлам — пóл'ам (или за д'éлъм — пóл'ъм, твор. пад. ед. ч.); кусóк — γус'óк, станóк — иγан'óк.

Во всех других морфемах в согласии с § 5 перед *о* из парных твердых-мягких согласных произносятся только твердые (панóс, пр'ивóс, вóрс, рóза, мóх, мол', бóл'), так как соответствующие мягкие произносятся только перед *е*: пан'éс, в'éрет, б'ер'éза, м'éх, м'éл', б'éл'ин'к'aj и др.

3) Твердые-мягкие язычные согласные[1] различаются перед задненёбными и твердыми губными.

---

[1] Т. е. все парные по твердости-мягкости согласные, кроме губных.

Перед задненёбными: р'ётка—р'ёт'к'а, кáтка—кáт'к'а, шанкá—д'ан'к'á, станкá—иγан'к'á, мáнка—мáн'к'а, вóска—Óс'к'а (Оська), кускá—γус'к'ów (фамилия), кускá—γус'к'á, палкá—кул'к'á, акýл к'а, вáрка—вáр'к'а, γóрка—γóр'к'а.[1]

Перед твердыми губными: пис'мó, вас'мóй—смóй; куз'мá, ваз'мý—измýцил, р'аз'бá—избá, усáд'ба, мълад'бá—падбáв'ил, т'мá—итмахн'ét'.

Особо следует выделить случаи типа п'ép'вaị, с'п'ép'ва, с'ép'п, с'ар'пóм, в'ép'ба, д'éргъiут' цит'в'ép'х, з'ép'кла, цар'квá (им. пад. мн. ч.), в'ép'х, нъ в'ар'хý: в описываемом говоре замены старых *е*, *ь*, с одной стороны, и *ѣ* — с другой, полностью совпали. Ср. с'ép'п и с'ép'ин'к'аị; в'ép'ба, в'ép'х ив'ep', с'éлы (им. пад. мн. ч. от с'алó) и с'éла (прош. вр. глагола). Это дает основания для утверждения о том, что мягкость *ρ* перед губными и задненёбными в случаях приведенного типа самостоятельна, не обусловлена фонетическим положением.

Самостоятельность мягкости *ρ* может быть показана на таких примерах, как з'ép'къла и вéрка; или пам'ép'кла и м'éрка, где *ρ'* и *ρ* находятся в одинаковых условиях не только по отношению к следующей *к*, но по отношению к предшествующей *е* (различия между *ѐ* и *е* обусловлены следующей мягкостью или твердостью.[2] Однако, ввиду ограниченности

---

[1] Модификации *к* — *к'* обусловлены мягкостью предшествующей согласной, а не обусловливают твердость или мягкость последней. Ср. а вáрк'и — а вáр'к'и (о варке — о Варьке); об этом см. ниже, § 30.

[2] Иные и значительно более сложные соотношения в приведенных сочетаниях сложились в говорах, где старые *ѣ* и *е*, *ь* не совпали. В них позиционный характер *ρ*, в сочетаниях, восходящих к *tьrt* с *r* перед губными или задненёбными, сохраняется чище и дольше. Ср. с-в-р, например, вологодское з'ĕр'кало и м'ĕрка. Казалось бы, что здесь мягкость-твердость *ρ* не обусловлена, так как употреблена в тожественных условиях — в том числе в обоих случаях после ĕ. Однако звуку ĕ перед мягкой согласной в положении перед твердой соответствует *о:* ср. с'ĕл'ской || с'óла. Звуку же ĕ перед твердой согласной в положении перед мягкой соответствует *и:* ср. м'ĕрка || м'úр'ит', в'ĕра || в'ир'ит и т. д. Таким образом, мягкость *ρ'* в случаях типа с'ĕр'п, п'ĕр'воị обусловлена положением после ĕ (случаи

случаев типа в'ер'х, п'ёр'ваі реально очень трудно подобрать примеры, которые отличались бы друг от друга только звуками *р* или *р'*, находящимися в положении после *е* и перед губным или задненёбным. Поэтому дифференциальная значимость *р — р'*, смыслоразличительная нагрузка твердости-мягкости *р* в этих случаях очень незначительна. Возможно, что с этим связан широко распространенный в русских говорах процесс отвердения *р* в приведенных выше сочетаниях.

Твердость-мягкость *л — л'* различается также и перед другими согласными. Ср. бал'нóі, и палнó, бóл'шы и тóлшы (=толще), мáл'цик и малцй.

Твердость-мягкость *р*, видимо, различается перед ш. Ср. стáр'шаі и јаршá.

Следует отметить сочетание *н'ш:* тóн'шы, пам'ён'шы, жён'шына (сочетание *нш*, повидимому, в говоре отсутствует).

Перед *ц* употребляются только твердые согласные: купцá, мълацá, р'асцá (=резца), лацá или лафцá, самцá, канцá (иγурцá, кóнцил). Ср.: куп'éц, мълад'éц, р'из'éц, лав'éц, сам'éц, иγур'éц.

§ 29. В других положениях парные твердые и мягкие согласные не различаются.

1. Перед *е* твердые смягчаются, совпадая с соответствующими мягкими: ф с'ил'é, нъ стал'é, у сас'н é, у с'естр'é, ит жан'é, при с'алó, сталá, сасна́, с'астрá — с твердыми согласными на конце основы. То же и перед звуками, соответствующими *е* в заударном конечном открытом слоге: в д'ёл'и, ф с'ён'и, б'ьс карóв'и, с рабóт'и, ишкóл'и (=из школы), с усáд'б'и, салóм'и нёт, ат слýжб'и, при д'éла, с'éна, карóва, рабóта, шкóла, усáд'ба, салóма, слýжба с твердыми согласными на конце основы. Ср.: в дупл'é, ит земл'é, ф пóл'и, из д'ер'éвн'и при дупл'ó, з'амл'á, пóл'а, д'ер'éвн'а, с мягкими согласными в основе. То же

вроде с'ерп в говоре, были неупотребительны); твердость же *р* в случаях типа м'ёрка не обусловлена ни положением перед *к*, ни положением после *ê*, если учесть, что сама фонема *è* перед мягкими согласными может изменяться в звук *и*. Ср. м'ѐрка || м'ѝр'ко (=мерь-ка).

и на стыке согласной предлога и следующего слова: с'ét'им, в'ét'их. Мягкие парные согласные перед *е* в корнях и суффиксах: пан'éс, д'éн, ав'éс, с'éлы (= села), б'ер'éза и др., кат'énак, каз'л'énак, р'еб'énак, п'ерсал'éна, пъдм'ет'éна и др.

2. Твердые согласные смягчаются перед j: здуб'jów (ср. дýп, дýба), зýб'jа (ср. зýп, зýба), п'ép'ji (ср. п'арó), с'jéл, в'jéхъла, п'ир'аб'jýт', итаб'jét', нъ с'ам'jý, с'ам'já, сап'jéш, д'jákън, д'ам'ján.

3. Парные переднеязычные твердые-мягкие согласные (кроме *л — л'*) не различаются перед твердыми и мягкими губными — перед мягкими губными звучат мягкие, перед твердыми — твердые: в л'ис'т'в'é (ср. л'ист**в**á), пъкар'м'й (ср. кóрма), ит'в'ацáла (ср. итвар'йла), ф хаз'á'с'т'в'и (ср. хаз'áйства), в ыз'б'é (ср. избá), пар'в'й (ср. парвáтаі), с'п'ер'ва, ус'п'éиш, пъс'п'ав**á**ит', к'ир'п'йц, н'а вы́т'ер'п'у, с'в'акры́, на с'в'ét'и, с'в'ép'н'им, цét'в'ьра, з'б'éγъіу, с'м'ajýцъ, к м'ид'в'ад'ý, дв'ан'áцат', с'м'атáна, з'в'аздá.

Фонемы *л — л'* различаются также и в этом положении. — Ср. талпá — ф талп'é и пал'бá, ф пал'б'é.

4. Парные переднеязычные твердые и мягкие (кроме *л — л'*) не различаются перед переднеязычными (кроме *р — р'*): перед твердыми произносятся только твердые, перед мягкими — мягкие: крáснаі — крáс'н'ьн'к'ьвъ, с'в'арнýт' (infin.) — с'в'ép'н'им, нав'ép'н'ицъ; пажáрнаі — пажáр'н'ик, ц'ар'н'йка; м'éста — на м'éс'т'и, γр'ес'т', н'ес't, јис't', падáс't', с't'ер'éх; слáд'им, н'аслá — с'л'ад'йм, н'ас'л'йс'; в'азлá — пр'ив'аз'л'й; в'ар't'ý, в'ар't'йм, напóр't'ал, с'м'ép'г' — са ртá; јаздá — н'а јйз'д'и, з'д'éлыит', из'jéз'д'ал.

Перед *р — р'* переднеязычные всегда тверды: п'атрá, п'етр'é, тр'асý, ср'éзъл, ср'áду.

5. Парные губные — твердые и мягкие — не различаются перед губными: перед твердыми губными произносятся только твердые, перед мягкими — мягкие: ибманýла — иб'м'ан'йл'и, ибвал'йл — иб'в'ал'й, ип't'анýл'и, в'б'élам, ф' п'áт'н'ицу.

6. Парные губные твердые и мягкие также не различаются перед заднеязычными: перед твердыми заднеязычными

произносятся твердые губные, перед мягкими — мягкие: тр'а́пка — тр'а́п'к'и, ш̄е́пка — ш̄е́п'к'и, дупка́ (род. пад. ед. ч.) — дуп'к'и́, ба́пка — ба́п'к'и, пан'е́wка — пан'е́w'к'и или пан'е́ф'к'и.

Перед остальными согласными, твердыми и мягкими, губные всегда тверды: ср. пло́т'ит' и пл'ец'о́, ф пл'ану́; бро́с' и бр'авно́ (при более обычном б'арно́).

§ 30. Мягкость или твердость согласных внепарных по твердости-мягкости. Мягкость или твердость *ш*, *ж*, *ц*, j совершенно несущественна в системе говора, недифференцирована, поскольку они в любой позиции звучат совершенно одинаково — *ш*, *ж* твердо; *ц* обычно как полумягкий звук, а различия в произношении *ц* (см. § 21) обусловлены не позицией, а скорее свойственны индивидуальному произношению; j — звук „мягкий" по самой своей природе.

Иначе обстоит дело с заднеязычными *к*, *х*, *γ*, которые в определенных положениях смягчаются, выступая в своих мягких вариациях к', х', γ'. Поло́жения эти следующие:

1. Перед *е:* к рук'е́, б'ъз мук'е́, у р'ек'е́, ит сах'е́, у снах'е́, нъ нау'е́ (то же перед безударными заменами *е:* у б'ир'е́ск'и, в ла́ф'к'и, на тра́wк'и или на тра́ф'к'и); тк'е́м, п'ек'е́ш, п'ик'е́т'а, талк'е́м, б'ър'еγ'е́ш, зъпр'иγ'е́т, жγ'е́м, маγ'е́м, б'ър'иγ'е́т'а (перед безударными заменами *е:* вы́тк'им, вы́тълк'иш). В этом же положении, как было отмечено выше, смягчаются и твердые согласные, имеющие мягкие парные (ср. вада́ — вад'е́).

2. Перед *и:* к'и́слаi, к'и́нут', х'и́траi, γ'и́р'а, з'γ'и́нул, куск'и́, съпаγ'и́, д'е́н'γ'и, пъд б'ир'е́ск'им'и, съ стару́х'им'и, за кн'и́γ'им'и. Таким образом, в то время как твердые согласные, парные с мягкими, перед фонемой *и* не изменяются, обусловливая этим изменение фонемы *и* и ее реализацию в вариации *ы* (ср. вы́л'и — в'и́л'и), заднеязычные согласные, напротив, сами изменяются, выступая в мягких вариациях (к', х', γ'). Ср. стал'ы́, ц'в'аты́ и γу́с'и, м'ид'в'е́д'и, но только куск'и́, съпаγ'и́; с'т'е́ны, п'и́лы и д'ер'е́вн'и, з'е́мл'и, но только кн'и́γ'и, стару́х'и, ру́к'и; зъ уса́д'бым'и, с рабо́тым'и и за зе́мл'ими, с кры́л'jим'и, но только з д'е́тк'ими, с jа́блък'ими, з'д'е́wким'и, съ стару́х'им'и.

Однако на стыке слов заднеязычные, как и парные твердые, не смягчаются: к ыва́ну, к ыл'jе́, к ызбу́шк'и, та́к ы сказа́л (ср. с ыва́нъм, пъд ызбо́j).

3. Звук *к* смягчается после мягких согласных (перед заднеязычными могут быть мягкие *с'*, *з'*, *т'*, *д'*, *л'*, *р'*, *н'*,) и j: ва́н'к'а, ду́н'к'а, ма́н'к'а, в ба́н'к'у, *д*'ан'к'а́ два, п'ан'к'о́м зва́л'и, ко́л'ка', ко́л'к'у, то́л'к'а, ско́л'к'а, ва́р'к'а, γо́р'к'а, γо́р'к'ьjа, о́с'к'а, ва́с'к'а, ва́с'к'ьj зва́л'и, γус'к'о́ф (фамилия), р'е́т'к'а, ка́т'к'а, ка́т'к'у, чаjк'у', търата́jк'у, л'ин'е́jк'аj, мало́д'ьн'к'ьjа, ма́л'ьн'к'ьjа, харо́шын'к'ьjа, б'е́л'ин'к'ьj у, ста́р'ин'к'аj, ц'ис'т'е́н'к'а(=частенько), у кра́с'н'ин'к'ьвъ, то̄шын'к'аj, м'е́л'ин'к'аj, ма́л'ьн'к'ьjу, кра́сн'ьн'к'аj.

Надо отметить, что звук *ц* ведет себя как твердый согласный: после него *к* не смягчается. Ср. р'е́ц'ка, р'е́ц'ку, кл'е́тъцку, д'е́въцка, п'е́цку, насетъцку, три б'ер'е́м'ец'ка ру́шн'ичком. То же относится к шипящим: руба́шка, Са́шка, Ма́шка, стару́шка.

В случаях, восходящих к старым сочетаниям tьrt после мягкого *р* звук *к* произносится твердо: з'ер'къла, пъ ц'ар'ко́внъму, це́р'къф'.

Возможность в говоре сочетаний *ка — к'а*, *ку — к'у*, *ко — к'о* может, как будто, натолкнуть исследователя на мысль о позиционной необусловленности *к* и *к'* или, что то же, о наличии в говоре двух фонем — *к* и *к'*. Однако такой вывод был бы в корне неверен по следующим соображениям: в говоре представлены сочетания — *а*) твердый согласный + *к* (напр., *нк*), б) мягкий согласной + *к'* (напр., *н'к'*); совершенно не отмечено и отсутствует сочетание *в*) мягкий согласный + *к* (напр., *н'к*); наконец, что очень важно, возможно сочетание *г*) твердый согласный + *к* (*нк'*). Для решения поставленного вопроса очень важны случаи последнего рода, например: в ба́нк'и, а ва́рк'и, ф ска́ск'и, ф та́нк'и и др. Здесь мягкость *к* обусловлена его положением перед безударной заменой фонемы *е* (ср. ба́нка, ва́рка, ска́ска, та́нк). Различение мягких и твердых согласных перед таким *к'* (например, в ба́нк'и — в ба́н'к'и, а ва́рк'и — а ва́р'к'и, ф ска́ск'и — у ва́с'к'и, во́ск'и — к о́с'к'и, из ма́нк'и —

у ма́н'к'и и др.) со всей неопровержимостью свидетельствует о том, что мягкость или твердость согласной перед *к'* не зависит от мягкости заднеязычного. С другой стороны, отсутствие в говоре твердого *к* после мягких согласных указывает на обусловленность мягкости *к* мягкостью предшествующей согласной. Таким образом, оказывается, что в то время как *р* и *р'*, или *н* и *н'* возможны в тожественных фонетических положениях и потому являются самостоятельными фонемами, *к* и *к'* взаимно исключаются в одной и той же позиции: они возможны только в разных позициях, в которых замещают друг друга, т. е. являются разновидностями одной и той же фонемы. Звук *к'* является вариацией фонемы *к*, обусловленной положением после мягкой согласной.

Следует отметить, что заднеязычные фрикативные после мягких согласных не смягчаются: о́л'γа, д'ан'γа́м'и (наряду д'е́н'γ'им'и), нъ в'ар'ху́.

III. ЗАМЕЧАНИЯ ПО МОРФОЛОГИИ

Глагол

§ 31. Форма 1-го л. ед. ч. имеет окончание *-у* у глаголов как с ударением на окончании, так и с ударением на основе: н'асу́, б'аγу́, зна́ју, ска́жу, ку́р'у.

При ударении на личном окончании различаются глаголы двух типов спряжения в зависимости от того, какие гласные произносятся в окончаниях 2—3-го л. ед. ч. и 1—2-го л. мн. ч., с одной стороны, и 3-го л. мн. ч., с другой. Глаголы 1-го спряжения имеют *е* в первом случае и *у* во втором; глаголы 2-го спряжения соответственно *и* (после шипящих, а также после звука *ц*, если он произносится твердо, звучит *ы*) и *а*: 1) н'ес'е́ш — н'асу́т', в'ед'е́ш — в'аду́т', шје́ш — шју́т'; 2) с'ид'и́ш — с'ид'а́т', в'ал'и́ш — в'ал'а́т', с'п'ашы́ш — с'п'аша́т', кр'ици́ш (или крицы́ш) — крица́т'.

При ударении на основе отмеченные два спряжения не различаются: во 2—3-м л. ед. ч. и 1—2-м л. мн. ч. всегда употребляется *и* (после шипящих, а также после *ц* в случае его

твердости звучит *ы*), а в 3-м л. мн. ч. — *у*: ста́н'иш — ста́нут', зна́иш — зна́ют', ска́жыш — ска́жут', пла́циш (или пла́цыш) — пла́цут', л'у́б'иш — л'у́б'ут', про́с'иш — про́с'ут', паста́в'иш — паста́в'ут', хо́д'иш — хо́д'ут'.

Личные формы глаголов образуются при неподвижном ударении: у одних глаголов ударение во всех личных формах падает на окончание, у других — на основу.

Неподвижность ударения у глаголов, имевших ранее подвижное ударение, образовалась в результате процесса обобщения места ударения у одних личных форм по образцу других: например, по образцу л'у́б'иш, л'у́б'им, л'у́б'ут' с ударением на основе образована форма 1-го л. ед. ч. л'у́б'у; по образцу γо́н'иш, γо́н'ут' — γо́н'у; по образцу па́шыш, па́шут' в 1-м л. ед. ч.: па́шу; напротив, по образцу 1-го л. ед. ч. маγу́ образовано 3-е л. мн. ч. с ударением на окончании: маγу́т'.

Благодаря тому же процессу обобщения в говоре отсутствует бо́льшая часть чередований согласных в конце основ настоящего времени (например, нет в говоре таких чередований, как лечу — летишь, прошу — просишь, могу — можешь и др.). Говору свойствен один тип чередования согласных в личных формах — это чередование твердой парной согласной (выступающей в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч.) с соответствующей мягкой в остальных личных формах, а также чередование *к*, γ с *к'*, γ' в тех же морфологических и фонетических условиях. Ср.: в'аду́, в'аду́т' — в'ед'ёшь, в'ед'ём и т. д.; н'асу́, н'асу́т' — н'ес'ёш, н'ес'ём и т. д.; маγу́, маγу́т' — маγ'ёш, маγ'ёт', и т. д.; п'аку́, п'аку́т' — п'е^{и}к'ёш, п'е^{и}к'ём и т. д. В остальных случаях по всем личным формам последовательно проводится одна согласная: л'у́б'у, л'у́б'иш; ку́п'у, ку́п'иш; но́с'у — но́с'иш; γл'ад'у́ — γл'ад'йш и т. д.

Формы 3-го л. ед. и мн. ч. имеют на конце -*т'*: тр'ес'ёт', жм'ёт', б'еγ'ёт', тк'ёт', с'ид'йт', л'у́б'ит', ку́п'ит', зна́ит'; тр'асу́т', жму́т', б'аγу́т', тку́т', с'ид'а́т', л'у́б'ут', ку́п'ут', зна́ют'.

В окончаниях первого спряжения, кроме звука *е*, характеризующего общую систему говора, в более редких случаях встречается также и звук *о* (с предшествующей мягкостью

парных согласных, а также после *к'*, *γ'*), который проник в говор под влиянием городского литературного языка или других, менее архаических говоров: тр'ис'о́т', жм'о́т', н'ис'о́т', в'ид'о́т', маγ'о́т', б'иγ'о́т'.

В целом система личных окончаний представляется в следующем виде:

а) под ударением 1-е спряжение: -у́, -е́ш, -е́т', -е́м, -е́т'а, -у́т'; 2-е спряжение: -у́, -и́ш (-ы́ш), -и́т', (-ы́т') -и́м (ы́м), -и́т'а (-ы́т'а), -а́т'.

б) без ударения: -у, -иш (-ыш); -ит' (ыт'), -им (-ым), -ит'а (-ыт'а), -ут'.

Перейду к обзору материала:

Глаголы с ударением на личном окончании

1-е спряжение

В глаголах 1-го спряжения намечаются следующие разновидности по конечной согласной основы:

а) основы на твердую парную согласную в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч., чередующиеся с соответствующей мягкой согласной в остальных личных формах (t || t'):

иду́, ид'е́ш, ид'е́т', ид'е́м, ид'е́т'а, иду́т', наро́т иду́т', н'аi̯д'е́ш, паi̯д'о́т', паi̯д'е́т', паi̯д'е́ш (пад'е́ш), иду́т' пъ странам; зъв'аду́, зъв'ед'е́ш, зъв'ед'е́т', зъв'ед'е́м, зъв'ед'е́т'а, зъв'ад'у́т', пъпаду́, пъпад'е́ш, пъпад'ет', пъпад'е́м, пъпад'е́т'а, пъпаду́т'; пр'аду́, нъпр'ед'е́ш, пр'е^{и}д'е́т', пр'ед'е́м, нъпр'и^{е}д'е́т'а; кладу́, клад'е́ш, клад'е́т', кладу́т'; зъпл'ату́, зъпл'е^{и}т'е́ш, зъпл'е^{и}т'е́т', зъпл'е^{и}т'е́м, зъпл'е^{и}т'е́т'а, зъпл'ату́т'; пъдм'ату́, пъдм'ет'е́ш, пъдм'ату́т'; сацту́, сацт'е́ш, сацт'е́м;

ун'асу́, ун'ис'е́ш, пр'ин'ес'е́т', ун'и^{е}с'е́м, ун'асу́т'; тр'асу́, тр'ес'е́ш', тр'ес'е́т', нътр'ес'е́м, пътр'ес'е́т'а, тр'асу́т'; пасу́, пас'е́ш, пас'е́т', пасу́т';

пр'ив'азу́, пр'ив'ез'е́ш, пр'ив'ез'е́т', в'ез'е́м, нъв'ез'е́т'е, пр'ив'азу́т'; пр'ипалз'е́ш, нъпалзу́т';

жыву́, жыв'е́ш, пъжыв'е́т', пъжыв'е́м, пръжыву́т', пъплыву́, пъплыв'е́ш, пъплыву́т'; итарву́, итар'в'е́м, итарву́т';

б'ару́, б'ер'е́ш, б'ер'е́т', б'ер'е́м, б'ер'е́т'а, б'ару́т'; памру́, памр'е́ш, памр'е́т', памр'е́м, памру́т'; изатру́, изатр'е́ш, затр'о́т', ръзатр'е́ш, натру́т'; д'ару́, д'ер'е́ш, д'ару́т' ско́ру; зар'о̄т' (= заорет); запр'е́м, запру́т';

ръшыб'е́т', ръшыбу́т';

наи̯му́, наи̯м'е́т'; вазму́, вазм'е́ш, вазм'е́т', вазму́т'; пъдым'е́т' сало́му;

идахну́, идахн'е́ш, идахн'о́т'а; ус'н'е́т', намну́, мн'е́ш, намн'е́т', намн'е́м, намну́т'; итв'арну́, итв'ерн'е́ш, н'итв'ер'н'е́м, в'арну́т'.

б) основы на звуки *к*, *γ* в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч., чередующиеся с *к'*, *γ'* в остальных личных формах (к ‖ к', γ ‖ γ');

п'аку́', п'ек'е́ш, п'ек'е́т', п'ек'е́м, ньп'ек'е́т'а, исп'аку́т', нъп'ик'о́ш, зъп'и^{e}к'е́м; т'е^{и}к'е́ш, т'ек'е́т' р'ака́, т ек'е́м, т'ак'у́т', т'ик'о́т'; тку́, тк'е́м, натк'е́ш', тк'е́т', тк'е́м, тку́т'; талку́, талк'е́ш, талк'е́т', талк'е́м, талк'е́т'а, тэлку́т', талк'о́м, нъталк'е́ш, ръсталк'о́м; вълаку́, вълак'е́ш, пр'ивълак'е́ш, вълак'е́т', вълак'е́м, вълаку́т'; с'аку́, с'ик'о́ш, с'ик'о́т', с'аку́т';

зъпр'аγ'у́, зъпр'еγ'е́ш,' зъпр'и^{e}γ'е́т', зъпр'иγ'е́м, зъпр'еγ'е́т'а, зъпр'аγу́т'; б'ир'аγу́, б'ир'е^{и}γ'е́т', б'ьр'еγ'е́м, б'ьр'аγу́т', б'ьр'еγ'е́т'; жγу́, жγ'е́ш, жγ'е́м, пажγ'е́т'а, жγут', ибажγу́, жγ'ет', п'ир'ажγ'е́т', ибажγ'е́т'; б'аγу́, б'еγ'е́ш, б'еγ'е́т', б'еγ'е́м, пъб'еγ'е́т'а, б'аγу́т', уб'аγу́, б'иγ'о́ш, б'иγ'о́т', б'иγ'о́т'а, зъб'иγ'е́т'[1]; маγу́, маγ'е́ш, маγ'е́т', маγ'е́м, маγ'е́т'а, маγу́т', пъмаγу́т', пъмаγ'о́м, маγ'о́т'.[2]

Из этой системы выпадает спряжение глагола л'е́ц (= лечь), образующего личные формы с *ж* при ударении на основе л'а́жу, л'а́жыш и т. д. (см. ниже, стр. 193).

в) основы на другие непарные согласные и j:

п'jу́, п'jе́ш, н'а бо́л'нъ он п'jе́т', п'jут'; приб'jу́, б'jе́ш, б'jе́т', н'и итаб'jе́ш; шjе́м, шjе́т'а, шjо́ш, шjу́т'; п'аjу́, п'еjе́ш, п'еjе́т', п'еjе́м, п'аjу́т'.

Глаголов на шипящие (типа ржу и др.) не записано.

[1] Отмечены единичные формы б'ижо́ш, б'ижо́м, степень употребительности которых проверить не удалось.

[2] Наряду с приведенными общеупотребительными формами с γ встречаются также формы с *ж* (и с ударением на основе): н'а мо́жу, мо́жыш-памо́жу, памо́жут'.

2-е спряжение.

а) основы на мягкую парную согласную:

гл'ад'у́, гл'ад'и́ш, гл'ад'и́т', гл'ад'и́м, гл'ад'и́т'а, гл'ад'а́т'; сид'у, с'ид'и́ш, с'ид'и́т', с'ид'и́м, с'ид'и́т'а, пъс'ид'а́т', паслад'у́ (от посолодить), паслад'и́ш;

л'ат'у́, л'ат'и́ш, н'и л'ат'и́т', пр'ил'ат'и́м, л'ат'а́т'; с'к'ип'ат'у́, с'к'ип'ат'и́ш, с'к'ип'ат'а́т', с'к'ип'ат'и́м цаi̯к'у́; в'ар'т'у́, в'ар'т'и́ш, в'арт'и́т', в'ар'т'и́м, в'ар'т'а́т';

гр'ам'у́, гр'ам'и́т', гр'ам'а́т';

нъвал'у́, нъвал'и́ш, нъвал'и́т', нъвал'и́м, нъвал'а́т'; в'ал'у́, в'ал'и́ш, в'ал'и́т', в'ал'и́м, в'ал'и́т'а, в'ал'а́т';

бран'у́, бран'и́ш, н'и бран'а́т'; зьл'ан'и́т' (3-е л. ед. ч.); з'ьл'ан'а́т',

итвар'у́, вар'у́, вар'и́ш, итвар'и́ш, вар'и́т', итвар'и́м, вар'а́т'.

б) основы на внепарную по твердости - мягкости согласную:

ташу́, ташы́ш, ташы́т', ташы́м, ташы́т'а, таша́т'; с'п'ашу́, с'п'ашы́т', с'п'аша́т';

л'ажу́, л'ажы́ш, л'ажы́т', л'ажы́м, л'ажы́т'а, л'ажа́т';

крицу́, кр'ицы́ш, крица́т', стаjу́, стайш, стаи́т', стаи́м, стаjа́т'.

В одном-двух случаях отмечено колебание между 1 и 2 спряжением: наряду с обычными формами в'ар'т'и́ш — в'ар'т'а́т' отмечено несколько случаев образования форм по 1-му спряжению: в'ер'т'о́ш, в'ер'т'о́т', в'ир'т'о́м.

Наряду с формами спасу́, спас'е́ш, спас'е́м отмечено несколько случаев образования по 2-му спряжению спас'у́, спас'у́с'а, спас'и́ш, спаси́с'и, спас'и́т' (спас'и́ца).

Глаголы с ударением на основе

Среди этих глаголов, в зависимости от конечной согласной основы, намечаются следующие типы:

а) Основы на твердую парную согласную в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч., чередующиеся с соответствующей мягкой согласной в остальных личных формах (t || t'):

бу́ду, бу́д'иш, бу́д'ит', бу́д'им, бу́д'ит'а, бу́дут';

ста́ну, ста́н'иш, ста́н'ит', ста́н'им, ста́н'ит'а, ста́нут'; стр'е́ну, стр'е́н'иш, хто стр'е́н'ит', стр'е́н'им, стр'е́н'ит'а, стр'е́нут'; зам'е́рзну, зам'е́р'з'н'иш, зам'е́р'з'н'ит', зам'е́р'з'н'им, зам'е́рзнут'; асла́бну, асла́бн'иш, асла́бн'ит', асла́бнут'; пры́ну, пры́н'иш, пры́н'ит', пры́н'им, пры́нут'; здр'е́мн'ит' (1-е л. ед. ч., видимо, здр'е́мну?), с'в'е́р'н'иш, с'в'е́р'н'ит', с'в'е́р'н'им (1-е л. ед. ч., видимо, с'в'е́рну?).

пр'и́ду, и́д'иш, и́д'ит', пр'и́д'ит', пр'и́дут', н'а наи́д'иш. Личные формы глагола „иду" могут иметь ударение не только на основе, но, как это отмечено выше, и на окончании: ид'е́ш, ид'е́т', иду́т';

вы́рву, вы́р'в'иш, вы́р'в'ит', вы́рвут';

вы́тру, вы́тр'иш, вы́трут', вы́тр'ит', вы́трут';

л'е́зу, л'е́з'иш, ле́з'ит', л'е́з'им, л'е́зут'.

б) Основы на звуки *к*, γ в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., чередующиеся с *к'* γ' в остальных личных формах (*к* || *к'*, γ || γ'):

вы́тку, вы́тк'иш, вы́тк'ит', вы́тк'им, вы́тк'ит'а, вы́ткут';

вы́б'иγу, вы́б'иγ'иш, вы́б'иγ'ит', вы́б'иγ'им, вы́б'иγут'; зъб'иγ'е́т', вы́б'иγ'ит'.

в) Основы на остальные внепарные согласные с j:

ска́жу, раска́жу, ска́жыш, ска́жыт', ска́жым, ска́жит'а, ска́жут'; в'а́жу, в'а́жыш, н'ав'а́жыт' прив'а́жут';

пл'а́шу, пл'а́шыш, пл'а́шыт', пл'а́шым, пл'а́шут'; бр'е́шу, бр'е́шыш, бр'е́шут'; па́шу, па́шыш, па́шым, па́шут';

паи́шу, и́шыш, и́шыт', и́шым, и́шыт'а, и́шут'.

Отметим личные формы от глагола л'е́ц: л'а́жу, л'а́жыш, л'а́жыт', л'а́жым, л'а́жыт'а, л'а́жут' (ср. с остальными глаголами с основой на γ, *к*, у которых при отсутствии приставки *вы-* ударение падает во всех личных формах на окончание, а основа кончается на γ || γ', *к* || *к'*; примеры см. выше, стр. 222).

слу́жу, слу́жыш, слу́жыт', слу́жым, паслу́жит'а, слу́жут'; вло́жу, вло́жыш, вло́жут', д'е́ржу, д'е́ржыш, д'о́ржыт'; варо́жу, варо́жыш, варо́жым, варо́жут'.

ды́шу, ды́шыш, ды́шут', н'и надыш́ус';

намо́цу, намо́цыш, намо́цит'; паду́цу, паду́циш, паду́чут',

ўцус'; валóцу, валóцит', валóцим, валóцут'; палу́чу, палу́чут'; н'а хóцу, чаво хóчу, то и д'éлъi̯у, хóциш, хóцит', хóцим, хóцит'а, хóцут'.

жыл'éi̯у, жыл'éиш, жыл'éит', жыл'éим, жыл'éит'а, жылéi̯ут'; път'ар'á i̯у, път'ар'áиш, път'ар'áит', път'ар'áим, път'ар'áит'а, път'ар'á i̯ут'; стр'ал'á i̯у, стр'ал'áиш, стр'ал'áит'а, стр'ал'á i̯ут', гул'éi̯у, гул'éиш, гул'éi̯ут'; знá i̯у, знáиш, знá i̯ут'; дава́ i̯у, дава́ит', дава́им, дава́ i̯ут'; икуна́иш, икуна́ i̯им, жала́иш, жала́ит', жала́ i̯ут'; с'н'éх та́ит'; н'и выл'аза́ит'; л'ин'éит', л'ин'éi̯ут'; зъб'аγа́ит', зъб'аγа́им, зъб'аγá i̯ут'; капа́им, капа́ i̯ут'; ръз'д'ал'а́им, ръзд'ал'á i̯ут'; пӯш'а́им, пӯша́ит'а; итм'ар'á i̯у, итм'ар'áиш, итм'ар'á i̯ут'; д'ép'γъиш, д'ép'γъi̯ут', умал'éi̯ут', вал'éi̯ут', съб'ира́ит'.

Отметим личные формы от jéз'д'ит': jéз'д'и i̯у, jéз'д'иш, jéз'д'ит', jéз'д'им, jéз'д'ит'а, jéз'д'и i̯ут'.

Впрочем, во 2—3-м л. ед. ч. и 1—2-м л. мн. ч. может звучать не только *ии*, но и *и* (может быть в результате *ии* → *и*, так как в 1-м л. всегда *-и̯у*?): jéзд'иш, jéз'д'им и др. Отмечена еще одна аналогичная форма: палóзи i̯у, палóзи i̯ут' при палóзит'.

г) Основы на мягкие парные согласные:

н'а плóт'у, н'и заплóт'у, плóт'иш, плóт'ит', плóт'им, плóт'ит'а, плóт'ут'; ухва́т'у, ухва́т'иш, ухва́т'ут'; варóт'у, пъварóт'у, варóт'иш, варóт'им, варóт'ут', пъварóт'им, н'и пъварóт'ит'а; залóт'у, пъзалóт'ит', пъзалóт'ут'; малóт'у, малóт'иш, нъмалóт'ит', малóт'ит'а, малóт'ут'; калóт'у, зъкалóт'у, нъкалóтим, пъкалóт'ут'; пу́ст'у, пу́с'т'иш, пу́с'т'им, пу́с'т'ит'а, пу́с'т'ут', вы̆пус'т'ут';

прихóд'у, хóд'у, н'и атхóд'у, ухóд'у, хóд'иш, хóд'ит' хóд'им, хóд'ит'а, хóд'ут'; н'а в'и́д'у, н'а в'и́д'ут', н'а в'и́д'ит'; вóд'у, пр'ивóд'у, п'ир'авóд'иш, пир'авóд'ут'; пасóд'у, сóд'у, сóд'иш, пасóд'иш, пасóд'ит', пасóд'им, пасóд'ит'а, пасóд'ут', сóд'ут'; нацéд'у, цéд'иш, цéд'им, цéд'ут'; н'а в'и́д'у, в'и́д'иш, в'и́д'ит'а, в'и́д'ут';

прóс'у, прóс'иш, прóс'ут'; накóс'у, кóс'им, кóс'ут', пр'идýт'; jei̯ с'ен'цá скóс'ут'; м'éс'у, мéс'им, м'éс'ут'; нав'éс'у, пав'éс'ут';

падвóз'у, вóз'иш, привóз'ут', вóз'ут';

зγатóв'у, зγатóв'ит', зγатóв'ут'; астáв'у, стáв'у, пъстанóв'у, стáв'иш, стáв'ут'; ры́бу лáв'у, лáв'ит', лáв'иш' лáв'им, лáв'ут';

л'у́б'у, л'у́б'иш, л'у́б'ут'; паɣу́б'у, паɣу́б'ит', паɣу́б'ут'; ру́б'у, ру́б'ут';

нато́п'у, исто́п'у, н'а то́п'им, то́п'ут'; нако́п'у д'е́н'ах, нако́п'ут'; н'а вы́т'ър'п'у;

ко́р'м'у, ко́р'м'иш, ко́р'м'ит', ко́р'м'им, ко́р'м'ут';

ɣо́н'у, ɣо́н'иш, ɣо́н'ут'; же́н'у, же́н'иш, же́н'ут'; пъхаро́н'у, пъхаро́н'ут';

застр'е́л'у, застр'е́л'ут'; д'е́л'у, д'е́л'им, д'е́л'ут';

ку́р'у, паку́р'у, ку́р'ит', ку́р'ут'; смо́тр'у, смо́трит', смо́тр'ут'.

Основа на мягкую парную согласную проведена также в личных формах глаголов др'амá т', тр'апá т', а также сы́път', ка́път'; при этом в первых двух глаголах, в результате обобщения, ударение в 1-м л. ед. ч., как и в остальных личных формах, падает на основу, т. е. проведено постоянное ударение на основе, которое характеризует также и последние два глагола:

тр'е́п'у, тр'е́п'иш, тр'е́п'ит', тр'е́п'ут'; д'р'е́м'у, др'е́м'ит', др'е́м'им, задр'е́м'ит'а, др'е́м'ут';

сы́п'у, засы́п'у, сы́п'иш, сы́п'ит', засы́п'им, сы́п'ут'; ка́п'иш, ка́п'ит', ка́п'ут'.

В заключение отметим личные формы глаголов ис'т', дат': паје́м, паје́ш (пайш), пайс'т', ис'т', јад'и́м, јад'и́т'а, јад'а́т', пъјад'а́т'; да́м, да́ш, да́с'т', пада́с'т', дад'и́м, дад'и́т'а, даду́т'.

§ 32. Возвратная частица произносится с мягкой *с'*. Эта частица представлена в говоре в трех вариантах: с', с'а и с'и, причем в разграничении употребления этих вариантов нет полной четкости. Частица с' употребляется после гласных: уб'ару́с', сад'у́с', н'и ɣл'ад'у́с', атпро́с'ус', ко́рм'ус', нъпасу́с', с'м'аjу́с', дар'у́с', н'и надышус'; уб'ер'е́т'ис', н'инъпас'е́т'ис', с'м'ијет'ис'; вз'ала́с', итървала́с', нън'ала́с', н'и пр'ишло́с', ръс'в'ало́с', баје́л'ис', зъп'ар'л'и́с', ръс'ал'и́л'ис', сад'и́с', уɣъман'и́с'. В том же положении — преимущественно, кажется, в конце фразы или части фразы перед паузой — может употребляться частица с'а: уб'ару́с'а, тр'асу́с'а, бају́с'а, нъпасу́с'а, праснý с'а, пъв'ис'ал'у́с'а, ко́р'м'ус'а, пъв'ис'ал'и́т'ис'а, с'м'ио́т'ис'а;

нън'алáс'а събралáс'а; зъγар'élъс'а, пъжан'йл'ис'а, пъкат'йл'ис'а; сад'йт'ис'а.

После согласных (кроме формы 3-го л. и инфинитива) употребляется -си: уб'ер'émс'и, н'а хóт'имс'и, баймс'и, кóр'м'имс'и, пушáимс'и, нъс'м'ијóмс'и; пъкат'йлс'и, ръс'м'ајáлс'и, пандрáв'илс'и, γуман'йлс'и, жан'йлс'и, н'и б'ашáлс'и, дъждалс'й, дралс'й, нън'алс'й, рвалс'й, н'и далс'й, зън'алс'й, ставáјс'и, събирáјс'и, н'и давáјс'и; во 2-м л. ед. ч. возвратных глаголов на стыке личного окончания и возвратной частицы на месте сочетания фонем *шс'* произносится двойная мягкая согласная *с̄'*: ср. б'ер'éш — б'ер'éс̄'и, таскáиш — н'и нътаскаис̄'и, дýиш — дýис̄'и, ибажγ'éш — иоажγéс̄'и; байс̄'и, н'и нъпас'éс̄'и, зъс'т'еγн'éс̄'и, н'и скарóн'ис'и, капáис и, пирáкст'йс̄'и, д'ир'éс̄'и, дъжыдаис̄'и, с'м'ијéс̄'и, дар'йс̄'и, нъкр'ицйс̄'и, н'а вы́р'в'ис̄'и, икунáис̄'и, кóр'м'ис̄'и, тр'иᵉс'éс̄'и.

Однако в форме 3-го л. глагола и инфинитива после согласных *т'* или *ц* обычно употребляется частица с'а. В этих категориях на стыке морфем вместо сочетания *т'с'* или *ц'с'* употребляется аффриката с долгим затвором: ср. уб'ер'ét' — уб'ер'éт̄ца[1], зъв'ед'ét' — зъв'ед'éц̄а, ибажγ'ét' — ибажγ'éтца, падáс'т' — падáс'ца, зъв'ед'étца, прасн'éц̄а, истајóц̄а, см'ејétца (или с'м'ијótца), кóр'м'иц̄а, дар'йц̄а (3-е л. ед. ч.); уб'аруγ̄а, н'и брăн'áц̄а, сад'áц̄а, съб'ират' — съб'ирац̄а, прас'йц̄а, тал'йц̄а, ипъхм'ал'áц̄а, с'м'ајáц̄а, сад'йц̄а, стр'йц — стр'йц̄а.

Впрочем в тех же формах может употребляться и частица с'и: н'а жéн'уц̄ы, съб'ираjуц̄ы, ид'ал'аиц̄ы, кóр'м'уц̄ы, ставájуц̄ы. Немягкость *ц* в этих формах, надо полагать, объясняется немягкостью фонемы *ц* (ее полумягкостью или твердостью) в говоре.

§ 33. Формы повелительного наклонения образуются в общем так же, как и в литературном языке. Множественное число образуется путем прибавления к форме единственного числа частицы т'а: съб'ар'й, пр'ин'ас'й, прив'аз'й, пъγл'ад'й, н'а јéз'д'и, с'ó т'ар'п'й, исп'ак'й, с'ак'й, з'б'ър'аγ'й, пъпл'ашы, н'и руγáј,

[1] Зубная аффриката с долгим затвором в записях обозначена сочетанием *тц* или буквой *ц* с знаком долготы — *ц̄*.

уб'аγái̯, н'а здóр'; н'и руγái̯т'а, сымái̯т'а, давái̯т'а, пъγвар'ит'а, з'б'ър'аγ'ит'а, пъвълак'ит'а, н'а здóр'т'а. Особо можно отметить формы повелительного наклонения jéхаi̯, н'а трóш, γл'ет'(= глядь); возможно, что последняя форма употребительна только в аллегровой речи.

§ 34. Инфинитив кончается на *т'* или *ц*: хад'ит', прас'ит', куп'ит', знат', брат', ткат', идл'ават, стр'ал'ат', м'ан'ат' и т. д.; п'ец, б'ер'ец, запр'ец, ст'ер'ец, помóц, жец, абжéц, лéц, б'ец. Инфинитив на *-т'и*, кажется, говору не свойствен; об этом свидетельствуют такие примеры, как пр'ес'т' (=прясть), вес'т' (=вести) и производные — пр'ив'ес'т', ув'ес'т', из'в'ес'т'; в'ес'т' (=везти) и производные ув'ес'т', нав'ес'т', ат'в'ес'т'; γр'ес'т' (аны γр'ес'т' тъ н'и γр'абут'), пл'ест', рос'т'.

Инфинитив от „иду" имеет на конце вторичное *т'*: ит'ит', вы̯i̯т'ит', взаi̯т'ит', уi̯т'ит', заi̯т'ит'.

§ 35. От глагола б'ец, б'аγý, б'еγ'éш („а ja в'ът' б'ец събралáс'") прошедш. время — б'éх, уб'éх, пъб'аγлá, нъб'аγл'и̯, пъб'аγл'и̯', ръзб'аγл'ис'. Постоянно употребляется прошедш. время утóп, утóпла, патóпла. От глаголов на безударное *-ит'* форма прошедш. времени имеет в ед. ч. муж. рода *'ал*: вы̯л'т' — вы̯л'ал (но: вы̯л'ила, вы̯л'ил'и); п'ит' — н'é п'ал, вы̯п'ал (но: н'и п'илá, н'é п'ил'и), брóс'ит' — брóс'ал, падбрóс'ал, къраул'ит' — к'раул'ал, папóр'т'ал, с'м'ét'ал, вы̯стъв'ал, из'jéз'д'ал.

§ 36. В ряде глагольных образований имеет место обобщение одной из глагольных основ в результате взаимодействия между основами настоящего времени и основой инфинитива (=прошедшего времени): с'ал на лафку, с'ála[1] — по образцу с'аду; л'ах, л'аγ бы[a], л'ац (инфинитив) — видимо, по образцу л'áжу. От глаголов давáт', идавáт', фставáт', иставáī̯а, сл'édъвът', бáлъвъī̯а, пъласкáт' формы настоящего времени имеют ту же основу, что и инфинитив с прибавлением i̯(j): н'и давái̯ут', идавái̯ут', давáиш, дóцир' идавái̯у зáмъш, фставái̯ут', ставáим, иставáиī̯а, как сл'édъвъит', пъпъласкái̯ут', чтоi̯ тъ ты бáлъвъис'и.

[1] Форма мн. ч. с'él'и непоказательна ввиду того, что вместо *а* между мягкими согласными в говоре произносится *е* (ср. вз'ет', в'ет',γр'ес').

Та же основа сохраняется в повелительном наклонении во всех приведенных случаях, в том числе в последнем: не только дава́ i, ставá i с'и и др., но и сл'éдъвъ i за мнó i а; н'а бáлъвъ i с'и. Таким образом, ӣдава́т', ӣдава́ i у и другие этого рода случаи образованы по образцу зна́т' — зна́ i у, пас'м'ét' — пас'м'é i у и др. Так же образуются личные формы от глагола п'ет', зап'ет' — п'аj ý, зъп'аj ý, зъп'éj éш, зъп'ej ét'.

В двух случаях отмечены формы инфинитива или прошедшего времени на *-ит'*, *-ил'и* вместо *-ет'*, *-ел'и*: акрух ста́л'и с'ид'и́т', пъсматр'и́л'и. Полагаю, что и здесь имеем дело с морфологическим явлением: воздействием основы настоящего времени.[1]

§ 37. Отмечено небольшое количество глагольных образований со значением многократности: и́γръвъл'и, кр'и́цивъла; муж б'ива́л jajó мнóγа; сус'ét бал'él н'амнóжка, пр'иба́л'ивъл. Парным образованием со значением многократности, длительности к глаголу куп'ил является купл'а́л, купл'а́л'а, купл'а́ i ут'. Отмечу аналогичное образование: н'идъл'убл'а́ i у. Здесь могут быть упомянуты формы: высáввыит'; упада́ i ут'; выпала́скъвът', п'ър'аи́ахъвът', атп'и́хъват', пат̄а́лкъват', нат'а́γъват'.

§ 38. В употреблении вариантов приставок с — со, от — ото, об — обо, под — подо с формами „шол, шла, шли" наблюдается та же закономерность, что и в употреблении тех же вариантов приставок перед другими глаголами: перед сочетанием согласных употребляются варианты со, во, ото, обо, подо, а перед одной согласной — с, в, от, об, под. Таким образом, в описываемом говоре в отношении наличия или отсутствия *о* в конце приставки имеются не только такие формы, как ибашj ý т' — апшы́л'и, итаб'j éш — адб'и́л'и, ибапj éс̄'и, атп'é i , сапj óш — с'п'илс'и́ и т. д., но также и сашла́, сашл'и́ — ш̄ол (= сшол:

[1] Звук *и* вм. *ѣ* под ударением между мягкими согласными говору известен в совершенно единичных случаях — главным образом в глаголе i ис'т' (ана фс'о́ i ис'т'). Поэтому едва ли в приведенных примерах можно видеть замену *ѣ*. Можно вспомнить также, что глагол „посмотреть, посмотрел" с *и* известен и многим старинным памятникам, вообще не знающим употребления буквы *и* вместо *ѣ*.

с ума́ ш̄о́л), вашла́, вашл'и́ — фшо́л; иташла́, иташл'и́ — атшо́л, ибашла́, ибашл'и́ — апшо́л, пъдашла́ — патшо́л.

§ 39. Причастий действительных в говоре нет, если не считать нескольких заимствованных слов на ш̄аі — книжного происхождения и в литературном языке (зав'е́душ̄аі, нъстаја́ш̄аі) и не имеющих обычно значения причастия. Напротив, причастия страдательные (прош. вр.) часто встречаются в описываемом говоре. Можно отметить, что не только краткие формы страдательных причастий, но часто и полные их формы употребляются в функции сказуемого (см. в примерах). Для образования этих причастий характерно расширение употребления суффикса *-т-* за счет *-н-* (или иногда *-ен-*): хвасты́ зъмара́ты н'е бы́л'и, зъмара́тъі хфа́ртук (употребляется также зама́ръны); аны́ н'и паі̯ма́ты, т'ел'е́ɣа тъ ръзлама́тъіа, паі̯ма́тъі был; ɣлаза́ был'и зъв'аза́тыіа (отмечено также св'а́зънъі чуло́к), мълако́ тъ пр'ипуш̄а́тъіа, у́ха итарва́тъіа; тр'апа́тъіа бу́д'ит'; в'е́тръм пъвал'а́тъі (лес), итм'ан'и́тъіа (= отмененная); ад'и́н пара́н'ьтаі̯. Нельзя не заметить, что с распространением суффикса *-т-* за счет *-н-* (или *-ен-*) связан перенос места ударения на гласную перед *-т-*. Ср., например, зъмара́ты и зама́ръны; только в последнем из приведенных примеров ударение не падает на гласный перед *-т-* (пара́н'ьтаі̯).

В примере ɣар'е́тъіа м'е́ста причастие не имеет страдательного значения. Напротив, в примере но́н'ца т'ел'е́ɣа ръзлама́фшъіа причастие не имеет действительного значения. Причастие ръзлама́фшъіа, видимо, заимствовано из литературного языка и заменило свойственную говору форму ръзлама́тъіа. Имеется и еще несколько примеров такого рода: ушла ад'е́фшъіа, абу́фшъіа, разу́фшъіа (употребительны также формы од'е́тъіа, обу́тъіа, разу́тъіа). И здесь также неразличение действительного и страдательного значения, возможно, связано с взаимодействием диалектных форм с формами литературного языка.

Часто употребляются от глаголов на *-ит'* страдательные причастия прошедш. времени с суффиксом *-е́н-*: ръзв'ид'е́наі̯, распл'ит'е́на (средн. и жен. рода), наɣа́ пръстр'ил'е́на, была́ с'е́на свал'о́на (а также свал'е́на), ид'ел'е́наі̯, пъс'т'ел'е́на, п'ерсал'е́на,

п'еце́ным. В некоторых случаях перед суффиксом -е́н- отмечено отсутствие чередования согласных: зъγрад'е́на, зъγ̆рад'е́на[1] (записано также: зъγъраже́ны, зъγаро́жъна); с'е́нъм бы́л'и затрус'е́ны. Наряду с этим паcóжънъ, навóжънъi̯ъ з'амл'а́.

Деепричастия, как таковые, в говоре отсутствуют. Известны, впрочем, случаи: н'а i̯е́мшы, н'а жра́фшы.

§ 40. Из особенностей ударения, кроме указанных выше при описании глагольных форм, можно отметить: итс'акл'и́, с'акл'и́; н'е́ дъл'и, н'е́ спал, н'е́ вз'ъл'и, н'е́ п'ал, н'е́ бал (= не был); н'а пу́с'т'ил'и (но также итпу́с'т'и́л'и), в'ес' искало́т.

§ 41. Отмечу в заключение следующие лексические особенности глаголов: ч'ер'е́път', н'и ц'ер'е́пъим; слу́хът', слу́хъит'; надъ пъс'п'ахат'; стрыγа́т' (= стругать), испужа́лас', пир'адра́ж-н'ивъит', м'ен'е н'и пуша́ит', атпӯша́т', атпушаит'.

Имя существительное

§ 42. Категория среднего рода у существительных находится в процессе разрушения. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что согласуемые формы (прошедш. врем. глагола и прилагательные), определяя существительные сред. рода в им. и вин. пад. ед. ч., согласуются с ними как с существительными жен. рода, т. е. имеют окончания жен. рода:

1) Существительное в им. пад. ед. ч. с безударным окончанием: кака̯а тъ бало́тъ; фс'а во̯и́ска; кака̯а с'е́м'а, рукаво́цтва, плаха̯а, зд'ро́в'i̯а плаха̯а; пъм'е̄ше́н'i̯а бал'ша̯а; адна́ правл'е́н'i̯а; п'ита́н'i̯а плаха̯а; фс'а с'ем'е́i̯ства; кака̯а там зъв'ид'е́н'i̯а jес'т'; кака̯а вр'е́м'а была́; кака̯а пашла́ с'м'ет'е́н'i̯а, страjéн'i̯а была́ бал'ша̯а; вр'е́м'а н'и пр'ишла́; м'а́са была́ д'еше́въi̯а; п'и́ва л'ила́с' р'ако́i̯у.

2) Существительное в им. п. ед. ч. с ударенным окончанием: бал'ша̯а с'ало́; зълата̯а дно́; пъшано́ была́; пис'мо́ пр'ишла́, в'ино́ л'ила́с'.

---

[1] Ср. единичный случай в отглагольном существительном ипхад'е́н'i̯а н'е́т.

3) Существительное в вин. п. ед. ч. с безударным окончанием: фс'у л'ётъ там жывýт'; за фс'ý л'éта; фс'ý пóл'а ибл'ат'ит'; в адну́ м'éста свáл'ивът'; фс'ý с'еме'іства; какýіа мы́ла; ва фс'ý пóл'а, свайý пр'éд'ива.

В ряде случаев не только согласуемое слово ставится в жен. роде, но и само согласующееся слово с безударным окончанием также приобретает окончание жен. рода: нъ какýіъ из'д'ел'иіу; в бал'шýіъ с'ем'éіству; фс'у им'ён'иіу; на э́ту м'éста. Такие формы отмечены и при отсутствии согласующегося слова: ты с'éну там свал'йла? м'ácу н'и сматр'ел'и? ф стáду тъ γан'ат'; кад'йлу; на м'éсту пр'ишл'й; нъ вар'ён'іу, ф прóсу зашл'й.

4) Существительные в вин. п. ед. ч. с ударенным окончанием: фс'ý л'ицó; в дрyγýіъ с'алó паід'ём.

Судя по тому, что процесс разрушения средн. рода наиболее глубоко пошел у существительных средн. рода с безударными окончаниями (ср. у них образование вин. пад. по жен. роду), можно предположить, что именно с этой категории существительных он и начался.

Об известном затемнении грамматического значения рода свидетельствуют и такие факты, как: ана ны́н'ца корм плахóі; тýт смал'énск и зъγар'élъс'а фс'á. Или примеры из диалогов: д'ел'ут' jajó (форма jajó имеет в виду хлеб); н'и адну́ н'и сн'ес'ét' ф кур'áтн'ик'и (форма н'и адну́ имеет в виду яйцо).

§ 43. В говоре резко выделяются два основных типа склонения существительных в ед. ч., соответствующие различению родов — мужского и женского. К мужскому склонению относятся существительные муж. рода без окончания в им. пад. ед. ч. (стóл, нóш, м'ед'в'ét') и существительные средн. рода, которые имеют окончание *о* под ударением или его безударный вариант *а* (ъ): с'алó, л'ицó, дупл'ó; д'éла, слóва, пóл'а, с'ém'а.[1]

К женскому склонению относятся существительные жен. рода. Последние в им. пад. ед. ч. имеют окончание *-а* (жанá, карóва, з'амл'á, д'ир'éвн'а) или состоят из одной основы без-

[1] С ограничениями, указанными в предыдущем параграфе.

окончания (кос'т', рош, р'ес', мат' или ма́тър', марко́w'). К этому склонению относится и немногочисленная группа слов на *-а* муж. рода со значением лица мужского пола (ста́ръста, суд'ја́, слуɣа́, с'ирата́).

§ 44. Мужское склонение имеет следующие окончания: им. пад. без окончания; в средн. роде *-о* (без ударения — *-а*). Род. пад. — *-а* (без ударения — *-а* или *-ъ*) или *-у*. Дат. пад. — *-у*. Вин. — как им. или род. пад. Тв. пад. — *-ом* (без ударения — *-ам*, *-ъм*). Предл. пад. — *-е* (без ударения — *-и*) или *-у*.

Примеры:

Им. пад.: ко́лъкал, пътало́к, ат'е́ц, му́ш, кама́р', д'ан'о́к, до́хтър'; пъшано́, дупл'о и др.

Дат. пад.: г жын'ихý, по́ пъл'у, к сталу́, к му́жу, к м'ид'в'ад'у́, д'ан'к'у́.

Тв. пад.: жын'ихо́м, зъ стало́м, зъ пъшано́м, м'ид'в'ад'о́м, аɣн'о́м, му́жам, крауɫ'ит' сто́ръжам, ко́н'ухам, с аб'је̄шыкъм, с па́р'ьн'ъм.

В род. пад. ед. ч. возможно, как и в литературном языке, двоякое окончание — *-а* и -у. Однако окончание *-у* в говоре распространено значительно шире, чем в литературном языке, и функционально менее дифференцировано. Примеры род. пад. на *-у*: иза л'ну́, де́хт'у н'и было́, л'анку́ бъ[а] н'амно́шка, афсу́ су́с'ёкъ два бы́лъ насы́пънъ, н'ет ураж а́ју, тъбаку́ н'е бы́лъ, до́ ɣъду пашла́, ат пр'и́зъву, до́ с'в'иту, калхо́зу, не́т с'ц'ас та́м ника́ковъ заво́ду, с пако́су, с пажа́ру, ит пажа́ру, ит маро́зу, с фро́нту врат'и́лс'и, у кало́д'из'у, с лу́ɣу, с то́рху, ис пл'е́ну, ис с'ел'сав'е́ту, м'и́мъ до́му; б'из аɣн'у́, н'и днаво́ да̄жу́, до́̄жу тъ в'ит' н'е́т (отмечено также б'аз до́̄жа), дъ̄жацку́ н'е́т (от дъ̄жацо́к) сну́ н'е́т, дъ кан'цу́, дъ в'ан'цу́.

Отмечены единичные случаи с окончанием *-у* от слов муж. рода, обозначающих живые существа (ат му́жу, маво му́жу с'астру́ кран'и́л'и), а также от слов средн. рода (с'о б'аз д'е́лу с'ид'и́м), которые вообще имеют в род. пад. ед. ч. окончание *-а*.

Предл. пад. ед. ч. мужского склонения также имеет двоякое окончание: *-е* и *-у*.

Окончанию *-е* ударенному (нъ стал'е́, ф канце́) в безударном слоге соответствует *-и*, которое является вариантом фонемы *е* в заударном конечном открытом слоге: нъ ст'акл'а́нъм завó д'и, нъ пакóс'и, в ынóм бара́к'и, на с'в'ét'и, ф т'ал'а́т'н'ик'и, в рóт'и (=во рту), в анба́р'и, нъ база́р'и, была́ в дом о́ддых'и, в л'ен'инъм γра́д'и, на днóм м'éс'т'и, жыв'éм в балóт'и, ф пóл'и (м'аст'а́м'и праса́ хърашы́ ф пóл'и).

Окончание *-у* в предл. пад. так же, как и *-у* в род. пад., употребляется в говоре шире, чем в литературном языке: оно известно не только под ударением, но и без ударения, и притом в ряде случаев у слов, обозначающих одушевленные предметы.

Примеры: нъ тархý, в л'асý, нъ в'архý, ф с'н'аγý, ф пл'анý, на л'дý, нъ дамý, нъ γлазý, нъ дубý, ф къласý, нъ пъjаздý, ф кл'авý л'ажа́л'и, ф стъканý, в барý, ф кам'ьнъм дамý, нъ сталбý, нъ махý.

Безударное *-у* отмечено в примере — ф калóд'из'у.[1]

Окончание *-у* у слов, обозначающих одушевленные предметы, отмечено в следующих случаях: пр'и пам'éшыку, на сы́ну, а па́р'ин'у тъ н'и падýмъл, при атцý, нъ жън'ихý.

Следует отметить, что к мужскому склонению относится слово пут': род. пад. — пут'а́ (н'éт таи́е пут'а́), дат. пад. — па э́тъму пут'ý; тв. пад. — пут'óм; предл. пад. — нъ пут'é. Впрочем в одной из записей оказалась форма дат. пад. по женскому склонению: па пут'é.

К данному типу склонения относятся также слова на *-м'а*: из с'ém'a дéлъjут', н'ет канóпнъва с'ém'a, нет и́м'а, óкълъ вы́м'а; ка вр'ém'у, к вы́м'у, к ы́м'у; т'ýр'у с с'ém'ам з'д'élъл'и; при ста́ръм вр'ém'и; в с'ém'и сóру мнóγа.

Слова тъварóх, сърахфа́н, стака́н, мед'в'ét' во всех падежах имеют ударение на окончании: тъвраγа́, тъвраγý, с тъвраγóм и т. д.; сърхфана́, ф сърхфан'é, сърхфанóм; стъкана́, стъканý, за стъканóм; м'ьд'в'ад'а́, м'ьд'в'ад'ý, м'ьд'в'ад'óм, нъ м'ьд'в'ид'é.

[1] В записях студентов отмечено два случая окончания *-у* в словах средн. рода: ф с'и́н'ьм мóр'у, в адно́м м'éсту, — но за достоверность их не могу поручиться.

Слова камар' и дóхтър' имеют в конце основы мягкое *р*, склоняясь, таким образом, по мягкой разновидности склонения: къмар'á мнóγа, къмар'ý, къмар'óм; у дóхтър'а, γ дóхтър'у, з дóхтър'ам. К мягкой разновидности относится также слово калóд'ис' — х калóд'из'у, зъ калóд'из'ам, ф калóд'из'и.

§ 45. Женское склонение имеет: в им. пад. окончание *-а* (без ударения *-а* или *-ъ*) или без окончания с основой на мягкую парную согласную или шипящую; в род., дат. и предл. пад. — окончание *-е* (без ударения — вариант фонемы *-е* в заударном открытом слоге — *-и*); в вин. пад. — окончание *-у* или без окончания с основой на мягкую парную согласную или шипящую; в тв. пад. — окончание оi̯, имеющее варианты с гласной после i̯ — *-oi̯y* или *-oi̯a* (без ударения — *-ai̯*, *-ai̯y* или *-ъi̯*). Примеры:

Им. пад.: жена́, работа́, б'ер'éза, карóва, н'ид'éл'а, с'ам'já, д'ир'éвн'а и многие др.; жы́з'н'а, пас'т'éл'а, бал'éз'н'а; кóс'т', сóл', р'éс', лóшът', крów', рóш, нóц и др.

Род. пад.: под ударением — у снах'é, ис пад этъi̯ наγ'é, из мук'é, с рек'é хад'йла, у р'ек'é, окълъ р'ек'é, б'ез рук'é, ид жын'é, с Маск'в'é, у с'естр'é, ит с'естр'é, у хам'é (= Фомы) н'е былá, с самаi̯ с в'аi̯н'é; пускаi̯ м'ин'é дъ з'им'é жы́зн'и; у б'иднат'é, окълъ сасн'é, из з'емл'é, с ыл'jé праро́ка, у пъпад'jé; у радн'é у майói̯, ат с'в'ин'jé;

Без ударения: карóв'и н'и былó, с адноi̯ карóв'и, карóв'и нет и лóшъд'и н'ет, из адноi̯ из ас'йни; и атцá итарвý ит работ'и, с работ'и, дл'и работ'и, ат слýжб'и, да слýжб'и, у (áб'и иташлá из мóд'и, нáша скат'йна пъγ'ибáит' ат н'ýд'и, ит прастýд'и, ит зарáз'и, у дóмн'и, у съмаjó у л'йз'и, прóт'и свajói̯ усáд'б'и, са фс'оi̯ усáд'б'и, с салóм'и, ат шкóл'и н'и дал'éка, ис кл'ýкв'и, з дасáд'и, у скат'йн'и, из вéр'и вы́шла, ат х'йн'и; мáт'ир'и н'и былó, б'ас сóл'и.

При числительных д'в'е, тр'и отмечены формы на *-ы:* в'арсты́ тр'й, д'в'е карóвы.

Дат. пад.: под ударением — пъ γлав'é, к жен'é, к р'ек'é, дал'и б'ъднат'é, к с'естр'é, к радн'é, к с'в'ин'jé, пъ ш̄ек'é, к наγé и т. д.;

без ударения — г бáб'и, к машы́н'и, г дарóγ'и, γрáмът'и ýч'иц̄а, н'и пъ твajói̯ с'йл'и, к работ'и, пъ свajói̯ ахóт'и, дал л'йск'и

(=Лизке), па кру́шк'и (=по кружке), пъ д'ир'е́вн'и, х па́шн'и, к аб'е́дн'и; к но́ци, к со́л'и.

Предл. пад.: под ударением — нъ Масква р'ек'е́, а пчал'е́, нъ даск'е́, ф смал'е́, нъ с'т'ен'е́, в γълав'е́, на стᵇран'е́, ф с'емје́, в радн'е́, нъ лъшад'е́, ва ржé, в γр'ез'е́, нъ цеп'е́ саба́ка, ф крав'е́, ф пыл'е́;

без ударения — ф кар'е́т'и, ф ста́д'и, ф шату́р'и, ф тоi̯ шко́л'и, в на́шаi̯ бр'аγа́д'и, нахо́т'и (=на охоте), в јам'и, нъ машы́н'и, на ха́бр'ик'и, нъ мълат'и́лк'и, ф старо́шк'и, на т'е́шы, в ро́шы, нъ пас'т'е́л'и, ап со́л'и, в л'убо́в'и, ста́ръс'т'и, пр'и жыз'н'и.

Вин. пад.: жану́, с'астру́, б'ер'е́зу, карóву, рабóту, шапу́, н'ид'е́л'у, к н'аму́ нъ памóγу, в'атлу́, д'ер'е́вн'у, пас'т е́л'у, жы́з'н'у, бал'е́з'н'у; кос'т', сол', krow'. Отмечу некоторые особенности ударения в форме вин. пад. на *-у*. От с'ам'ја вин. пад. на с'е́м'ју, нъ сваjу́ с'е́м'ју и нъ с'ам ју́; от р'ака́ — на́ р'ъку и нъ р'аку́, от вада́ — вóду (вóду п'ил) и ваду́ (γус'а́м на́дъ ваду́), от з'амл'а́ — з'е́мл'у и з'амл'у́, от изба́ — и́збу (јаму́ тут и́збу куп'и́л'и) и избу́; скара́ (=кора дерева), скар'е́, скарói̯, но скóру дра́т'; смала́, ф смал'е́, но смóлу γо́н'ут'; саха́, ит сах'е́, но как со́ху н'и слама́т'; от γълава́ — γълаву́ хърашó уб'ира́ла. Другие примеры: траву́, казу́, даску́, дал руку́.

Твор. пад.: под ударением — зъ р'акói̯, с с'астрói̯, наγói̯, п'илói̯, афцói̯; зъ мукóiу, з γр'аз'óiу, рукóiу, мукóiу, сахóiу; в'аснóiа, иду́ с вадóiа;

без ударения: пъд б'ер'е́заi̯, зъ карóваi̯, вас'к'ьi̯ звáл'и — вас'и́л'iам, за ро́шаi̯, зъ царн'и́каi̯, з'д'е́фкаi̯, зъ пасу́даi̯, с ыγóлкаi̯ и н'и́ткаi̯, за кры́шаi̯, за це́ркваi̯, с у́тъцк'аi̯, ру́цк'аi̯, а также руцк'ьi̯; с пы́л'аi̯, с маркóв'ьi̯, за со́л'аi̯, за ро́жаi̯ (=за рожью), с кровái̯ (=с кровью), по́лнаi̯ γо́рс'т'аi̯, жы́зн'аi̯, с ц'е́т'в'ьр'т'аi̯ (с четвертью), э́тай ноц'аi. Встречаются также старые формы на *-jу*: нацjу́, ис'ан'jу́, но, кажется, только в наречном значении: ис'ан'jу́ бы́лъ д'е́ла; нацjу́ хад'и́л'и.

К женскому склонению относятся существительные с суффиксом *-ушк-*, производные от слов муж. рода: хлéбушка, дéдушка, мал'ц'и́шка. Ср. хто́ пада́с'т' хл'е́бъшку, с хлéбушкаi̯, хлéбушк'и мала; в'и́д'ал мал'ци́шку, с мал'ц'и́шкаi̯, мал'ц'и́шк'и цет'в'ér-

таi̯ γадо́к; з д'е́душкаi̯. Форма тв. пад. по женскому склонению отмечена от слова со́лнушка: со́лнушкаi̯. К этому же склонению, возможно, примыкают некоторые слова с суффиксом -*ишь*-трав'и́ша, γр'аз'и́ша, кака́i̯а γр'аз'и́ша, каку́i̯а γр'аз'и́шу, крав'и́ша рост'акла́с', крав'и́шу, крав'и́шаi̯. Неясно, к какому склонению относится муравл'и́ша; записана только форма предл. пад.: нъ муравл'и́шы. Судя по форме с i̯аицкаi̯, можно предположить, что к женскому склонению относится слово i̯аицка.

Формы „мать" и „дочь" редко употребляются, в описываемом говоре им соответствуют — в им. пад. формы мат'ьр', до́ц'ьр': как пр'ид'е́т' ма́т'ир', адна́ до́цир'. Косвенные падежи: род. — ма́т'ир'и н'и было́, у до́ц'ьр'и; дат. — к ма́т'ьр'и, γ до́цир'и; вин. — атцо́ву ма́т'ир' пр'ив'ал и́; ма́т'ьр' ину́i̯а да́i̯ i̯аму́, ма́т'ьр' в'и́д'ила, мат'ьр' пр'изва́л'и раднýi̯а; да до́цыр' оды̆л'и, до́цир' идава́т' за́мъш надýмъли', до́ц'ьр' мъладýi̯а схъран'и́ла; в вин. пад. употребляется также форма на -*y*: ма́т'ьр'у вад'и́ла, до́ц'ьр'у н'а в'и́д'ила; тв. пад. — паслáл'и за ма́т'ьр'аi̯, з до́ц'ьр'ы̆i̯. Рядом с этими формами имеется ма́т'ьр'i̯у, до́ц'ьр'i̯у.

Следует отметить широко употребительную форму им. пад. с'в'акры́, рядом с которой имеется, правда, и новообразование с'в'акро́ва. Косвенные падежи: род., дат. и предл. — с'в'акро́в'и (у с'в'акро́в'и, к с'в'акро́в'и, при с'в'акро́в'и); вин. пад.— с'в'акро́ву; тв. пад. — с с'в'акро́ваi̯.

Слово „буря" имеет ударение на окончании: бур'а́.

Из приведенного материала видно, что двум типам склонения существительных женского рода (типа жена, земля и кость), соответствующих старым основам на -*a* и на -*i*, в говоре соответствует один тип, имеющий общие окончания в большей части падежей и лишь сохранивший некоторые остатки различения старых форм. Слова, относящиеся к указанным старым двум типам склонения, в род., дат. и предл. пад. ед. ч. имеют общее окончание-*е* (без ударения -*и*). В тв. пад. также имеется общее окончание -*о́i̯* (*о́i̯y*, *о́i̯a*) с соответствующими безударными вариантами. Лишь в качестве реликтов сохранились от отдельных слов формы на -*i̯y* (напр., ма́т'ьр'i̯у при ма́т'ьр'аi̯), притом чаще, кажется, в наречном употреблении (нацjу́,

ис'ан'jý). Наиболее последовательно старое различение двух основных типов женского склонения сохранилось в им. пад., но даже и здесь замечается тенденция к унификации благодаря наличию таких форм, как жы̀з'н'а, бал'éз'н'а, паст'éл'а, сóл'а и др.

§ 46. Определенные группы существительных образуют множественное число от другой основы, отличной от основы ед. числа. Отмечены следующие случаи:

1) Слова на *-éнак*, образующие мн. число с основой на *-áт* вместо *-éнак:* р'аб'áты, ут'áты, ɣалцáты, т'ал'áты, кат'áты и др.

2) Слова на *-áнин* (впрочем, отмечено только два примера), которые образуют мн. число с основой на *-áн* (т. е. без *-ин*): кр'ас'áны, двар'áны.

3) Слова на *-м'а:* им'ана́, с'им'ана́, вр'им'ана́, стр'им'ана́, которые образуют мн. число от основы на *-н* (ср. в ед. ч. — и́м'а, и́м'у, с ы́м'ам и т. д.), кроме слова вы́м'а, имеющего во мн. ч. ту же основу, что и в ед. ч.: вы́м'и (им. пад.), вы́м'аф (род. пад.) и т. д.

4) Многие существительные муж. рода, а также некоторые жен. рода, образующие мн. число с прибавлением суффикса *-j-* к основе мн. числа: жълуд'já, къцат'já, вълас'já, кузав'já, бърав'j á (от бóraw), мужjá, кър'ажjá (от кр'аш), з'ат'já, ɣр'иб'ан'j á (от ɣр'éб'ин'; наряду с ɣр'иб'ан'á); зýб'ји, карма́н'ји, стрýб'ји, халáт'ји; так же образуется мн. числа от д'ад'а: д'ад'já. От слов жен. рода: мът'ар'já (наряду с мът'ар'á); вы́шън'ји, ш̄ет'и́н'ји. Также с j образуется мн. число от дрýх, с заменой необычного для говора морфологического чередования ɣ || *з* обычным чередованием ɣ || *ж*: дружjá, проведенным и по другим падежам: дружjáм, дружjáми, дружjáх (род. пад. мн. ч. не оказалось в наших записях). Слово „сын", как и в литературном языке, образует мн. число от основы, отличающейся от основы ед. числа прибавлением *-авj-:* сы̆нав'ја.

Слово х'аз'áин образует мн. число от основы х'аз'áв: х'аз'-áвы (говорят также хаз'áвы).

Существительные разных родов во мн. числе имеют общие окончания.

В им. пад. под ударением употребительны окончания *-а* и *-и* (*-ы*). При этом в словах средн. рода под ударением употребляется всегда окончание *-а*. Слова жен. рода редко имеют ударенное окончание в им. пад. мн. ч. — при *-и* (*-ы*) в них отмечено также *-а*. В словах же муж. рода употребительно как окончание *-и* (*-ы*), так и *-а*, причем последнее распространено в говоре значительно шире, чем в литературном языке.

Средн. род: из'ара́, д'ьр'ава́ или др'ава́ (мн. ч. от д'ёр'ива), праса́, с'ана́, д'ала́, кружава́, им'ана́, с'имана́, вр'им'ана́, бълата́ (употребляется также форма бало́ты), сюда же примыкает форма врата́, не имеющая соответствия в ед. числе.

Жен. род: ка́м'ьныи и́збы, жаравл'и́, церква́, раша́ (мн. ч. от роша), д'ьр'авн'а́, мът'ар'а́ (или: мът'ар'ја́), дъцар'а́, нав'а́ (мн. ч. от how').

Муж. род: ир'ах'и́, б'ир'ук'и́, п'ан'к'и́, д'ан'к'и́, мужук'и́, иγан'к'и́, дн'и́, пн'и́, пъдалы́, масты́, рты́, иγурцы́. Формы на *-а*: дама́, э́н'т'и γада́, пъјазда́, пъγр'аба́, дъγвара́, кън'уха́, стаγа́, луγа́, стъража́; ирбуза́, пръс'ака́ пръс'ака́л'и (вин. п.), мазγа́, кругá, в'атра́, пуза́ (фс'е́ пуза́ бы́л'и γр'а́зныи), стъкана́, тър'кана́, м'ьс'аца́, дъхтар'а́, γр'иб'ан'а́ (или γриб'ан'ја́). Формы на *-а* после ј (типа къцат'ја́, вълас'ја́) приведены выше.

При ударении на основе в им. пад. употребляется только окончание *-и* (*-ы*).

аγу́р'цик'и, γво́з'д'и, па́р'ин'и, γо́лъб'и, р'аб'а́ты, т'ал'а́ты, кат'а́ты и т. д., двар'а́ны, кр'ас'ја́ны;

шо́к'и, кан'х'е́тк'и, ја́γътк'и, с'е́стры бы́л'и, ба́п'к'и, д'е́въшк'и, каро́вы, ко́пны, ка́пл'и, сно́х'и, кры́шы, γр'а́тк'и, св'акро́вы;

о́кны, в'о́дры, б'е́рны (от б'арно́), бр'е́вны (и бр'о́вны), по́л'ты, кал'о́сы, п'е́тны (от п'атно́), бало́ты (наряду с бълата́), ст'е́клы, ру́жји, зу́б'ји, калхо́зныи сабра́н'ии, так'и́и зъвид'е́н'ии, вы́м'и.

Наиболее распространенным окончанием род. п. мн. ч. является *-ов* (*-оф*); в безударном положении: *-ав* (*-аф*) или *-ъв* (*-ъф*). Это окончание в литературном языке, свойственное существительным муж. рода твердой разновидности, в говоре употребляется значительно шире, захватив некоторые существительные муж. рода мягкой разновидности, и средн. рода, а также широко

распространившись на существительные жен. рода (преимущественно с ударением на основе).

Приведу соответствующий материал:

хл'абóф, дамów, т'алкów, кън'ухóф, ир'ахów, мужукóф, п'ираγóф, γрамów, γрыбów, тр'óх пърсукóф (от прасук — „поросенок"), γадóф, лугóф, пудów, бъγацóф (w); кир'п'ицów, пръдawцów, даж̄óф, дуб'jóф, сынав'jów, къцат'jóф, з'ат'jów, мужjóф, дружjóф, д'ад'jóф, з дуб'jóф, м'ид'в'ад'óф, жълуд'jóф;

ч'ълав'éч'каф, сас'éдъф, хýнтъф, п'ét' брáтъф (при более обычном брáт'jаф), кат'éнкаф, д'éс'ьт' jéхтъраф, м'éс'ьцаф, зáiцаф, б'аз рýжiаф, зýб'iаф;

с'анóф, прасóф, д'алóф, д'ир'авóф, п'йсмоф, с'им'анóф, им'анóф; б'из з'éрнушкаф, з'ернушкаф н'ету, пóл'таф, jéiцаф (-яиц), óкнаф, рýжjаф, зъв'ид'éн'иiаф, сабрáн'иiаф, кýшън'iаф, вым'аф; хар'цów, п'ир'амóкъф (=дождей), драв'йшкаф, п'ар'йлаф, трóiа д'ат'йшкаф, вы́с'ьлкаф, пацсóлнушкаф, jáблъкъф, jáблычкаф;

из н'йткаф, машы́нкаф, картóшкаф, ат шы́шкаф, ав'éцкаф, катéнкаф, кан'х'éткаф, кн'йшкаф, б'из рубáшкаф, избýшкаф, пáлъч'къф, шы́шычкъф, павóскъф, барáнкаф, л'аγýшкаф, с'ирóткаф, з'дéс'а дарóγъф н'éту, дajáркъф, б'ер'éскаф, старýшкаф, р'éчкаф; já^{γ}даф, сóснаф, свáд'баф, афцúнаф, кóмнътъф, с'в'акрóваф, жéн'шынаф, бр'аγáдъф, н'ив'éстъф, рóш̄ъф (при рашá, в рашáх, к рашáм, употребительна также форма рашéi), цéрквъф (при им. мн. ч. церквá), ýл'ицаф, пл'ам'áницъф, кýр'ицаф; бáн'ъф, ис кан'ýшн'аф, мнóγа д'ир'éвн'аф, кáпл'аф бáрышн'аф, мнóγа вы́шън'аф.

Под ударением отмечены совершенно единичные примеры существительных жен. рода с этим окончанием: с э́н'тих р'акóф, д'ър'авн'óф.[1]

Окончание -ei свойственно группе существительных всех родов с основой на мягкие согласные или шипящие:

дъхтар'éi (от дóхтър'), къмар'éi (от камáр'), лъшыд'éi, γълуб'éi, м'ид'в'ед'éi (при более обычной форме — м'ид'в'ад'óф), γваз'д'éi, стъражéi, кърындашéi, мълышéi, даж̄éi (при даж̄óф), вóс'им кър'ен'éi, γус'éi, жаравл'éi, чир'т'éi (от чорт);

[1] Кроме д'ир'éвн'аф и д'ър'авн'óф отмечена также в род. п. мн. ч. форма д'ър'ев'éн (д'ър'ев'óн).

марéi̯, γар'éi̯ (от γóр'а), пал'éi̯, д'ит'éi̯, бур'éi̯ (так'úх бур'éр н'é была), рашéi̯, ц'ис'т'éi̯, лъшыд'éi̯, кас'т'éi̯.

В единичных случаях отмечено окончание *-еi̯* у слов жен. рода твердой разновидности: карт'éi̯ (от карта), пр'ех'éi̯ (от пр'áха).

Учитывая то обстоятельство, что окончание *-оф* под ударением у существительных жен. рода отмечено всего лишь в двух случаях, а также принимая во внимание колебание в образовании род. пад. мн. ч. от некоторых существительных жен. рода, наличие двояких образований: с окончанием *-оф* при ударении на основе (в виде *-аф*, *-ъф*) и с окончанием *-еi̯* при ударении на окончании (рóшъф при рашéi̯, цéрквъф при церквéi̯), можно предположить, что окончание *-оф* (в виде *-аф* или *-ъф*) свойственно существительным жен. рода, главным образом, при ударении на основе, в то время как окончание — éi̯ в род пад. мн. ч. употребляется едва ли не исключительно под ударением.

Нельзя не отметить также исключительную продуктивность окончания *-оф*, которое употребляется при образовании род. пад. мн. ч. от существительных всех родов.

Представлена в говоре также форма род. пад. мн. ч. с нулевым окончанием. Эта форма, будучи устойчива у ряда слов, в том числе нескольких таких, которые в литературном языке имеют окончание, в общем в говоре менее употребительна, чем в литературном языке, будучи вытесняема формами с окончанием, главным образом с окончанием *-ов*. Можно считать форму род. пад. мн. ч. с нулевой флексией непродуктивной в говоре.

Постоянно без окончания употребляются следующие формы род. пад. мн. ч.: кап'éi̯ак, в'éрст, д'éвак, кап'éн, б'ер'éс, рук, нох, д'éн; мнóγъ балóт; р'аб'áт, γус'áт, ут'áт, т'ал'áт, кр'ас'i̯áн, двар'áн.

В ряде других случаев наряду с формой без окончания имеются формы с окончанием *-ов*: ав'éц и óфцаф, кур и кýръф, с'ес'т'éр и с'éстръф, пáшън и пáшн'аф, дóсък

и до́скаф, б'аз зу́п аста́лас' и б'аз зу́б'ьаф;[1] р'иб'ат'и́шак и р'иб'ат'и́шкаф.

Другие примеры с род. пад. без окончания: э́т'их ба́п ja зна́jу; мно́гъ э́т'их к'ин; руба́шкаф нар'е́зъл'и, штан; кружа́ф харо́шых н'е́ту (=кружев). Сюда же относятся формы сем'е́j, с'в'ин'е́j (от с'ам'já, с'в'ин'já), как представляющие собой чистую основу без окончания.

Формы дат. пад. мн. ч. имеют окончание *-ам* (без ударения *-ам* или *-ъм*): дама́м, пъ гърада́м, с'им'ана́м, им'ана́м, ир'ахам, пъ д'ир'ава́м, из'ара́м, дъхтар'а́м, къмар'а́м (от до́хтър', кама́р'), д'ан'к'а́м, п'ан'к'а́м, д'ат'а́м, л'уд'а́м, з'ат'ја́м, мужја́м, къцат'ја́м г дъцар'а́м, мът'ар'ја́м, дружја́м, пъ раша́м; пъ јата́пам, ут'а́тъм, кат'а́тъм, кр'ас'ја́нъм, каро́въм, па зу́б'ьам, ру́жјъм кан'у́шн'ъм, ба́рышн'ам, па ба́н'ам (или па ба́н'ьм); пъ бало́тъм, а также пъ бълата́м, к врата́м.[2]

Формы предл. пад. мн. ч. имеют окончание *-ах* (без ударения *-ах* или *-ъх*): нъ дама́х, в р'ада́х, нъ д'ир'ава́х, в ыз'ара́х, нъ п'ан'к'а́х, къцат'ја́х, мът'ар'а́х, в раша́х; ут'а́тъх, нъ каро́въх, в зу́б'ъх, в ба́н'ах (или в ба́н'ъх), ба́рышн'ах (или ба́рышн'ъх), нъ лъшад'а́х, нъ хват'е́ръх, в'в'ер'е́т'јах (название деревни), нъ иγурца́х, пар'ин'а́х.

Несколько сложнее обстоит с формой тв. пад. мн. ч. Если оставить в стороне реликтовые единичные формы на *-ми* (зъ д'ат'м'и́, з д'ат'м'и́, с лъшад'м'и́ и совершенно одинокую форму вилм'и́, — т. е. вилами, — записанную один раз), учитывая, что рядом имеются формы на *-ами* (з д'ат'а́м'и, зъ лъшад'а́м'и), то можно считать, что тв. пад. мн. ч. свойственны два окончания, в зависимости от ударения: под ударением — *-а́ми*, без ударения — *-им'и* (*-ым'и*).

---

[1] Формы мн. ч. с суффиксом j (зуб'ји, зуб'јаф и пр.) имеют то же значение, что и формы того же слова без этого суффикса: зуб бал'и́т', н'иднаво́ зу́ба, б'аз зу́п; зу́б'ји бал'а́т'.

[2] Судя по тому, что в им. пад. мн. ч. наряду с врата́ отмечена также форма варо́ты, можно предполагать в говоре для дат. пад. мн. ч. также и варо́тъм.

Примеры с ударением на первом слоге окончания: с'арпа́м'и, в'адра́м'и, тарха́м'и зъ драва́м'и, п'ива́м'и, цапа́м'и, кружава́м'и, зыр'аха́м'и, с'ир'е́шк'и с махра́м'и, м'ашка́м'и, наγа́м'и, рука́м'и, зъ раша́м'и, зъ мид'в'ада́м'и, з д'ат'а́м'и, зъ лъшад'а́м'и, къмар'а́м'и, зъдъхтар'а́м'и, д'ив'ар'а́м'и, зъ мужја́м'и; ударенные окончания имеют также слова: с в'адра́ми, пъд въра́там'и, жана́м'и (= с женами).

Безударное окончание, как выше было отмечено, начинается с фонемы *и*: *-им'и* (*-ым'и*).

Распределение вариантов безударного окончания зависит от качества конечной согласной основы: после мягких согласных, *j*, а также *к*, *х* это окончание употребляется в варианте — *-им'и*. То, что под ударением и без ударения здесь выступают разные окончания, особенно ярко обнаруживается у существительных с основой на задненёбные: смягчение *к*, γ, *х* здесь обусловлено положением перед фонемой *и* (см. выше, § 2). После твердых парных согласных, а также после шипящих (твердых в говоре) оно употребляется в варианте *-ыми;* после *ц*, которое неодинаково в индивидуальном произношении (представлены твердые и более мягкие варианты *ц*), употребляется *-ыми* или *-ими*, в зависимости от качества *ц*. Приводимый ниже материал распределен по только что указанным рубрикам.

После мягких согласных и j: с п'ёс'н'им'и, с па́р'ин'им'и, с γармо́н'им'и, па́шн'им'и, с кры́л'јим'и, с ру́жјим'и пру́тј'им'и, анба́р'јим'и, ка́пл'им'и, вы́м'им'и (от вы́м'а).

После *к*, γ, *х:* лы́к'ими, ја́блък'им'и, у́тк'им'и, паду́шк'им'и, с р'аб'а́тк'им'и, с ужа́тк'им'и (от ужа́ты, ужёнак), с р'иб'ат'и́шк'им'и, п'а́тк'им'и (от п'а́тка), з двум'и́ ма́л'ч'ик'им'и, зъ карто́шк'им'и, с ру́ч'к'им'и, з'д'е́ф'к'им'и, кап'е́јк'им'и, уро́к'им'и, д'е́душк'им'и, път тъбар'е́тк'им'и, па́рыч'к'им'и, ш'е́п'к'им'и, иγо́лк'им'и, па́лк'им'и, прас'а́ткими, з д'ат'и́шк'им'и, пу́γич'к'им'и, н'а ку́цк'им'и, шо́тк'им'и, каро́wк'им'и, зъ сухар'ик'им'и, път пр'исту́п'к'им'и; плу́γим'и, з бума́γ'им'и, за д'е́н'γ'им'и (отмечена также форма д'ан'γа́м'и), с падру́γ'им'и, с кн'и́γ'им'и, ро́зγ'им'и; зъ стару́х'им'и, руба́х'им'и.

После твердых парных согласных: за jáγъдым'и, зъ салдáтыми, с'éстрым'и (и с'óстрым'и), зъ т'ал'áтым'и; зъ рабóтым'и, с'в'акрóвым'и, зъ карóвыми, под б'ер'éзъм'и, за óкным'и.

После шипящих: пад кры́шым'и, за γру́шым'и, раγóжым'и.

После *ц*: у́л'ицыми, дар'и́л'и пълат'ён'цим'и.

Можно полагать, что наличие разных окончаний в тв. пад. мн. ч. в зависимости от ударения: *-ами* — с одной стороны, и *-ыми* (*-ими*) — с другой, — имеют в своей основе фонетическое происхождение: дело в том, что после твердой согласной в заударном неконечном слóге перед мягкой согласной в соответствии с ударенным *а*, в результате редукции *а*, звучит в говоре редуцированный звук среднего образования и верхнего подъема, т. е. звук типа *ы*. Этот редуцированный звук (*ы*) отожествляется в говоре с *ы* (*и*), в результате чего окончание существительных отожествляется с окончаниями прилагательных (ср. сы́тыми — р'аб'áтым'и; стáрым'и пáрым'и). Это морфологическое отожествление проведено также после шипящих и мягких согласных, а также после *ц* (ср. с'в'ёжыми — кóжыми, с'и́н'ими — п'éс'н'ими, у́л'ицыми — или у́лиц'ими, кры́л'jим'и). Создавшиеся, таким образом, отношения были распространены затем также на существительные с основами на *к*, *γ*, *х*. Точнее говоря, они подготовили условия, при которых могло осуществиться воздействие форм прилагательных, в результате которого в тв. пад. мн. ч. после *к*, *γ*, *х* явилось окончание *-им'и* с начальным *и*, смягчающим предшествующий заднеёбный звук (ср. т'и́х'им'и — стару́х'им'и, дóлγ'им'и — кн'и́γ'им'и, ру́ск'им'и jáблык'им'и). Таким образом, сы́тым'и: рабóтыми = с'и́н'им'и : п'éс'н'им'и = т'и́х'им'и : х. В этих условиях и явился *х* — стару́х'им'и и т. д.

Имя прилагательное и сравнительная степень

§ 47. Имена прилагательные имеют следующие падежные окончания: в муж. и средн. родах ед. ч. — после твердых согласных — им. пад. м. р. *-оi̯* (без ударения *-аi̯* *-ъi̯*);

ср. р. -о́i̯а (или -о́i̯ъ: без ударения -ъi̯а или -ъi̯ъ); род. п. -о́ва (или -овъ, без ударения -ъва или -ъвъ); дат. пад. -о́му (без ударения -ъму), тв. пад. -ым, предл. пад. -о́м (без ударения -ам или -ъм).

Примеры: мълáдоi̯, γлупói̯, бал'нói̯, търхавói̯ (т. е. торфяной), сл'апói̯, удалói̯; кр'ивói̯; мъладója, γлупói̯ъ, сл'апói̯а, кр'ивоi̯ъ; стáраi̯, дóбраi̯, γарóхваi̯, рад'ймаi̯, б'ир'éзъваj, γр'áзнъi̯, мóкраi̯, дл'ӣнаi, тóнкаi̯, стáр'шаi̯, харóшаi̯; им. п. ед. ч. ср. рода: стáръi̯ъ или стáръi̯а, γр'áзнъi̯а, длúнъi̯ъ; мъладóва, сл'апóва, γлупóва, търхавóвъ, пълахóвъ; харóшъвъ, б'ер'éзввъ, рад'ймъвъ, из ы̆жъскъва (из Ижевского); сл'апóму, бал'нóму, γлупóму; стáръму, γр'áзнъму, харóшъму; с кр'ивы̆м, пр'амы̆м; у́мным, за стáр'шым, б'ир'éзъвым; нъ сл'апóм, в мъладóм, в γр'áзнам, ф стáрам, в γарóхъвам, в мóкръм, в ы̆жъскам (=в Ижевском), в з'ил'énъм.

Прилагательных с ударенными окончаниями после мягких согласных нет; можно указать на единичный случай — сам тр'етéi̯ с ударенным -éi̯ в им. пад. ед. ч. муж. рода, где, строго говоря, нет окончания. Неударенные окончания: им. пад. муж. рода — -аi̯, средн. рода — -и̯а, род. пад. — -ъва (-ьвъ), дат. пад. — -ьму, тв. пад. — -им, предл. пад. — -ам.

Примеры: л'éт͡н'аi̯, м'éл'ин'к'аi̯, пóз'н'аi̯, тóшын'к'аi̯, плох'ьн'к'аi̯, малóд'ьн'к'аi̯, вóстр'ин'к'аi̯, б'éл'ск'аi̯; мáл'ин'к'и̯а с'алó; з'ел'éньн'к'ьва, у крáсньн'к'ьва, из н'и́жн'ьва; мáл'ин'к'ьму, л'éт͡н'ьму малóд'ин'к'ьму; за н'и́жн'им за нóвγъръдам, за бел'с'к'им; в н'и́жн'ам (жыл), в л'éт͡н'ам, ф с'и́н'ам, ф тóн'ин'к'ам.

В жен. роде после твердых согласных — ái̯а (или ái̯ъ; без ударения — ъi̯а или -ъi̯ъ), род., дат. и предл. пад. — -ói̯ (без ударения -аi̯ или -ъi̯), вин. пад. — -ýi̯а (без ударения -ъi̯у или -аi̯у); тв. пад. — -ói̯ (или -оi̯у; без ударения -аi̯ или -аi̯у).

пр'амái̯а, γлупái̯а, сл'апái̯а, бъi̯авái̯ъ бал'нái̯ъ; стáръi̯а, i̯ъздав'и́тъi̯а, γулáвъi̯а, крýпнъi̯ъ, γалóд͡нъi̯ъ; дъ нъжавói̯ дъхад'и́ла, у сл'апói̯ старýх'и, нъ бал'нói̯ старýх'и; нъ бал'шói̯ дарóγ'и; кр'ивýi̯а, сл'апýi̯а, мъладýi̯а, в мъс'т'арскýi̯а, плахýi̯а, какýi̯а, ръжанýi̯а, нъ удалýi̯а; стáръi̯у, крýпнъi̯у, рáзнъi̯у, γалóд͡нъi̯у, мáт'ьр' рад'имъi̯у; съ сл'апói̯у, с рад'ймаi̯ мáт͡шкаi̯ (=матушкой), са стáръi̯у старýхаi̯.

После мягких согласных не все формы отмечены. Записаны формы им. пад. с окончанием *-иi̯а;* вин. пад. с окончанием *-иi̯у* и в немногих случаях — формы предл. пад. с окончанием *-аj.*

Примеры: с'ий'иi̯а руба́ха, по́з'н'иi̯а, ja н'и мало́д'ин'к'иi̯а, ма́л'ин'к'иi̯а д'е́вьчк'а, харо́шын'к'иi̯а стару́ха; по́з'н'иi̯у, руба́шку бе́л'ин'к'иi̯у, γру́шу γн'и́л'ин'к'иi̯у; ф с'ин'иi̯у руба́ху, в л'е́тн'иi̯у ад'е́жу; ф с'ин'аi̯ руба́шк'и, ф тре́т'аi̯ бр'аγа́д'и, в ма́лин'к'аi̯ jáγьд'и. Можно полагать, что род., дат. и тв. пад. свойственно тоже безударное окончание *-аi̯* (с гласным *а* или одной из разновидностей редуцированной гласной), впрочем, в тв. пад. можно ожидать и окончание *-иi̯у* (ср. с твердой разновидностью склонения).

Во мн. числе прилагательные имеют следующие окончания:

после твердых согласных: им. пад. — *-ы̯i̯а* (без ударения *-ыи*), род. и предл. пад. — *-ых,* дат. пад. — *-ым,* тв. пад. — *-ыми;*

после мягких согласных (окончания только безударные): им. пад. — *-ии,* род. и предл. пад. — *-их,* дат. пад. — *-им,* тв. пад. — *-ими.*

Примеры им. пад.: мълады̯i̯а, бъjавы̯i̯а, был'и бал'ны̯i̯а, бал'шы̯i̯а, кълдавы̯i̯а, кр'ивы̯i̯а, плах'и́i̯а, как'и́i̯а; рад'и́мыи, разу́тыи, кър'а̄ныи, б'ер'е́зъвыи, мо́крыи, γр'а́зныи, н'е́хтърыи, н'исда́сныи, кру́пныи карто́шк'и, л'у́ди до́брыи, дли́̄ныи, з'ел'е́ныи, до́лγ'ии, то́нк'ии, ти́х'ии, з'ел'е́н'ьн'к'ии, то́н'ин'к'ии, мало́д'ьн'к'ии, с'ий'ии, по́з'н'ии; в единичных случаях отмечено безударное окончание *-аи* после твердых согласных: ра́знаи, кру́пнаи. В двух случаях отмечено в им. пад. мн. ч. безударное окончание *-ии* у прилагательных с основой на твердую парную согласную: γало́д͡н'ии (куры), або́и н'икуды́шн'ии. Другие падежи: кр'ивы́х, з'ел'е́ных, ста́рых, сасно́в'ьн'к'их, с'ий'их; мълады́м, б'е́лым, то́н'ин'к'им, ти́х'им, то́н'к'им; мълады́м'и, сл'апы́м'и, ме́л'ин'к'им'и, с'ий'им'и.

От качественных прилагательных образуются краткие несклоняемые формы, употребляющиеся в роли сказуемого: бо́л'ан, ана здърава́, куды́ жъ мы́ γажы́, цала́, м'алка́, м'алк'и́; л'и γлу́пы был'и, л'и дабр'е́ х'итры́ бы́л'и; во множ. числе

отмечено окончание — *и* у нескольких прилагательных с основой на твердую согласную: фс'е́ сы́т'и, γо́лъдн'и, ра́д'и, аны с'о в'инава́т'и.

Краткие формы, кроме того, употребляются от так называемых порядковых числительных в выражении сам-п'а́т и др. Отмечено: сам дру́х, сам ц'етв'е́рт, сам п'а́т, сам шо́ст, сам с'о́м, а также: сам с'е́м (при сам третэ́і); сам шо́ст ко́рм'итца; д'итэ́і сам п'а́т; инаі̯а сам п'а́т, инаі̯а сам цет'в'е́рт.

Шире, чем в литературном языке, употребительны притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин-* и *-ов-*: а этът бра́т'ин ма́т'ьр'ин; папо́вы д'е́т'и.

§ 48. Отмечены следующие случаи сравнительной степени: на *-еі̯а* или *-еі̯* — в'ис'ел'е́і̯а, пъс'ил'н'е́і̯а пъγлушн'е́і̯а, пъх'итр'е́і̯, умн'е́і̯а; на *-е* или *и-* (после шипящих *-ы*, после ц *-и* или *-ы*): паслаб'е, ра́н'е, бо́л'е, пабо́л'е, пастар'е, ста́р'е вас, т'ежэ́л'е, пам'э́н'е, н'а ху́же, паслаже, паслажы дъ палу́ц̄ы, пабл'ижы, то́лш̄ы, пато́лш̄ы, лу́ц̄и; на *-ше* (*-шы*): м'э́ншы, пам'э́н'шы, кр'э́пше, пакр'э́пшы, лэ́кшы, пал'э́кшы, ста́р'шы, пастар'шы, д'ешэ́фше, здаро́фшы. Из приведенных примеров очевидно колебание в образовании сравнительной степени от некоторых прилагательных: пастар'е и пастар'шы (может быть, с дифференциацией значения?), пам'э́н'е и памэ́н'шы. Возможно, одна из этих форм и навеяна литературным языком. Записано также несколько примеров с вторичным і̯ на конце: ху́жаі̯, лэ́кшаі̯, крэ́пшаі̯.

Имя числительное

§ 49. Отмечу несколько единичных форм числительных: дво́і̯а, тро́і̯а, а также дво́и, тро́и: дво́и су́тки; а фс'аво́ тро́і̯а. Возможно, что формы на *а* употребляются главным образом в конце фразы; або́и н'икудышн'ии; о́б'и п'и́шут' (д'э́вцк'и). Рядом с с'амна́ц̄ът' (17) звучит ас'ма́ц̄ът' (18). Внутри сложных числительных может быть употреблена частица ли: не два ли ста дал, двастá рубл'о́ф. Сложные и составные числительные при склонении иногда изменяются только в последней части: кру́х лэ́т два́ц̄ат' п'ет'и́, о́къл ъ п'ед'ас'а́т і̯аму́.

Местоимение

§ 50. Отмечены формы косвенных падежей личных местоимений ја, ты, а также возвратного местоимения:

род. пад.: про́ти м'ен'е́, м'ин'е́ до́ма не́ была, у м'ин'е́, н'а бу́д'ит' у м'ен'е́; ит с'иб'е́, дл'и с'иб'е́, с с'еб'е́;

дат. пад.: н'и мн'е́ уi̯т'и́т' на́ пъл'ъ, н'и мн'е ч'аво́, вот таi̯е́ плаху́i̯а; как таi̯е́ сказа́т'; выр'аза́i̯ут' саi̯е́ драва́;

вин. пад.: н'ихто́ м'ин'е́ н'и б'ижа́ит';

предл. пад.: нъ м'ин'е́, са́м'и нъ саi̯е́, нъ саб'е́.

Записаны, кроме того, формы таб'е́, саб'е́, но без контекста, ввиду чего нет возможности определить их падеж.

Косвенные падежи местоимения он, ана́ в ед. числе в муж. и средн. роде: род. (и вин.) пад.: јаво́, ит н'аво́; дат. пад.: јаму́, к н'аму́; тв. пад.: им, за н'и́м; п'е́т' д'е́вак за н'и́м ража́ла; рядом употребляется форма н'ом: за н'ом γо́н'и̯ца; ба́пка с'ид'и́т' с н'ом; предл. п.: на н'ом, в н'ом.

В жен. роде: род. (и вин.) пад.: ит н'еi̯е́, у н'ајо́, ја̄јо́ н'а в'и́д'ила, јаво́ и јајо́ пъв'ал'и́, ана́ ушла́ на́ дъм на јеi̯е́ на ма́т'ър'ин, ја сама́ јеi̯ уважа́ју, брос' къра́таi̯к'у јаi̯у́;

дат. пад.: сказа́ла јеi̯, пр.једу́т' к н'е́i̯у;

тв. пад.: над не́i̯а, с н'е́i̯а; с не́i̯у.

Надо полагать, что форма тв. пад. с не́i̯а имеет *а* вторичного происхождения и восходит непосредственно к форме с н'еi̯ (ср. возможность *-у* в дат. пад.: к не́i̯у, а также аналогичного происхождения формы тв. пад. жен. р. зъ ст'ано́i̯а, зъ вадо́i̯а, и, наконец, в наречии дамо́i̯а).

Во мн. числе: им. пад. аны́: аны́ с'о́ в'инава́т'и, аны́ н'а на́шы, аны́ м'ен'е́ н'и пъкарм'и́л'и. Остальные формы мн. числа не отличаются от соответствующих форм литературного языка: их (н'их), им (н'им), им'и (н'им'и).

Отмечены следующие формы притяжательных местоимений: маво му́жу с'астру́ къран'и́л'и, к маму́ бра́ту, ана́ зъ маи́м бра́там, в маjо́м; у маjоi̯, нъ твајоi̯, ф свајо́i̯ бр'аγа́д'и.

От хто, што: каво́, цаво́, у као́, у коо́ јес', н'ицаво́, н'и цао́, н'ицоо́ н'а ду́мал, н'ицаму́, н'и х каму́, за к'е́м, на цо́м.

Формы без интервокального *в* (каó, коó, кŏ́, цаó, цоó, цŏ́) в этих местоимениях, как и в других (напр. јаó вм. јавó), объясняются аллегровым употреблением; что касается возможного в них предударного о (коó, цоó), то оно едва ли представляет собой сохранение о, а скорее появилось в результате ассимиляции гласному ударенного слога, естественной в условиях аллегровой речи, на путях к полному стяжению (ср. формы: у кŏ́, цŏ́ с гласным о, имеющим одну экспираторную вершину при сохранении долготы).

Местоимение „их" в притяжательном значении склоняется, согласуясь с существительным: их дом, иха карóва, иха д'ép'ива; в ы́хъм дóм'и, йху д'éвъцку, на йхъй лашáтк'и бы́стръ дајéд'ит'а. Имеется также местоимение йхн'аі, йхнъіа и т. д.

Местоимение самá в вин. п. ед. ч. имеет форму съмаіу́: јејé пъсад'йл'и съмаіу. Та же основа употребляется и во мн. числе: съмайх двоіа, съмайм н'и сказáт' л'и; рядом сáм'и нъ сайé.

Отдельные местоименные формы: да к'éх пóр, атк'éл'ьва и да к'éх; дъ кайх пор.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанный выше говор находится, согласно „Опыту диалектологической карты русского языка в Европе", на территории средневеликорусских говоров, — точнее, на южной оконечности их распространения. Как известно, граница между южновеликорусскими и белорусскими говорами, с одной стороны, и средневеликорусскими, с другой, авторами „Опыта" была проведена на основании наличия г длительного или взрывного.[1] Однако они сочли необходимым сделать следующую оговорку: „Но есть говоры и с γ, которые, однако, по другим чертам должны быть признаны переходными на северновеликорусской основе".[2] Далее, при перечислении относящихся сюда говоров, между прочим, они отметили:

[1] „Опыт...", стр. 33.
[2] Там же.

„Таковы... некоторые акающие говоры Касимовского у. Рязанской губ., в которых при γ сохраняется северновеликорусское произношение шипящих и свистящих“,[1] т. е. цоканье. Соответствующую оговорку — и еще более определенную — делает Дурново в „Введении в историю русского языка“: „Между прочим, довольно значительная часть говоров на юго-западе средневеликорусской территории и небольшая часть говоров лесной части Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ., так называемых „мещерских“, имеет — t' в 3-м лице глаголов, а говоры мещерские также и фрикативное γ: на северновеликорусскую основу этих говоров указывает цоканье и некоторые другие северновеликорусские черты“.[2] Село Кидусово и деревни Нагорная, Бельское и Дорофеево как раз находятся в черте территории так называемой рязанской мещеры, в лесной заокской части Рязанской обл., и приведенное выше высказывание, следовательно, должно быть отнесено к описанному выше говору. Последний, несмотря на наличие в нем γ и *ть* в 3-м л. глаголов, должен быть квалифицирован с точки зрения вышеприведенных положений как один из средневеликорусских говоров с северновеликорусской основой.

Однако представленный выше конкретный материал говора плохо согласуется с подобной его квалификацией: фонетическая система в целом носит явно выраженный южновеликорусский характер, причем нет оснований считать ее южновеликорусские черты вторичными, новыми в говоре. Такой вывод основывается, прежде всего, на наличии в говоре ряда специфически южновеликорусских черт или черт, свойственных большей части южновеликорусских говоров или, наконец, черт, возникших первоначально на южновеликорусской территории и затем распространившихся на другие и потому в комплексе с другими чертами свидетельствующих о южновеликорусском происхождении описанного говора. Сюда, прежде всего, относится: система безударного вокализма; фрикативное г (γ);

---

[1] Там же, стр. 33—34.

[2] Дурново. Введение в историю русского языка, Brno, 1927, стр 141.

наличие *w* или ў вместо *в* перед согласными и на конце слова, наличие *хв*, *хф*, или *х* вместо *ф* в заимствованных словах при отсутствии *ф* как фонемы. В этом комплексе черт о южновеликорусском характере говора свидетельствуют и некоторые другие особенности, вообще говоря, употребительные и в северновеликорусских говорах, но более характерные для южновеликорусских; таковы, например, следующие черты: твердость долгих шипящих, фрикативных по способу образования, смягчение *к* после мягких согласных и некоторые другие.

Описанный говор разделяет также основные морфологические особенности южновеликорусского наречия: *т'* в 3-м л. глаголов род. — вин. пад: мене, тебе, себе, вин. п. ед. ч. жен. рода; прилагательных на *-ýi̯a* и *-ai̯y* (*-ъi̯y*) в заударном положении (такýi̯a, плахýi̯a, бал'нýi̯a, стáръi̯y, дóбраi̯y, бéл'ьн'к'иi̯y); твор. пад. мн. ч. существительных на *-ми;* формы местн. пад. ед. ч. от старых *i̯* — основ на *-é* (в гр'ез'é, ф пыл'é); формы местн. пад. ед. ч. от имен муж. рода с неподвижным ударением на *-у* (при пам'ёшыку); им. пад. мн. ч. на *-а* от имен женск. рода (д'ьр'авн'á, i̯ьблан'á, мът'ар'á, плъшад'á); форма вин. пад. ед. ч. от *ана́* — i̯аi̯ý; отдельные формы как св'акры́ (им. пад. ед. ч.), ис'ан'i̯ý; совпадение безударных личных окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений (кóл'иш — п'йл'иш, кóл'им — п'йл'им, кóл'ут' — п'йл'ут') и др.

Из черт, не общих всем великорусским говорам, из которых некоторые свойственны не только южновеликорусским говорам, но в комплексе с вышеприведенными чертами также скорее свидетельствуют о южновеликорусском характере говора, можно отметить: *е* под ударением в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения (не o!): н'ес'éш, н'ес'ét', н'ес'ém, н'ес'ét'а; отсутствие чередования *к* || *ч*, *г* || *ж* в личных формах глаголов (п'акý, п'ик éш, п'ик'ét', п'ик'ém, п'ик'ét'а; б'ьр'агý, б'ьр'игéш, б'ьр'иг'ét', б'ьр'иг'ém, б'ьр'иг'ét'а); отсутствие чередования *с*, *з*, *т*, *д* с шипящими и губных с сочетанием губной + *л'* в личных формах глаголов 2-го спряжения при неподвижности места ударения: прóс'у — прóс'иш, вóз'у — вóз'иш, малóт'у — малóт'иш, плóт'у, плóт'иш, гл'ад'ý — гл'ад'йш; формы

инфинитива типа н'ес'т', пр'ив'é с'т', пл'ес'т', запл'éс'т', падм'éс'т', рос'т' и др.; безударное окончание *-ими* в тв. пад. мн. ч. у существительных с основой на задненёбные: у́тк'им'и, стару́х'ими, кни́γ'им'и; постановка прилагательного в жен. роде при существительном средн. рода (бал'ша̀ја с'ало́, кака̀ја д'éла); замена некоторых форм существительных средн. рода формами жен. рода (куп'и́л м'а́су).

Некоторые из перечисленных особенностей встречаются и по северновеликорусским говорам, но приведенный комплекс явлений в целом не оставляет сомнений в том, что изученный нами говор по представленным в нем важнейшим чертам фонетической и морфологической системы — южновеликорусский.

Как было отмечено, нет оснований считать южновеликорусские черты говора вторичными, позднейшими: „наслоением", — напротив, можно утверждать их первичность, исконность для говора. Приведу несколько аргументов в пользу этого положения.

Безударный вокализм говора с его весьма сильной степенью редукции гласных 2-го предударного и 1-го заударного неконечного слогов при, напротив, особой полновесности открытых гласных 1-го предударного слога и наличии очень открытого и широкого образования *а* в этом слоге (мълако́, пр'ин'асу́) типичен для южновеликорусского наречия и мало свойствен средневеликорусским говорам с северновеликорусской основой. Особенно ярко свидетельствует о южновеликорусском происхождении система яканья диссимилятивно-ассимилятивного, развившегося несомненно из диссимилятивного. Сравнительный анализ северновеликорусских и южновеликорусских говоров позволяет легко выделить ассимилятивность как позднейший пласт, который наслаивался на разные типы предударного вокализма. Судя по тому, что она не чужда пограничным северновеликорусским говорам на пути их перехода к системе аканья,[1]

[1] Ср., например, окающие говоры, усвоившие аканье при наличии под ударением *а:* воды, воде, но вада. Такие говоры отмечены в литературе. Мне лично пришлось наблюдать такой говор в с. Дорофеево Шатурского р-на Моск. обл. Имеются также говоры, в которых при аканьи сохраняется оканье, если под ударением находится *о:* вада, вады, ваде, но водой

можно полагать, что она развилась первоначально или в них, или в средневеликорусских говорах и от них уже перенеслась на некоторые соседние с ними окраинные южновеликорусские говоры с первоначальным диссимилятивным яканьем. Ассимилятивность могла наслоиться:

а) на иканье (н'ису́, в'илю́, н'ис'и́, с'ило́, с'ило́м, н'исе́шь, л'ит'е́ла, но н'ясла́, стр'ял'а́ть). По Н. Н. Дурново, это — ассимилятивное яканье 1-го типа. Я предпочитаю это называть ассимилятивным яканьем.[1] Этот тип пока отмечен, главным образом, в „западной группе" средневеликорусских говоров;

б) на умеренное яканье (нясу, сяло, сялом, 'нясла, при вилю, ниси, нисешь, литела, но стрялять, мянять). По Н. Н. Дурново, это — ассимилятивное яканье 2-го типа; по моей классификации — ассимилятивно-умеренное яканье. Этот тип обнаружен, главным образом, в средневеликорусских говорах. Н. Н. Дурново считает, что ассимилятивное яканье вообще свойственно средневеликорусским говорам только „западной группы".[2] Однако это не соответствует действительности: новейшие материалы, а также некоторые из старых (напр., Е. Будде) свидетельствуют о том, что во всяком случае ассимилятивное яканье 2-го типа довольно широко известно „восточной группе" средневеликорусских говоров, в частности мещерским говорам рязанским и пензенским;[3]

в) на диссимилятивное яканье Суджанского типа (нясу, вялю, няси, сяло, сялом, при нисешь, литела, но нясла, стрялять). Таково именно яканье в описанном выше говоре

[1] Здесь и ниже в сложных названиях типов яканья, осложненного ассимилятивностью, вторая часть указывает на основной тип предударного вокализма, на который наслоилась ассимилятивность.

[2] См. его „Введение в историю русского языка", стр. 129.

[3] Таков говор с. Мелехова Чучковского р-на Рязанской обл., описанный В. Н. Сидоровым (см. в этом сб-ке его статью „Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры"). Таковы некоторые из пензенских говоров, описанных А. Н. Гвоздевым (см. „Тр. комиссии по диалектологии русского языка", вып. 9, Л., 1927, стр. 88—96, 107—108; см. также А. Н. Гвоздев. Типы великорусских говоров Пензенской губ. Пенза, 1905 („Тр. Пенз. об-ва естествознания и краеведения", вып. V).

с. Кидусово и названных выше других пунктов Спасского р-на Рязанской обл. То же отмечено мною в говоре сел Картоносово, Деулино Солотчинского р-на Рязанской обл. Этот тип я называю ассимилятивно-диссимилятивным яканьем Кидусовской разновидности. Кроме говоров рязанской мещеры, он известен южновеликорусским говорам б. Рязанской, Тамбовской губ., б. области Войска Донского;[1]

г) на диссимилятивное яканье Щигровского типа (нясу, вялю, няси, сяло, сялом, лятела при нисешь, но нясла, стрялять). Этот тип я называю ассимилятивно-диссимилятивным яканьем новоселковской разновидности, так как он известен в с. Новоселки Рыбновского р-на Рязанской обл.[2] Мною он отмечен также в с. Тимохино Клепиковского р-на Рязанской обл. и А. Н. Гвоздевым — в западной части Вадского р-на Пензенской обл.,[3] а также в одном из двух говоров с. Канаевка Городищенского р-на Пензенской обл.[4] Имеются сведения о его распространении в б. Рязанской, Тамбовской, Воронежской губ., а также в б. Новосильском уезде Тульской губ.[5] Обе разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья Н. Н. Дурново терминологически не различает, лишь ограничиваясь описанием существующего между ними отличия.[6]

Таким образом, если в ассимилятивно-диссимилятивном яканье снять позднейший пласт ассимилятивности, которым

---

[1] Н. Н. Дурново. „Диалектологические разыскания в области великорусских говоров", ч. I, вып. I, М., 1917, стр. 207—214.

[2] См. ответ Ф. М. Тоньшина на программу МДК. „Труды МДК", вып. III, стр. 57—60; см. также Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII в. Ленинград. 1929. Приложение № 6, стр. 162—163. Говор с. Новоселки более подробно описан мною в 1940 г.

[3] См. его статью „Говор Западной части Вадского р-на Пензенской обл." („Уч. зап. Куйбышевского пед. и уч. ин-та им. В. В. Куйбышева", вып. V. Каф. языкознания. Куйбышев, 1942, стр. 96—99).

[4] Известно мне по рукописи.

[5] Н. Н. Дурново. „Диалектологические разыскания в области великорусских говоров", ч. I, вып. 1. С., 1917, стр. 214—221.

[6] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 127—128.

оно роднится с другими типами предударного вокализма, распространенными в средневеликорусских говорах (с ассимилятивным и ассимилятивно-умеренным типами яканья), то перед нами вскроется диссимилятивное яканье Суджанского и Щигровского типов, южновеликорусское происхождение которых вне всякого сомнения. Точно так же, сняв пласт ассимилятивности в икающе-ассимилятивном яканье и в яканье ассимилятивно-умеренном, мы обнаружим систему иканья или умеренного яканья. Особенно важно отметить, что среди говоров рязанской мещеры известно яканье и ассимилятивно-диссимилятивное и ассимилятивно-умеренное. Это свидетельствует о том, что они, в прошлом отличаясь друг от друга, между прочим, диссимилятивным или умеренным яканьем, в дальнейшем пережили общий процесс ассимилятивности, который и создал существующие в них сейчас разновидности яканья.

В то время как объяснение ассимилятивно-диссимилятивного яканья из южновеликорусского диссимилятивного яканья весьма просто и правдоподобно, попытка объяснить его на почве северновеликорусского безударного вокализма или средневеликорусского с его умеренным яканьем или иканьем (еканьем) встречает непреодолимые затруднения.

Точно так же последовательно проведенный звук γ при *х* на конце слова и перед глухими согласными не является поздней заменой взрывного *г*, для которой не было соответствующих условий культурно-исторического и социального порядка, а представляет собой давнюю черту говора. То же можно сказать о наличии *w* (*ў*) вместо *в* перед согласными и на конце слова. Правда, эта черта не проведена последовательно, наряду с *w* (*ў*) перед глухими согласными произносят также *ф*, но не может быть сомнения в том, что звук *ф* в этих случаях — черта новая, проникшая из городского языка или близких к нему средневеликорусских говоров через бывалых людей (главным образом мужчин, ездящих в Москву), школу и т. д. Давней чертой говора, вне сомнения, является наличие *хв*, *хф* или *х* вместо *ф* в заимствованных словах при отсутствии *ф* в самостоятельном употреблении (как фонемы): по своему

происхождению она не отличается в нашем говоре от той же черты в других русских говорах, безусловно южновеликорусских. Можно утверждать давность и органичность для говора и других его южновеликорусских черт (как фонетических, так и морфологических), во всяком случае их полную тожественность по происхождению с происхождением соответствующих черт в безусловно южновеликорусских говорах. Не желая излишне злоупотреблять вниманием читателя, укажу только на одну морфологическую особенность: *т'* в 3-м л. глаголов.

Если признать описанный говор средневеликорусским в общепринятом понимании, т. е. считать его северновеликорусским по основе и южновеликорусским по наслоению, то *т'* в 3-м л. глаголов пришлось бы считать новой в говоре чертой, появившейся под южновеликорусским влиянием в качестве замены старого *т*, которое в свою очередь явилось на месте *т'*. Именно так — и притом логически безупречно, при наличии предпосылки о средневеликорусских говорах как северновеликорусских по основе и южновеликорусских по наслоению — разрешают авторы „Опыта диалектологической карты русского языка в Европе"..., утверждая, что одни из средневеликорусских говоров „в 3-м л. ед. и мн. ч. глаголов *сохраняют* северновеликорусское окончание *т*, *другие под южновеликорусским влиянием усвоили ть*." [1] (стр. 45). Между тем такое утверждение возможно лишь в угоду предвзятой теории: общая система говора не позволяет сомневаться в ее южновеликорусском характере. Никаких особых предпосылок для южновеликорусского влияния не было. В соответствии с этим можно утверждать, что *т'* в 3-м л. глаголов представляет собой сохранение старины, а не новообразование после стадии с *т*, которая заменила в свою очередь *т'*. Насколько проще такое объяснение, чем хитроумная теория об *т'* → *т* → *т'*, т. е. о замкнутом круге в развитии данной черты — возврате к *т'*, после стадии с *т*!

[1] Курсив в обоих случаях мой. — *Р. А.*

Итак, можно утверждать, что южновеликорусские черты описанного говора органичны, исконны для него. Как же можно квалифицировать его северновеликорусские черты? Можно ли усмотреть в них „основу“ говора? Попытаемся дать посильный ответ на поставленный вопрос. К числу северновеликорусских черт с бóльшим или меньшим основанием можно бы отнести следующие: цоканье; чередование после мягких согласных *а* || *е* в зависимости от положения перед твердой или мягкой согласной (п'áтаі — п'ét'); наконец, звук *в* в окончании *-ого, -его* вместо типично южновеликорусского γ. Каждая из перечисленных трех черт требует специальных разъяснений.

1. Неразличение *ц* и *ч* (цоканье) является одной из характерных черт описанного говора, однако оно не может свидетельствовать о северновеликорусской основе. Основания для такого утверждения нахожу в следующем: цоканье — черта иноязычная по своему происхождению, оно возникло в результате языкового смешения; применительно к восточным славянам указывалось на смешение с финскими языками (а также с мазурякающими польскими говорами). Эта гипотеза, высказанная, между прочим, И. А. Бодуэном-де-Куртене, была принята и развита А. А. Шахматовым. Конкретные пути языкового смешения, приведшие к неразличению свистящих и шипящих в славянских языках, в недавнее время были тщательно выяснены А. М. Селищевым. Эта теория, правильная по существу, не объясняет, однако, все до конца. В самом деле: почему при смешении славянского диалекта, различающего *ч* и *ц*, с другим языком, родственным или неродственным, не различающим этих двух аффрикат, образовавшийся славянский диалект имеет цоканье, т. е. знает одну аффрикату?

Ведь фонетические системы подвергающихся смешению языков имели не одно это отличие, но и многие другие, не оставившие никакого следа в продукте языкового смешения. Ответ на это может дать функциональное изучение, учет того места, которое занимают *ч* и *ц* в фонетической системе славянских диалектов давнего времени, и ее дальнейшей эволюции. Как известно, эти аффрикаты были в них комбинатор-

ными вариантами фонемы *к*, образовавшимися из *к* в разные эпохи и в разных условиях. Благодаря такому происхождению *ч* и *ц* не были в достаточной мере противопоставлены друг другу и не употреблялись в тожественных фонетико-морфологических условиях (такие случаи, как „чех" и „цех" или „цокать" и „чокать", единичны даже в современном русском языке; они не восходят к давним временам и объясняются, главным образом, вторжением заимствованных слов или принадлежностью к специальной эмоциональной лексике). Наличие *ч* или *ц* характеризовало, главным образом, словообразование или формообразование, а также отдельные слова-корни: сдним формальным элементам или словам было присуще *ч*, другим *ц*. Различение *ч* и *ц* было лишено, таким образом, семасиологической нагрузки. Даже теперь еще смыслоразличительная дифференциальная роль звуков *ч* и *ц* по отношению друг к другу в русском языке минимальна.[1] Поэтому социальная ценность их различения была незначительна. Это был своего рода рудимент. Точно так же, как в результате одной и той же инфекции гриппа у одного индивида появляется осложнение на легких, у другого — на сердце, у третьего — на печени, в зависимости от того, какой орган является слабым местом данного организма, — так и при языковом смешении также поражается слабое место языкового „организма". Таким слабым звеном в фонетической системе славянских языков было наличие *ч* и *ц*, переставших быть регулярными фонетически обусловленными вариантами фонемы *к*, но долго не развивавшихся до полноценных и вполне оформившихся фонем.

Итак, предпосылки для появления цоканья были во всех славянских говорах — и в частности у восточных славян. Но эти

---

[1] К этому следует добавить, что по своим физиолого-акустическим свойствам *ч* и *ц*, при мягкости последней, были весьма близки: они отличались, видимо, лишь местом взрыва — приподнятого кончика языка с альвеолами (при *ч*) или передней части языка (при опущенном кончике) с верхними зубами (при *ц'*).

предпосылки реализовались лишь при наличии благоприятных условий смешения с языком (диалектом), знающим одну аффрикату. Результат при этом — цоканье — был один: все равно, имело ли место языковое смешение где-нибудь в Далмации или у лужичан, или у древних новгородцев. Из этого можно сделать один важный вывод: цоканье само по себе, без исторического изучения путей его появления в данном говоре, не может служить признаком, по которому можно установить северновеликорусскую основу средневеликорусского говора. Прежде чем делать такое утверждение, надо установить генетическое тожество цоканья данного говора и цоканья северновеликорусского. То обстоятельство, что цоканье характеризует значительную часть северновеликорусских говоров, — историческая „случайность", а не необходимая черта структуры: оно объясняется давним тесным взаимодействием севернорусских говоров с финскими языками. Однако нельзя забывать и того, что известны северновеликорусские говоры, не знающие и, повидимому, не знавшие в прошлом цоканья.[1] С другой

[1] Таковы, возможно, Залесские говоры б. Ярославской, Владимирской и Костромской губ. Отсутствие указаний на цоканье в памятниках ростово-суздальских и московских позволяет предполагать, что эти говоры или, по крайней мере, часть их, не знала цоканья и в прошлом. В этом случае наличие цоканья в другой части владимирско-поволжских говоров возможно объясняется следующим образом: словене и кривичи колонизовали Ростово-Суздальскую и Муромскую земли до появления у них цоканья, а существующее в части говоров этой территории цоканье имеет местное происхождение: оно получилось в результате смешения с местными иноязычными насельниками. Ср. указание Городцова о том, что в погребениях кривичей у низовья Оки, Мурома и др. найдено много предметов финского происхождения, из чего делается вывод о мирном сожительствовании кривичей с финнами и смешении элементов финской и славянской культуры. Между прочим, отсутствие цоканья в южновеликорусском наречии согласуется с наблюдением того же исследователя над вятичскими погребениями, в которых полностью отсутствуют предметы финской культуры: в бассейне Оки погребения до IX в. финские; после IX в. — вятичские без примеси предметов финской культуры. Отсюда Городцов делает вывод, что вятичи завоевали свой край в результате вооруженной борьбы, полностью вытеснив из него финнов (См. В. А. Городцов. Древнее население Рязанской области. ИОРЯС, т. XIII, кн. 4, 1908, стр. 135—150).

стороны можно себе представить южновеликорусские говоры, приобретшие цоканье независимо от цоканья северновеликорусского. Таким именно представляется мне цоканье южновеликорусских говоров рязанской мещеры.

В самом деле: изучаемый говор расположен в центре так называемой рязанской мещеры по течению р. Пры, одного из левобережных притоков Оки.

Это территория, на которой исторически засвидетельствовано наличие иноязычного, видимо финского, племени — мещеры.

Это племя исчезло с исторической арены в довольно поздние времена в результате ассимиляции тем рязанцам (т. е. потомкам вятичей), которые колонизовали болотистые и лесные пространства левобережья Оки и ее притоков, оставив им и до сих пор свое наименование. Таким образом, можно считать установленным факт языкового русско-финского („мещерского") смешения на территории изучаемого говора, и именно к этому языковому смешению и надо возводить цоканье данного говора. Гораздо естественнее объяснить цоканье изучаемого говора его местной иноязычной „мещерской" подосновой, чем связывать его с цоканьем северновеликорусским, тем более что, с одной стороны, большая часть территориально ближайших северновеликорусских говоров как раз лишена цоканья и, возможно, не имела его никогда (см. выше, стр. 259) и что, с другой стороны, звуковая и морфологическая системы изученного говора во всех своих существенных чертах резко противоречат тому, чтобы считать его в его основе северновеликорусским. К этому следует прибавить, что говоры русской мещеры, занимая компактную территорию, в то же время довольно сильно отличаются друг от друга по преобладанию в них средневеликорусских, южновеликорусских или северновеликорусских черт. Однако все они объединяются именно цоканьем. Это также свидетельствует об общем происхождении цоканья мещерских говоров вне зависимости от характера того или иного конкретного говора. Итак, цоканье мещерских говоров своего, местного, „мещерского" происхождения. Оно

генетически отлично от цоканья северновеликорусского и потому не может свидетельствовать о северновеликорусской их основе.

Ввиду всего сказанного, при той или иной квалификации русских говоров по признаку цоканья нужно быть весьма осторожным. Необходима предварительная работа по точному установлению географического распределения цокающих и нецокающих говоров, по выделению говоров, утративших цоканье, по изучению конкретной истории появления цоканья на разных территориях. Между тем такая работа еще не проделана. Поэтому выводы о средневеликорусских говорах, сделанные на основании цоканья, при ближайшем рассмотрении могут оказаться неудовлетворительными. Укажу, например, на высказывание Н. Н. Дурново об интересующих нас говорах: „...небольшая часть говоров лесной части Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ., так называемых „мещерских", имеет t′ в 3-м лице глаголов, а...также и фрикативное γ; на северновеликорусскую основу этих говоров указывает цоканье и некоторые другие северновеликорусские черты".[1] Приведу также следующее утверждение авторов „Опыта диалектологической карты": указывая на то, что в северновеликорусских говорах „по отношению *ц* и *ч* можно различать: а) говоры, сохранившие цоканье, — точнее, произношение

[1] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, ч. I. Источники, ... 1927, стр. 141. Ср. близкое к этому утверждение А. А. Шахматова: „В северной части Рязанской губ., а именно в Спасском и Касимовском уездах, находим акающие говоры, но с аканьем у них соединяются также северновеликорусские черты, как смешение *ц* и *ч*, *г* взрывное, *в* в род. п., *т* в 3-м л. глаголов" (Лекции по истории русского языка, т. II, стр. 252—253). Здесь неверно прежде всего отожествление говоров б. Касимовского и большей части б. Спасского уездов: северновеликорусские черты сильны лишь в первом (*г* взрывное, *т* в 3-м л. глаголов, стяжение, постпозитивная частица и др); в значительной же части б. Спасского уезда представлен южновеликорусский тип говора, подобный описанному здесь. Будде не сумел их отличить, чем ввел в заблуждение Шахматова, но, как видно из приведенных строк, и Шахматов наличие цоканья считает свидетельством о северновеликорусской основе говора.

одного звука на месте старых *ц* и *ч*; б) говоры, смешивающие оба звука; в) говоры, различающие оба эти звука этимологически правильно", — авторы „Опыта" утверждают, что „эти три вида произношения представляют три последовательные стадии в усвоении южновеликорусского произношения шипящих".[1] Это утверждение может считаться правильным только по отношению к говорам, более или менее недавно утратившим цоканье под влиянием литературного языка или соседних нецокающих говоров, но оно никак не может быть применено к любому говору, как это делают авторы „Опыта". Положение о том, что каждый средневеликорусский говор, этимологически правильно различающий *ч* и *ц*, является говором, утратившим цоканье, не может быть принято хотя бы потому, что оно предполагает установленным другое положение — о том, что в прошлом все северновеликорусские говоры были цокающими; между тем последнее положение не доказано, и, больше того, имеются достаточно веские основания полагать, что для части северновеликорусских говоров (и как раз территориально, в общем, примыкающих к средневеликорусским говорам) цоканье — исконно несвойственная черта. Не говорю уже здесь о том, что цоканье в том или ином акающем говоре может быть и местного происхождения, как это можно принять для описанного говора и вообще говоров рязанской мещеры.

Наконец, можно предполагать, что в разные эпохи имели место качественно различные процессы, приведшие к образованию говоров, совмещающих северновеликорусские и южновеликорусские черты или черты, образовавшиеся в результате их взаимодействия.

2. Типичное для большей части северновеликорусских говоров чередование после мягких согласных *а* || *е* в зависимости от положения перед твердой или мягкой согласной свойственно и описанному выше говору (п'áтаj, п'ет', вз'ал —

---

[1] Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты, стр. 45.

вз'ёл'и).[1] Но думается, что и оно не может свидетельствовать о северновеликорусской основе описанного говора: имеются данные, указывающие на то, что эта особенность неорганична в говоре, неисконна для него, что она появилась не в результате своего, местного, органического фонетического процесса, а в результате влияния со стороны другого говора — благодаря языковому смешению. При решении вопроса необходимо обратить внимание на следующее: говору свойственны: 1) северновеликорусская особенность (п'ет', вз' ет' и др.) и 2) южновеликорусская морфологическая особенность — *т'*, в 3-м л. глаголов: н'ес'ёт', н'асу́т', в'аду́т' и т. д. При этом любопытно, что при скрещении этих двух особенностей в одном слове — а это имеет место под ударением в личных окончаниях глаголов 2-го спряжения — *е* вместо *а* не наблюдается: произносят — в'ал'а́т', jад'а́т', с'ид'а́т', γл'ад'а̀т' и т. д. Полагаю, что эта непоследовательность в проведении фонетической закономерности как раз и объясняется тем, что указанные две черты исторически принадлежали двум разным говорам, а совмещение их в одном говоре объясняется взаимодействием между двумя говорами, их смешением, влиянием одного из них на другой. Основания для такого решения вопроса мне представляются следующие: 1) нам не известны южновеликорусские говоры с последовательно проведенным *е* вместо *а* между мягкими согласными под ударением; 2) с другой стороны, нет также северновеликорусских говоров с последовательно проведенной формой 3-го л. глаголов ед. и мн. ч. 1-го и 2-го

[1] Характерно, что большей части территориально ближайших северновеликорусских говоров это явление как раз мало свойственно. Это может повлечь за собою предположение — а не явилось ли оно в говоре независимо от соответствующего северновеликорусского явления? Но тут необходимо принять во внимание то обстоятельство, что чередование *а* || *е*, как последовательно проведенная черта, не известно в говорах, чистое южновеликорусское происхождение которых было бы вне всякого сомнения. Учитывая, кроме того, указанное ниже отсутствие последовательности в проведении этой черты, свидетельствующее об инодиалектном воздействии, полагаю, что чередование *а* || *е* все же можно считать для говора явлением северновеликорусского происхождения.

спряжений на *т'*. Первая черта не без основания считается северновеликорусской, вторая — безусловно, южновеликорусская. Почему же при взаимодействии южновеликорусских и северновеликорусских говоров вообще усвоено *е* (п'ет', вз' ет' и др.), но в указанной выше категории — *а* (в'ал'а́т' и т. д.)? Указанная непоследовательность в проведении фонетической закономерности как раз и объясняется тем, что, скрестившись в данной категории, северновеликорусская фонетическая особенность и южновеликорусская морфологическая вступили в противоречие между собой. Перед нами лишнее доказательство того, что при языковом смешении усваиваются не абстрактно взятые „звуковые законы", а их конкретная реализация в определенном словарном материале, грамматических формах и т. д. Сохранению звука *а* в форме 3-го л. мн. ч. глаголов способствовало то, что он имелся в обоих говорах, подвергавшихся смешению, в том числе в северновеликорусском, от которого шло воздействие: в северновеликорусском было *а*, так как *т* было твердым (с'ид'а́т); в южновеликорусском было также *а*, так как ему несвойственно изменение *а* в *е* между мягкими согласными под ударением (сид'а́т'). В остальных же случаях, где в северновеликорусском было *е* (п'ет', вз'ет'), а в южновеликорусском — *а* (п'ат' вз'ат'), во вновь образовавшемся говоре усвоено *е* (п'ет', вз'ет'), т. е. северновеликорусское влияние охватило те конкретные языковые факты, „случаи" (т. е. слова и морфемы), где при южновеликорусском *а* в северновеликорусском было *е*.

Итак, наличие в нашем говоре *е* вместо *а* между мягкими согласными хотя и может считаться северновеликорусской чертой, но отнюдь не свидетельствует о северновеликорусской основе, так как само является в говоре вторичным, неисконным.

Остается третья „северновеликорусская" черта — звук *в* в окончании *-ого, -его* прилагательных и местоимений. Однако эта черта в настоящее время едва ли не преобладает в южновеликорусских говорах, легко вытесняя собой исконно южновеликорусское γ (не чуждое, впрочем, и некоторым северно-

великорусским) под влиянием литературного языка и средневеликорусских говоров, а также южновеликорусских, ранее усвоивших *в*. Уже авторы „Опыта диалектологической карты", отмечая γ в указанных формах как характерную южновеликорусскую черту, считали нужным оговориться в примечании, что „γ теперь в южновеликорусских значительно реже, чем *в*; в группах *А* и *В* и γ и *в*, но *в* преобладает".[1] Н. Н. Дурново приводит эту черту среди тех, которыми в целом характеризуется южновеликорусское наречие,[2] однако указывает, что эта черта, как и некоторые другие „в настоящее время утрачены частью южнорусских говоров и заменены соответствующими чертами московского говора".[3] В другом месте той же книги читаем: „влиянием Москвы вызваны... (далее следует перечень нескольких черт. — *Р. А.*) и широко распространены окончания gen. sing. прилагательных со звуком *в* вместо старого γ".[4] Интересны показания Тоньшина для говора с. Новоселки 6. Рязанского уезда, отстоящего от с. Кидусова в 60 км.[5] Он указывает, что „в селе различаются два выговора — мужской и женский". Из приводимого материала отчетливо вырисовывается более архаический „женский" выговор и более новый „мужской". Одно из отличий женского

---

[1] „Опыт диалектологической карты...", стр. 31 и прим. 72 на стр. 96.

[2] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 122—123, черта за № 15.

[3] Там же, стр. 124.

[4] Там же, стр. 137.

[5] „Тр. МДК", вып. III, стр. 57—60, а также Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII в. Прил. 6, стр. 162—163. Между прочим, говор с. Новоселки и описанный нами говор с. Кидусово весьма близки друг к другу. Важнейшие отличия говора с. Новоселки: при наличии, как и в Кидусове, ассимилятивно-диссимилятивного яканья при ударенном ê (= *ѣ*) в предударном произносится *а* (л'ат'ê'ла; в Кидусове — л'ит'éла); различаются два *о* (с'алóм и с'алô); различаются два *е* (мнóγа с'ел (=сёл) и с'êл (глагол); отсутствует цоканье (имеются реликты); отсутствует *е* вместо *а* между мягкими под ударением, как последовательно проведенная черта. В остальном оба говора очень сходны, вплоть до совпадения таких редких черт, как „непереход" *е* в *о*.

выговора от мужского заключается в том, что в первом произносится „злога, добрага, маго, каго", во втором — „злова, добрава, таво, каво, чаво". Не подлежит сомнению, что исконным для говора с. Новоселки — как для женского, так и для мужского выговора — является γ в указанной форме, а те же формы со звуком *в* — вторичны, новы, появились под влиянием литературного языка и вообще средневеликорусских говоров, охватив прежде всего говор мужчин, более подверженных языковым новшествам. Характерно, что в 1940 г., по моим наблюдениям, в Новоселках преобладало произношение форм род. пад. ед. ч. мужск. и средн. рода со звуком *в*. Имея в виду близость обоих говоров, можно не сомневаться в том, что и для описанного нами говора исконным в этой форме является звук γ в указанных формах, сохранявшийся, вероятно, и до сравнительно недавнего времени; звук *в* в них появился под влиянием среднеземликорусских говоров, в частности московского, и к 1939 г., когда производились наблюдения, формы с *в* вместо γ произносились всеми слоями кидусовского населения, в том числе носителями наиболее архаичного говора.

Итак, кидусовский говор по своей системе и в своей исторической основе — южновеликорусский. Свойственное ему, как и другим говорам рязанской мещеры, цоканье имеет местное происхождение и потому не может свидетельствовать о северновеликорусском вкладе, будь то „основа" или „наслоение". Другие же, действительные или мнимые, северновеликорусские черты вторичны, неисконны для говора, относятся не к его „основе", а скорее к „наслоениям", появившимся под влиянием северновеликорусских или непосредственно средневеликорусских и под влиянием литературного языка (*в* вместо γ в род. п. ед. ч. мужск. и средн. рода прилагательных и местоимений).

Как же должен быть квалифицирован изученный говор? Каково его место среди других говоров русского языка? Относится ли изученный говор к числу южновеликорусских или средневеликорусских? Тот или иной ответ на поставлен-

ные вопросы зависит от определения объема понятий „южновеликорусский" и „средневеликорусский" применительно к русской диалектологии. А последнее требует не только большой работы по пересмотру вопросов классификации русских говоров, но и — прежде всего — углубленного изучения конкретно-исторического процесса образования русских говоров, в особенности средневеликорусских, в связи с историей русского народа и составивших его этнических групп. При одном определении указанных понятий изученный нами говор можно определить как южновеликорусский, при другом как средневеликорусский, но, вопреки существующим представлениям, с южновеликорусской основой и северновеликорусским наслоением. Вспоминаются слова А. А. Шахматова: „Возможно, что некоторые из этих (переходных, т. е. средневеликорусских. — *Р. А.*) говоров имеют в основании своем северновеликорусские, между тем как другие — восточнорусские".[1] Приходится сожалеть, что эта мысль осталась у А. А. Шахматова неразработанной.

Процесс образования средневеликорусских говоров охватывает длительный период, исчисляемый веками. Он продолжается и до наших дней, но качественно в разные эпохи он был различен. Были многообразны и пути образования средневеликорусских говоров в зависимости от разных конкретных исторических условий в разные эпохи. В свете этого требует пересмотра универсальное и догматическое учение о всех средневеликорусских говорах, как о северновеликорусских по своей основе и южновеликорусских по наслоению; но этот вопрос далеко выходит за пределы настоящей статьи, носящей описательный характер.[2]

Москва, 1940.

---

[1] А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. II, стр. 752.

[2] Этому вопросу посвящена другая работа автора.

Н. П. ГРИНКОВА

ЗАМЕТКИ О КАЛУЖСКИХ ГОВОРАХ

Настоящие заметки по говорам б. Калужской губ. собраны мною в сентябре 1924 г. попутно, во время этнографической работы по заданию Ленинградского государственного музея этнографии. В основном выбор района исследований диктовался не столько диалектологическими, сколько этнографическими заданиями. Тем не менее район моих наблюдений должен представлять некоторый интерес и в диалектологическом отношении, так как для работы были выбраны места наиболее глухие, наиболее сохранившие пережиточные формы быта и материальной культуры.

Работа велась в двух районах: 1) в б. Мосальском уезде, с. Милятино, дер. Аскерово и Высокая гора, 2) в б. Жиздринском уезде (позднее Бежицкий уезд Брянской губ.), с. Дуброва, деревни Ближнее и Дальнее Натарово, Раменье.[1]

В период моих наблюдений оба района, сравнительно с соседними, сохраняли много архаизмов в быту; например, в указанных селениях почти поголовно все женщины носили понёвы, девушки ходили в одних рубахах.[2] Старинные обряды сохранялись с большой полнотой. Мною записан путем непосредственного наблюдения весьма интересный по своим архаическим деталям свадебный обряд, а также, путем повторной поездки весной 1925 г., любопытнейший обряд „вождения русалки“ и завивания березки в Семик и Духов день. В обоих районах женщины были, как правило, неграмотные.

---

[1] Современная Смоленская область.

[2] См. мою ст. „Женская одежда западной части Калужской губ.“ (Материалы по этнографии, вып. III, 1926, изд. Гос. рус. музея).

Учитывая такой характер бытовых пережитков, следовало ожидать сохранения архаизмов, уже исчезнувших из говора молодого поколения в других районах, где грамотность и отхожие промыслы в значительной мере нивелировали говор молодежи. Посещенные мною районы в те годы представляли любопытное явление: молодежь, особенно женская, в своем говоре была мало затронута воздействием литературного языка.

При сравнительном изучении собранного мною материала с имеющимися в диалектологической литературе материалами А. А. Шахматова, Е. Ф. Будде, Н. Н. Дурново, Никольского и др., относящимися к концу прошлого или к самому началу XX в., а также со старыми отрывочными сведениями, находящимися в Архиве Гос. географического общества, восходящими в большинстве случаев к середине прошлого века, обнаруживается любопытная картина: основные черты, придающие говору определенную специфику, еще сохранялись и в очень слабой степени подверглись нивелировке. Посещенный мною район в отношении сохранения старого представлял собою в 20-х годах своего рода небольшой оазис.

Еще в начале XX столетия во многих местах к востоку от Милятинского и Дубровского р-нов сохранялась старинная женская одежда. Во время моих наблюдений (т. е. через 20 лет) в этих местах от старинной женской одежды не осталось ничего, кроме воспоминаний. Лишь посещенные мною селения сохраняли эту архаику, как своеобразные островки. Параллельно с сохранением архаических элементов в быту и материальной культуре сохранялись и остатки старых языковых черт.

В отношении изучения диалектов б. Калужская губерния по сравнению с целым рядом других областей находится в благоприятных условиях, так как помимо целого ряда описаний говоров мы имеем сводку и освещение всех известных до 1903 г. диалектологических материалов по б. Калужской губ. в работе Н. Н. Дурново — „Диалектологическая карта Калужской губернии“. На этой карте, как известно, нанесены все те

селения, о которых имеются диалектологические сведения, посещенных же нами селений не имеется. Таким образом, наши материалы могут служить некоторым дополнением к указанной обобщающей работе Н. Н. Дурново. Ближайшие населенные пункты, нанесенные на карте Н. Н. Дурново, — это: в б. Мосальском уезде — Спас-Деменское к западу от Милятина и Аскетова и Аристово к востоку от них; в б. Жиздринском уезде — Михалево к востоку от Дубровы и Латыши к западу.

Учитывая наличие в литературе детальных описаний фонетики говоров соседних районов, представленных работами А. А. Шахматова и других, считаю излишним приводить детальное описание говоров посещенных мною селений. Поэтому в нижеследующем описании привожу только наиболее яркие черты, характеризующие говор, а также даю наиболее выразительные образцы из моих многочисленных записей отрывков разговоров, сказок, обрядовых и бытовых песен и частушек.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

1-й предударный слог. После несмягченных согласных перед ударенным *а* обычным является произношение редуцированного звука заднего ряда: прапъдáj (Аск.), мъjá (Аск.), на óба бъкá (Аск.), кътájу (Аск.), стъкáн (Аск.), на кън'áх (Аск.), вылъкнá (Аск.), съмá (В. Гора), бъjáлас' (В. Гора), пъхáт' (В. Гора), въл'ájецца (В. Гора), скътá (В. Гора), дъвáj (Д.), н'иγъд'ája (Д.), кълъч'ám'и (Д.), къмáр'ики (Д.), къкája (Д.) и др.

В некоторых словах у тех же лиц на месте указанного редуцированного ъ звучит ясное *ы*: хыт'áт' (Аск.), нибыjáл'ис' (Аск.), хыз'ájка (Аск.), хыз'ájства (Мил.), скызáла (Аск.).

Отмечено, что появление *ы* в указанном положении вместо редуцированного вызывается растягиванием слова. Точно так же при пении в указанном положении обычно *ы*, а не редуцированный (ср. къкája, кън'á и т. п. при записи песни со слов и кыкája, кын'á при записи тех же песен во время исполнения хороводной песни на гулянье).

Зарегистрировано несколько случаев отступления от этого диссимилятивного принципа: парас'áтам (Аск.), малач'ка́ (Аск.); варата́ (Нат.), уз'ала́ (В. Гора) и др.

После мягких согласных в том же положении перед ударенным *а* обычно — *и*: р'иб'áта (В. Гора), ина́ (В. Гора, Д., Акс.), с в'ин'ч'ал'ным (Д.), з'имл'а́ (Д.), н'ида́ўна (Нат.), п'итна́ццат' (Нат.), в'иза́л'и (Нат.), б'ис па́зух'и (Нат.).

Перед ударенными *и, у, ы* обычно произношение *а*: н'а в'и́д'ут' (Аск.), к в'анцу́ (Аск.), б'ару́т' (Аск.), д'ажу́ (Аск.), н'а д'у́жа (В. Гора), пл'ату́т' (В. Гора), цв'аты́ (Аск.).

Отступления отмечены в следующих случаях: б'ис су́кн'и (Нат.), пр'ин'исл'и́ (Д.), пав'изл'и́ (Д.), п'ир'ирыjут' (Аск.).

Перед ударенными *е, о* наблюдается колебание в произношении в первом предударном слоге *и/ъ — а*.

Узкие звуки (*и/ъ*) перед ударенными *е, о* отмечены в следующих случаях: д'ир'éўн'а (Д.), з'ил'óнаjа (Д.), б'из збóрак (Нат.), с'ир'óγ (Нат.), ивó (Д.), п'ич'óнк'и (Д.), б'ир'óза, д'ин'ó-ч'ик (Д.), б'ир'óт' (Д.).

Звук *а* в аналогичном положении отмечен несколько реже: хр'аш'ш'éн'jем (Д.), къравóду (Д.).

В указанном положении *е* из древнего ѣ разделяет судьбу *е* из древнего *е* и *ь*; н'ид'ѣл' (Нат.), т'ил'é'γа (Аск.), б'ил'л'ó (Аск.).

По указанию А. И. Никольского, „в противоположность мосальским говорам жиздринские перед ударяемым *е* изменяют безударное *е* в *а*, а не в *и*“. Приведенные нами случаи указывают на наличие колебания в данном положении, что лишний раз подчеркивает необходимость при каждом примере точно обозначать селение. Утверждение А. И. Никольского, возможно, вполне справедливо для говоров более южной части б. Жиздринского уезда, где он и работал главным образом; здесь же, в Дубровском районе, близком к Мосальскому уезду, вполне понятным является колебание в произношении гласного в указанном положении.

В слогах, удаленных от ударенного более чем на один слог, слышится обычно редуцированный звук; при растягивании речи и при пении, как указывалось выше, этот звук

совпадает с *ы:* мълады́х (Аск.), кърабо́ду (Д.), пъўс'аму́ (Д.) вълъкна́ (Аск.), пыбыја́л'ис' (Аск.).

После мягких согласных в том же положении слышится *н:* п'ир'иры́јут' (В. Гора), ч'илав'е́к (Д.), б'изрука́ўка (Нат.), н'икрас'и́ва (Нат.), н'и куса́л'и (Д.). В заударных слогах наблюдаются те же соотношения. В нескольких случаях при быстрой речи отмечена полная редукция неударенного гласного, как, например, дорγи (= до́роги — Нат.), пирхварала (Аск.).

Говоры обследованных селений относятся к типу говоров, знающих произношение *у* на месте *в*. На месте этимологического *в* находим или билабиальное *в* (*ў*) или вполне вокализованный звук *у*.

Это явление наблюдается в следующих положениях:

а) в начале слова —

ў: ўс'е́ (Аск., Д.), ўдо́вы (Аск.), ў су́мучк'у (В. Гора), ў л'е́с (В. Гора), ў ла́ўку (Д.), ўтыка́јут' (Д.).

у: Ула́с (Аск.), уз'ала́ (В. Гора), у у́шы (Нат.), у су́кн'ах[1] (Нат.).

б) в конце слога.

ў: д'е́ўка (Аск.), пад'д'о́ўка (Аск.), даўно́ (В. Гора), γадо́ў (В. Гора), д'ир'е́ўн'а (Д.), аўцы́ (Нат.), здаро́ў (Д.).

В единичном случае отмечено произношение *у* в интервокальном положении: γато́ўјат' (Нат.). На месте этимологического *в* звук *ф* появляется почти исключительно в говоре мужской молодежи. В говоре же, не тронутом городом и книгой, *ф* почти неизвестно. На месте этимологического *ф* обычно выступают *х, хв*: Хрол (Аск.), хва́бр'ика (Аск.), на хва́лдах (Нат.), пъхвар'с'а́т' (Нат.). На месте обычного русского *о* из древнего ъ перед ј в обследованном говоре имеет место произношение звука *ы:* мы́ју (Аск.), смы́јеш (Аск.), ныјет' (Аск), пириры́јут' (В. Гора), мы́јут' (Нат.).

В указанных селениях отмечена лабиализация гласных заднего и среднего ряда: мужуко́ў (В. Гора), бува́јит' (Д.), с рукува́м'и (Нат.), су́муч'ка (В. Гора).

[1] Сукня — род верхней женской рубахи.

В начале слова перед гласными заднего ряда появляется протетическое *в:* вýтра (Аск.), вýскаја (Аск.), вóкны (Д.), вýхи (Нат.), вóпух (Д.). Перед начальным *в* отмечены единичные случаи появления *у:* ув'ёс (В. Гора), уваjд'ét' (В. Гора), уваjдýт' (Д.), уваjдеш (Д.), увадн'éj (Д.), увавс'éх (Нат.).

В песенном языке, во время пения, отмечена почти постоянная йотация предлога *у* (из *въ*); jý кърмáн'и и т. п.

Обследованные мною селения находятся на территории, для которой в диалектологической литературе имеется указание на распространение удвоения согласных вместо сочетания „согласный + j". Так, мною отмечены следующие факты: св'ин'н'á (Аск.), св'ин'н'и (Аск.), б'ил'л'ó (Аск.), нал'л'ýт' (Аск.), пл'ет'éн'н'а (В. Гора), кут'т'ý (Д.), у γав'éн'н'е (Д.), прашéн'н'а (Д.).

В единичных случаях отмечено упрощение группы согласных: свин'á (Мил.).

Показательным фактом в отношении принадлежности того или другого говора к южнорусскому или белорусскому наречию является наличие или отсутствие неорганического смягчения заднеязычных.

Это смягчение встречено мною только в двух селениях б. Жиздринского уезда, а именно в д. Ближнем Натарове и с. Дуброве: стáр'ин'к'аја (Нат.), хъз'ájк'а (Нат.), мáл'ин'к'аја (Нат.), м'ил'ен'к'аj (Д.), уjýт'н'ен'каја (Д.), ál'ен'к'aj (Д.).

Как видно из приведенных примеров, смягчению подвергается *к* только после палатализованного согласного предшествующего суффикса или после j. В говоре тех же лиц, от которых записаны вышеприведенные примеры, в других положениях, где возможно было бы ожидать смягчения, такового не наблюдается; например: д'éвач'ка, сýмуч'ку (Д.) и т. д.

В с. Милятино и д. Аскерово, близких к „Деменщине", мягкое *к* совсем не отмечено, что вполне подтверждает указание Д. К. Зеленина на то, что мягкое *к* „на крайнем западе, на границе со Смоленскою губ."[1] неизвестно.

---

[1] Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением задненёбных согласных, стр. 263.

В Дубровском же районе это явление следует признать сравнительно редким. Если наши материалы сопоставить с данными из Лужницкого района (западнее Дубровы), сообщенными И. А. Поповым,[1] где на мягкое *к* нет никаких указаний, то можно высказать предположение, что Дубровский район является одним из наиболее западных пунктов распространения мягкого *к*. Западнее этого явления пока в литературе не отмечено, в то время как к востоку от Дубровы мягкое *к* имеет значительное распространение.

Из редких, спорадических явлений отмечу цоканье в говоре нескольких старух в д. Аскерово (родом оттуда же): с'ицáс; в других словах случаи смешения *ц — ч* не отмечены.

Также в единичном случае отмечено твёрдое *р* в говоре одной молодухи из с. Дубровы — стракóч'ут'; и рядом у неё же — стр'икóч'ит'; возможно, этот случай может иметь аналогичное образование: строкот || рокот.

В отношении произношения шипящих звуков можно указать, что все шипящие, за исключением *ч'* и *щ* (которое звучит, как ш'ш') произносятся твёрдо. Тем не менее на сравнительно недавнюю мягкость этих звуков имеются косвенные указания. Так, постоянно отмечено перед ш произношение под ударением звука е, а не о: л'еп'ёшка (Д.), ид'ёш (Д.), н'ес'ёш (Б. Нат.).

Очевидно, в этих случаях *е* сравнительно недавно оказалось перед твёрдым звуком и не успело еще подвергнуться общему закону перехода е в о.

По утверждению Н. Н. Дурново, говоры сёл, соседних с Дубровой (именно, в Анисове и Воскресенском), не знают мягких шипящих, произносят даже *щ* как *шш*. Что касается довольно близкой к границе Жиздринского уезда деревни Новоселки Мосальского уезда, то А. А. Шахматовым отмечены мягкие шипящие и цоканье.[2]

---

[1] Архив Геогр. об-ва, XV, 14.

[2] А. А. Шахматов. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров, стр. 20.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Укажу несколько наиболее интересных фактов из области морфологии.

В основах женского рода на *а* в род. пад. встречаем окончание *е* под ударением и *а* в неударенном положении: б'ес труб'е́ (Б. Нат.), ў ха́т'а (Аск.), в амба́р'а (Аск.), у сарахв'а́н'а (Аск.), ис сало́м'а (Б. Нат.), в рабо́т'а (Нат.), на пан'о́в'а (Нат.), на б'ир'о́з'а (Д.). На подобную форму имеем указание только для Спас-Деменского района. Не берусь решать вопроса о том, известна ли эта форма восточнее.

В им. пад. мн. ч. того же склонения в наших говорах не редко наличие окончания *а* (вместо *ы*): бы́л'и ха́т'а (Нат.).

Отмечено неоднократно во время исполнения хороводных песен употребление зв. пад. в том же склонении: расхаро́ша-ja жан'о́. В живом разговорном языке подобных форм не отмечено.

В им. пад. мн. ч. средн. рода очень часто употребляется окончание *-ы*, вместо ожидаемого *-а*: враты́ (Б. Нат.), во́кны (Д.), а также и в мужск. роде — паjасы́ (Б. Нат.)

В склонении старых основ на *и-* в предл. пад. мн. ч. вместо современного литературного окончания *-ях* имеем: на лошад'о́х (Аск.), а также в дат. пад. мн. ч.: к лошад'о́м (В. Гора).

В склонении местоимений и полных прилагательных отмечено обычное для этого района окончание род. пад. ед. ч. мужск. и средн. рода *γо*: каγо́, кра́снъγа и т. п. Однако следует констатировать, что рядэм с этим типичным окончанием не редки в Дубровском р-не в произношении одного и того же лица случаи параллельного употребления окончания -во (-ва): бъγа́таγа, нич'о́γа, ч'аγо́ и мъладо́ва, маиво́. Из соседних говоров обычно употребление окончания *-во* (*-ва*) в с. Анисово Городище,[1] отстоящем в 15 км к востоку от

[1] Н. Н. Дурново. Диалектологическая карта Калужской губ., стр. 15.

с. Дубровы. Может быть, в данном случае спорадическое появление окончания *-во* — как слабое отражение черты, более широко известной к востоку от Дубровы.

В глагольных формах 3-го л. ед. и мн. ч. описываемые говоры знают только *-ть*: шjет' (Аск.), жив'ёт' (Аск.) и т. п. Форма 3-го л. ед. ч. jос' (=есть) известна как в Аскерове и Милятине, так и в посещенных деревнях Жиздринского уезда.

В формах настоящего времени имеется тенденция к сохранению тематического *е*, без перехода его в *о* перед следующим твердым или отвердевшим согласным, например стр'иɣéм (Аск.) и др. О форме 2-го л. ед. ч. замечание сделано выше.

В нетематических глаголах — обычна старая форма дас'й и нередка, как новообразование, форма дас'йш (Мил., Аск., Нат.).

Из глагольных аналогических образований интересны следующие: оддад'йш (Аск.), арájеш (=орёшь — В. Гора).

Небезинтересны глагольные образования от иных, чем в литературном языке, основ: старик бал'йт' (Аск.), боɣ спас'йл (Аск.), пастýх пас'т'йт' св'инêj (Аск.).

Отмечены формы без *l* epentheticum с'п'ю (Аск.).

Встречена своеобразная форма повелит. накл. 2-го л. мн. ч.: пашол-те (Д., Б. Нат.).

Обычно слияние 1-го и 2-го спряжений при безударных флексиях, типичное для южнорусских диалектов: станóв'ут' (Аск.), закýс'ут' (Аск.), х'од'ут' (Д., Нат.) и т. п.

Из причастных образований обращают внимание: вз'áд'ена (Аск.), брáд'ена (Аск.), д'ал'йтаjа (Мил.), падajóмшы, пръцад'óмшы.

Приведенные выше данные, характеризующие говоры посещенных мною селений, свидетельствуют о том, что эти говоры следует относить к западной группе южнорусских диалектов с ярко выраженным аканьем и яканьем.

Говоры посещенных мною селений принадлежат к так называемой „заугорской" группе говоров (по терминологии

Н. Н. Дурново), характеризуемых произношением звука *в* в определенных положениях как *у*, что неизвестно в говорах по другую сторону р. Угры.

В этой заугорской группе говор указанных селений относится к подгруппе говоров с так называемым западным, диссимилятивным аканьем при наличии в род. пад. местоимений и прилагательных окончаний *-γо* а не *-во* (*-ва*), как это наблюдается севернее обследованного нами района, в северной части б. Мосальского уезда.[1]

По классификации, приведенной в упоминавшейся работе Н. Н. Дурново, данные говоры следует отнести к группе 12. Исключением, пожалуй, может являться только говор с. Дубровы, где спорадически отмечено мною в указанной форме произношение *в*, а не γ, что дает некоторое основание сблизить говор этого села с группой 11 у Н. Н. Дурново.

По замечанию Н. Н. Дурново, различие между отдельными говорами, входящими в группу 12, состоят в различном количестве белоруссизмов.[2]

В нашем районе отмечены следующие, довольно яркие белоруссизмы: удвоение согласных, форма jос', *ы* на месте русского о (из *ъ*).

Для спасдеминского говора было отмечено (по сообщению местных жителей), как характерное явление — тиканье, т. е. употребление частицы „ти" в вопросительных предложениях. В ближайших же к Спас-Деменску посещенных мною Аскетове и Милятине этой черты нет; очевидно, восточную границу распространения тиканья следует искать несколько западнее.

Точно так же в посещенных мною селениях нет и произношения *ў* на месте *л* в формах прошедшего времени; для Спас-Деменска есть указание на бытование этой черты в старое время.

---

[1] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 15—16.

[2] Там же, стр. 17.

Из посещенных мною селений наибольший интерес для детального изучения говора представляет район с. Дубровы, являющийся наиболее западным из известных нам пунктов распространения мягкого *к* и формы родительного падежа единственного числа на *-во* в пределах б. Жиздринского уезда.

При наличии в данном говоре некоторых белоруссизмов рядом с элементами смягчения *к* особенно заостряется интерес к данному говору, как содержащему взаимоисключающие черты и представляющему типичный переходный говор от южнорусских к белорусским.

Образцы говоров

Ниже привожу небольшую часть записанных мною образцов.

Основной материал представляют записи сказок, реплик и песен, исполняемых во время свадебного обряда (свадьба записывалась во время исполнения самого обряда), записи обрядовых песен во время „вождения русалки" в Троицу и целого ряда хороводных песен.

Все эти материалы записаны с голоса, во время совершения обрядов и вождения хороводов, с последующей выверкой после обряда.

Кроме того, были записаны отрывки разговоров и отдельных реплик.

Разговор со старухой с. — Б. Натарово

Ра́н'ше д'е́фк'и хад'йл'и плато́к зав'иза́фшы ф кружо́к. Д'е́ушк'и н'и хо́д'ут' в адно̀j руба́шк'и, у сукн'а́х хо́д'ут'. Па про́ч'им стърына́м д'е́вушк'и но́с'ут' зънав'е́ск'и, а у нас н'ет, а же́н'ш'ш'ины, кауда́ зънав'е́ска, тыуда́ су́кн'и н'е́т-т'и. Съпау'и буд' д'ен' н'и но́с'ут' аны́ о́ч'ин' до́ру'и, с парт'а́нк'ам'и, у каво́ jос' чулки, а то палсапо́шк'и но́с'ут' мълады́и мало́тк'и. Ба́пск'иje ч'улк'и́ б'ис п'а́тък. У нас их в ла́пт'и абува́jут', у кауо́ сапоу

н'ет-т'и, сапаγ'и́ н'и о́ч'ин' абува́јут', пажал'е́јут' нър'а́дък, ат сапо́γ ма́сл'ущца. На мускўју рубашку штук шес' шл'а́пък,[1] а тап'е́р' плах'и́и, ко́л'ущца ду́же, на р'е́ч'ку пан'ес'е́ш, пра́л'н'икъм ръзаб'е́ш. Мужук'и́, мълады́и р'иб'а́та нас'и́л'и шл'а́пы ч'о́рныи, ф шл'а́пъх павл'и́ныи п'е́р'ја, д'иржа́л'и павл'ино́ф па икано́м'ијам, н'и зна́ју, д'е аны́ их д'иржа́л'и. Пр'а́лки етају́ч'к'и бы́л'и, давно́, а тап'е́р' съмъпр'а́тк'и, тых н'ет, н'и нахо́д'ат' спо́ръс'т'и в рабо́т'а.

Рассказ молодухи с. Дуброва

На св'а́тках изв'е́сна в'е́с'ила. γыда́јут' и д'е́вушк'и и р иб'а́та и же́ншыны мълады́је. Што́-тъ н'и пр'ихо́д'ицца γыда́н'ја э́та. С в'ин'ч'а́л'ным кал'цо́м у стъка́н два кыл'ца́ и бу́д'иш с'ид'е́т' и гл'ад'е́т' в этъ кал'цо́ и вот ф стака́н'и выхо́д'ит' ч'илав'е́к. То́л'къ пач'иму́-тъ засн'е́ш, как јаму́ выхо́д'ит'. Пад во́кны хо́д'ут' слу́хът', к хатъм саб'ира́ицца ч'илав'е́к ф пахо́т и слу́хаит'; јес'л'и услы́шыт' „пашо́л" зна́ч'ит' ш'ш'а́с'је бу́д'ит', а јес'л'и „с'ат'" (там на ко́шку или д'ит'о́нку), то н'и паід'е́т. Сп'ич'к'и зажыγа́јут', у ла́ўку ўтыка́јут', куда́ зъва́л'ицца, туда́ за́муш уваід'е́ш, а јес'л'и зγар'и́т' — то умр'е́ш ил'и на м'ес'т'и атста́н'ещс'а.

Д'е н'ибу́т' аткўп'ат' хату, и ус'иγда́ ўв аднэј ха́т'а и хо́д'ут', в жму́рк'и иγра́јут', каγо́ паjма́ит'. Кал'е́ч'ка харо́н'ут', п'ес'н'и иγра́јут'. На ма́с'л'ин'ицы кърабо́ды во́д'ут', нъ сын'а́х кыта́јущца, идна́ па́ртија в'ез'е́т' друγу́ју. Са́мыја до́браја над'ива́јут', д'е́лајут' ку́клы, как д'ит'о́нък, но́с'ут' их, ув аднэ́j рук'е́ цв'еты́, а у друγэ́j кукла.

У в'е́ч'ер ваз'му́т' касу́ и балабо́лку и стр'ако́ч'ут' н'и паjм'е́ш ничо́γа, ус'а д'ир'е́ўн'а стр'ико́ч'ит'. Иду́т' на даро́γ'и, дво́ја пл'а́шут', а друγ'и́је иγра́јут'.

У нас кла́дб'иш'ш'а к М'ихал'о́ву. Ч'аво́ быја́ццa, л'ажы́т' н'и т'е́ла, а зимл'а́, хто там вы́јд'ет'. Да тр'ох γадо́ф, пам'и́нки; тр'и дн'а, шес' д'он, д'е́в'ат' д'он, тр'и н'ад'е́л'и, шес' н'адэ́л', палγо́да, γот, два γо́да, как три γо́да праjд'е́т', бо́л'ше наро́-

[1] Пуговицы.

ду н'и завýт', а то пыпá завýт' и нарóт. Л'еп'éшк'и скъваródныје пъдавыје, к'ис'éл' из афс'áнк'и п'ákýт', кут'т'ý н'и д'élajут. Кут'т'ý п'ир'ид ражаствóм, п'ир'ид хр'аш'ш'ён'јем — тодд'ен' и зав'éц'ц'а кут'т'á: бувáит' р'ис, с пашан'йцы, у кавó м'от јос'.

Анá ражжóнаја (= разведённая), жыв'ét' у мáт'ир'и, инá шóстаја.

Рассказ пожилой женщины с. Дуброва

Ву м'ен'á уjýт'н'ен'к'аја д'évъч'ка былá, гълас'йла пајéj, у гав'ён'н'е ум'ирлá! С'éна тъптá'ли да уб'йлъс'а, бал'éла и пам'ирлá. Вопух был силнај, как уб'йлъс'. Пр'ин'асл'й јеjé γ дóхтару, а жынá ивó: „ак кыкája зырáзнаја бóл', н'и нас'ít'e". Пан'ас'л'й к ф'éршалу, дáл'и пырашкóф, пал'éγч'ила, пав'из'л'й у П'исóч'ну. Да ч'итырнадцът'и л'ет фс'о хад'йла, тóл'ка гъвар'йла: „Бал'ít' у м'енé γрут'", л'óγк'ије ал' п'ач'óнк'и бал'éл'и. Л'уб'йла инá м'ин'á и жал'éла. „Ты дóлγа скарóд'иш, умар'йлъс'", бывáла скáжет'. Плáкъла, прашшéн'н'а прас'йла в'ез' д'ен'. Св'óкар двóр стънав'йл у хат'а, инá гъвар'ит': „Пъзав'й д'éда". — „Прас'т'й м'ин'á, д'ет, м'ен'é дýже л'йха". Л'ижáла, л'ижáла. „Дéт, ид'é, нáша н'áн'а?". — „Да инá скарóд'ит', д'évъч'ка". — „Ты знáиш, мн'е дужа л'йха, пус б'аγйт' дамój, ина ни жал'éзнаја, п'átк'и фс'е налóпъл'ис'". Пр'ишлá ја. „Прас'т'и м'ин'á", — гъвар'ит'. Как заγуд'éл'и фс'е, зъгълас'йл'и. Пыстáв'ил'и л'еп'éшк'и пашан'йшныје дл'а н'ејé, а инá: „Н'ан', сјеш л'еп'éшеч'ки". — „Да мат' пр'ијéд'ет'; бýд'ем аб'édат'". — „Да што аб'édать', пахл'óпка итак ш'ш'ók'и прајéла".

Рассказ женщины средних лет (В. Гора)

Зáфтра кас'йт' ид'ит', а касы́ н'éту. А лáфк'и закры́ты. Ја уз'илá да врат'йлас'. А јон: „Што ты врат'йлас'?" А ја: „С'éн'н'и н'и тарγýјут', лáфк'и затвóр'ены". — „Ну, мáт, ја пајдý, мн'е жáт' дýже л'йха". — „Да куда ш ты пајд'óш; д'ит'óнак, вр'éм'а рабóч'аја". А с сабој уз'нáл на саб'é рубáшка да ў сýмуч'ку рубáшку да анýч'к'и. А н'а знájу куды пашóл. Сас'ét Арт'óм γавар'ит', што на Бър'ат'йнскъј ав'éц пас'ét'.

Звал м'ин'а γ бáпк'и, а ја γувар'ý, што нич'óγа н'éту, γ бáпк'и в'êс'. Иноj раз γувар'ит': „Мн'е, мат', дýжа л'йха". Пráз'н'ик пр'ид'ét', р'ибáта γул'ájут', а јон цél'нъj д'ин'óк с'п'ит'. И у двар'é jамý н'ич'óγа н'а м'йла, н'и с'в'ет н'а м'ил. Да н'а дýжа даўнó случ'йлас': л'ажы́т' къла м'ен'é, а ус'ó т'éла тр'óп, тр'óп. А патóм стал на м'ён'а руγáцца; пajéхъл'и у л'ес а јон на м'ен'á с тъпарóм. Път пыжáр я жылá как сл'éдујет, р'иб'áта бы́л'и дóма, ув'êс' скот зав'ал'й. Ус'é м'ен'é стр'екájут: у т'еб'á карóва дъ кабы́ла и у нас у мужукоф лъшад'óнъч'ка была да прамы́сл'ил'и избý. Н'и пъмъγájут', што и хто трав'йну йл'и л'ис'инý. Вот ја ныjмáла кас'йт'. Кал'и н'и паγ'лажý, лóшат' уваjд'ét'. Там л'ашшы́х'инск'иje пастух'й вы́шл'и к лашад'óм, γувър'áт', два рáзъ адγын'ál'и ат jej з'в'ér'а. Ну, дýмаjу, пajду дваруý. А инá ид'ét'. Был ыз д'ер'éвн'и п'éрвъj мáлъj γóспад'ӣ, ус'и jeγó рав'éс'н'ик'и парóγ'и изб'йл'и, наб'ивáл'ис'. Былá у jих бытрáч'ка д'éўка, рабóтъл'и т'е тут, на уч'áск'и. Прijежжáл кыкоj-тъ нъ уч'áстък, пав'óс jeγó и што-тъ случ'йлъс'. Стал памнóγу jêс', пъ каврúγ'и, стал у р'иб'át брáт'. Н'и мóжът' ничóγа зд'élът', скътá н'ет, аднá хáта кáм'енна, и жан'йццъ ни прóс'ицца. У м'ен'é две н'ев'éск'и, Вáр'а да Праскýта. Ваз'йл'и γ знъхáрк'и, дъвáл'и вóду, ис свajeγó калóд'ез'а ваз'йл'и. Аттýда п'ит' да прúскът'. Пал'éγч'ил'и, а то бывáла св'ис'т'йт', пл'áшът', иγрáит'.

Кýры ус'ó п'ир'ирújут'. Как заарáл, ја γувар'ý: „Д'ат', ч'иγó ш ты арàjеш? Пъхáть, скарóдит' с сабój тъскáла. При'jéду с пóл'а, тóл'ка ч'ут' п'йкajет', дам γрýд'и — атajд'ét'.

Рассказ старухи д. Аскерово

Н'ав'éста зъсталóм с'ид'йт', д'éўк'и jej п'éс'н'и иγрájут', с'ид'áт' р'áдъм, супóбъч'! Жан'их з друшкóм выкуп'ájут' мéста. Д'éўк'и вон и цв'ет далоў. Цв'ет пр'иб'ирájут', стайт' в амбáр'а да новъj свад'бы. Пад в'ен'éц в растр'óпку вóлъс. К в'анцý сарахвáн над'евájут', на другój д'ен' тóжа у сарахвáн'а. Д'éўка срóду н'а в'ид'ит' пан'óвы. Удóвы идýт', то н'е накрывájут' γлавы́, ана н'а д'éўка, што jej пакрывáцца. Тап'ér' ус'о удóвы, кóл'ко ражжан'óх.

Хороводная песня (С. Дуброва)

Ја хажý γул'áју вóдл'е харавóду
Цв'ét'ик мој ál'ен'кај
γл'ажý ја смóтр'у па ус'амý нарóду *(припев)*.
Ишшу, выб'ирáју бъγáтъγа тс'а сибе *(припев)*.
Јешшо заγул'áју ја вдóл' кърaвóду *(припев)*.
Пыдыjдý пабл'ижа, паклан'ýс' пан'ижа *(припев)*.
Бут' мн'е т'ес't', ја з'ат' т'еб'é бýду
З'ат' т'еб'é бýду, т'ебá вызывáт бýду *(припев)*.
Ишшó заγул'áју ја вдóл' кърaвóду (*припев*).
Да γл'ажý ја смóтр'у лáскъвују т'óшшу *(припев)*.
Ишшó ја вы́бръл лáскъвују т'óшшу
Пыдыjдý пабл'иже, паклан'ýс' пан'ижа *(припев)*.
Бут' ты мн'е т'óшша, з'ат' т'еб'é бýду,
Бýду т'еб'é з'ат', бýду вызывáт' *(припев)*
Ишшо зъγул'áју ја вдол кърaвóду
Да γл'ажý ја смóтр'у пъ ус'амý нарóду *(припев)*
Ишшý выб'ирáју мъладóва шурина *(припев)*
Ишшó ја вы́брáл мъладóва шýр'ина
Пыдыjдý пабл'иже, наклан'ýс' пан'иже *(припев)* и т. д.

Частушки (С. Дуброва)

Хърашó травý кас'ít',
Къкáја пр'им'áтья,
Хърашó д'éўку л'уб'ит,
Къкáја с пън'ат'ијем.

За р'акój д'еўка кас'íла,
Раз'в'изáлъс'я кас'ива,
П'и риjéхал бы тудá,
Н'ет н'и лóтк'и, н'и в'ислá.
Л' ихырáтка п'ирн'ислá!

Эта хто-тъ к нам ид'óт',
Ч'ар'нéjуццъ бр'ýк'и,
Этъ м'ит'ина пахóтка —
Jу карман'е рýк'и.

Нъ стал'é стаит' γармóн'а,
Божа мој, къкáја!
Дъвáj м'íлај разваднýjу —
Жыс' наша плыхáја.

П. Я. ЧЕРНЫХ

К ФОНЕТИКЕ ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРОВ

В 1919—1920 гг. в Иркутске, где я проходил свою аспирантскую подготовку под руководством незабвенного А. М. Селищева, меня заинтересовали некоторые особенности произношения одной пожилой женщины из с. Нижняя Залегощь Новосильского р-на (тогда — уезда Тульской губ.), ныне Орловской обл. Женщину звали Марией Дмитриевной Катальниковой. Незадолго перед тем она с семьей переселилась в Сибирь, в Иркутск, где муж ее получил место сторожа на железной дороге. Несомненно, эти черты произношения М. Д. Катальниковой отчасти можно рассматривать как принадлежность ее индивидуального говорения, и они не все являются характерными для говора Нижней Залегощи в целом.

Чтобы выяснить этот вопрос, требовалось или побывать на родине Катальниковых и произвести диалектологические наблюдения на месте (я не имел этой возможности), или, по крайней мере, воспользоваться теми данными, которые имеются по орловско-тульским говорам. Оказалось, что с. Нижняя Залегощь как раз относится к той группе селений б. Новосильского уезда, которая была обследована в диалектологическом отношении еще в 1903 г. профессором Е. Ф. Будде.[1]

Заметки, сделанные мною, как уже сказано, на рубеже 20-х годов, долгое время оставались необработанными. Теперь я решил привести их в порядок, полагая, что при всей их краткости и случайности они все же представляют некоторый

[1] См. его работу „О говорах Тульской и Орловской губерний". СПб., 1903.

диалектологический интерес, особенно в связи со все возрастающими успехами русской диалектологии и интересом к ней в последние годы.

ГЛАСНЫЕ ПОД УДАРЕНИЕМ

а. В положении между мягкими согласными в образовании гласного *а* происходит подвижка вперед и вверх. Новый гласный иногда не отличается от гласного *ê* (напряженного, см. ниже): ап'ét' нá γат (опять), γл'ад'ét' (3-е л. мн. ч.), ус'é γавар'ét'. Артикуляция *е* вместо *а* в этом положении — черта севернорусского вокализма, известна, очевидно, и в некоторых южнорусских говорах: мечик, стаели, еица, оказываются, например, в с. Панькове Новосильского уезда;[1] мечь — в с. Покровском Галичьем Ливенского уезда;[2] мечик, hледя, стучели — в д. Меньшиковой Дмитриевского уезда;[3] hледя, чей (чай), мечик — в с. Двоелучном Тимского уезда;[4] в записях Е. Ф. Будде из Новосильского уезда относится одинокое hлеть (= глядь — д. Пруды, стр. 27) да, быть может, памéнуть (3-е л. мн. ч. — с. Н. Залегощь, стр. 20), если поменуть — под влиянием „памéнь", „спамéнь" и т. д.

Во всяком случае, если не возникновением, то, по крайней мере, своим сохранением эта черта произношения М. Д. Катальниковой обязана сибирскому говоренью.

е. Имеются два оттенка *е:* напряженный — перед мягким согласным: д'ếн', п'ếн'йа... и ненапряженный — перед твердым согласным и в конце слова: н'ав'éста, на γалав'é. Последний встречается (без перехода в *о*), по большей части, на месте старого звука *ѣ* (ять), а также и в некоторых других случаях, особенно в форме 2-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. глаголов 1-го

---

[1] Материалы для изуч. великорусс. говоров, вып. VIII, 77. Сб. Отд. русск. яз. и слов. АН, т. 73. (географ. номенклатура сохраняется).

[2] Труды Моск. диалектол. комиссии РФБ. 1914. № 2, стр. 348.

[3] Материалы для изуч. великорусск. говоров, вып. IX, 236. Сб. Отд. русск. яз. и слов. АН, т. 87.

[4] Там же, № 246 и 249.

спряжения: н'ис'éш, пав'арн'éш, жд'éм, пад'éм, пражыв'éм, л'j'éм, — где он сохранился едва ли не под влиянием *е* в форме 3-го л. ед. ч. тех же глаголов — Ср.: сашj'ét', бj'ét' и пр. при: ид'óт' и даже: ид'óт, б'ир'иγ'óт. В записях Е. Ф. Будде: бярѣм, пойдѣм, събирѣм (*е*, не *о*). Ср.: умрѣть, пъзавѣть и т. д. (сёла Н. и В. Залегощи, стр. 19—24).[1]

ѣ (ять). Нередко в произношении М. Д. Катальниковой старый звук *ѣ* (ять) не отличается от старого звука *е* (как уже сказано). При терпеливом же слушании можно наблюдать нечто любопытное: в некоторых случаях в спокойной речи, независимо от открытости или закрытости слога, вместо обычных оттенков *е* на месте старого *ѣ* под ударением является дифтонг, более широкий в своей второй, обычно и слоговой, части; таким образом, *i͡e*, а в начале слога *ие*, при котором изредка и *и*^{e}: п'i͡ена, л'i͡етам, бал'i͡ела, д'i͡ет'и, хл'i͡еп, н'i͡ет, аб'i͡ет, м'i͡еста, д'i͡еука, п'i͡ес'н'и, рыеч'ку; уиéдыш, поиéхал'и, надаиéла, иéз'д'ил'и, иéст; — д'йев'ир, ка мн'йе.

В записях Е. Ф. Будде из Новосильского уезда отмеченное явление представлено очень слабо, причем его буквенные изображения указывают лишь на дифтонг второго рода: у ли^{e}уую сторону (с. В. Залегощь, стр. 22), дивирям (с. Н. Залегощь, стр. 21) и др.; еще: тьвѣ'ат, сѣ'ачьки (с. Пятушки, стр. 13), но там же: сéам, в закрытом слоге: не вместо *ѣ*, а вместо *е*.

Некоторые южнорусские говоры, как известно, знают дифтонгическое произношение старого звука под ударением: таковы говоры (по старой терминологии) Епифанского и Ефремовского уездов Тульской губ., Рязанского уезда, Землянского и Задонского уездов Воронежской губ.[2]

[1] Транскрипция Е. Ф. Будде здесь и в других местах сохраняется.

[2] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского яз. Энц. сл. фил., вып. 11. Петр. 1915, стр. 343; Дурново, Соколов и Ушаков. Очерк русской диалектологии. Тр. Моск. диалектол. комиссии, вып. 5. Москва, 1915, стр. 92; особенно: В. М. Соколов. К вопросу о дифтонгическом произношении *ѣ* и *о* в южновеликорусс. говорах. Тр. МДК, вып. 8, стр. 25 и сл.

о. На месте старого звука *о* в известных случаях, особенно после твердого согласного, получается звук сложной артикуляции, дифтонг, более узкий в начале, более широкий и слоговой в конце: *у̯о́:*

Не в начальном слоге слова: мару̯о́с, здару̯о́ф, при'в'у̯о́с, вару̯о́жыт', хару̯о́шай, па'гу̯о́н'а, вару̯о́ты, н'а му̯о́жа, н'а ху̯о́ч'а, кладу̯о́фк'и, патиху̯о́н'ку, карту̯о́шк'и, д'афч'у̯о́нка, дажжаву̯о́й, вады; в начальном слоге слова: бру̯о́с', ду̯о́м (не ручаюсь), зву̯о́н'у̯т', гу̯о́рат, ску̯о́ра, ву̯о́с'им.

При эмфазе такое произношение обычнее.

В записях Е. Ф. Будде из Новосильского уезда мною отмечено лишь: у сиреотки (*д.* Хуторь, стр. 18), пуодняс (подниз, с. Пятушки, стр. 16) при: поуднис (там же, стр. 13); Хеодар (Федор, там же, стр. 15); в песне: дѣ батюшка пьеóть, за мной маladóй шьлеóть (с. В. Залегощь, стр. 24).

Дифтонг на месте старого звука *о*, главным образом, под старым восходящим ударением знают многие южнорусские говоры: таковы говоры (по старой терминологии) Епифанского, Ефремовского, Крапивенского уездов Тульской губ., Малоархангельского уезда Орловской губ., Новохоперского, Землянского и Задонского уездов Воронежской губ., Рязанского, Пронского, Сапожковского и Скопинского уездов Рязанской губ. и др.[1]

И в этой черте произношения М. Д. Катальниковой, как и в только что перед тем рассмотренной дифтонгизации старого звука *ѣ* под ударением, я склонен поэтому видеть отражение говора ее родины — с. Н. Залегощи Новосильского уезда.

НЕУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ *а, о, е* (из *е, ѣ*)

Что касается судьбы неударных гласных *а, о, е* (из *е, ѣ*), то в этой области мои наблюдения ограничиваются, почти исключительно, слогом перед ударением.

---

[1] А. А. Шахматов. Очерк..., стр. 82; Дурново, Соколов и Ушаков. Очерк..., стр. 96; Б. М. Соколов. К вопросу..., 25 и сл.

После твердых согласных вместо *а, о*, в этом положении является, независимо от качества гласного под ударением, *а:* така́йа, наза́т, тава́рна, ташната́, паткла́да, апхра́ла, ана́ ма́л'ен'ка, уу апт'е́ку, пав'е́р'йа, ат нау'е́, ка м'ние́ зγауо́р, маруо́с, варуо́шка, макс'и́маускаи ба́бы, мару́с'ка, хаш'у́.

Иначе обстоит дело с отражением в том же положении гласных *а, е* после мягких согласных: здесь значение качества ударяемого гласного очевидно. Когда под ударением находится один из гласных *а, о, е*, вместо *а, е* оказывается то *и*, то *'а*, — последний, впрочем, обычнее: д'ив'а́тава, йид'а́т, зимл'а́ч'ка, пирш'а́тк'и; б'ада́, абм'ан'а́йу, прал'ажа́ла, р'аста́нты, н'а да́й, н'а ста́ла, н'а жа́лка; — пам'ишше́н'йа, н'ис'е́ш, у н'ийе́, дл'и с'иб'е́, у т'иб'е́, н'ич'иво́, б'из но́х, в'ид'о́рка т'ик'о́т, нап'ик'о́сса: н'ад'е́л'ку, с'ам'е́йнайа, пан'ас'е́ш, см'ашко́м, ст'аγно́, с'амо́й, н'а хо́ч'а. Когда же под ударением находится один из гласных *и, ы, у*, вместо *'а, е* обычно употребляется *'а:* в'аз'и́, л'ан'йва; паб'аγ'и́т, л'ас'и́ха, л'ажы́т, б'ару́т, в'аду́т, зан'асу́, сым'аjúс'а, на м'ану́.[1]

Те же самые отношения наблюдаются и в записях Е. Ф. Будде: на лада́х, дава́йть, засва́тъютца, ja удава́, каса́, ана́, атса́, кънапе́й, капе́йки, пъзав'ѣть, вазьмѣть, ате́с, апасьлѣйша, на hалавѣ, плато́к, саро́ку, нажо́м, пало́жуть, атло́жуть, зави́мшы, тады́ зашъю́ть, палпу́ду, в двару́, акру́х (отметим, правда: ръзвя́звать стр. 20, при: ръсписьвутце — стр. 21); — пятьдися́т, вьличя́ють, ни спа́ла; зафсяhда́ hарява́ть, нъряжа́ть, прияжжа́ють, зъпява́ють, ядя́ть; — дире́уни, ричей, събирѣмси, визьдѣ, ишшо, привеземши; нядель,бясѣду, нявѣсту, спякѣм, бярѣм, пирякро́ють, ничяhо́, у няhо́, чяпочькя, ляцёшъчьки, вясёлая, плячё; но: пирьсялись, вяди, щяйсьливай, пъвязуть, зъбяру́ть, свякру́ха, приняcу́ть, ня ну́жна, к вянцу́, бяз дву́х (в записях из сёл Н. и В. Залегощей, стр. 19—25; также в записях из соседних волостей, напр. Каменской, стр. 12—19; Косаровской, стр. 25—26).

[1] Можно думать, поэтому, что говор с. Н. Залегощи по своему происхождению диссимилятивно-якающий.

Произношение неударенных гласных *а, о, е* (из *е, ѣ*) в остальных неударенных слогах, а также неударенных гласных *'а, е* после отвердевших согласных (*ж, ш* и пр.), как мне кажется, не отличается от обычного московского и южнорусского.

Сделаю замечание относительно заударного конечного слога: после мягких согласных вместо *а, е* здесь случается *а*: д'ес'ат', пáл'ац, в'ет'ар, ш'ет'в'ар'т', пóм'ар, н'а хóч'аш, зд'ешн'ай; — пав'ер'йа, п'ен'йа; дв'ес'т'а бýд'а, л'ез'а, знáйа; смотр'ит'а, на пакóс'а. У Е. Ф Будде: вѣтяр, мучитяль, сьвидетяль и пр.; — вы заплóтьтя; к сэ̀рквя; на работя, у домя и пр. (в записях из сёл Н. и В. Залегощей, стр. 19—25).

Случаи исчезновения неударенных гласных: п'ирб'иу'ит' (перебежит), нáвлаш'ка (=наволочка), пат'хýн'ку (=потихоньку); — па кáрш'кам (=карточкам), ш'в'арых (=четверых), ш'ш'ас (=сейчас), нóс'с'и (=носишься), Кутáйска ýл'иса (=Кутайсовская улица).

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

Рассмотрение согласных звуков можно начать с плавных.

ρ,ρ' — энергично-раскатистый, известный мне, например, в иркутском говорении. Следует прежде всего отметить повидимому индивидуальную особенность произношения М. Д. Катальниковой: в положении после гласного не в начале слова в артикуляции *ρ, ρ'* не замечается каких-либо аномалий, но в других случаях: в положении в начале слова, даже перед следующим гласным, и в положении не в начале слова после согласного, этот звук обыкновенно требует приступа в виде гласного. Обычно (но не постоянно) дело обстоит таким образом: органы произношения всякий раз приходят в состояние безразличия; артикуляция же *ρ, ρ'* начинается раскрытием рта при индифферентном положении языка и звучанием голосовых связок, и только потом язык принимает нужное для произнесения *ρ, ρ'* положение. Акустическое впечатление можно изобразить так: *ар, а̄р, ыар*. Например: арáс, ара-д'ит'ил'скай, аражыв'óсси, арабóтала, арабóч'ий, ар'áдам,

ᵐар'ёпу, ᵐар'ёзва, ар'йсу, арыцёп (рецепт), арыбу, ару-ᵹа́итца.

Оканчивается ли предыдущее слово на согласный или на гласный — это в данном случае, кажется, не имеет значения: ат аро́ду, биз арыцёпу, с ᵐарыбуй, со́рак аруб'ёй; — када́ н'а арабо́тала, ан'ё арыл'и, ана н'и араспыта́ла, н'и аразашту́с' (хотя: када́ разγар'а́тца); — падᵐарастáт (= подрастает), дᵐарава́, с падᵐару́γай, тᵐарава́, за́утᵐара, тᵐар'а́пку, тᵐар'ётий, у п'етᵐаро́уки, тᵐар'о́х, по́ тᵐар'и, тᵐару́дна, атᵐаруб'ёй, убара́ли, папᵐарауль'а́йс', Иуа́н Пыар'адат'ёш' (= Иван Предтеча), у васкарыс'ён'йа, прыкарат'ил'и (= прекратили).

Впрочем в положении после согласного известна артикуляция ρ, ρ' и без приступа. Любопытно, что примеры представляют лишь сочетание: согласный губной или задненёбный + ρ, ρ': у бра́цк'их, бр'аду́, бру́ос', пра́ва, пр'а́ма, папр'а́тал; в префиксах пра-, пры-: прайд'о́ш, прападайа, прывоз'ут, прыкарат'йли; — к рабо́т'и, крыс'т'ја́н'а, ка крыл'цу́.

Указанная черта, вероятно, индивидуального происхождения. Южнорусское арепей вместо репей, напр., в записях Е. Ф. Будде: аряпей (с. Пягушки, стр. 13), арепей вместо репей в Болховском уезде б. Орловской губ.,[1] арипей < репей — по говорам Курской губ.[2] и пр., явление очевидно иного порядка (префикс *о*). Спорадическим случаям вроде таких, как кырапива, кыравать, гырячиха (= гречиха), отмеченным в с. Панько е Новосильского уезда (см. выше), с. Троицком Брянского уезда;[3] каравать, карапива, гарачей, отмеченным В. И. Чернышевым в говоре г. Мещовска,[4] пока что мудрено придавать особенное значение, тем более что

[1] А. Н. Сахаров. Язык крестьян Ильинской вол. Болховского уезда. Сб. Отд. рус. яз. и слов. АН, т. 63, стр 5.

[2] М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губ. Сб. Отд. рус. яз. и слов. АН, т. 76, стр. 362.

[3] Материалы для изуч. великорусск. говоров, вып. IX, № 253, Сб. Отд. рус. яз. и слов. АН, т. 87.

[4] См. его „Дополнения к сведениям о говоре г. Мещовска". Сб. Отд. рус. яз. и слов. АН, т. 68, стр. 8.

эти случаи относятся только к положению после задненёбных согласных.

Я совсем не останавливаюсь на известном устранении сочетания „начальный *р*, *р'* + согласный:" — аржано́й, арту́т', ирву́т и т. д.

л и *l*. Вместо велярного *л* артикулируется „средний" (или „европейский"), образуемый без того сосредоточения языковой массы в задней части ротовой полости, которое характерно для велярного *л*: γlаскóуа (Глазково), плóха, шla, пашлá, jéla, хад'йla, сад'йla, за maladóй.

У Е. Ф. Будде: коньчиlъсь, былa, сиly; в песнях: шla, ня lóмитца хъlастóй, maladóй, халóднай и пр. (с. В. Залегощь, стр. 23—25). По записям из соседних селений явствует, что там артикуляция l вм. *л* (тв.) не ограничена только положением перед гласным (непереднего ряда). Ср.: зъдѣlalся, дal, нá пál, за stol и пр. (с. Заречье, стр. 16).

Своим сохранением в произношении М. Д. Катальниковой эта черта обязана, быть может, сибирскому, в частности иркутскому, женскому говорению.

в. Губно-зубная артикуляция согласного *в* (особенно твердого) почти неизвестна: вместо *в* является *у̯* (неслоговое), чередующееся в определенных случаях с *у* (слоговым):

1. перед гласным вместо *в* — *у̯*: — иуáн, бууáйут, у γlаскóуа (в Глазково), ду'éс'т'а, уытуар'áт' (= вытворять), йауó (его). У Е. Ф. Будде: — жиуáя, у уаръта́, зhауóр, уóтку, hатóуим, приуыкáють, у падóшъуу, панёуу, станóуют (сёла Н. и В. Залегощи, стр. 19—25).

2. после гласного в конце слога, в середине слова перед согласным и в конце слова вместо *в* — *у̯*: — застáул'у, зáутыара, прáуда, слáуна, д'éук'и, кóушыкам, паутóук'и; — избáу бох, γáзау, каткóу, пудóу, крóу. У Е. Ф. Будде: — дауно, рауно, диреуни, золоукам; в этом положении у может даже не произноситься: затри приѣдуть (с. Н. Залегощь, стр. 21 и др.), tarhоусау, присьпѣхау, счастлиу и т. п. (там же);

3. в начале слова перед согласным вместо *в* — *у̯* или *у̯*. А именно:

а) когда предшествующее слово оканчивается на гласный, вместо в — у̯: ус'у̯ ур'ем'а, ну ус'о̯-тк'и, са ус'ак'им. Так и у Е. Ф. Будде: я удава, жы̆вы усѣ и др. (с. Н. Залегощь, стр. 20 и др.);

б) после паузы, или когда предыдущее слово оканчивается на согласный, вместо *в* — *у̯*, редко *у̯:* — ус'у̯ нош', ус'акай, дл'и с'иб'е укуснай, ус'о̯ б'елай jел'и; пад уч'ора (= под вчера), стакан ул'ей (влей). У Е. Ф. Будде, наоборот, чаще у̯, но редко у̯: — уся, усьпѣньтца, узьбирѣть и др. (сёла Н. и В. Залегощи, стр. 22—25 и др.); узаhреим (с. В. Залегощь, стр. 25); — д усё рауно̯ (с. Н. Залегощь, стр. 20);

4. в предлоге „в" — *у̯* или *у̯*. А именно:

а) когда предыдущее слово оканчивается на гласный вместо *в* — *у̯:* мы у̯ шв'ортам ш'асу̯. У Е. Ф. Будде: к вянцу у̯ юпьки; пат праваю пятку, у̯ хадак; каё-щё у̯ домя; у̯ вару, у̯ hаряч°ам и др. (сёла Н. и В. Залегощи, стр. 20—25 и др.);

б) после паузы или когда предыдущее слово оканчивается на согласный вместо *в* — *у̯*, очень редко *у̯:* у̯ тавáрнам дварý, у̯ маjóй малак'é, у̯ крáснуйу ɣуáрд'ийу, у̯ п'етызрóук'и, у̯ зóлу, у̯ ɣóрат; у̯ канцы̆ маста́. У Е. Ф. Будде чаще у̯, представлено и *у̯:* — у̯ сэрквӗ, у̯ варý, у̯ падошъуу, у̯ книшку; — пъзавѣть у̯ hосьти, живѣть у лиᶜую сторъну, патом у̯ чистую у кадушъчкю и пр. (сёла Н. и В. Залегощи, стр. 21—25 и пр.).

В положении 4 такого происхождения *у̯* может, повидимому, совсем исчезать из произношения: жана-та бал'н'йсы (в больнице), бáн'у пашл'й (в баню). Ср. в песнях, записанных Е. Ф. Будде в б. Орловском уезде: У нас саду, саду, зиляном саду, Ай ляли-яли зиленом саду (с. Лаврово, стр. 39); — Саду яблань кудрявая, Кара залатая и т. д. (с. Становой Колодезь, стр. 43).

На это явление обращает внимание и А. М. Селищев в „Диалектологическом очерке Сибири". Имею в виду приве-

денный там отрывок из песни, записанной им на родине, в южной части Ливенского уезда (с. Волово) в 1911 г.:

Деука платья мыла, чиста паласкала,
Чиста паласкала у чистам полю слала,
Чистам полю слала, у поли при дароги,
Поли при дароги, при зилёнай дубрави.

Исчезновение у здесь обусловливается положением в начале музыкальной фразы.[1]

В некоторых случаях, однако, в положении перед гласным, *в* произносится как губно-зубной согласный, вместо которого перед глухим согласным и в конце слова слышится соответствующий глухой звук *ф:* вада́, л'ан'и́ай, в'ады́т, в'аз'и́ и пр.; — кладу́ф'к'и, здару́ф и пр. У Е. Ф. Будде: я у́дава, г двару, повѣрья, ат нявѣсьти и др. (с. Н. Залегощь, стр. 20—21 и пр.); — зафсяӈда (песня), ф панёву (там же, стр. 19—21).

ф. Звук *ф* (не как заместитель *в*) почти неизвестен: на месте *ф* в заимствованных словах (в некоторых случаях и на месте *ф* из *в*) является: перед гласными звуками сочетание *хв* (*ху*) при *х*, а перед согласными звуками и в конце слова — *х:* хва́ртух, хвана́ршык, ху́ӈнтау при: хунт, хв'е́ршала, т'и́хуам (тифом) при: т'и́хам, сарахва́н, хаура́л' (февраль); — ко́хта, т'и́х у к'ита́йсах (тиф у китайцев). У Е. Ф. Будде: хвартук, Сьняхуо́нъуа, Ahрахвена, hрахвини, Сьрахим, Ахимушка, Хро́лауна, Агахья (в записях из разных селений Новосельского уезда, стр. 25, 28, 29, 34, 22, 26, 28, 30).

ж, ш — всегда твердые: праб'ажа́ла, ужа́шна, дужа, варажёйка, п'ер'е́же, л'ажы́т; харо́шайа, арашато́м (решетом), γр'ашы́м, шы́пка, н'и шыба́йс' (не ошибайся), пр'ишо́л, п'и́рашӈу́. У Е. Ф. Будде: аржаной, у женъшънах, перэжэ, паложуть; пебьдьнѣйшы, привеземшы, апушыну, пы́шычькяу (сёла Н. и В. Залегощи, стр. 20—24).

[1] См. „Диалектологический очерк Сибири", вып. 1. Иркутск, 1921, стр. 132.

На месте старых *ж'дж'*, *ш'ч'* находим *жж*, *шш* твердые: дажжа́, важжа́нка, слашша́вый, пам'ишше́н'йа, та́шшым, та́шшы и пр., но: ишо́ (ещё). В конце слова *жж*, *шш* твердый переходят в *ш* твердый: — дош, н'ижн'а, За́л'иγаш (Залегощь). У Е. Ф. Будде: — прияжжают, на том дажжочкю (песня), пашшы́пывала (песня), апушшомшы, hу́шшысы (сёла Н. и В. Залегощи, стр. 20, 22, 24, 25), однако: ишшо (с. Н. Залегощь, стр. 22 и др.). В конце слова: На дворе дош, дош и т. д. (в песне Н. Залегощи, стр. 22; странны написания: Залегощь, стр. 19, Залегъщь, стр. 22; ср.: из Нижняha Залиhищя, стр. 19, что означает буква щ?). *ц* — всегда твердый; обычно со слабым затворным элементом: арыцёпуу, Иркуъц, пик'о́тца и пр. Ср. у Е. Ф. Будде: — к вянцу (с. Н. Залегощь, стр. 21). Очень часто в образовании этого звука затворный элемент совершенно отсутствует: — атса, паро́к с'ёрса, ку́р'иса с сыпл'а́тами, за́ ету сёну, пла́т'йиса, на л'ёсн'ису, у бал'н'йсу, на у́л'ису. Так и у Е. Ф. Будде: — атса, у tarhоусау, у сэрквѣ, три сылковых, вадисы, на крыльсу, лапшысу и др. (сёла Н. и В. Залегощи, стр. 19—25).

ч. Рядом со звуком *ч*, обыкновенным московским и южнорусским, встречается звук иного образования, обозначаемый у Е. Ф. Будде посредством *ч*“. По его определению, это звук „очень, очень мягкий“ (стр. 27), „иногда доходящий до крайнего смягчения, почти с оттенком свистения“ (стр. 8). Я же в подобных случаях не слышал совсем никакого затворного элемента перед шипящим, который звучал мягко. Впрочем этот шипящий можно также определить как шепелявое *с'*. Изображаю его *ш'*: — пир'ш'а́тк'и, но́ш'йу, о́ш'ар'ит' (очередь), уш'йлас, у́ш'ит, д'ив'атава ш'исла́, н'и хаш'у́, пе́ш'-та (печь-то). У Е. Ф. Будде: — вьлич"яють, сч"астлиу, ч"япоч"ьки, у ч"истую, муч"йсу, коньч"илъсь, уч"ёбы, ч"ютъ ч"кю ч"юлка́, пышыч"ькяу (сёла Н. и В. Залегощи, стр. 19—25).

г. Известен лишь задненёбный фрикативный звонкий (γ): γа́зау, уб'аγа́йут, мано́γа, маγу́, ст'аγно, γр'а́зна и пр.

Окончание род. пад. ед. ч. прилагательных полных и местоимений обычнее с *в* (у), очень редко с γ: д'ив'а́тава, к'йслава, сал'о́нава, ч'о́рнава, н'ич'иво́, иво́; е́тууа, но: с'ам'ёйнаγа.

Конечно, те же отношения представлены и в записях Е. Ф. Будде. Задненёбный фрикативный звонкий изображается у него посредством h; окончание род. пад. ед. ч. прилагательных полных и местоимений встречается вообще редко, причем и с *в* (*ŭ*) и с h: — каho, чяho (с. Пятушки, стр. 12, 13); ис купароснъва древа (с. Заречье, стр. 15), ничяо, на *яŭó* (д. Хуторь, стр. 18), Никняha, ничяhó, таhó (с. Н. Залегощь, стр. 19, 20), этъва (с. В. Залегощь, стр. 25).

СОЧЕТАНИЕ ЗВУКОВ

К сочетанию гласных

Случаи стяжения двух гласных, принадлежащих разным словам (конечного предыдущего и начального следующего): *аа* в *а:* на-мурскай (на Амурской улице); — ао → а: кудá-брáтна (куда обратно), кудá-нá (она) пашлá, да-б'éда (до обеда), -но и: н'и-хóта (не охота), н'и-шыбáйс' (не ошибайся).

Случаи стяжения двух гласных, оказавшихся рядом вследствие выпадения между ними неслогового *й:* — *аа* в *а:* патклáда худá, Кутáйска ýл'иса, н'а мáл'ин'ка, Н'йжн'а Зáл'иүаш; — ае → а: д'éлам, спрáшывать (с твердым *т*).

Затруднительно и эту черту произношения М. Д. Катальниковой объяснять исключительно влиянием сибирского говоренья: распространение стяженных форм имен прилагательных полных и местоимений и даже глаголов 1-го спряжения в области южнорусского наречия еще подлежит обследованию, но несомненно они там известны. Ср. в записях Е. Ф. Будде из б. Новосильского уезда: — адин зуп крышытца, а друhй пъчярнéли (с. Пшева, стр. 25), друhá нядéля (с. Пруды, стр. 29).

К сочетанию согласных

Можно упомянуть об изменениях в группах согласных, случившихся рядом после выпадения между ними неударенного гласного:

тч и *чт* при этом изменяются вследствие ассимиляции звуков в *ч'*, откуда *ш'*: па кáрш'кам (= по карточкам), ш'в'арых

(= четверых); *сч* → *шч*, откуда *шш'*: шш'ас (сейчас); *сшс* → *сс*: нóс'с'и (носишься); *сус* → *сс*, откуда *с:* Кутáйска (Кутайсовская улица в Иркутске).

Наиболее заметным (однако мало мною изученным) явлением в этой области можно считать прогрессивную ассимиляцию предшествующими мягкими согласными и *й* следующих задненёбных *г*, *к*, *х:* — мал'éн'к'а, мáл'ин'к'а, барак н'из'ин'кай, Марýс'к'а, Марýс'к'у, стáйк'а, варажéйк'а, бóйк'ай.

В записях Е. Ф. Будде из сёл Н. и В. Залегощей: — Сашынькя, лисанькя, билéнькя, карóтинькяя, hлять-кя, hýрбач'кяй, лавачькю, у кадушычькю, у книжъчькю и пр. (частью из песен, стр. 19—25), но: чистушка (из песни), малинушка, бяседушка, зорюшка и др. (стр. 24). Особо: дырэвеньская (стр. 22).

По поводу последнего примера (дырэвеньская) следует отметить, что в произношении М. Д. Катальниковой мягкие, особенно зубные, согласные в положении перед *е* и *и* вообще произносятся несколько тверже, чем в русском литературном. В некоторых случаях я слышал вполне твердые согласные. Чаще это был согласный *ρ*: апрé\' (с твердым ρ), крéс'н'ик (= крэсник), рыб'áта, арыцéп (= рецепт), арашатóм (= решетом). Но иногда и другие согласные: хóдыт' (3-е л. ед. ч.).

К сожалению, это явление, как и некоторые другие, осталось у меня в свое время недостаточно изученным. Впоследствии же я не имел возможности возобновить свои наблюдения.

И. С. ИЛЬИНСКАЯ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ГОВОРОМ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАКАВКАЗЬЕ

В сентябре 1943 г. филологический факультет Тбилисского государственного университета организовал фольклорную экспедицию в Богдановский р-н Грузинской ССР (селения Богдановка, Горелое, Орловка, Ефремовка, Спасовка, Троицкое). Наряду с фольклорными записями участники экспедиции вели также и диалектологические наблюдения. Недостаточность материала, объясняемая краткосрочностью экспедиции (2 недели), не позволяет осветить говор русских переселенцев во всей полноте, а некоторые из отмеченных явлений требуют еще проверки. Тем не менее те наблюдения, которые удалось сделать, могут представить известный интерес как наблюдения над говором, совершенно не изученным.

В указанные выше селения Закавказья в 1841 г. были переселены духоборы как политически неблагонадежные по указу Николая I из района Молочных вод бывшей Таврической губ. На Молочных водах духоборы не представляли собой однородной массы по происхождению: сюда указом Александра I в течение первых десятилетий XIX в. духоборы были переселены из разных областей России. Это были выходцы из б. Воронежской, Тамбовской, Курской, Томской и других губерний. Были здесь и украинцы, жители б. Таврической и Екатеринославской губ. В среду духоборов в некоторой

степени вошел также иноязычный элемент: казанские татары, цыгане, представители финских национальностей.[1]

В настоящее время в говоре жителей обследованных русских селений нет резких различий, хотя в преданиях старожилов живут воспоминания о языковых и этнографических различиях их деревень. Так говор Орловки и Тамбовки[2] отличался будто бы от остальных тем, что там „говорили на *я*"; Спасовка, заселенная выходцами „из мордвов", говорила по-русски с акцентом, распевала мордовские песни и по внешнему виду жителей отличалась от других; Богдановка говорила на украинский лад, а в Троицком был будто бы свой особый „выговор".

Это различие в говоре разных поселений, сказывавшееся раньше, вероятно, довольно резко, проявляется сейчас в очень малой степени в некоторых чертах лексики. Так, например, женская обувь в Богдановке называется „черевиками" (ср. указание на украинское происхождение этого села), а в других — „башмаками". В Спасском много своеобразных названий по сравнению с другими сёлами: кадушка называется „широ́твас"; картошка — „барабу́ля"; нагрудник (часть сбруи) — „три́нжали"; дрюк (жердь для увязки сена) — „рубе́ль"; стена, загораживающая двор — „заγа́тка"; канава — „равча́к".

Что касается фонетических черт, то сейчас различия, на которые указывают старожилы, не обнаруживаются (напр., сильно якающее произношение Орловки), однако этот вопрос нуждается в дополнительном детальном обследовании.

Основой этих поселений явились, как указывает их история, выходцы из Курской, Воронежской, Тамбовской и других областей южной России. Этот южнорусский элемент поглотил и в значительной степени ассимилировал остальные: говор обследованного района — южнорусский в своей основе.

---

[1] О. Новицкий. Духоборцы, их история и вероучение, 2-е изд. Киев, 1882; П. Бирюков. Духоборцы, М., 1908.

[2] Тамбовка — центр другого района русских поселений, расположенных по оз. Тапаровани, где экспедиция не работала.

Необходимо отметить также некоторое влияние армянской и грузинской речи, проявляющееся иногда в эмоциональной окраске речи, в лексике и отчасти в некоторых синтаксических явлениях, о чем будет сказано в своем месте.

В области фонетики говор характеризуется следующими чертами:

I. Гласные представлены в говоре теми же фонемами, что и в литературном языке: *и* (*ы*), *э*, *а*, *о*, *у*.

Следует отметить, что э звучит как на месте старого *э*, так и на месте *ѣ*: л'эс, хл'эп, в'эръ и т. п.

В речи очень немногих жителей э звучит также и под ударением перед твердыми согласными в окончаниях глаголов: вал'jэ́ш, натр'э́ш, ваз'м'э́ш, н'и^{э}маγэ́м.

Фонемы *а*, *о* после твердых согласных не различаются в своем звучании в неударенных слогах:

1) В 1-м предударном слоге гласные *а* и *о* совпадают в звучании *а*:

а — дал'о́къ, набра́т', запа́л и др.

о — слабо́ду, ваиска́, атвар'и́ и др.

2) Во 2-м предударном слоге, если он начинается с согласной, *а* и *о* совпадают в звучании редуцированного звука ъ:

а — къравýл'ьл, ръсташ̄ы́л'и, зъпр'аγа́jут' и др.

о — въра́т'й, свъjиво́, дъражы́м, пъруба́л и др.

Наряду с этим *а* и *о* могут совпадать в звучании *а*, как и в 1-м предударном слоге:

а — набр'ах̯а́л, захава́ит'ь и др.

о — вазв'аст'и́л, саб'арӯъ, пам'арла́ и др.

Во 2-м предударном начальном слоге, начинающемся с гласной, звучит *а*:

ас'и^{э}н'jý, атвар'и́, апазна́л, ад'ава́л'ь и др.

3) В заударном закрытом, а также в заударном неконечном слоге *а* и *о* звучат как редуцированный ъ:

а — jэ́хъл, по́съду, уб'и́фцъм'и;

о — о́мрък, з'в'о́здъф, атсýдъва.

4) В заударном конечном открытом слоге, а также в слоге перед *и* (*и* неслоговым) большей частью звучит *а*, если не полного образования, то редуцированное меньше, чем в других заударных положениях:

б'э̀днъја, П'э̀т'к'а, заγа́тка, выб'и^{ъ}γа́ја, выплыва́ја, сла́внаи, ф'с'а́каи и др.

Таким образом, рассматриваемый говор может быть охарактеризован в общем как недиссимилятивно акающий.

II. Фонемы *а*, *о* и *э* после мягких согласных в неударенных слогах не различаются в своем звучании.

1) В 1-м предударном слоге эти фонемы совпадают в *а*, если дальше следует твердый согласный, и в звучании и^{ъ} (*и* несколько более открытого образования), если дальше следует мягкий согласный.

Перед твердыми согласными:

ст'ана́ју, д'аржа́ву, л'аса́, дв'ана́цът', н'и^{ъ}м'аша́јьт'и, сл'апа́ја, ръзр'ашы́л, д'ады́, чатыр'и, б'ажы́т', пр'астýпн'ък, паб'алý св'э̀ту, ад'аснýју, хл'абнýл, п'ашкóм, н'амнóшкъ, јаγóрушкъ, б'ьр'аγóф, γр'ахóф см'ашнó, уп'аша́ру;

в'асна́, пам'арла́, л'ажа́т', нзбр'аха́л, с'астра́, фс'аγда́, ад'ава́л'и, вы л'ата́л, зв'азды́, в'арсты́, л'ажы́т', бъјавы́ја, ф'савó, с'алó, вд'аγт'ý, хчамý, н'асý, кн'амý, пъв'азý, уб'арýсъ, съб'арýсъ, γн'атýчкъ, з'арнó, с'в'акрóф, дъл'акó, п'атрóф, т'ьжалó;

зъпр'аγа́јут', тр'аса́в'ьцъ, п'атна́цът', т'анýт', нъс'аγнýт', р'аднó.

Перед мягкими согласными:

дъчи^{ъ}р'а́, атв'и^{ъ}ча́јъ, път'и^{ъ}р'ал, ръзд'и^{ъ}л'ис', пъб'и^{ъ}д'ит'и, с'в'и^{ъ}т'ил'и, В'и^{ъ}р'и́γ'ьн, ас'и^{ъ}н'јý, нър'и^{ъ}чóнъи, в'и^{ъ}л'э̀л, зън'и^{ъ}м'э̀л'и, ф'с'и^{ъ}л'п'э̀, ф'с'и^{ъ}м'э̀иств'и, пъб'и^{ъ}жд'э̀н'ьјъ, т'и^{ъ}п'э̀р'ьча;

р'и^{ъ}б'ат, н'и^{ъ}с'и́, пъв'и^{ъ}з'и́, пр'ьв'и^{ъ}зл'и́, с'и^{ъ}стр'э̀, т'и^{ъ}б'э̀, н'и^{ъ}о̄и^{ъ}р'от';

пъм'и^{ъ}н'ит'и, γр'и^{ъ}д'от', пътр'и^{ъ}с'о̄ц̄ъ, ји^{ъ}чм'э̀н', путл'и^{ъ}н'ицу.

Следует отметить, что:

а) предударные *а, о, э* перед шипящими звучат так же, как и перед другими твердыми согласными, т. е. как *а:*

ръзр'ашы́л, п'ашко́м, сп'ашы́м, б'ажы́т', л'ажа́т', уп'ашэ́ру, н'ъм'аша́ја и др.;

б) отрицание „не", независимо от качества следующей согласной, в 1-м предударном слоге всегда звучит как *ни*ᵉ, что объясняется, вероятно, некоторым своеобразием в позиционном чередовании проклитических и энклитических элементов;

в) некоторые украинские элементы, например, „т'иᵉка́и", „јак'и́и", вошедшие в говор в украинском звучании, не подвергаются изменениям.

Наряду с довольно выдержанной системой умеренного яканья в говоре встречается немало отступлений от нее, т. е. *а* может звучать и в положении перед мягкими согласными и, наоборот, *и*ᵉ — перед твердыми.

При рассмотрении случаев первого рода (*а* перед мягкими согласными) оказывается, что они разбиваются на две группы фактов:

а) *а*, вместо ожидаемого *и*ᵉ, звучит перед слогом с ударенным *и:*

н'ас'и́, В'ар'и́ґ'ьн, з'ам'л'и́, т'ар'п'и́, л'ат'и́, възв'ас'т'и́л, исца-л'и́л, јад'и́н.

Большинству этих случаев соответствует вариант с *и*ᵉ, т. е. звучание по нормам умеренного яканья:

н'иᵉс'и́, л'иᵉт'и́, В'иᵉр'и́ґ'ьн и т. п.

б) *а*, вместо ожидаемого *и*ᵉ, звучит перед слогом с ударенным *а:*

ст'ап'а́, з'ам'л'а́, т'ар'п'а́шъјъ.

Эти факты представлены в незначительном количестве и всегда имеют при себе вариант с обычным для умеренного яканья *и*ᵉ: ст'иᵉп'а́, з'иᵉм'л'а́ и т. п.

При рассмотрении случаев второго рода, т. е. тех, где вместо ожидаемого *а* звучит *и*ᵉ, оказывается, что и они неоднородны и могут быть разбиты на следующие группы:

а) *иᵉ*, вместо *а*, звучит в словах литературного происхождения, попавших в говор из священных песнопений, бытовавших в духоборской среде:

п'ᵉл'иᵉнójу, пр'иᵉстóл'ь, γр'иᵉхóвнъи, пр'иᵉмýдръс'т', чуд'иᵉсá, н'ьб'иᵉс.

Отражение подобного произношения мы встречаем в надписях на могильных плитах кладбища и на мемориальной доске, повествующей об истории духоборов. Самая старая надпись на могильной плите относится к 1843 г. На мемориальной доске имеется надпись: „духоборской работы 1912 г."

Здесь читаем следующее: иминованныхъ, обитованныхъ, сиго, увиличеннай, октебря.

б) *иᵉ*, вместо ожидаемого *а*, звучит перед слогом с ударенным *а*:

р'иᵉкá, в'иᵉснá, д'иᵉлá, дв'иᵉнáц т', выб'иᵉγájъ, п'ьр'иᵉдáчу, jиᵉжájᵇт', пр'ьjиᵉ̄ajьм, пр'ьjиᵉжáл'и, п'ал'иᵉнáм'и, д'иᵉлáм'и, х'иᵉврáл', с'иᵉрцá, л'иᵉжáт'.

в) *иᵉ*, вместо ожидаемого *а*, звучит перед слогом с ударенным *у* или *ы*:

б'иᵉрýт', пъв'иᵉрнýл, jиᵉмý, н'иᵉсý, чиᵉстýшк'и, б'иᵉжыт'.

г) *иᵉ*, вместо ожидаемого *а*, звучит перед слогом с ударенным *о*:

с'в'иᵉкрóф, шърст'иᵉнójъ, т'иᵉжóлъjъ, в'ьс'иᵉлó, jиᵉвó, н'ьчиᵉвó.

При анализе всех этих фактов обращает на себя внимание то, что бóльшее количество случаев отступления приходится на случаи типа „в'иᵉснá", „д'иᵉлá", „р'иᵉкá" (см. п. „б" второго рода). С другой стороны, в говоре имеются случаи типа „н'ас'и̯", „л'ат'и̯" (см. п. „а" первого рода). Иными словами: случаям звучания иᵉ на месте безударных *а*, *е*, *о* перед слогом с ударенным гласным нижнего подъёма противостоят случаи звучания *а* на месте тех же гласных перед слогом с ударенным гласным верхнего подъёма. Это наталкивает нас на соображение о возможных следах существовавшего в говоре диссимилятивного яканья, которое могло быть в столь пестром составе переселенцев.

Предположение это кажется тем более вероятным, что в речи некоторых пожилых неграмотных людей, которые выдерживают нормы умеренного яканья даже в словах церковнокнижного характера, отступления от существующей системы говорят именно в пользу диссимилятивного яканья.

Так, например, Татьяна Чичмаева, 65 лет, из Ефремовки говорит:

д'аржáву, съд'аржы́т'ьл', јавá$^{\gamma}$'ьл'ьјъ, ад'аснýју, выл'ата́л — с одной стороны, и исцал'и́л, јад'и́н, д'и^{ъ}ла́м'и, п'ал'и^{ъ}на́м'и — с другой стороны.

Соображением в пользу высказанного предположения может служить и то, что при общей норме звучания *а* перед шипящими отклонения от нормы появляются именно перед гласной нижнего подъёма: при л'ажы́т', б'ажы́т', сп'ашы́м и т. п. имеются л'и^{ъ}жа́т', пр'ьји^{ъ}жа́јъм, пр'ьји^{ъ}жа́л'и.

Наконец, одним из подтверждений существовавшего в прошлом диссимилятивного яканья может служить и то, что в личных глагольных формах перед ударенным *э* или *о* обычно звучит *и*^{ъ}, что характерно именно для большинства диссимилятивно-якающих говоров:

б'и^{ъ}р'э́т', б'и^{ъ}р'о́т', н'ьт'и^{ъ}ко́'т'.

Группа фактов п. „в" второго рода (типа б'и^{ъ}ру́т', н'и^{ъ}су́) указывает на имеющуюся в говоре тенденцию иканья, которая может объясняться влиянием литературного языка и исходит от лиц более молодого культурного поколения. Но возможно также, что эта тенденция имеет более глубокие корни, так как в состав переселенцев могли входить представители икающих южнорусских говоров.

В этом мнении нас может поддержать также и то, что дореволюции в среде духоборов большим авторитетом пользовалась верхушка этой секты, представители Капустиных — Калмыковых, выходцев из Тамбовской губ., где имеются икающие говоры. Через эту верхушку, несомненно, грамотную и более культурную, чем остальная масса, могло итти само собой влияние литературной речи. Характерно, что надписи на могильных плитах и мемориальной доске, отражающие,

другие особенности местной речи, не дают ни одного случая яканья. Мемориальная доска сделана, несомненно, местным грамотеем, а надписи на могилах имеются только у представителей зажиточной верхушки, имевшей возможность затратить средства на постановку памятника, и, вероятно, отражают особенности ее речи.

Возвращаясь к выдвинутому противопоставлению „в'иᵉсна́ — н'ас'и́“ (см. п. „б“ второго рода и п. „а“ первого рода), мы обращаем внимание на то, что один и тот же субъект никогда не соединяет в своей речи фактов типа „н'ас'и́“ и „н'иᵉсу́т'“. Иными словами, соединение архаичной артикуляции (н'ас'и́) с установкой на произношение гласной нижнего подъёма перед ударенной *и* оказывается для одного и того же лица несовместимым с более новой артикуляцией (н'иᵉсу́т'), где установка на произношение гласной верхнего подъёма перед ударенной верхнего же подъема и предшествующей твердой согласной.

Таким образом, факты типа „в'иᵉсна“, которые при отсутствии этого могли бы рассматриваться как следствие икающей тенденции, существующей в говоре, должны, повидимому, быть сопоставлены с фактами типа „н'ас'и́“ и рассматриваться как остатки диссимилятивного яканья.

Наряду с пережитками диссимилятивного яканья можно предполагать, что в говоре сохранились некоторые следы ассимилятивно-диссимилятивного яканья. На это, кажется, указывают факты п. „б“ первого рода (т'ар'п'а̄шьjъ, с'т'а т'а́).

Факты типа „с'в'иᵉкро́ф“ (см. п. „г“ второго рода) не являются характерными для какого-либо типа яканья и не дают прочных оснований для выяснения вопроса о возможных его пережитках.

Таким образом, в отношении типа яканья исследуемый говор представляет собою в основном умеренно-якающий говор, который переплавил в себе бывшие в нем ранее диссимилятивно-якающие и ассимилятивно-якающие элементы. Как шел процесс образования этого говора, возникло ли умеренное яканье тогда, когда отдельные духоборские группы были слиты вместе, или было принесено одной из них и постепенно

распространилось на остальные, — сказать трудно. Разрешить этот вопрос помогло бы исследование архивных материалов. По ним можно было бы установить происхождение отдельных духоборских семей и селений и полученный материал сопоставить с результатами диалектологических наблюдений. Само собой разумеется, что эти последние должны быть значительно более подробные, чем те, которые имеются в моем распоряжении.

2) В прочих неударенных слогах редукция фонем *а, о, э* после мягких не отличается от редукции их в литературном языке:

а) во 2-м предударном слоге звучит редуцированный среднепереднего образования — ь: в'ьл'и^{э}чáт', в'ьс'и^{э}лó, т'ьмнавáтаи, јьзыкóм и т. п.

В некоторых случаях здесь звучит звук более полного образования — и^{э}: т'и^{э}жалó, н'и^{э}б'асá, б'и^{э}р'аγóф и т. п.

б) в заударном неконечном слоге также звучит ь: м'э́с'ьц, бóжјьвъ, испужáјьцъ и т. п.

В заударном конечном открытом слоге после ј фонема *э* звучит как редуцированный звук более открытого образования — ъ^{а}:

пръчи^{э}тáјъ^{а}, пъжырáјъ^{а}, пр'ьпадáјъ^{а} и т. п.

Фонетические чередования остальных гласных фонем совпадают с имеющимися в литературном языке.

III. Согласные в говоре представлены 32 фонемами, которые в отношении участия голоса представлены 9 парами фонем: *б — п, б' — п', д — т, д' — т', з — с, з' — с', ж — ш, ж̄ — ш̄, γ — х;*

тремя непарными звонкими фонемами: *в, в', ј;*

тремя непарными глухими фонемами: *ц, ч, к;*

восьмью сонорными фонемами: *м, м', н, н', л, л', р, р'.*

В отношении палатализации эти фонемы представлены одиннадцатью парами фонем:

б — б', п — п', в — в', д — д', т — т', з — з' с — с', р — р', л — л', м — м', н — н';

восьмью непарными твердыми фонемами: *к*, *γ*, *х*, *ж*, *ш*, *ӂ*, *ш̄*, *ц*;

двумя непарными мягкими фонемами: *ч*, *j*.

IV. Из предыдущего видно, что согласные *ф* и *ф'* отсутствуют в говоре. На месте их являются следующие их замены:

Перед гласными нелабиализованными — *хв:* перед *а* — хва́ртук, хвабр'и́чнъи, хварсо́въи, хват'э́ра; перед *э* — Хв'э́н'а, хв'э́ршъл, канхв'э́та; перед *и* — ахв'и^{э}цэ́р, сурухв'и́мъф, праштра́хв'ьлса.

Следует отметить, что перед фонемой *и*, а также перед вариантом фонемы *э* в предударном слоге, совпадающим с *и*, может звучать не *хв*, а *х:*

эх'и́мушка, х'и^{э}вра́л'.

Перед гласными лабиализованными — *х:* перед *о*, а также перед его вариантами — т'ихо́знъи, хо́хънъф, хъм'ино́ф; перед *у* — хунт, хурго́н.

Перед согласными в начале и в середине слова — *х:* Т'их-л'и́с, хронт, хла́к'и, сахтама́та (из автомата), ахр'э́мъфка, Хрол, Н'ик'и́хръв'ьч.

На конце слова — *хф* (с оглушением губного элемента) или *х* (с утратой губного элемента):

γрахф (= граф), штрахф, съваох.

Отмечу случай совмещения в одном слове *хв* и ф: хв'итф'э́б'ьл'.

Характер субституции *ф* объясняется, повидимому, наличием лабиализации или ее отсутствием в гласных: вариант с губным элементом *хв* появляется лишь при отсутствии губной артикуляции гласного. С другой стороны, перед согласными появление *х*, а не *хв* объясняется стремлением избежать скопления согласных.

V. Как указано выше, долгие шипящие представлены в говоре как твердые согласные:

абма́ншык, т'о́ша, уро́в'ьша, шо, др'эша́ (здоровая, ядреная), праша́и, пр'иб'э́жыша, пр'ъји^{э}жа́jьм и др.

Наряду с таким звучанием можно услышать и мягкие долгие шипящие:

стал'ӣш̄'а, кат'ӣш̄'а, хваст'ӣщ̄'а, упр'и^{э}ш̄'а́т'.

VI. Позиционные чередования согласных представлены теми же явлениями, что и в литературном языке, причем *γ* при оглушении дает *х:* друх, нох, вдрух.

Из специфических явлений отмечу следующее:

1) Прогрессивная ассимиляция согласного *к* по мягкости: после парных согласных — Вало́т'к'а, П'э́т'к'а, γл'а́н'к'а́, т'ихо́н'к'а, ја́блън'к'а, м'и́л'ьн'к'ьја, то́л'к'а, зо́р'к'а, д'и́р'к'а;

после и — душыγр'э̂ик'а;

после *ч* ассимиляция большей частью не наступает.

Одна-о иногда встречаем: клачк'а́, д'и́р'ьчк'а.

2) Переход *в* в *у* в начале слова перед согласными; явление ограничивается случаями предлогов-приставок: уп'а̄щ̄э́ру, укак'и́м, ука́жнъм, уγн'э́в'ь, урас'э́ју, н'иумо́ч, умра́к и т. п.

Наряду с этим в говоре наблюдается частичная обратная замена, т. е. *у* заменяется *в:*

враγа́н, н'ифпа́л.

Однако эта черта не является поголовно распространенной и очень часто *в* представлено как губно-зубной согласный, дающий *ф* при оглушении:

фтрап'и^{э}зу́н'ь, фтро́ьцк'ьм, ф'п'и^{э}р'о́т, фкърабл'у́, вγруд'э́, вб'ада́х и др.

3) Спорадический переход *л* в *у* в конце слова: с'ид'э́ у, жда́у-жда́у.

Однако подавляющее большинство произносит *л* в конце слова: быва́л, был, стол, фпал и др.

Возможно, что как это явление (*л* — *у*), так и предыдущее (*в* — *у*) являются элементами украинских диалектов, вошедших в говор.

4) Спорадическое отвердение губных в конце слова: кроф, л'убо́ф, с'в'и^{э}кро́ф.

Подавляющее большинство жителей этого явления не знает.

В области морфологии в говоре отмечены следующие черты:[1]

1. Существительное.

1) Отсутствие среднего ро́да существительных: н'и^{э}тро́γъи чужу́ју кр'и^{э}са́лу; с'јэл кры́лышку; пр'ишл'и́ върав'и́скују ца́рству; вз'а́л'и туз'э́мнују абы́чју; дал пръмыва́н'ју э́нтују; в'и́д'ът' м'о́ртвују т'э́лу; р'аши́л расто́ргнут' духабо́рскују зва́н'ју; вдрух ваиска́ там пъказа́лъс; на́ша с'и^{э}м'э́иствъ.

Как показывают примеры, средний род поглощен в говоре женским родом.[2] В отношении мужского и женского рода существительных также существуют некоторые колебания. Например: фтаро́и С'иб'и́р', па́с'ък заро́с.

2) В области системы склонения существительных должны быть отмечены следующие явления:

а) разрушение так называемого 3-го склонения: существительные женского рода на мягкую согласную переходят в разряд существительных с флексией *-а:*

фта́ју цэ́ркву, жы́зн'а така́ја, вγруд'э́.

Существительное „путь" функционирует в говоре как существительное мужск. рода и склоняется по типу существительных 2-го склонения:

спра́в'ьдна пут'а́, спут'у́, напут'э́, атпут'а́.

б) распространение окончания *-а́* в им. пад. мн. ч. у слов. женск. рода: ст'ап'а́, мът'и^{э}р'а́, дъчи^{э}ра́.

в) распространение окончания *-э* в род. пад. ед. ч. у слов женск. рода: збу́инъи γълав'э́, атраб'э́, удруγо́и жын'э́, дъваин'э́ за́γът.

г) широкое распространение род. пад. ед. ч. мужск. рода на *-у*:

схро́нту, спут'у́, дл'апас'э́ву, ваим'а аца́ и сы́ну[3], ата γн'у́.

---

[1] В разделе морфологии, помимо моих личных наблюдений, используются записи студентки Т. Архиепископовой.

[2] В записях псалмов в книге В. Д. Бонч-Бруевича — Животная книга духоборцев (СПб, 1909) — имеется: „лютый оружий колет сердце мое" (стр. 259).

[3] В записях псалмов в упомянутой книге Бонч-Бруевича: „Сидит на престоле адесную атцу и сыну и святому духу" (стр. 262).

д) распространение флексии *-у* в местн. пад. ед. ч. существительных мужск. рода, не только односложных:

вбаjу́, вл'и^{э}су́, фсаду́, фкърабл'у́, напа́рн'у, прибра́ту (в последних двух примерах ударение на основе).

2. Личные и возвратные местоимения характеризуются флексией -э в род.-вин. пад. ед. ч.:

у м'и^{э}н'э́, про́т'ьф м'и^{э}н'э́, нам'и^{э}н'э́, пръм'и^{э}н'э́, спас'о́т' с'и^{э}б'э́.

Указанные местоимения в дат. и предл. падежах выступают в звучании — таб'э́, саб'э́.

3. Местоименные прилагательные характеризуются совпадением твор. и местн. пад. в форме твор. пад.:

вэ́т'ьм γаду́, фт'э́м саду́, укак'и́м γаду́.

Это же явление наблюдается в счетных и в субстантивированных прилагательных:

вдвацът' фтары́м γаду́, ф Тро́ьцк'ьм, ф Труб'и^{э}цк'и́м.

4. Глагол характеризуется следующими чертами:

а) *-т'* в флексии глаголов 3-го л. ед. и мн. ч. наст. и буд. времени:

3-е л. ед. ч.: дас'т', с'ис'т', жр'от', б'ажы́т', пужан'о́т', наид'о́т', слу́хъjьт', jи'жа́jьт';

3-е л. мн. ч.: дадут' маγу́т', жнут', сп'ат', л'и^{э}жа́т', с'ид'а́т', къγал'а́т', бал'а́т', слы́шут' и т. п.;

б) форма 3-го л. ед. ч. наст. и буд. времени часто выступает без *-т'*:

адыха́jа, шыγа́jа, пън'и^{э}ма́jа, выб'и^{э}γа́jа, выплыва́jа, пъсыха́jа, пр'ьчита́jа (в редких случаях — выпадение j и стяжение: зна), паγ'и́бн'а, бу́д'а, зав'а́н'а, послу́жа, патужа, пала́в'а, сво́р'а, в'и́д'а, л'у́б'а, ру́б'а;

в) в личных формах глагола в некоторых случаях флексия имеет э под ударением:

ваз'м'э́ш, вал'jэ́ш, натр'э́ш, б'и^{э}р'э́т', н'и^{э}маγэ́м;

г) в глагольных парадигмах наблюдается выравнивание основ, например:

маγу́ (и мажу́)	маγ'э́м (и маγ'о́м)
маγ'о́ш	маγ'о́т'ь
маγ'о́т'	маγу́т' (и мо́жут').

Ср. подобные явления и в других глаголах: н'ьт'и^{ъ}к'о́т', шут'у́, л'а́жу, в'аз'о́т' (вяжет);

д) с̄' во 2-м л. ед. ч. возвратного глагола: н'ьдажд'о́с̄'ь, баи́с̄'ь;

е) спорадическое образование деепричастия на *-мшы:* а мы фс'э вз'а́мшы кр'эст тво́и, но наряду с этим: иɣра́фшыс' и пр.

Находясь в окружении армянского населения, сталкиваясь с грузинским во внешних сношениях, переселенцы заимствуют в свой говор элементы языков этих народов. Это сказывается в первую очередь в заимствовании названий местности. Обыкновенно эти заимствования осваиваются говором согласно его языковым нормам.

Так, например, „Тифлис" обычно произносился „Т'ихл'и́с", а в косвенных падежах встречалось произношение с *з* — „ф Т'ихл'из'ь"; „Ереван" произносится как „Р'ава́н"; „Баку" становится склоняемым — „в Бак'э́ был".

Помимо этого, влияние иноязычных систем сказывается в отдельных чертах эмоциональной сферы языка. Так, широко распространено восклицание „ва!" при сильном удивлении или насмешке; в знак отрицания часто употребляется инспираторный переднеязычный смычный согласный (прищелкивание языком). Для характеристики какого-либо явления или предмета, как мелкого, несерьезного, недостойного внимания, употребляется выражение „хата́-бала́", распространенное в Закавказье и идущее, повидимому, из тюркских языков (hathá-balá). Характеризуя частушку как несвойственный духоборам „низкий" жанр, духоборы говорят: „чи^{ъ}сту́шк'и хата́-бала́". Широко распространено армянское ругательство „чатла́х" (дурак, нескладный). Часто при усилении отрицания употребляется армянское слово „хэч" (heč): хэч н'и^{ъ}бал'и́т'.

Возможно, что влияние грузинского синтаксиса сказывается в отдельных случаях употребления вопросительного местоимения „где" в значении „куда".

Например: иɣд'э́ ба́бушка панд'о́т'? — Ср. с грузинским: სად წავა ბებია?

ɣд'э́ т'и^{ъ}б'а́ зав'о́т'? } სად ვეძახის?
ɣд'э́ т'и^{ъ}б'а́ кл'и́чьт'? }

В этих примерах „где“ употреблено вместо „куда“. Неразличение оттенков винительного и предложного падежей в их локальном значении отражает отсутствие категории винительного в грузинском, как и в других яфетических языках.

Диалектологический материал, полученный в результате наблюдения над говором поселений в Богдановском районе, при всей его недостаточности и отсутствии многих необходимых звеньев, с очевидностью показывает, что обследованный говор представляет собою в своих основных чертах типичный южнорусский умеренно-якающий говор, который поглотил все вошедшие в него другие, не южнорусские элементы, а также переплавил в себе различные типы южнорусского яканья в яканье умеренного типа.

Дальнейшее исследование должно вскрыть процессы формирования этого говора и наметить основные стадии, через которые он проходил.

Ф. П. ФИЛИН

ГОВОР д. СЕЛИНО ДУБЕНСКОГО РАЙОНА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

(Фонетический очерк)

Деревня Селино расположена на правом (высоком) берегу р. Упы в 30 км на ю.-з. от Тулы. Основания ее местные жители не помнят. Во всяком случае в XVIII столетии этот населенный пункт уже существовал.

Местные предания рассказывают о литовцах и татарах. Любопытно, что крестьян соседнего села, приезжавших косить луг на другой стороне реки, дразнили „литовцами“ (река Упа одно время на этом участке была восточной границей владений одоевских князей, примыкавших до их перехода на московскую службу к русско-литовскому государству). В топонимике сохраняются некоторые следы тюркизмов (ср. название одного из участков леса Армань).

До реформы 1861 г. Селино делилось на оброчных и барщинных крестьян, отсюда сохранявшиеся до недавнего времени названия двух частей деревни — „аброшына“ и „баршына“.

Основное занятие крестьян — землепашество. В настоящее время крестьяне объединены в колхоз. Мужчины прежде занимались различными побочными промыслами (бондари, каменщики, самоварщики и т. п.), теперь работают в различных городах (главным образом на промышленных предприятиях Тулы). Несмотря на тесную связь с городом, местный говор почти во всех его чертах держался довольно устойчиво в речи всего населения. До недавнего времени (начала 30-х годов) были в ходу старинные свадьбы и свадебные песни, похорон-

ные причитания у женщин, молодежь „водила хороводы“ (кыра-γóды), сохранялись различные обряды (провожали и топили масленицу в виде соломенного чучела, при этом „играли песни“, перед троицей пекли „лестницы“, которые высоко подбрасывали в рожь со словами: „расти рожь высоко“ и т. п.).

За годы после Октябрьской революции и в особенности после организации колхоза быт жителей д. Селино, как и во всех наших деревнях, решительно изменился, освободившись от многих предрассудков прошлого. Неграмотные стали редким исключением. Молодежь в большинстве своем оканчивает неполную среднюю школу (семилетку), многие обучаются в городах в техникумах и вузах. Селинские крестьяне активно участвуют в нашем социалистическом строительстве.

Местный архаичный говор подвергается сильнейшему воздействию со стороны литературного языка. Его представителями теперь являются главным образом старые женщины.

Автор настоящего описания родился и жил до восемнадцати лет в Селино, так что селинский говор для него является родным. Записи с лингвистической целью им неоднократно производились в предвоенные годы. Эти записи и положены в основу предлагаемого здесь очерка.

Гласные фонемы под ударением

Селинский говор имеет в своем составе пять гласных фонем, как и литературный язык: *и (ы), у, е, о, а*. В нем отсутствуют дифтонги, старый *ѣ* во всех случаях (за исключением известных образований по аналогии типа γн'озды) звучит как *е*: с'в'ét, с'н'éх, д'éдушка, хл'éп, jél, jéс'т' (кушает), н'ét, п'éс'н'и, ал'икс'éй, в'ét'ар и т. п.

После мягких согласных и шипящих перед твердыми вместо исторического *е* (и *ь*) обычно произносится *о*: ав'óс, л'óн, с'в'óкла, с'в'окар, б'ир'óза, з'óрны, п'ад' д'óн, з'ил'óнай, в'ис'óлай, сал'óнай, дал'óка, пр'ин'óс, пр'ив'óс, с'т'ир'óх, д'óрнул, зав'óртыват, ч'ит'в'óртай, кат'óнак, ут'óнак, б'ир'óм, н'ис'óм, д'н'óм, с аγн'óм, аγан'ок, кул'ок, ч'ижóлай, д'ишóвай, зажóх, жóлтай, жóлут',

жо́рнаў, ушо́л, кашо́лка, п'ич'о́най, γалч'о́нак, м'ид'в'ижо́нак, м'ашо́к, б'ир'ажо́к, нажо́м, γужо́м.

В известных случаях фонема *е* сохраняется перед бывшим мягким *р*: в'е́рх, ч'ит'в'е́рх, це́рква, з'е́ркыла', в'е́рба, с'е́рп и т. п., также је́рш. Колебания имеются в разных словах перед отвердевшими шипящими *ж*, *ш* (и долгим *ш*): још, д'о́шыва, ад'о́жа; л'ип'о́шка, мылад'о́ш, т'о́шша, но γылав'е́шка, л'е́шш, также ч'е́ша (-чешет), т'е́ша, бр'е́ша и под. Особо слова над'е́жа (и собственное имя Над'е́жа, прозвище Над'е́жыны), как старое книжное заимствование.

В глагольных образованиях (2-го лица ед. ч. наст. времени) только *о*: н'ис'о́ш, в'ид'о́ш, б'ир'о́ш, дајо́ш.

Произношение *о* по аналогии так же, как и в литературном языке: ны б'ир'о́зи, з'ил'о́н'ин'к'ай, д'ин'о́ч'ик, м'ишо́ч'ик, з'имл'о́й, кынапл'о́й. Однако характерно расширение действия аналогии, известное во многих южных и северных говорах: мајо́й, твајо́й, свајо́й, на wc'о́й, н'и ч'јо́й. Конечное (в открытом слоге) ударное *о* (на месте старого *е*) как и в литературном языке: з'в'ир'јо́, л'ицо́, ус'о́, хырашо́ и т. п.

Фонема *о* замещает (по аналогии) *а* в таких словах, как тр'о́с, патр'о́с, запр'о́х, п'о́тны.

Для селинского говора типична также мена *а* — *о* в случаях: во́р'им, ана́ таб'е́ ка́шк'и сво́р'а (-сварит), падо́р'иш, падо́р'а, ты јаво́ н'и сво́л'иш (-свалишь), сво́л'им д'е́р'ива, ко́т'иш, куды ко́т'ис'с'и н'и варо́т'ис'с'и, с'а́д'ит' и уко́т'а у γо́рат, бро́н'иш, бро́н'итца, ско́м'ји, пасо́д'иш, он таба́к со́д'а (в значении много курит), пло́т'им; обратная мена: ла́в'иш, ла́в'им, хада́к, јада́к. Однако: та́шшым, со́л'им. Слово „седок" архаичному говору неизвестно.

Безударный вокализм

Большой интерес для исторической диалектологии представляет вопрос о полновесности слогов по отношению к ударенному.

Известно, что характерная особенность большой группы говоров — своеобразное произношение неударенных гласных

неверхнего подъема (аканье и связанные с ним явления) Шахматовым и рядом других ученых связывается с усилением экспираторного ударения и развитием редукции в неударяемых слогах. По этой гипотезе в определенных позициях новые редуцированные гласные „прояснялись", в результате чего последовательно возникали различные типы аканья-яканья, представленные в современных русских и белорусских говорах.

В свое время мною была высказана мысль (кстати, поддержанная академиком Л. В. Щербой), что аканье генетически не стоит ни в какой связи с редукцией неударяемых гласных неверхнего подъема. В настоящей статье не место говорить об этих весьма сложных и пока еще темных для науки проблемах. Нам пока мало что известно о произношении неударяемых гласных (в смысле их полновесности по отношению к ударенному слогу) в древнерусскую эпоху, когда развивается экспираторное ударение. Данные языка письменных памятников и в дальнейшем вряд ли сколько-нибудь существенно помогут делу в силу известной орфографической их специфики. В этом случае наш единственный надежный источник — современные говоры, вполне доступные наблюдению фонетиста. Путем широких разысканий необходимо установить типы экспираторной силы всех неударяемых слогов по отношению к ударяемым и выяснить, в какую сторону развивается экспираторность (в широком смысле этого слова). К сожалению этот вопрос в русской диалектологии почти вовсе не изучен. Впрочем, кое-какие наблюдения все же имеются. Для меня представляется (в общем виде) несомненным, что редукция неударяемых гласных наиболее развита в говорах более позднего происхождения (в так называемых среднерусских переходных, в поволжских и др.), в том числе и в литературном языке. В говорах северных и южных (оставляем пока в стороне в основном окраинные диссимилятивно-акающие говоры) экспираторность неударяемых слогов при всем своем различии имеет много общего: и в тех и в других редуцированные гласные представлены слабо. Редукция в них заметно развивается в настоящее время под влиянием литературного языка (этот процесс хорошо

показан в последних работах М. Н. Каринского). Следовательно, „чем дальше в глубь времен", тем равномернее распределялась в неударяемых слогах экспираторная сила и в акающих говорах.

Типичным образом является мой родной архаичный селинский говор и говоры окрестных деревень.

Если принять обычно употребляемое обозначение степени экспираторной силы ударенного слога за 3, то наиболее распространенной экспираторной моделью слова (или интонационной группы слов в предложении) будет 2:2:2:3:2:2. Образцы:
2 2 2 3 2 3 2 2 2 2 2 3 2 2 3 2 2 2 2 3 2
Ны ɣырад'б'е́ пав'ес'ил'и. Зы сыпаɣа́ми схад'и́л'и. У индав'и́шша
2 3 2 3 2 2 3 2 2 3 2 2 2 2 3
(название лужка) зашл'и́ каро́вы та. Смо́тр'им | а о́н ны б'ир'аɣу́
2 3 2 2 2 3 2 2 2 3 2 2 3 2
рызва́л'илс'и (лег спать). У до́ч'ушк'и нар'а́ду та мно́ɣа. Конечно, в сложном речевом потоке могут быть различные вариации. В скороговорке картина резко изменяется: неударяемые слоги сильно ослабляются, появляются редуцированные гласные. Ср. в словесной игре фразу, которую надо произно-
3 3 1 1 1 1 1 1 3
сить возможно быстрее: вы́н' лы́ч'къ ис път къч'ътъшка́ (при очень убыстренном темпе неударенные неверхнего подъема почти вовсе изчезают). Нередко редуцируется закрытый не-
2
ударный слог, особенно, если за ним не следует паузы: пад
3 1 2 3 2 2
до́мъм нашл'и́. Но обычно и такое произношение: он за
3 2 2 3
до́мам с'ид'и́т'.

Редуцированию, а затем и полному сокращению подвергается второй предударный гласный в приставке *пере*: п'ирруб'и́л, п'ир'кало́л, п'ир'хват'и́л, п'ирлав'и́л и т. п. Но в этом видоизмененном произношении экспираторная модель слова остается
2 2 3
прежней: п'ирруб'и́л.

Гласные открытого послеударного слога в абсолютном конце интонационного отрезка часто приобретают особую долготу, иногда превышающую долготу ударенного гласного:

Ну бу́д'ит' т'ибе́ бу́уд'ааа. Куды́ ты хад'йилааа. Ид'е́ он? —Он у сара́аиии (в сарае). Такого рода тонально-долготные предложения довольно обычны не только при вопросах и ответах, восклицаниях и пр., но и в типичной повествовательной речи, что придает селинскому говору своеобразную певучесть, особые ритмические такты (которые интересно было бы исследовать), сразу обращающие на себя внимание приезжих („у вас не говорят, а поют"). Такое же произношение я постоянно наблюдал и в окрестных деревнях, слышал его и в сельских пригородах Тулы (например, и в большом селе Мяснове, ставшем теперь частью города).

За последние пятнадцать-двадцать лет под сильным воздействием литературного языка экспираторная сила неударяемых слогов по отношению к ударенному резко изменяется. Экспираторная модель слова заметно приближается к литературной норме (1:2:3:1). Вместе с этим, разумеется, развивается и редукция неударяемых гласных. Прежнее произношение сохраняется лишь у старых женщин (старики в этом отношении не типичны, так как все они подолгу жили в городе).

Аканье

В первом предударном слоге после твердых согласных, в том числе и твердых шипящих *ж*, *ш*, также *ц* и в абсолютном начале слова *а* чередуется с *о* и *а* ударенными независимо от того, какая фонема находится под ударением, т. е. в селинском говоре имеется полное аканье без признаков диссимилятивности: вада́, вад'е́, вадо́й, каро́ва, ат акна́, к сталу́, са мно́й, схад'и́, ваз'м'о́т', раз'л'йу́ (разлив), здаро́у, в а̣н'е́, крашы́т', дражы́т', сталы́, на̣'й, прас'йл, пысматр'й, кас'йл, пашл'й, у палку́ (в полку), ны вад'е́, ны на̣е́, дама́, стаја́л, пайд'о́м, пан'ос, забо́р, сапо́х, забо́та, дал'о́ка, бара́н, стака́н, анба́р, трава́, дава́й, сказа́л, ат'н'ос, ахо́та, ар'о́л, жара́, ша̣а́й, шары́, раз'л'йл, раз'б'йл, рабо́т'н'ик, рас'т'о́м.

Звук *а* в первом предударном слоге является широким, открытым, полновесным по своему образованию, на слух как бы подчеркнутым „выпуклым", отличаясь от *а* в литературном произношении, которое характеризуется меньшим раствором рта. Эта особенность, широко известная во многих южнорусских говорах, держится устойчиво и в языке молодежи, что вполне понятно, если учесть, что этот диалектный признак — признак „секундарного порядка" (термин Л. В. Щербы), отличие которого от литературной нормы местными жителями не осознается, следовательно, и не противопоставляется *а* в литературном языке.

Соответствия ударенному *а* после *j* уже зависят от твердости или мягкости последующего согласного (јадро́, но јидр'о́най), т. е. включаются в систему яканья-иканья, о чем см. ниже. То же отчасти и после шипящих, хотя в данном случае уже нет последовательности: жыл'ét', но шал'и́т.

Во втором предударном слоге качество гласного зависит от того, начинает он собою слово или следует после твердого согласного. В первом случае мы имеем *а*: атруб'и́л, ат' н'ав о́, аγаро́т, аγурцы́, абл'изну́лс'и, аба'ид'и́, ат'н'ис'и́. То же и в случаях, когда в потоке речи предшествующее слово оканчивается на согласный: хво́ст атруб'и́л, наш аγаро́т, пыд аднаво́, ныд абраза́м'и; также и после слова с конечным гласным: ус'é зы аднаво́, зы аγурца́м'и.

Во втором случае в архаической речи (за исключением быстрого темпа произношения и скороговорок) отчетливое *ы*: γылава́, мыладо́й, пыскар'ёй, тыпара́, мылако́, сыб'ир'и́, пыпала́м, пыдажд'и́, сыпаγ'и́, пымаγ'и́, пы двара́м, ны двар'é, ны γумн'é, ныруб'и́т', зыдав'и́л, зып'ир'ét', рысказа́л, рызруб'и́л, пым'арла́, пыдл'ин'н'ёй, γылуб'ёй и т. п. В этой позиции селинский говор характеризуется последовательным „ыканьем". Противопоставление позиций: абсолютное начало слово-положение после согласного вызвано фонетическими условиями. Какова историческая подоплека этого противопоставления — пока сказать трудно. Вероятнее всего *ы* развился из редуцированного ъ. Но что редуцировалось в говоре, из которого сложилась

селинская речь, *о* или *а*? На этот вопрос ответить утвердительно (если заранее не навязывать себе гипотезы о развитии аканья из оканья) пока что нет возможности. Во всяком случае ыканье обусловливается специфическими причинами и представляет собою частное явление в общей системе аканья. Экспираторная полновесность неударяемых слогов, убывающая в настоящее время под воздействием литературного языка (следовательно, возрастающая, если мы углубляемся в непосредственно предшествовавшее настоящему прошлое), позволяет (пока что провизорно) предположить, что „редукционный период" в данном частном случае мог быть обусловлен столкновением акающей системы с окающей (необязательно в тульских краях; диалектные явления нередко распространяются далеко за пределы очагов их возникновения). Примеров редукции, вызванных не „имманентным" развитием языка, а сложными взаимоотношениями разных лингво-социальных групп, на территории русской речи можно найти немало (ср. многие поволжские говоры, где редукция является безусловным результатом взаимовлияния акающего и окающего произношения).

Гласные *у*, *ы* во втором предударном слоге устойчивы и не подвергаются изменениям: ухад'и́, укус'и́л, рукава́, дурака́, γусак'и́, выл'ива́л, сынавjа́, сыпану́л, выхад'и́ рыбак'и́. Особо сундук'и́ и сындук'и́ (оба произношения сосуществуют). Вариант сындук'и́ по своему происхождению не совсем ясен. Можно было бы предположить, что *у* в связи с ослаблением артикуляции утратил свою лабиальность и изменился в редуцированный ъ с прояснением в *ы*. Однако наличие в ряде северных говоров произношения сонду́к, а в северо-западной акающей полосе (например, на псковщине) санду́к требует специального исследования истории данного слова.

Наконец, отметим в селинском говоре явление слияния и стяжения двух гласных типа даб'е́да (до обеда), надно́й (на одной), зар'о́т (заорёт) и т. п. Впрочем, наряду с ними обычны и ды аб'е́да, ны адно́й, зыар'о́т', особенно при интонационном усилении (ана́ каа́к зыар'о́т'l).

Нормы произношения в заударных слогах зависят от двух причин: места положения слога в слове и положения слога в речевом такте. В конечном заударном слоге (открытом или закрытом) ударенным фонемам *о* и *а* соответствует *а*: на́да, ску́шна, до́лγа, мо́жна, сты́дна, ла́дна, б'е́дна, ско́ра, д'е́ла, м'е́ста, т'е́ста, у́γал', ко́рап, вы́γан, γо́рат, сто́раш, је́тат, хо́лат, ло́дак, за до́мам, са ста́дам, с' в'е́рай, также в прилагательных ч'о́рнай, т'о́мнай, б'е́лай, кра́снай, то́лыстай (толстый), скл'йскай. Аканье в конечном заударном слоге особенно выпукло в конце речевого такта: на́м т'иб'е́ н'и на́да, ты до́лγа | ид'й пыскар'е́й, како́й тут хо́лат. Обычно в этих случаях гласный заударного слога (не только *а*, но и любой) может иметь долготы, придающие говору „певучесть": бу́д'ит' т'о́мнаа | н'и хад'й.

В середине речевого такта *а* конечного заударного слога произносится неодинаково: в одних случаях артикуляция его ослабляется и он подвергается редукции, не теряя своего качества (ско́ръ в'е́ч'ир, ску́шнъ с табо́й, са ста́дъм до́ч'к'а), а в других случаях звучит как *ы* (је́тыд до́м, γо́рыт ту́ла, сто́рыш вы́шал, ло́дык н'е́ту).

В последних случаях *ы* наличествует в закрытом слоге. Данная норма иногда переносится и на другие позиции: наряду с произношением в конце речевого такта — сто́раш, хо́лат, у́γал возможно и сто́рыш, хо́лыт, у́γыл. Впрочем, последнее произношение ограничено: нельзя сказать за до́мым, са ста́дым, с' в'е́рый, как невозможно *ы* в словах с конечным открытым слогом (не только в конце, но и в середине речевого такта). Видимо, такому произношению препятствует реализоваться семантика грамматической формы (ср. ско́ра и невозможное ско́ры; с' в'е́рый, как кажется, затемнило бы понимание формы творительного падежа).

В заударном неконечном слоге обычно *ы*: уγо́рыд'и, из γо́рыда, у́γыл'у, сто́рыжу, у хо́лыд'и, је́тыва, вы́прыс'ил, вы́брыс'ил, до́рыγа, здо́рыва, ска́лкыју, кра́сныва, па́лыч'к'а. Наряду с *ы* возможно и произношение *а* (менее употребительное): из γо́рада, до́раγа, ска́лкаju, которое, однако, не встречается

перед следующим гласным *и* (только у γо́рыд'и, у хо́лыд'и, вы́брыс'ил, вы́прыс'ил). В говоре наметилось своеобразное ассимилятивное ыканье, как и ассимилятивное аканье (случаи с *а* более „естественны" и часты перед слогом с последующим *а*: до́раγа, сто́ража, ја́блака, γо́рада, је́тава и под.). Последнее, впрочем, не имеет какой-либо устойчивости, поскольку возможны (пусть реже) и ска́лкају, па́лкају, у́γал'у.

Ассимилятивные явления в заударных слогах, как кажется, еще не отмечались в наших диалектологических описаниях, что можно объяснить установившимся скептическим отношением к возможности обнаружить типы аканья (соответственно яканья) не в первом предударном слоге, а отсюда и недостаточным вниманием (также и трудностью наблюдения) к исследованию данного вопроса. Между тем в теоретическом отношении (при решении проблем, связанных с происхождением и историей аканья и оканья) закономерности, существующие в вокализме заударных и второго (третьего) предударного слога, имеют не меньшее значение, чем вокализм первого предударного. Ведь фонематический состав языка проявлялся и проявляется не столько в слоге, сколько в слове в целом, в речевых тактах, представляющих собою экспираторное единство. Разнообразие типов аканья (яканья) в первом предударном слоге и относительное (только относительное!) однообразие вокализма других безударных слогов в говорах русского языка сами по себе еще не говорят в пользу первенства (для исследователя) вокализма первого предударного слога. Одно только изучение типов аканья (яканья) по первому предударному слогу не может подвести нас к решению происхождения и истории аканья, так как такой подход был бы узким и односторонним. Иногда у нас любят говорить, что тот или иной тип аканья (яканья) — „паспорт" акающего говора, типичная черта его фонетики. Такое мнение, конечно, неверно, так как для системы говора не менее важен и вокализм других безударных слогов (как и иных общих диалектных явлений).

Изоглоссы явлений вокализма не первого предударного слога (к сожалению, мало изученные) для нас так же

существенны, как и изоглоссы вокализма первого предударного слога. Конечно, они не совпадут с условными „границами диалектов", которые мы видим на известной карте МДК, но что из того!

О наличном в селинском говоре произношении слов вы́мал (вымыл), вы́рал и др. см. в следующем параграфе.

Яканье и иканье

В архаичной речи д. Селино в первом предударном слоге представлено типичное умеренное яканье: старым *е*, *ѣ*, *ь* и *а* соответствует *а* или *и* после мягких согласных и шипящих в зависимости от последующего твердого или мягкого согласного. Качество ударенных фонем не играет никакой роли (об особых случаях сочетаний шипящих с *а* и *и* см. ниже). Примеры: в'асна', с'астра́, два с'ала́, м'атла́, ст'ана́, с'н'αγа́, р'ака́, с'л'апа́йа, с'т'аб'а́т, хл'аба́т', жана́, жала́т', шаγа́т', цана́, цапа́м, жара́, два ч'аса́, в'аза́т', пл'аса́т', п'ата́к, пр'ама́йа, р'аба́йа, с'ало́, з'арно́, в'асло́, пр'ин'асло́, зы с'ало́м, з' з'арно́м, в'асло́м, в'адро́, в'адро́м, л'асо́к, с'адо́к, л'асно́й, н'амо́й, п'атно́, р'адно́, пр'амо́ва, к р'або́й, п'ато́к, п'атно́м, зы жано́й, пшано́, зы пшано́м, зы пч'ало́й, жалто́к, шасто́й, п'ат' ч'асо́ў, ч'асо́к, д'ес'ит' шаγо́ў, н'асу́, в'аду́, пл'ату́, б'ару́, п'аку́, у с'н'аγу́, у л'асу́, ны т'в'ату́, н'аму́йа, с'л'апу́йа, к в'адру́, зыγл'ан у́, р'абу́йа, пр'аму́йа, жану́, жалу́дак, шасту́йа, к цапу́, у жару́, у п'атам ч'асу́, тр'и в'арсты́, д'в'е с'астры́, р'ады́, р'абы́х, с'в'аты́х, пр'амы́х, у жаны́, ат' пч'алы́, шасты́, н'ет цаны́, ч'асы́, ад жары́ и т. п.

Перед мягкими согласными *и*: з'в'ин'а́т', с'имја́, д'ис'а́тай, д'ир'ив'а́ннай, пыт'ир'а́л, прым'ин'а́л, смија́тца, з'ил'о́най, в'ис'о́лай, б'ир'о́за, в'ир'о́ўка, н'ис'о́м, в'ид'о́м, пл'ит'о́м, б'ир'о́м, н'ис'ош, в'ид'о́ш, пл'ит'о́ш, б'ир'о́ш, д'ин'о́к, п'ин'о́к, з'в'ир'јо́, з'в'ир'јо́м, ны-пр'ид'о́м, д'ир'е́ўн'а, в'ис'е́л'ја, в'ил'е́л, в'ил'е́л'и, ул'ит'е́л'и, н'ид'е́л'а, т'ил'е́ца, цыб'ил'е́л'и, пыб'ил'е́л, у с'ил'е́, у γн'из'д'е́, ны з'в'из'д'е́, ны р'ик'е́, ны с'т'ин'е́, у р'ик'е́, γ жын'е́, жыл'е́за, у цын'е́, лышы-д'е́й, ч'ис'т'е́й (частей), в'ил'у́, с'им'ју́, пыс'т'ил'у́, с'м'ију́тца, цын'у́, пр'ив'ил'и́, пр'ин'ис'л'и́, пыс'т'ил'и́л'и, укр'ип'и́лси, с'им'ји, ны-

пр'ид'и', пыγл'ид'й,у γр'из'й, пы п'ит'й, д'ис'ит'й, зыпр'иγй, ныр'ид'йлс'и, жын'йлс'и, пшын'йца, шыс'т'й л'ёт, цын'йт', цы'д'йт и т. п.

Исключения — ны жар'ё, шал'йт', объясняются — первое как подведение слова под разряд слов с предшествующим твердым согласным, второе является для данного говора заимствованием из книжного языка (однозначимое местное — былава́тца; р'иб'а́ты балу́јутца).

Особо нужно выделить произношение и перед сочетанием согласных, последний из которых является мягким, первый же твердым: ны з'имл'ё, з'имл'о́й, з'имл'а́, к с'истр'ё, у в'идр'ё, у т'ипл'ё, ны м'итл'ё, ны с'идл'ё, л'игл'й, пыт'икл'й, ны п'иск'ё, с'т'ир'игл'й, б'ир'игл'й, п'икл'й, с'т'икл'а́най, иγн'о́нак, абл'ихч'йт' и т. п.

Эту особенность можно было бы объяснить как результат грамматической аналогии (п'икл'й по образцу н'ис'л'й; с'истр'ё по образцу с'т'ин'ё). Однако некоторые слова данной группы не очень-то укладываются в рамки аналогии. Вряд ли грамматические параллели могли оказать воздействие на слово иγн'о́нак (но јаγну́шка — молодая овца, с чем сосуществует в том же значении иγн'у́шка), р'имн'а́, п'итл'а́, з'имл'а́, з'имл'а́к, с'в'итла́'к и др. ввиду малочисленности этих параллелей. Скорее всего мы здесь имеем дело с явлением фонетическим: сочетание согласных, оканчивающееся на мягкий, также воздействует в данном случае на качество предшествующего гласного, как и мягкий согласный. Сочетание согласных с конечным мягким, таким образом, по отношению к предшествующему гласному первого предударного слога представляет собою единый фонетический комплекс.

В селинском говоре интересно произношение *а* (после мягкого согласного) и *и* перед шипящими согласными. Мы имеем: γл'ижу́, л'ижу́, в'ижу́, пл'ишу́, р'ишу́, ч'ишу́, кр'ишшу́, л'ишшу́, (лещу), в'ишшу́н (вещун), л'ижы́ш, о́кыла м'ижы́, м'ишк'й, с'п'ишы́ш, γр'ишы́ш, б'ижы́ш, л'ижы́т', б'ижы́т', ны руб'иже́, ны м'иже́, у м'ишк'ё, л'ишше́й, (лещей), в'ишше́й, јиже́й, д'ише́вл'и, р'ишо́тка, кл'ишшо́тка (от клещи), тр'ишшо́тка, д'ишо́вай, ч'ижо́лай (тяжелый), но: л'ажа́т', б'ажа́т', јажа́, м'ажа́, м'аша́т', м'аша́јут', м'аша́л,

три́ т'ажа́, д'ажа́, л'ашша́, јажо́м, зы руб'ажо́м; пыд м'ажо́й, л'ашшо́м. Таким образом, *и* звучит перед шипящими, когда за ними следуют ударенные *у*, *и* (*ы*), *е*, *о* (из старого *е*) и *е* из *ѣ*, тогда как соответственно перед ударенными *а* и *о* (из старого *е*) в флексиях произносится *а*.

Без сомнения, качество ударенного гласного само по себе в данном случае не играет какой-либо роли. Дело здесь в том, что шипящие отвердевали перед различными гласными не в одно и то же время. Прежде всего они отвердели перед *а*, затем, видимо, отвердение началось перед *у*, о чем свидетельствует сохраняющийся до сих пор в селинском говоре разнобой: м'ижу́ и м'ажу́, л'ишшу́ и л'ашшу́ и т. п. Отвердение шипящих перед *у* наступило позже в глагольных формах (последовательно: в'ижу́, гл'ижу́, л'ижу́ и т. п.). Запоздание этого процесса перед *и*, *е* и *ѣ* фонетически вполне понятно.

В общем та же закономерность наблюдается и в тех словах, в которых шипящий находится перед *к*: м'ишк'и́, ны м'ишк'е́, ма'шка́, м'ашку́ (и м'ишку́), м'ашко́м, п'ашко́м.

Особые случаи типа р'иша́т' (не р'аша́т'), γр'иша́т', с'п'иша́т' (например, ч'асы́ с'п'иша́т') в селинском говоре, как кажется, представляют собою слова „городского" происхождения.

Заканчивая характеристику яканья в первом предударном слоге, отмечу, что в селинском говоре (как и во многих других) особое положение занимает частица *не*, также предлоги и приставки *перед*, *через*, *без*, *пере*. Они выполняют служебные грамматические функции и в потоке речи часто произносятся „бегло," „скрадываются", что сказалось на их фонетическом облике: в них всегда произносится *и*: п'ир'ид до́мам., п'ир'ид л'е́сам, ч'ир'ис кра́й, б'из му́жа, п'ир'иплы́л, п'ир'ида́л, н'и зна́йу, н'и бу́ду, н'и про́с'а.

Важно отметить, что умеренное яканье в окружающих Селино деревнях до 30-х годов получало все более широкое распространение, вытесняя остатки полного (сильного) яканья. Так, например, в соседнем селе Воскресенском в 20-х годах было еще полное яканье: в'ал'ат', пл'ат'е́н', в'ал'и́, п'ат'и́ и т. п. Жители Селина чувствовали разницу между своей речью и речью

воскресенцев и дразнили их так: „П'атр'ей (собственное имя от Петр, в селинском говоре было П'итр'ей), а П'атр'ей, устава́й, кра́сныйу руба́ху ныд'ава́й, у Выскр'ис'е́нскам хлабы́шшут'" (звонят в колокола) или „е́й, вы́, упа́ла т'е́н' ны пл'ат'е́н'!"

Во втором предударном слоге после мягких согласных в селинском говоре произносится *и* (как *ы* после твердых): л'исав'и́к, м'ис'н'ик'и́й, р'иб'ит'и́шк'и, в'ис'ил'е́й, б'ир'аγа́, п'итач'о́к, с'инако́с.

Гораздо сложнее обстоит дело в заударных слогах.

Не в конечном заударном слоге обычно *и*: о́з'ира, с'е́м'ира, о́с'инjу, за́р'ива, п'е́р'идам, вы́в'иду, вы́н'ису, вы́б'иру, па пр'е́жн'иму, с'и́н'ива, д'е́н'ишк'и, в'и́д'ила, вы́л'изу, вы́в'ид'и, вы́н'ис'и, вы́т'ину, ат'м'е́р'ийу, зы сара́им'и, зы д'ир'е́вjим'и, зая́блын'им'и, м'е́с'ица, с ко́р'н'им'и.

Произношение *и* или *а* в конечном открытом заударном слоге обусловливается факторами морфологическими: в именительном и винительном падежах обычно *а*, в местном *и*: пол'а, γо́р'а (вот γо́р'а кака́йа), мо́р'а, выскр'ис'е́н'jа, хр'ишше́н'jа, пла́т'jа (ед. ч.) адна рызар'е́н'jа, сумл'е́н'jа (сомнение), кало́т'jа у баку́ (колотье, в боку колет), пашо́л у по́л'а, вэ́нк'а в'и́д'ал мо́р'а, пр'ихад'и́ у выскр'ис'е́н'jа, но: ны́ бал'шо́м по́л'и, на са́мым д'е́л'и, ны рабо́т'и, у калхо́з'и, у л'е́с'и, на д'е́р'ив'и, ум'е́с'т'и.

В глаголах 2-го лица мн. ч. наст. времени и в повелительном наклонении (мн. ч.) произносится обычно *а*: вот в'и́д'ит'а, ид'и́т'а туды́, каво цалу́ит'а, пысматр'и́та' | што́ там д'е́итца, жд'о́т'а каво́ н'ибу́т'. То же в глаголах 3-го лица ед. ч. наст. времени без *т* (*а* по аналогии произносится и на месте *и*): зна́йа, ч'ита́йа, п'и́ша, л'и́жа, др'е́м'а, про́с'а, ко́с'а, во́з'а.

В прилагательных мн. числа им. и вин. пад. обычно *и*: бал'шы́й, глух'и́и, аγро́мныи, с'и́н'ии, кра́сныи и т. п. Впрочем, здесь, возможно, это *и* относится не к фонетике, а к морфологии.

В закрытом заударном слоге произносится *а*, но в одних и тех же словах можно в том же архаичном говоре услышать и *и* (после шипящих *ы*) (впрочем, не всегда): в'е́т'ар и в'е́т'ир, д'е́н'ах и д'е́н'их, с'в'е́т'али с'в'е́т'ил, т'о́п'ал и т'о́п'ил, па́л'ац и

па́л'иц, ло́жак и ло́жык, пта́шак, р'иб'ит'и́шак, вы́н'ас, вы́в'ал ку́пл'ан и ку́пл'ин, ка́мн'ам, з γо́р'ам и зγо́р'им, jе́т'им по́л'ам и jе́т'им по́л'им, с уч'и́т'ил'ам и с уч'и́т'ил'им, са сто́рыжам, зы д'ир'е́ўн'ай, за jа́блын'ай, за́иц, м'ес'иц, вы́жыл.

В глаголах 2-го и 3-го лица (с наличием формы на *-т'* ед. ч. и 1-го лица мн. ч. как *и* (*ы*): ста́н'иш, ста́н'ит', ста́н'им, бу́д'иш, бу́д'ит', бу́д'им, л'а́жыш, л'а́жыт', л'а́жым, зал'е́з'иш', зал'е́з'ит', зал'е́з'им, паjе́д'иш, паjе́д'ит', паjе́д'им, па́шыш, па́шыт', па́шым, п'и́шыш, п'и́шыт, п'и́шым. Это *и* (*ы*) понятно, если учесть мягкость *-т* и бывшую мягкость *-ш*. Что же касается *и* (*ы*) в 1-м лице мн. ч., то оно, возможно, — результат грамматической аналогии.

Обращает на себя внимание устойчивое (в отличие от других случаев) произношение *а* в конечном закрытом слоге при наличии под ударением *и* или *ы*: вы́н'ас, вы́в'ал, кар'м'ил'ац, р'иб'ит'и́шак, мал'ч'и́шак, д'ин'жы́шак, рубл'и́шак, вы́т'в'ал, пы́л'ан, жы́р'ан и т. п. Это *а* в причастиях прошедшего времени на *-л* оказывается на месте этимологического (для данного говора) *и*: вы́л'ал, вы́п'ал, но то же при условии наличия ударенного *ы* (ср. только jе́з'д'ил, испо́р'т'ил, кыраў'л'ил, бро́с'ил). Ср. аналогичные случаи после твердых согласных: вы́мал, вы́рал, вы́плал. Произношение *а* на месте *и* и *ы* можно объяснить грамматической аналогией. Но откуда устойчивость чередования *и* (*ы*) *а* в исходной форме? В селинском говоре также: х'в'и́л'ан (филин), жы́л'ан (фамилия Жилин), с'и́л'ан (фамилия Силин) и т. п. Может быть, мы имеем здесь в основе явления заударное диссимилятивное яканье (аканье) перед конечным твердым согласным, которое распространилось по аналогии и на слова с этимологическим *и* (*ы*).

Некоторые другие явления из области вокализма

Отметим наличие отдельных несовпадений с литературной нормой в сочетании исторически новых гласных с плавными согласными. В начале слова: аржано́й, ал'н'ано́й — в прилагательных; алб'и́шша (лбище) — название урочища; в именах сущест-

вительных — иржа́ (ржа), рош, но: иржы, мно́га ил'ну́. В середине слов: то́лыстай, мо́лынја.

Новые гласные в сочетании не с плавными: пышано́, пышын'ица (наряду с пушун'йца), сымаро́д'ина, но тво́рах, плахо́й. Ср. также амч'е́нск, амч'е́н'аск (Мценск). Все эти явления строго лексикализировались и не имеют характера каких-либо фонетических закономерностей.

Согласные

Как и в любом другом русском говоре, состав согласных фонем в селинском говоре в общем тот же, что и в общенациональном языке. Отличие касается некоторых частностей, придающих селинской речи своеобразную диалектную окраску.

В архаичном селинском говоре отсутствует *ф* в заимствованных словах, нет также „пары" *в—ф* (ср. в литературном языке: карова—кароф).

Фонема *ф* в словах раннего и позднего заимствования заменяется *хв*, *х*, причем в этой замене можно установить определенную закономерность: обычно *хв* перед гласными, а *х* перед согласными. Примеры на *хв*: хва́ртук, хва́бр'ика, хвам'йл'ийа, хвана́р', хва́кт, хва́л'ш, хвал'шы́вай, хван'е́ра, х'в'е́рма, х'в'ијалка, х'в'из'ика, х'в'из'ианом'ийа, хво́кусы, хво́рма, канх'в'е́тка, сырахвай, х'в'ил'йп, х'в'о́дар, х'в'адо́т, х'в'адо́с'ја, х'в'о́кла, ахвана́с'ја, ма́рхва, аγрах'в'е́на, митрахва́н. Примеры на *х*: хлако́н, хро́нт, хру́кты, хла́х, ко́хта, хро́л, аγа́х'ја, со́х'ја. Отклонения от этой нормы единичны. К ним относятся: преимущественное произношение ху́нт (возможно и хву́нт), ху́н'к'ива (название соседней деревни), хама́ (Фома), реже хвама́, хам'йч (Фомич), хым'ич'о́вы (Фомичевы). Объяснить эти факты без тщательного сравнения с другими говорами (прежде всего соседними) невозможно. Может быть, мы имеем дело с воздействием других говоров. Что касается случаев типа аγа́х'ины (Агафьины), то они возникли в результате аналогии (ср. аγа́х'ја).

В абсолютном конце слова в заимствованиях также *х*, но возможно и *хw*: то́рх и то́рхw, т'и́х и т'и́хw (без оглушения *w*).

Проникновение фонемы *ф* в селинскую речь начинается еще до революции.

Мужчины, жившие в городах, постепенно усваивают *ф* и оказывают влияние на речь односельчан (главным образом молодежи). Однако усвоение *ф* дается нелегко. Происходит смешение *ф* с сочетанием *хв* в незаимствованных словах, — то, что по праву можно назвать „гиперурбанизмом" в речи.

В детстве я отлично помню, как молодые парни, приезжавшие из города, „форсили" и потрясали воображение „городским" произношением таких слов, как фо́ст, фа́стат', фа́л'итца, фа́т'ит'. В конечном счете, видимо, такого же происхождения и х'в'ита́нцыjа, х'в'ито́к (квиток), хват'е́ра (квартира) (из ф'ита́нцыjа, фат'е́ра и т. п.). В самой селинской речи *хв* не могло измениться в *ф*, поскольку такой фонемы не было.

После коллективизации фонема *ф* начала быстро внедряться в речь селинской молодежи, причем уже без случаев „гиперурбанизма", без искажений литературной нормы, что характерно для изменений, происходящих в языке крестьянства эпохи социалистического строительства. Замена *ф* через *хв*, *х* устойчиво держится только у старшего поколения женщин.[1]

Фонема *в* в селинском говоре в настоящее время по своему образованию имеет двоякий характер: она произносится и как *w*, и как *в*.

Звук *w* билабиальный (губно-губной), причем нижняя губа артикулирует верхней. Эта артикуляция не энергична (ослаблена), полного смыка в середине губ нет, между губами остается „просвет". Мною наблюдалось и такое произношение *w*, когда в начале слова (после паузы), чаще всего перед гласными *и* (*ы*), губы, сближенные, но не сомкнутые, лишь слабо вибрируют, без артикуляции нижней губы верхней.

---

[1] Однажды я попросил одну старую женщину попробовать произнести *ф*, показав, как это нужно сделать. Она добросовестно старалась выполнить мою просьбу, но так и не смогла произнести *ф*.

Наряду с *w* известен и губно-зубной *в*, который можно услышать не только в речи молодежи, но и в произношении старшего поколения. Звуки *w* и *в* в речи всех селинцев смешиваются, не определяясь какими-либо позициями. Такое смешение *w* и *в* перед гласными вполне понятно, так как, по моим наблюдениям, разницу между *w* и *в* сами местные жители „не слышат" и не осознают ее.

Если учесть, что *w* в определенных положениях соответствует *ў* или *у*, губно-зубной *в* в архаичной речи не имеет себе соответствия в виде *ф* (что обычно для литературного языка и многих русских говоров), то можно со всем основанием считать, что *w* „исконно" был присущ селинскому говору, а *в* появился в нем в позднее время под влиянием городской речи.

Для упрощения набора в дальнейшем изложении буду передавать *w* через букву *в*.

Фонема *в* перед согласным (не в начале слова) и в абсолютном конце слова произносится как *ў* неслоговой, а также *w* губно-губной (без оглушения). Разницу между *ў* и *w* в указанных позициях уловить очень трудно, тем более, что звуки эти смешиваются (могут произнести и так и этак).

Примеры: γатóў (и γатow) здарóў, пр'ин'ес'и́ дрóў, карóў, γалóў, дварóў, γадóў, сталбóў, палóў, д'а́д'а прóў (Пров), пста́ў (постав на мельнице), пр'иста́ў, тра́ўка, д'е́ўка, ла́ўка, в'ир'о́ўка, марко́ўка, н'ида́ўна, д'ир'е́ўн'а дрóўн'и, жарóўн'а, аўца́, аўса́, аўра́х (овраг), аўч'и́на, аўдóт'ја, пра́ўда, кр'и́ўда, γатóўл'у и т. п.

В начале слога перед согласным вместо *в* произносится *у* (в результате утраты смыка между губами: *w* > *ў* > *у*): удава́, утóр'н'ик (и аўтóр'н'ик), утарóй (второй), ушы́ (вши), ус'е́, ус'о́, ум'ес'т'и, урóс' (врозь), уну́к, унýч'к'а, уз'а́л, ул'ип'и́л (влепил), уз'л'ит'е́л (взлетел), узыγра́лас' (взыгралась), узвылнава́лс'и (взволновался), уз'б'о́х (взбег), узγыр'ава́лс'и (взгоревался), узужаха́лс'и (взужасался), узбуд'и́т' јавó на́ды (взбудить—разбудить), устр'ипыха́лс'и (встрепыхался), ус'с'ил'и́т' (взселить, т. е. выселить), ус'с'олк'и (выселки), иш усхад'и́лс'и (всходился, т. е. приблизительно в значении

расходился), бро́с'ил у во́ду, он жыв'о́т у ту́л'и (в Туле), у л'ин'ингра́т, у масквý, у д'ир'е́ўн'у, у ту и́збу, у ту д'в'е́р', у с'е́р'иду (в среду), у ја́м'и (в яме) и т. п. После гласного предшествующего слога *у* обычно слышится также довольно ясно: ана́ у ту́л'и, даўно́ уз'а́л.

Исключения из указанной выше закономерности: вр'е́м'а (т. е. wр'е́м'а, но не ур'е́м'а или ўр'е́м'а), вра́т', вр'о́т' (кажется, есть и другие случаи).

В селинском говоре (как и во многих других, знающих или знавших *w*) в начале слова перед *в*, за которым следует гласный, обычно произношение „дополнительного" *у*: ув'е́с' (весь), увас'н'е́ (во сне), уавра́х (в овраг), уваржы́ (во ржи), увашл'и́ (вошли), увадво́р (во двор), уваго́н' (в огонь), ував'о́с (в овес) и т. п. Может быть, этот „дополнительный" или „приставочный" *у* образовался в результате аналогии (ср. ус'а́, уç'е́ и ув'е́с'), однако с уверенностью это сказать нельзя. Происхождение этого *у* для меня остается пока неясным.

Наконец, отметим уваднаво́ (у одного), уваkна́ (у окна), увоз'ира (у озера). Если и здесь не аналогия, то, может быть, „вставочный" *в*, развившийся между гласными?

Твердому *w* (*ў*) соответствует мягкий *w* (*ў*): кро́ў (и кро́w'), л'убо́ў, паста́ў, на ла́ўк'и, па тра́ўк'и, приgато́ў, здаро́ўја и т. п. Отвердение старого мягкого *в*, обычное во многих говорах (как и других губных), селинской речи неизвестно.

В селинском говоре согласный *г* является фрикативным: го́рат, гылава́, гаро́х, гырад'ба́, гара́, гар'и́т', гуд'о́т' (гудит), гу́с'и, гармо́н'ја, гыр'ава́т', ги́р'а, аго́н', у в аго́н', лугá, сыпаг'и́, агаро́т, ны наг'е́, магу́, дугá, шагá́т', у́гал, у́гыл'у, даро́га, н'амно́га, гн'ило́й, загн'е́тка, гну́т', нагн'и́с', прыгнут', гра́бл'и, гру́т', по́гр'ап, гр'и́б'и, гр'иб'ишо́к, гр'а́с', магла́, магл'и́, с'т'ир'аг'ла, уб'агла́, глухо́й, гл'и́на, гла́ткай, у иглу́, ны игл'е́, хару́г'в'а, гво́с' (гвоздь), гва́лт. Звонкому *γ* перед глухими согласными и в абсолютном конце слова закономерно соответствует глухой *х*: п'иро́х, сапо́х, дру́г, ша́х (шаг), уб'о́х, лу́х, с'н'е́х, кру́х, сто́х, плу́х, д'е́н'ах, л'о́х, с'т'ир'о́х, прадро́х, ко́хт'и, но́хт'и, д'о́хт'у. Таким образом, при отсутствии чередования *г* — *х* имеется

пара γ—*х*. Даже в тех случаях, когда глухой *к* оказывается перед звонким согласным, устанавливается соответствие *к*—γ, а не *к*—*г*: γ до́му, γ бутылк'и, γ з'им'е́, γ з'имл'е́, γ жын'е́, γ γаро́ду, та́γба (так бы), что и понятно, поскольку для местной артикуляции *г* не свойственен.

Произношение фрикативного γ очень устойчиво. Это в значительной степени объясняется тем, что носители норм литературной речи (местная интеллигенция) сами произносят этот γ. Не только в Селине, но и в Туле коренные жители (включая и преподавателей-словесников), как правило, „γакают".

Лично я, будучи учащимся уже средней школы, даже не подозревал о существовании в русском языке взрывного *г*. Переход от фрикативного γ к взрывному *г* не легок, что мне известно по собственному опыту. Долгое время нужно сознательно контролировать свое произношение, прежде чем свободно, механически употреблять *г*, не думая о качестве этого звука. Мне известно немало высокообразованных людей (даже специалистов-языковедов), которые продолжают произносить γ, живя уже вне „γакающей" территории.

Все же в селинском говоре (как и в очень многих других) фрикативный γ понес некоторые „утраты", оказавшись замещенным в окончании *-оγо*, *-еγо* звуком *в*: кавó, тавó, ч'авó, дыраγóва, крáснывa, мыjавó и т. п. Процесс замены γ звуком *в* в тамошних краях закончился сравнительно недавно. Еще на моей памяти некоторые жители соседнего села Воскресенского произносили: каγó, ч'аγó. Этих жителей дразнили „каγóколками" и „чаγóколками" (зыкаγокыл'и каγóкылк'и).[1]

---

[1] Выскажу несколько соображений о происхождении наших окончаний *-ово*, *-ево*.

С чисто фонетической точки зрения исчезновение γ в окончаниях прилагательных и местоимений было вовсе необязательно. Существуют и теперь говоры с *-оγо*, *-еγо*.

Нужен был „толчок" социального характера, чтобы произошла известная нам перемена. Эта перемена была вызвана объединением северновеликорусского и южновеликорусского населения в единый русский народ и образованием из ранее разрозненных диалектов современного русского

Перехожу к характеристике долгих шипящих *ш* и *ж*. При фонематическом их определении возникают значительные трудности, поскольку, как известно, в русском языке мало употребительно противопоставление долгих и кратких согласных фонем; к тому же в случаях типа шшыт' мы имеем первый *ш* как приставку, т. е. самостоятельную морфему (следовательно, здесь сочетание двух фонем *ш*). Стало быть, речь может итти о фонематическом определении долгих шипящих, являющихся самостоятельными фонемами.

С моей точки зрения долгие шипящие внутри морфемы можно считать фонемами независимо от их твердости или

языка. Центром объединения, этнического и языкового, оказалась Москва и прилегающие к ней серединные русские области. В среднерусских районах диалекты с взрывным г вошли в тесное соприкосновение с диалектами, имевшими фрикативный γ. Взрывной г оказался более устойчивым и вошел в фонетический состав литературного языка. Однако в окончаниях *-ого, -его* по ряду причин, далеко еще не выясненных, в речи среднерусского населения на какое-то время закрепился γ, явившись противоречием в фонетической системе среднерусских говоров. Это противоречие „снимается" в результате исчезновения и образования окончаний *-оо, -ео*, причем между гласными развивается „вставочный" *в*.

Высказанное здесь предположение подтверждается территориальным расположением вариантов окончаний прилагательных и местоимений в современных русских говорах.

Составленная мною карта распространения *-ого, -еγо, -оо, -ово, -ова* на нашем северо-западе оказалась весьма показательной. На севере (у Белого моря) *-ого* и *-оγо*, южнее (у р. Свири) *-оо*, еще южнее *-ово* и далее на юг, наконец, *-ова*, причем окончание *-ова* известно не только в акающих, но и в прилегающих к ним окающих говорах. Таким образом, изоглоссы расположились „ступеньками" в строго исторической последовательности: архаичный вариант — на самой дальней окраине, новейший — ближе к центральным областям, что никак нельзя объяснить случайностью.

Вариант *-оо*, возникший в среднерусской полосе Московского государства, стал продвигаться на север, вытесняя старую норму, за ним последовало новое произношение *-ово* и, наконец, с аканьем *-ова*. В других (не северо-западных) областях распространение новой нормы, ставшей общерусской, могло протекать и несколько иначе. На южнорусской территории средневеликорусская (московская) норма стала распространяться в общем (в обратном направлении), с севера на юг. Об этом свидетельствует произношение *-оγо*, главным образом в окраинных говорах.

мягкости. В селинском архаичном говоре долгие шипящие всегда тверды: шшу́ка, ишшу́, пушшу́, шшы́, шше́пка, шшапа́ (щепа), ја́шшык, шшыпа́т', ишшо́, шше́л' (щель), л'ашша́, т'о́шша, в'е́шшы (вещи), шшо́тка, тр'ишшы́т', п'ишша́т', је́жжу, дажжа́, во́жжы, дро́жжы, жужжы́т', в'ижжа́т', жжо́най и т. п.

Таким образом, противопоставления долгого твердого шипящего сочетанию двух шипящих на стыке морфем как будто нет.

Однако, во-первых, противоположение по смыслу долгого и краткого шипящего в отдельных случаях все же имеется. Ср. селинское пушшу́ (пущю) и пушу́ (ругаю), пым'ашша́ит' (помещает) и пымаша́ит' (помещает), шшо́лку (щелку) и купил шо́лку, дро́жжы и дро́жы (бы́ла стра́ху, бы́ла дро́жы — род. пад. от дрожь). В тех же случаях, когда долгий и краткий шипящий не отличают одного слова от другого, искусственная утрата долготы далеко не безразлична для семантики слова. Если произнести т'о́ша вместо т'о́шша, дажа́ вместо дажжа́, то местные жители вряд ли вас поймут, а если поймут, то с трудом (могут догадаться по контексту речи) и, конечно, с немалым изумлением. Тоже и обратный эксперимент будет иметь такой же результат (например, шша́пка вм. шапка), если фраза не будет иметь особого экспрессивного назначения.

Во-вторых, при сочетании шипящих типа жжа́р'ит' мы имеем приставку, как особую морфему с ее собственным значением, в словах типа шшу́ка выделимой морфемы нет. Следовательно, смысловое противопоставление шшу́ка и шшы́т' налицо.

К категории фонемы я отношу также шшо́ты (счеты), шшысл'и́вай и другие подобные случаи, поскольку с кратким *ш* слова эти не существуют.

Отмечу в селинском говоре шув'е́л' (щавель), јимшы́к. Наряду с архаичным шша́с'т'ја, шшысл'и́вай давно уже употребляется и старшим поколением ш'ш'а́с'т'ја, ш'ш'ис'л'и́вай, проникшие из литературного языка. То же можно сказать о ш'ш'ита́т'.

В настоящее время в языке молодежи долгий *ш'ш'* и сочетание двух *ш'* на стыке морфем получает все большее распространение.

В селинском говоре *ц* и *ч*, *с* и *ш*, *з* и *ж* различаются так же, как и в литературном языке. Отмечу наличие архаичного произношения: ч'ёп' (цепь), ч'апо́ч'к'а (цепочка), зыч'ип'йтца (зацепиться), пр'ич'ип'йтца, атч'ип'йтца, ч'а́п'ил'н'ик, ч'а́пл'а (цапля).

Соотношение твердых и мягких согласных

Фонологическое противопоставление твердых и мягких согласных в общем то же, что и в литературном языке, с той разницей, что отсутствует пара *ф* — *ф'*, которая только в наше время начинает употребляться в селинской речи.

Описываемому говору в сильной степени свойственно мягкое произношение согласных перед мягкими.

Примеры: с'т'йхла, рас'т'о́т', в'ёс'т', н'ёс'т', з'д'ёс'а, γво́з'д'и, з'д'ёлал, рас'л'й, апас'л'а́, с'л'изну́л, с'л'апо́й, с'л'йва, з'л'ёй, в'из'л'й, увас'н'ё, с'н'ёх, с'н'им'й, пайду́ с' н'йм'и, каз'н'йт', ваз'н'йца, в'йн'т'ик, ус'с'о́лк'и, с'с'ик'й, рас'с'о́к, ат' т'ёла, ат'т'йснул, ад' д'ёла, ад'д'ил'йлс'и, д'в'ё, д'в'ана́тцат', пад'м'о́л, пад' м'ёста, пад'б'ёр'иγам, пыд'б'ир'о́т', т'в'ёт, ат'в'ид'й, ат'в'ос, ат'в'ёт, в'ёт'в'и, ат'м'ёр'ал, ат' м'ёста, ат'п'ихну́л, ат'п'о́р, ат' п'ёс'н'и, с'в'ид'й, с'в'йст, с'м'йрнай, с'м'ёх, с'п'йт', ус'п'ёл, выс'п'ита́н'ja, из'в'ёсна, из'м'ин'йл, у из'б'ё, з'в'аздá, кан'х'в'ётка, у ла́м'п'и, рызбам'б'йл'и, аб'в'ид'о́т', аб'в'ёс'ит' (и абв'ёс'ит'), аб'м'ёр'ал (и абм'ёрал), аб'б'йл, пар'т'а́нк'и, испо́р'т'ал, γар'д'йтца, зар'д'ёлси, кар'з'йнка, ко́р'н'и, кар'н'йс, кар'м'йт', сар'в'о́т', γар'б'йтца, бра́т'ja, вало́с'ja, пало́з'ja, из'jу́п'к'и, с' já6лык'им'и, с' jaγыдым'и, выран'jо́, б'jу́, п'jу́, п'já́най, выраб'já, сылав'já, тр'ип'jо́, с'им'já, шше́п'к'и, ба́п'к'и, л'а́м'к'и, у ма́м'к'и на тра́ў'к'и, на ла́ў'к'и, у д'ёў'к'и, ша́п'к'и, н'ём'к'и, кон'ч'ил, зво́н'ч'и (но с'ёнца, с'ёнцы, пылат'ёнца), перед *ш*: то́н'шы, м'ён'шы, жён'шына и т. п. Данная особенность очень устойчива и свойственна речи всех местных жителей.

Мягкость согласного осознается (в малограмотных письмах написания „сьмех", „атьнёс" обычны), однако вряд ли противопоставляется иной норме, так как произношение см'ёх вместо с'м'ёх, по моим наблюдениям, селинцы „не слышат".

Слова старой группы *tьrt* произносятся с твердым *р*: в'ёрба, с'ёрп, цёрква, в'ёрх, п'ёрвай, з'ёркыла и т. п., если последующий согласный является твердым губным или заднеязычным. Иначе: на в'ёр'б'и, ны с'ир'п'ё, п'ёр'в'ин'ац (перед мягкими заднеязычными твердость *р* остается).[1]

Если описанное выше явление есть результат регрессивной ассимиляции по мягкости, весьма жизненной для местной речи, то в ином положении сказывается прогрессивная ассимиляция по мягкости заднеязычного *к* (так называемое неорганическое и непереходное смягчение заднеязычных согласных). В архаичном говоре мягкость *к* в данной позиции обычна и в настоящее время: кóл'к'а, вáн'к'а, п'ёт'к'а, тóл'к'а, пóл'к'а, вáр'к'а, кáт'к'а, вáс'к'а, кáдыч'к'а, д'ёвыч'к'а, кап'ёйк'а, мáл'ин'к'ай, γóр'к'ай, мылач'к'ó, давáй к'а', стáн' к'а, р'ёд'ин'к'а, рýч'к'а, пáч'к'а, ч'ийк'ý, кых'в'ийк'ý, пас'т'ёл'к'у, вáр'к'у, тóн'ин'к'иju, γóр'к'иju, с' п'ёт'к'иju, с вáс'к'иju, с мылач'к'óм, γус'к'óм, п'ин'к'óў, суч'к'óў, з д'ёвыч'к'ай, з дóч'к'ай, зы суч'к'ám'и, пав'ёр'к'а и т. п. После шипящего *ш* смягчения нет: лóшка, кóшка, нóшка, ч'áшка, кадýшка и т. п. Не смягчаются заднеязычные *γ*, *х*: д'ин'γá, д'ин'γám'и, вóл'γа (Ольга), ал'хá.

Местные жители, связанные с городом, а также местная интеллигенция еще до революции начали вносить в селинскую речь литературную норму произношения. Впрочем, в первое время эта норма встречала противодействие. „Выговор по городскому" высмеивался („заважничал: *ван'ка да ман'ка*"), и вернувшиеся из города или с военной службы быстро теряли свое новое произношение. Во время империалистической войны одна семья, прожившая долгое время в Туле, вернулась в деревню. В скором времени члены этой семьи, в том числе и дети, родившиеся в Туле, стали говорить „как и все". Перелом в усвоении литературной нормы произошел в начале 30-х годов, когда в Селине организовался колхоз. В настоящее

[1] В мои ученические годы в с. Воскресенском местные жители произносили п'ёр'вай, в'ёр'х, в'ёр'ба, ч'ит'в'ёр'х. Теперь и в говоре воскресенцев *р* твердый.

время смягчение *к* держится устойчиво только у старшего поколения. Молодежь начинает говорить по-новому, произнося уже твердый *к* (конечно, „перебои" случаются еще нередко).

Наконец, отметим в архаичной речи изменение *к* в *т* перед гласными *и* и *е*. Сильно палатализующее воздействие гласных *и* и *е* оказалось возможным только в предударных слогах (в заударных *к* сохраняется): т'и́нул (кинул), т'ис'е́л', т'ир'и́л (Кирилл), т'и́слай, т'илаγра́м (килограмм), вылат'ит'инка (Волокитинка — название ручья), т'ирп'и́ч', т'ип'е́л, т'е́пка (кепка), с' т'е́пкай (с кепкой) и некоторые другие случаи. Впрочем, действие сильного смягчения ограничено. Произносится только мук'и́, рук'и́, ны рук'е́ и т. п. У самых представителей архаичного говора часты случаи отступления от диалектной нормы: рыба к'и́т (в данном сочетании могут произнести и к'и́т плавыја), к'ирп'и́ч' (рядом с т'ирп'и́ч'), к'ип'и́т' (наряду с т'ип'и́т'). Данная особенность в наше время явно отмирает.

В той же позиции звук γ' не подвергается сильной палатализации (только γ'и́р'а, з'γ'и́нул и т. п.). Особый случай представляет собой произношение слова а́н'д'ал (ангел).

Произношение *к* перед взрывными согласными

В результате диссимиляции согласный *к* перед взрывными глухими изменился в *х*: хто́, вот та́х-та (= так-то), до́хтар, тра́хтар, старое трахт'и́р, х т'иб'е́, х таму́ до́му, х каму́, х каро́в'и, л'ахко́, х' п'атро́в'ич'у, х по́лу. Диссимиляция отмечается и перед сочетанием согласных, последний из которых является взрывным: х с'т'ин'е́, х с'п'ин'е́, х спа́л'н'и. Аналогией подобные случаи объяснить нельзя, так как *к* перед *ц* и *ч* сохраняется: к ч'аму́, н'и к ч'аму́, к ч'а́шки, к ч'угуну́, к це́ркв'и к цапу́ (было бы непонятно, почему аналогия не распространилась на этот разряд слов). Таким образом, высказанное выше мнение (см. описание яканья) о воздействии сочетаний согласных с последним мягким (в случаях умеренного яканья) или твердым (в данных примерах) на предшествующие гласные и согласные,

сочетаний-„комплексов", подтверждается новыми свидетельствами языка.

Нужно сказать, что отмечаемое здесь диалектное явление в наше время в языке селинцев сравнительно легко вытесняется литературной нормой, особенно в новых словах типа тра́ктар.

Перед взрывными звонкими *к* озвончается и произносится как *γ*: γ до́му, γ д'ир'е́вн'и, γ бал'н'и́цы и т. п. и совпадает с обычным *γ*. Даже перед *γ' к* также звучит, как звонкий фрикативный, а не взрывной: γ γо́рыду, γ γумну́ (к гумну), γ γара́с'иму.

Фрикативный γ в словах „тогда", „когда" обычно утрачивается: тада́, када́ (но ус'аγда́). „Где" произносится как ид'е́ (къд'е́ > γд'е́ > иγд'е́ > ид'е́).

Сочетания *чн* и *шн*, *чт* и *шт*

Утрата смыка в аффрикате *ч* перед *н* привела к образованию сочетания *шн*, употреблявшегося в архаичном говоре с большой последовательностью: кан'е́шна, наро́шна, ску́шна, мало́шнай, шшын'и́шнай (или пышын'и́шнай, пушун'и́шнай), ийшн'ица, к'ир'п'и́шнай, м'е́л'н'ишнай, зап'е́шнай, с'ир'д'е́шнай, рушно́й, бу́д'н'ишнай, пра́з'н'ишнай, пыд'в'ин'е́шныjа пла́т'jа, запл'е́шнай м'ашо́к, куз'н'е́шнай, с'ир'д'е́шн'ик (деталь хомута), бу́лышн'ик, в'е́шна и б'искан'е́шна. Однако данная фонетическая закономерность утрачена и лексикализована. Относительно новые для селинской речи слова и старшим поколением произносятся с сохранением сочетания *ч'н*: со́ч'най, про́ч'най, точнай, не говоря уже о таких, как мл'е́ч'най пу́т', появившихся (через школу) в наше время.

Все приведенные выше примеры приходятся на *шн* в послеударном положении. Гораздо сложнее обстоит дело, когда данное сочетание (*ч'н*) стоит перед ударением. В этой позиции употребление *шн* и *ч'н* колеблется „от слова к слову": нашно́jа (jе́з'д'ит' у нашно́jа с лышыд'м'и́) и нач'но́й тума́н, п'ишн'и́к и пич'на́jа сыпуха́ (сажа), муч'на́jа ка́ша, р'ич'но́й п'ир'иво́с, свылашно́й и свылач'но́й, рушн'и́к. Как кажется, *ч'н* в предударной позиции в селинском говоре является относительно поздним наслоением. В глаголах произносится только *ч'н*:

нач'ну́, нач'н'о́ (или нач'н'о́т'), зач'ну́, пач'ну́, ач'ну́лс'и, кач'н'о́, туч'н'е́т', руч'н'е́ит' (приручается).

Употребительно только произношение што, не́зышта. В новых для говора словах *ч'т* сохраняется: по́ч'та, м'еч'та. В речи пожилых мужчин (от женщин я этого слова никогда не слышал) — ун'исто́жыт'.

Сочетания *ры* и *кы*

Наличие в селинском говоре нескольких слов с сочетанием *ры* (вместо современного литературного *ри*) не имеет характера какой-либо фонетической закономерности, по крайней мере в позднее время. Мною отмечено: ры́ɣа, ɣрыбы́, ɣры́п, стры́ч', а стрыɣ'и́, пыстрыɣ'и́, стрыга́ч' (жеребенок по второму году), стрыл'а́т', зыстрыл'и́т', пытстрыл'и́т', стрыл'а́л, рыск (риск), рыскава́т' (рисковать). В детстве слышал скры́п, скры́пнул, в настоящее же время только скр'и́п, скр'ип'е́т'. Конечно, кры́л'ја, кры́нка.

Сочетание *кы*: кыз'и́кат' (щекотать), кы́ска (= кошка), кыс-кыс (подзывное слово для кошки), кы́т'а (овца), кы́т'-кы́т' (подзывное слово для овец, наряду с вы́ч'-вы́ч'), кы́т'ушк'и (цветы вербы, орешника, березы), кы́р'а (слово, при помощи которого отгоняют овец).

Несколько замечаний о селинском говоре в наши дни

В свое время мною были опубликованы наблюдения и некоторые выводы об изменениях, происходящих в лексике колхозной деревни, в том числе и в лексике жителей д. Селино.

Фонетический строй речи, как известно, отличается от ее лексического состава своими специфическими особенностями. Во-первых, фонема сама по себе, взятая в отдельности, не имеет какого-либо значения, если она не выражает целого слова (например: „он был у ...“ — „*У* ..... ?“ — спрашивает собеседник) или не является каким-либо обозначением (например, „параграф *и*“). В последних случаях фонема что-либо значит только в контексте речи. Слово, в отличие от фонемы, даже вне

контекста сохраняет свое общее значение. Во-вторых, сложные соотношения между фонемами являются лишь внешним оформлением (через посредство морфем) бесчисленного разнообразия значений, заключенных в речи, значений, в которых выражается объективная действительность. Если лексико-семантическая система языка непосредственно связана с мышлением, то фонетическая система наиболее опосредствована. Фонемы — наиболее элементарные (неделимые в семантическом смысле) и в то же время наиболее абстрактные лингвистические величины.

Однако абстрактность эта является социально определенной. Изменения в общественных отношениях вызывают и специфические перемены в фонетическом строе. Так, например, из сложного соединения (скрещения) ранее разрозненных русских диалектов с их хотя и близкими, но своеобразными фонетическими системами складывается общерусский язык с его общей (и новой по своему качеству) фонологической системой, что было обусловлено известными общественно-историческими сдвигами, приведшими к созданию русской нации.

В эпоху социализма фонетический строй русских говоров переживает новые и значительные перемены, сущность которых, как известно, заключается в том, что говоры решительным образом сближаются с общенациональным литературным языком, становящимся в бесклассовом обществе языком всего русского населения. Многообразные фонетические вариации — противоречивое наследие прежних исторических эпох — подвергаются как бы всеобщей „переоценке“ в речевой практике строителей социалистического общества. Процесс этой „переоценки“ и утверждение новых литературных норм является очень сложным и представляет собою большой интерес для советских языковедов, которые не должны оставаться в стороне от изучения этой актуальной проблемы.

Прежде всего в наши дни резко изменилось соотношение между языком города и языком деревни (которые до революции значительно отличались друг от друга), между самими носителями диалектной речи в деревне. Если раньше основная

масса деревенского населения объединялась по архаичным диалектным особенностям в одно целое и из нее выделялись сравнительно небольшие и разнообразные по своему социальному и профессиональному положению слои, то в настоящее время, наоборот, ведущим, объединяющим все население речевым признаком является та или иная близость говора к нормам литературного языка. Архаичная диалектная речь даже со стороны фонетики в колхозной деревне остается относительно (только относительно!) не затронутой лишь у немногих неграмотных крестьян, главным образом у старых женщин. Анализируя фонетические закономерности архаичных говоров (их мы уже выделяем, противопоставляя говорам новой формации), современные диалектологи всегда находят множество фактов, не совпадающих с этими закономерностями, и по существу в той или иной степени (в зависимости от того, какое фонетическое явление наблюдается) не просто описывают, так сказать, с натуры, а реконструируют их. Эта реконструкция в целях исторических законна и необходима (если она не исходит из каких-либо предвзятых и ложных предпосылок), однако не только ею мы должны заниматься. Все многообразие речевых процессов, происходящих в современной деревне, — вот настоящий объект изучения для советских диалектологов.

В селинском говоре, как и в любом другом русском говоре, основа фонетического строя та же, что и в литературном общенациональном языке. Изменение этой основы происходит в общерусском масштабе и идет иными путями, чем изменение диалектной, локальной окраски селинской речи.

Трансформацию диалектных фонетических особенностей можно рассматривать в различных планах. Во-первых, в какой степени сближена та или иная особенность с соответствующей литературной нормой, происходит ли это сближение в порядке сознательного отказа, „отталкивания“ от локальной нормы, или же является результатом как бы неосознанного приспособления, подражания высокому образцу.

Быстрее всего отмирают диалектные особенности, которые самими говорящими осознаются как противостоящие норме

литературной речи. К таким особенностям в селинской речи относятся *хв* и *х* вместо *ф*, непереходное смягчение *к* и в меньшей степени некоторые другие фонетические явления. Как было уже отмечено выше, произношение *х'в'ёд'а, хамá* в настоящее время устойчиво лишь у некоторых старых (неграмотных) женщин. Учащиеся неполной средней школы, а также поколение, окончившее таковую, представители колхозной интеллигенции в разговоре в обществе, вне своей семьи, произносят ф'ёд'а, фамá, тóрф без заметных отступлений. Над выговором *хв, х* вместо *ф* уже смеются, считая его деревенским. В ряде случаев *хв* употребляется с иронией или в шутку: jéта хвáкт, н'и х'в'иласóхствуй и т. п. Однако в топонимических названиях старая норма сохраняется у всех: хýн'к'ива (соседняя деревня), хым'ич'óва залóшка. Носители „промежуточного" говора имеют в своей речи и ту и другую норму с явным возрастанием литературной, причем последняя более последовательно проводится в новых словах: фáкт, фасóн, ф'ёрма, ф'ил'травáт' и др., старая же норма чаще всего проявляется в собственных именах.

В таком же сознательно противопоставленном положении оказывается непереходное смягчение *к*, которое очень заметно вытесняется литературной нормой. Интересно отметить, что исчезновение этой диалектной черты происходит неравномерно. По моим наблюдениям, наиболее устойчивым оказывается произношение смягченного *к* в частице *ка*: дáй к'а, нал'ёй к'а, узнáй к'а (повидимому, это обусловливается тем, что *ка*, не имея самостоятельной смысловой нагрузки, как бы „затеняется" в речи, и его фонетический состав недостаточно выделяется в сознании говорящих); особенно же в топонимике: ин'к'óва (название деревни), лун'к'óва, в местных словах: п'ин'к'óваjа кастр'йка' абмáч'к'а (кушанье из творога и молока), кашóлыч'к'а (корзиночка), кыч'ир'óжыч'к'а (уменьшит. от „кочерга") и т. п.

Изменение смягченного *к* и *т* перед *и* и *е*, как было уже отмечено выше, не выдерживается и у представителей архаичного говора. Языку большинства населения эта особенность

уже несвойственна и, вероятно, произношение т'и́слай, т'и́нул в недалеком будущем вовсе выйдет из употребления.

К этой же группе явлений относится *х* вместо *к* (х каму́, х т'иб'е́), вытесняемое литературной нормой. Мне нередко приходилось слышать нарочито подчеркнутое „кто" вместо старого „хто́" (в настоящее время практически употребляются оба варианта).

Во вторую группу диалектных явлений (по характеру их вытеснения) можно отнести фонетические закономерности, перестающие быть таковыми ввиду их „лексикализации". Так, „лексикализируется" твердый долгий *ш*. Почти только от старух можно услышать: шшы́, л'е́шш, ја́шшык, т'о́шша, в'е́шшы и т. п. (обычным стало уже л'е́ш'ш', ја́ш'ш'ик, т'о́ш'ш'а, в'е́ш'ш'и). Однако относительно устойчиво произношение: ишшу́, пушшу́, тр'ишшы́т' (глагольные формы), шше́л'. Варианты ишшо́ и иш'ш'о́ стали равноправными (конечно, временно). Такие же слова, как ш'ш'ита́т', ш'ш'о́ты, ш'ш'а́с'т'ја, ш'ш'ис'л'и́вай с долгим мягким *ш'ш'* вместо *шш*, произносит и старшее поколение.

Заметно убывает и количество слов с сочетанием *шн* (как и в литературном языке; в селинском говоре имеется лишь временное отставание от устанавливающейся литературной нормы): руч'но́й вместо старого рушно́й у большинства населения, п'ич'н'и́к вместо п'ишн'и́к, в'е́ч'на вместо в'е́шна и т. п. Однако у всех селинцев мало́шнай, к'ир'п'и́шнай, дру́х с'ир'д'е́шнай, не говоря уже о ску́шна, кан'е́шна, наро́шна, которые, как известно, и в литературном языке являются нормой.

Впрочем, от учащейся молодежи и от некоторых грамотеев можно услышать, как результат влияния орфографии, и ску́ч'на, кан'е́чн'а, наро́ч'на.

Третья группа явлений подвергается более сложным изменениям. Диалектное произношение под воздействием литературного языка видоизменяется (частично или полностью), занимая промежуточное положение между местной и литературной нормой.

Так, в языке селинской молодежи вместо архаичного *у* в начале слова — уз'а́л'и', ум'ёс'т'и, удр'ёб'изγ'и, у ту́л'и, у с'ёл'ина появляется билабиальный *w*, известный в местной речи в других позициях: wз'а́л'и, wм'ёс'т'и, wдр'ёб'изγ'и, w ту́л'и, w с'ёл'ина. Оглушение перед глухими согласными проводится лишь спорадически: обычнее w с'ёл'ина, нежели ф с'ёл'ина. Поскольку отличие билабиального *w* от губно-зубного *в* не осознается, для говорящих (даже местной интеллигенции) создается иллюзия — диалектизм изжит, и ими употребляется правильная литературная норма. Полная замена билабиального *w* губно-зубным *в* в речи селинцев, видимо, произойдет еще не скоро.

Наконец, четвертая группа диалектных особенностей пока что не поддается влиянию литературного произношения. Типичным в этом отношении является очень устойчивое произношение фрикативного *γ* (и его глухого соответствия *х*), наличного в языке всех слоев местного населения. Вполне возможно, что фрикативный *γ* переживет еще не одно поколение.

Нужно учитывать также, как важный фактор, воздействие орфографии на орфоэпию. Как известно, в ряде случаев наше правописание, расходясь с литературной орфоэпией, в то же время совпадает с диалектным произношением. В селинском говоре — это произношение *а* в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми: п'атно́, пр'амо́й, р'аба́йа, ч'асы́ и т. п. Если уже у многих лиц умеренное яканье перебивается, а то и вовсе замещается иканьем (в'исна́ вместо в'асна́, з'ирно́, н'ису́, в'иду́), то в указанных выше случаях *а*, как и в архаичной речи, проводится со всей последовательностью, что можно объяснить „чувством" этимологического состава слова (ч'асы́ — ч'а́с), а также и воздействием орфографии.

Как видно из приведенных примеров, относящихся к говору только одной деревни, воздействие литературного языка на диалектное произношение весьма многообразно. В одних случаях диалектные особенности вытесняются, отходят на задний план и обречены на умирание, в других они видоизменяются

сближаясь с литературной нормой, но полностью не совпадая с ней, в третьих держатся еще довольно стойко. Если совершенно справедливо обычное утверждение, что в наше время диалектизмы быстро выходят из употребления, „идут ко дну“, то оно справедливо только в общем виде. На самом же деле картина того необычайного „речевого кипения“, языкового творчества (и в фонетике, как и в морфологии и синтаксисе, не только в лексике), которое так характерно для современной колхозной деревни, гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Многие фонетические особенности русской народной речи намного переживут нас, современных исследователей, и в дальнейшем, как и раньше, будут богатым источником для новых изменений в литературной орфоэпии.

С. В. БРОМЛЕЙ

ЯСНОПОЛЯНСКИЙ ГОВОР ПО МАЛОГРАМОТНОЙ ЗАПИСИ, ПРИВЕДЕННОЙ Л. Н. ТОЛСТЫМ В ЕГО ДНЕВНИКЕ

В 1940 г. в журнале „Красная новь“ № 11—12 был впервые опубликован Н. Родионовым отрывок из яснополянского дневника Л. Н. Толстого за 1881 г., посвященный впечатлениям окружавшей его деревенской жизни, в котором писатель предельно простым и скупым языком с беспощадным реализмом рассказывает о тяжелом положении беднейших крестьян Ясной Поляны. В дневник включена в качестве иллюстрации автобиография яснополянского крестьянина Константина Зябрева, написанная им по просьбе Л. Н. Толстого. Константин Зябрев (1846—1896), носивший прозвища „Белый“, „Крайний“, „Блаженный“, „Костюша-бедняк“, был одним из тех крестьян, с которыми Л. Н. в продолжение многих лет поддерживал дружеские отношения. Семья Зябревых была близка Толстым. Дед Константина одно время был приказчиком их имения, а бабка Авдотья Никифоровна Зябрева была кормилицей Л. Н. Толстого. Сам Константин Зябрев в 1861 г. был учеником Толстого в яснополянской школе.[1] В результате многих тяжелых обстоятельств, отчасти изложенных им в автобиографии, он рано был сломлен нуждой. Веселый и жизнерадостный по натуре, всю жизнь бился он в тисках нищеты, облекая в шутки и прибаутки неприкрашенный ужас полуголодного существования.

---

[1] „Он был старше всех ребят, знал грамоте по церковному и потому с презрением относился к нашему учению, и ходил редко, и скоро совсем бросил“. Л. Н. Толстой (Из дневника). „Красная новь“, 1940, № 11—12.

В этом же стиле горькой шутки, — шутки сквозь слезы, — написана им и автобиография, представляющая интерес не только как документ социального характера, но и с точки зрения лингвистической. Она выдает в авторе человека, чуткого к языку, владеющего богатством выразительной и сочной народной речи. Вся запись пересыпана прибаутками и поговорками, словечками и словосочетаниями из фонда образно-поэтического народного языка. Любопытно сравнить отдельные фразы и выражения зябревской записи с материалом „Толкового словаря" Даля. Например: „...босаты имею и нагаты навешаны полны шосты А холаду и голаду полны Анбары". У Даля: „Наготы, босоты — изувѣшаны шесты; холоду, голоду — амбары полны".[1] Почти всё повествование выдержано в рифмованных фразах, причем в большинстве случаев используются ходячие рифмы народных пословиц и поговорок, своеобразно использованных и органически вплетенных в канву повествования. Приведем несколько примеров: „...пиринесъ нужды и нидостатковъ и бетъ. Конца нетъ". У Даля: „Берегись бѣдъ, пока ихъ нѣтъ".[2] „Атецъ у меня прапалъ какъ славна въ глыбокаю озира на дно упалъ". У Даля: „Все бѣды пропали, что въ воду упали."[3] „Ежели брань пачую то и еще начую". У Даля: „Чую, где ночую, да не знаю где сплю".[4] Нечего уж и говорить о таких постоянных в народно-поэтическом языке словах и словосочетаниях, как: „нивиличка А круглоличка", „ни двора ни.... кола", „нужды и горя" и т. п.

Однако особенно большой интерес зябревская запись представляет для диалектолога, так как малограмотная орфография ее достаточно четко отражает южновеликорусский тульский говор ее автора. Анализ этой записи с точки зрения ее показательности как диалектологического материала, характеризующего говор с. Ясная Поляна Крапивенского уезда Тульской губ., и является предметом данной статьи.

[1] В. И. Даль. „Толковый словарь", т. II, 1933, стр. 402.
[2] То же, т. I, стр. 154.
[3] То же, т. III, стр. 520.
[4] То же, т. IV, стр. 634.

Однако, раньше чем переходить к непосредственному описанию элементов говора (в той мере, в какой их можно восстановить на основании данной записи), следует сделать несколько замечаний относительно орфографии приводимой ниже записи. Текст записи, опубликованной в „Красной нови", привлекший наше внимание как диалектологический материал, был напечатан с установкой на сохранение орфографии, однако мы его решили сверить с подлинником. В архиве Гос. музея Л. Н. Толстого оригинала зябревской рукописи не оказалось, но там мы имели возможность ознакомиться с копией этой рукописи, снятой личным переписчиком Л. Н. Толстого — А. И. Ивановым. При сверке этой копии с текстом, напечатанным с нее в „Красной нови", обнаружилось, что он приведен с большими отступлениями в сторону современных орфографических норм, что в значительной мере снижает диалектологическую ценность изучаемого материала. Таких отступлений от редакции А. И. Иванова мы насчитали около 50. Таким образом, список А. И. Иванова оказался более полноценным. В отдельных случаях ценным оказалось и то, что в нем, в противоположность печатному тексту, были сохранены „твердые знаки" в конце слов на согласную, что являлось косвенным показателем твердого или мягкого произношения отдельных согласных. Однако отдельные написания и в копии, снятой Ивановым, иногда внушают сомнения. Такие описки в пользу правописания вполне возможны у человека, не имеющего специальной установки на сохранение лингвистической ценности материала.

Изучение списка Иванова показывает, что в нескольких местах он ошибочно писал орфографическое *ѣ* там, где у Зябрева было *е*, и тут же исправлял на *е*. Однако в его списке 3 раза проскальзывает буква *ѣ* из 60 случаев, где она требовалась орфографией. Встает вопрос: не описки ли это А. И. Иванова? Однако и у Зябрева мог сохраниться в какой-то степени навык написания *ѣ*. В данном случае не так уж важно, является ли это написание зябревским или ошибкой переписчика, так как в тульских говорах трудно ожидать каких-либо особенностей в произношении старого *ѣ*, однако возможность

подобного рода описок говорит о необходимости осторожного подхода к тексту.

Если, с одной стороны, встает вопрос о том, все ли в тексте „зябревское", то, с другой стороны, нужно помнить, что даже за вычетом всех возможных описок переписчика орфографию Зябрева никак нельзя считать фонетической. Как видно, за прошедшие 20 лет со времени посещения Зябревым школы и учения грамоте „по церковному" он не успел окончательно растерять навыков правописания. С первых же строк текста бросается в глаза множество чисто орфографических написаний, без учета которых невозможно сделать правильных выводов о звучании речи Зябрева, как носителя яснополянского говора.

Приводим текст изучаемой записи (по копии Иванова).

„Жизнь диривенскаго мужика Адинокава Кастюши бедняка. Жилъ я съ младости и ни видалъ себе радости. Прожилъ я Кастюша тридцать пять летъ и пиринесъ нужды и нидостатковъ и бетъ. Конца нетъ. Атецъ у меня прапалъ какъ славна въ глыбокаю озира на дно упалъ. тичение таму времю прашло двадцать пять летъ Абнемъ ни писимъ и ни слуху никакова нетъ. Асталси я съ дедушкай жить. Ну дедушка мой такъ былъ крепка сирдитъ что съ нимъ никакимъ манерамъ нелзя было жить. Я ему хачю какъ нибуть угодить. А онъ меня схватить за волоса и давай мене какъ сабаку калатить. Ну темъ больше я бегствомъ спасалси. Летнию парой у роще начевать. по дви ночи бросалси: посли етава дамой приду. Ежели брань пачюю то и ещё начюю. Вотъ задумалъ мой дедушка мене Атделить. девить чистей сибе Аставилъ. А дисятую часть панамарскаю мне Атдалъ и совсемъ мене и здому прогналъ. и ската далъ лошать. и карову. А издених Хоть ба одинъ грошъ паганай на дарогу. у насъ денихъ было многа. А и спастройки ни избы и ни двора и ни Аднаво кола. дедушка мне Атказалъ и слова ни сказалъ. Я Кастюша падумал себя дѣло моеё дрянь. и гдежа Я буду жить. Ну всё таки я Кастюша придумалъ. Надо мне волосное правление къ старшине ходить на своево дедушку попрасить. что-ба сваи Абиды придоставить. А мене безъ послествия ни оставить ну старшина въ скарам

время въ деревню явилси и къ маму дедушки и подъ явилси всё права придаставилъ чтобы мнѣ дедушка избу съ дваромъ паставилъ. Ну — тъ и пастроилъ. ни посреди диревни. А на самомъ краю. толькя я Кастюша и знаю летомъ чюжую скатину отъ ганяю. А зимой кажный день снегъ отъ гребаю савсемъ занесло что никакъ въ избу ни пралезишь. а вотъ прашло мне двацать летъ стала мать камне приставать. Кастюшка тибе надамна женица. А я матери говарю. На что мне женица чтоба совсемъ разарица. ну всё таки на томъ мать на — стояла. Жинилси жену себя узялъ нивиличка А круглоличка толькя ужасна едавита да ктомужа плодовита кажный готъ ражая ну за то никаво ни Абижая. Астались дитей у насъ толька двоя ну ана и по етихъ кажный день воя. что галодная судьба на насъ настала что у насъ хлеба куска ни дастала вотъ те — та года. Я Кастюша проживалъ нужды и горя крепка нивидалъ А — типеря Абнасился кажный день А буваю лапти разбиты А галавашки палны снегомъ набиты кажнию ночь тирпеть мнѣ насила вмочь кашлию перхаю А у нохъ своихъ угману ни знаю такъ ломють что ноги мои крепка простужаны. Живу такъ багата. что ни дай богъ никаму. босаты имею и нагаты навешаны полны шосты А холаду и голаду полны Анбары ну буду помнить осмидисятый готъ даже нечева паложить въ ротъ чють нисчива прогледишь то день и два ни емши сидишъ А исчё у стале хлеба ни чюишь то ни ужинамши начюешь".

Несколько замечаний к внешней стороне письма Зябрева. Бросается в глаза то, что все слова, которые Зябрев пишет с начальной буквой *А*, и союз *а* всегда пишутся им с прописной буквы. Пользуясь из знаков препинания только точками, он их применяет очень своеобразно, часто посреди фразы, тогда как в конце фразы ставит их не всегда; часто после точки пишет следующее слово с маленькой буквы. Характерны также неправильные словоразделы, в особенности между словом и предлогом и в словах с префиксами. Например.: на стояла, подъ явилси, отъ ганяю, отъ гребаю, камне, абнемъ,

изденихъ, и здому, и спастройки (из постройки), и ската (из скота) (последние 3 примера, возможно, в результате внешних ассоциаций с союзом „и"). Подобной же ассоциацией начального *и* с союзом *и* можно объяснить следующее написание „и гдежа я буду жить". По смыслу текста союз *и* здесь не нужен, тогда как для южновеликорусских говоров произношение *иґде* (-где) является обычным. Таково, как видно, и произношение автора. В словах, начинающихся буквою *А*, *А* часто пишется отдельно: А буваю, А стались, А стали. Есть и явные описки, как: славна (словно), в скарамъ (в скоромъ). Трудно думать, что на такие полнозначные слова могло бы распространиться явление проклитики.[1] За описку можно было бы считать и двукратное написание в дат. пад. себя (подумалъ себя, жену себя узялъ), если не учесть влияния известной для автора в род.-вин. пад. местоимений вариации: собственной формы „мене" и формы литературного языка „меня". Возможно, имея представление о том, что правильной является в род.-вин. пад. форма „меня", он эту „грамотную" форму механически приспособил и для передачи дат. пад. Следует также отметить непоследовательность в употреблении буквы *ё*, для обозначения *о* из *е*. Сравните написания: всё таки (2 раза), ещё, исчё, но: Абнемъ, пиринес; в случае же „всё права придаставилъ" — ошибка обратного порядка в слове, которое графически имеет для автора два варианта. Следует помнить, что в этих колебаниях может отражаться борьба двух, обоих в достаточной мере стершихся, навыков правописания: церковного и приобретенного в яснополянской школе. Интересен случай, как бы контаминирующий эти два навыка: дѣло моеё дрянь. В написаниях „и ската" и „волосное правление" надо видеть в 1-м двойное с (ис ската), во 2-м — двойное *в* (в волосное правление).

Последующий анализ текста будет сопровождаться сопоста-

[1] На закономерность подобных написаний и описок в малограмотных записях указывает проф. В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку, гл. 8. Изучение малограмотных написаний, стр. 83—91.

влением отдельных языковых фактов, отраженных в записи, с печатными данными по говорам отдельных селений Крапивенского уезда, расположенных близ Ясной Поляны, и по Крапивенскому уезду в целом. Однако данные печатных источников будут привлекаться только в связи с характеристикой тех явлений, которые могут представлять разнообразие в южновеликорусской языковой среде, тогда как явления, характеризующие все южновеликорусские говоры в целом, будут приводиться без ссылок на литературу.

Сельцо Ясная Поляна расположено в северной части б. Крапивенского уезда Тульской губ., по правую сторону Тульско-Орловского шоссе, в 28 в. от г. Крапивни и в 17 в. от г. Тулы; сельцо владельческое, как и большинство сел и деревень Тульской губ., по сведениям 1859 г.[1] состояло из 41 двора. По приходу относится к погосту Кочаки. Церковно-приходская школа в Кочаках открылась только в 1888 г., а позже — в Ясной Поляне, в близлежащей деревне Городня.[2]

ФОНЕТИКА

Г л а с н ы е. В первом предударном слоге на месте *о* произносится *а* вне зависимости от качества ударяемой гласной: багата, прапалъ, ската, аднаво, галодная, прашло, у стале, камне, едавита, сваи, разарица, абнасилси, Кастюша, гаварю, хачю, таму и т. д. Орфографических отступлений от произношения сравнительно немного, причем большинство из них в пределах того же текста зачастую опровергаются прорывающейся фонетической записью тех же слов или морфем. Ср.: ктомужа — таму; нидостатковъ — дастала; своихъ — сваи; совсемъ — савсемъ; придоставить — придаставилъ и т. д. Часто встречаем *о* вместо произносимого *а* в приставках, которые, повидимому, ощуща-

[1] Тульская губерния. Список населенных мест. СПб., 1862.

[2] Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 1895.

ются иногда автором как составная часть слова и связываются с их звучанием под ударением: прогналъ, простужены, послествия; но тут же: падумалъ, пастроилъ, пралезишь, пачюю, прашло (2 раза), прапалъ, паставилъ. Многие из орфографических написаний и в корнях можно объяснить таким же „потенциальным" звучанием для автора гласной этих корней в подударной позиции (года́ — го́д; моеё — мо́й; за волоса́ — во́лос, воло́с и т. д.) и, наконец, примелькавшейся печатной орфографией (волосное правление).

В начале слова на месте *о* произносится звук *а* как в 1-м, так и во 2-м предударном слоге: ана, Абнем, Атецъ, Аднаво, Абнасилси и др., с отдельными отступлениями в графике.

О характере произношения *о* под ударением сделать каких-либо заключений на основании данного материала нельзя. *О* под ударением передается всегда буквой *о* кроме двух случаев (славна, в скарам), которые нами рассматриваются как описки. Однако в материалах по Крапивенскому уезду указывается ряд пунктов, где известно дифтонгическое произношение *о* из старого *о* при восходящей интонации.[1]

Во 2-м предударном слоге на место *о* и *а* в тексте из 20 примеров 9 написаны через *а*, остальные 11 через *о*. Приведем примеры: начевать, калатить, нагаты, панамарская, галавашки, паложить, к старшине, занесло, разарица; но плодовита, босаты, своево, говарю, прогледишь, посреди, волоса, попрасить, проживалъ, подъ явилси, волосное. Перебой в написании *о* и *а* в этой позиции с преобладанием *о* может означать как произношение *а*, так и редуцированного звука, для обозначения которого нет особого знака. Последнее предположение более вероятно, к тому же оно согласуется с данными наблюдений Будде, который отмечает неясный характер неударяемых гласных звуков в говорах Крапивенского и Одоевского уездов. В приводимых им записях, сделанных в д. Ясенки (в 3 в. от Ясной

[1] См. Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных. СПб., 1913, стр. 509, где перечислены села, знающие дифтонг *уо*: слобода Казачья, с. Драгуны, Московская слобода, д. Даниловка.

Поляны), а также в других пунктах Крапивенского уезда часто употребляется особый знак *ă* для обозначения *о* и *а* во 2-м предударном слоге: зăлатáя, γăлавá, пăзалóчиная, стăлабрятцы рăскладáти, сăрахвáн, а иногда ъ: зъплятáть, на лъшадях. „Во многих случаях знак ◡ над неударяемой гласной показывает, что данный гласный не может быть мною определен более точно, и та буква, над которой стоит знак ◡, означает лишь изображение *того звука*, к которому ближе всего подходит воспринятый моим слухом".[1]

Произношение *о* и *а* в заударных слогах совпадает с произношением этих звуков во 2-м предударном слоге. В неконечном и конечном закрытых слогах сравнительно много случаев обозначения заударного *о* буквой *о*. Ср.: младости, радости, при голоду, холоду, Адинокава, надамна. Особенно много написаний через *о* в конечном закрытом слоге: бегствомъ, нидостатковъ, снегомъ, летомъ, на самомъ, и только 3 примера на *а:* съ дедушкай, никакимъ манерамъ, в скарамъ (скоромъ). (Примеры на заударное *а* записаны в тексте через *а*). Надо полагать, что, как и во 2-м предударном слоге, подобная картина написания свидетельствует о наличии в произношении в этой позиции редуцированного звука. Ср. примеры из записей Будде в с. Ясенки и других пунктах Крапивенского уезда, где чередуются а, ă и ъ в обозначении заударных неконечных *а* и *о:* тарéлак, вóйлак, вóлась, рáдăсь, астáлăсь, двáцăть, вѣтăчьки, кóлкăлъ, па шырокъму, вокъла.[2]

В конечном открытом слоге произносится всегда *а*: Ср.: адинокава, крепка, ужасна, надамна, озира, многа, багата и др.

В отношении яканья запись дает следующий материал. Зависимости в произношении предударных *е*, *ѣ*, *а* от качества ударяемой гласной не наблюдается. Перед следующей твердой согласной предударное *е* передается без исключений только буквой *е*, написание *и* отсутствует: перхаю, занесло, отъ гребаю,

---

[1] Е. Ф. Будде. О народных говорах Тульской губ. СПб., 1898, стр. 36. Выделение в цитате, как и в следующих, принадлежит Будде.

[2] То же, стр., относящаяся к Крапивенскому уезду.

жену, ему, начевать, на своево; в этой же позиции *'а* (единственный пример) передается буквой *я* (бедняка). Примеров на предударное *ѣ* перед твердой согласной нет. Перед следующей мягкой согласной предударное *е* передается с перебоями, зачастую в одном и том же слове (или при совершенно одинаковых фонетических условиях), то через *и*, то через *е*; Ср.: диревни, въ деревню, ещё, исчё, себе, сибе, женица, жинилси. За вычетом тех слов, в которых встречаются перебои в написании, большинство примеров говорит о произношении предударного *е* перед мягкими как *и*: тичение, дисятую, осьмидисятый, сирдитъ, типеря, пиринесъ, тирпеть, тибе. На предударное *а* между мягкими согласными всего 3 примера: прогледишь, явилси, подъ явилси. На предударное *ѣ* перед мягкой согласной имеется только один пример: дитей. Однако следует оговориться, что ожидать отличий в произношении *ѣ* сравнительно с *е* в тульских говорах нельзя по показаниям всех известных нам материалов. Заметим также, что отрицание „не" во всех случаях пишется с буквой *и* независимо от качества последующей согласной: ни писимъ, ни чюишь, ни емши, ни ужинамши, ни дай богъ, ни слуху, ни знаю.

Сделанный обзор материала свидетельствует о различном обозначении в тексте *е*, *ѣ*, *а* после мягких согласных — в зависимости от качества последующей согласной: а) перед твердой согласной *е* изображается исключительно через *е*, *а* — через *я* (1 пример); б) перед твердой согласной *е* — преимущественно через *и*; *а* — через *е*. Такое положение, несомненно, свидетельствует о зависимости произношения в говоре предударных *е*, *ѣ*, *'а* от мягкости или твердости последующей согласной. Отражает ли такое написание живое произношение или же является только приблизительным, обусловленным определенными орфографическими рамками, выражением действительного звучания? В материалах по акающим южновеликорусским говорам нет указаний на существование подобной системы яканья (*е* перед твердыми согласными и *и* перед мягкими). Для решения поставленного вопроса обратимся к

печатным материалам по Крапивенскому уезду. По материалам Н. Н. Дурново[1] Тульская губерния характеризуется умеренным яканьем. Сильное яканье указано в г. Туле и окрестных деревнях, а также в отдельных пунктах Епифанского, Богородицкого и Новосильского уездов. Диссимилятивное яканье, по материалам Дурново, представлено двумя пунктами: с. Пруды Новосильского уезда и д. Малынка Крапивенского уезда. Для Крапивенского уезда указывается исключительно умеренное яканье; сильное яканье отмечено только в с. Долгом.[2] Обратимся теперь к высказываниям Будде о самом характере тульского умеренного яканья. „...говоры в нынешней Тульской губернии..., именно — в Тульском, Крапивенском, Одоевском, Белевском (частью), Чернском и Богородицком (частью), а также Епифанском уездах представляют из себя тип акающих говоров со всеми их особенностями в области согласных звуков, но с тем *аканьем*, которое скорее можно назвать *умеренным*, *неполным*, чем *сильным* и *полным*. Я этим хочу сказать, что в тульских говорах мы чаще встречаем произношение: в'е^{i}снѣ́, чем в'аснѣ́, и одинаково часто встречаем произношение в'е^{a}сна́ и в'асна́, причем последнее встречается скорее *реже* первого, чем чаще его...“[3] Если учесть то, что в материалах, которые использовал Будде, фигурируют 18 пунктов по Крапивенскому уезду, в том числе д. Ясенки (в 3 в. от изучаемого пункта), то очевидно, что есть основания опираться на них при изучении нашей записи.

Таким образом, можно полагать, что наша запись яснополянского говора отражает систему умеренного яканья. Преобладание написаний *и* перед мягкими согласными соответствует

---

[1] „Диалектологические разыскания в области великорусских говоров“, ч. I. Южновеликорусское наречие, вып. I.

[2] Кроме 10 пунктов с умеренным яканьем, указанных у Дурново, мы располагаем также 5 пунктами с тем же типом яканья в материалах, приводимых Будде в статьях „О некоторых народных говорах Тульской и Калужской губ.“ Изв. ОРЯС, т. III, кн. 3, 4.

[3] Е. Ф. Будде. „О некоторых народных говорах Тульской и Калужской губ.“ Изв. ОРЯС, т. III, кн. 3, стр. 824—825.

этому предположению. Проскальзывающие иногда написания с *е* в этом положении можно считать идущими от правописания, а также можно объяснить не совсем четким произношением *и*, которое Будде часто обозначает e^{i} — (*е* наклонное к *и*). Исключительное написание *е* перед твердыми согласными дает возможность предполагать, что *и* в этом положении не произносится. Подобная совокупность фактов позволяет предположить, что написание *е* в данных фонетических условиях соответствует произношению в этой же позиции гласной *а*. Возможность такого обозначения малограмотным этого звука может быть объяснена как навыками правописания, так и самым произношением этого звука в говоре. Как показывает вышеприведенная цитата из статьи Будде, это не настоящее рязанское *а*, а *чаще* звук, обозначаемый им e^{a} (*е*, наклонное к *а*, т. е. широкое, очень открытое *е*).

Приведенные примеры на предударное *е* показывают, что передача его после шипящих такая же, как и после других согласных (жену, начевать; жинилси при женица). Материалы Будде по говорам Крапивенского уезда свидетельствуют о произношении после шипящих *а* перед твердыми согласными и *и* (*ы*) перед мягкими. Ср. примеры из с. Ясенки: жана́, жыни́х; из других пунктов: ничяўо́, пчяла́ми, жала́нная, шало́хнутца. Расхождение с изображением этих звуков в нашей записи (жена, начевать вместо жана́, начява́ть) легко согласуются с выше приведенным объяснением для аналогичных изображений *е* после других согласных при учете возможного влияния правописания.

Во 2-м предударном слоге на месте *е* в записи фигурирует всегда *и*, за исключением одного отступления в пользу правописания (бедняка). Ср.: пиринесъ, нидостатковъ, придаставилъ, нивиличка, диривенскаго, — не считая постоянного *и* в отрицании. На месте *ja* в абсолютном начале слова — *е:* едавита. Повидимому такое написание, в пределах орфографических средств, соответствует живому произношению, что подтверждается всеми материалами печатных источников.

В заударной позиции на месте *е*[1] а) в неконечном слоге фигурирует *и* (озира, летнию парой, матири), после шипящих — *а* (простужаны, навешаны), но также: нечева, ежели, — вероятно орфографические отступления; б) в конечном закрытом слоге — *и:* писимъ, дених (2 раза); в) в конечном открытом — *и, я:* посли, по дви, къ дедушки, двоя; после шипящей — *а:* и гдежа, дажа, ктомужа.

В дополнение к сказанному о вокализме, отраженном нашей записью, следует еще добавить характерную для тульских говоров черту заударного произношения гласных *ы* и *у* в открытом конечном слоге и отдельных морфологических категориях, как *а*. Ср.: чтоба (2 раза), хоть-ба, насила (вм. насилу), в глыбокаю (вин. пад. жен. р.) и — материал по Ясенкам: не[1] би́л-ба, ни жури́л-ба, купи́л-ба, ру́саю (в. п. ж. р.).

Согласные. Оглушение *г* на конце слова в фрикативный согласный *х*, отраженное в записи (ср. изденихъ, денихъ, нохъ), косвенно свидетельствует о наличии в говоре фрикативного *г*.

На месте *в* перед согласной в начале слова и на месте предлога *в* в 3 случаях фигурирует буква *у:* узялъ, у роще, у столе; в остальных — *в:* вмочь, времю, правление, въ ротъ, въ деревню и др., и даже перед глухими: все, савсемъ. Если обратимся к печатным источникам по Тульской губ., то убедимся, что всюду, кроме западных ее окраин, наблюдается звук *у* на месте *в* перед согласными, а во многих пунктах и перед гласными.[2] Однако среди записей Будде по Крапивенскому уезду в записях из д. Ясенки заметно более умеренное употребление *у* вместо *в*. Ср.: фстарину, ф печальнам, ф церкву; полное отсутствие *у* вместо *в* наблюдается здесь перед гласными. Возможно, что наша запись представляет в этом отношении более или менее правильную картину

[1] На *ѣ* нет примеров, на *я* — два: кашлию, девить.

[2] Ср. данные „Опыта диалектологической карты" Н. Дурново и Д. Ушакова. М., 1915, где граница *в* и *у* проходит на севере Тульского уезда.

произношения, учитывая возможность орфографических отступлений.

На ассимилятивное смягчение *к* имеем лишь одно указание в записи: толькя (2 раза), но круглоличка, нивиличка, дедушка, Кастюшка. По данным Зеленина,[1] мягкое *к* — явление общее для Крапивенского уезда, в виде исключения указаны лишь 3 пункта: Казачья слобода, Московская слобода, д. Пришня; для Ясенок Зеленин показывает мягкое *к*, что подтверждается записями Будде: ду́шычькя, сва́шынькя, маладёшынькя. Однако в общей характеристике второй группы тульских говоров, куда входят говоры Крапивенского уезда, Будде отмечает непоследовательность этого явления. На основании нашей записи можно говорить только предположительно о наличии данного явления в говоре.

О твердости и мягкости шипящих на основании записи судить трудно, так как все примеры на написание шипящих с последующими гласными соответствуют орфографии. На конце слова в формах 2-го л. ед. ч. глаголов после *ш* пишется всегда „мягкий знак" с одной лишь опиской: сидишъ. Предполагать возможность наличия мягких шипящих в Тульской губ. невозможно (ср. материалы по Ясенкам: жынихоу, па шырокъму, бальшым и др.).

Сложнее вопрос о долгих шипящих в говоре соответствующих *ш'ш'* и *ж'ж'* в литературном языке.[2] В записи мы имеем 3 примера: нисчива, исчё, ещё. Если написание „ещё" через *щ* можно считать идущим от правописания, то попытка изобразить этот же звук через сочетание *сч* скорее свидетельствует о его мягкости, нежели о твердости, при несомненной мягкости в говоре аффрикаты *ч* (ср. чюю, начюю, чюжую, пачюю, хачю). Будде (О Тул.) говорит о разной степени мягкости *жж* и *шш* во второй группе тульских говоров. Однако все изученные

---

[1] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных. СПб. 1913, стр. 300; мягкое *к* отмечено и в Трудах МДК, вып. 1, стр. 85—86, в сводке по Крапивенскому уезду.

[2] Примеров на *ж* долгое в записи нет.

нами материалы по Крапивенскому уезду свидетельствуют о твердом произношении долгих шипящих,[1] включая и записи Будде (ср. примеры из Ясенок: това́ришшы, ямшы́цких, изво́шшыки, ни пушша́й и др.). На основании имеющихся в нашей записи примеров трудно говорить решительно о мягкости в говоре долгих шипящих, однако анализ написания свидетельствует скорее об этом.

Данных о твердости других согласных перед *е* и *и*, спорадически встречающейся в уезде,[2] запись, естественно, дать не может. В записи последовательно отражено оглушение звонких согласных на конце слов: бетъ, какъ нибуть, денихъ, нохъ, лошать, готъ, — при орфографических: богъ, снегъ; орфографические написания встречаем и в середине слова: бегствомъ, все, савсемъ. Встречается орфографическое написание глухого согласного перед звонкими: Атделить, Атдалъ, как видно, вследствие осознания приставочного значения „от" и графического соотнесения его с соответствующим предлогом (ср. написания: отъ ганяю и др.). Запись не отражает также диссимиляции по взрывности и фрикативности (*к* перед другими взрывными согласными) ср. ктомужа, при постоянных в записях Будде по Крапивенскому уезду примерах: хто, та́х-та (Ясенки) и др. Из других сочетаний согласных отметим: 1) постоянное орфографическое написание *что*, при повсеместно отмечаемом в уезде, кроме отдельных однодворческих селений, „штоканьи";[3] 2) наличие сочетания *с'т'* на конце слова: часть, при указаниях на отпадение *т'* в других говорах Крапивенского уезда (ср.: радось — Ясенки), 3) и прочие: кажный, надамна, Анбары, — объясняемые различными видами взаимодействия согласных в говоре, связанными, однако, с лексически ограниченным, — по крайней мере, по данным записи, — материалом.

В области морфологии на основании изучаемой записи

---

[1] Труды Моск. диалектол. комиссии, вып. 1, стр. 86—87; Благовещенский. Черты народного говора в Тульском и Крапивенском уездах Тульской губ. РФВ, т. X и др.

[2] Е. Ф. Будде (О Тул. и Кал.). Изв. ОРЯС, т. III, кн. 4, стр. 845.

[3] Д. К. Зеленин. Цит. соч.

могут быть сделаны только отдельные наблюдения. Многие формы, которые в соответствии с данными печатных материалов по Крапивенскому уезду могли бы дать в говоре диалектные варианты, в записи, за ее краткостью, отсутствуют.

Перечислим некоторые черты морфологии говора, отраженные записью.

1) Безударное окончание род. пад. ед. ч. имен существительных неодушевленных на *-у*: слуху, изъ дому, холаду, голаду; ср. пример из с. Ясенки: о́къла паро́γу.

2) Окончание предл. пад. ед. ч. имен существительных муж. рода на *е* (у стале) при постоянно отмечаемых в материалах по уезду[1] формах, совпадающих с формой дат. пад. ед. ч. (ап скату́, на маём канцу́, при канцу́, на ка́мню, на до́нцу).

3) От существительного „время" дат. пад. ед. ч. — времю; предл. пад. — в скарам время; от сущ. „мать" дат. пад. ед. ч. — матери; существительное муж. р. со значением лица, имеющее суффикс *-ушк-*, склоняется по типу существительных муж. рода на *-а*. Ср.: им. пад. — дедушка; дат. — к дедушки, вин. — на дедушку; твор. — съ дедушкай.

4) Род. пад. ед. ч. имен прилагательных и местоимений имеет в окончании гласную *в:* Адинокава, никакова, Аднаво (ср. каво в с. Ясенки).

Материалы печатных источников по этому вопросу дают разноречивые сведения, что́ отражает наличие в уезде разнообразия по отдельным его селениям в произношении этого окончания. Материалы Трудов МДК, вып. 1 свидетельствуют для сел Долгое, Бородино, Головлино и др. о наличии окончаний *-γо́* и *-о́ва*; по данным Будде,[2] форма на *в* присуща всему уезду за исключением отдельных пунктов. Зеленин отмечает γ в этом окончании только в селах Пришня и Бородино,[3] Благовещенский приводит форму на γ как характерную для

---

[1] Е. Ф. Будде (О Тульск.), Благовещенский (РФВ, т. III, кн. 2, 4).

[2] Е. Ф. Будде (О Тул. и Кал.).

[3] Д. К. Зеленин (цит. соч.) приписывает форму на γ в этих окончаниях однодворческим селам.

Крапивенского уезда в отличие от Тульского. Во всяком случае, формы, отмечаемые нашей записью, вполне законны для Крапивенского уезда.

5) Род. и вин. пад. ед. ч. личных и возвратных местоимений представлены формами „мене, тибе, сибе“ с орфографическим вариантом „меня“ (2 раза).

6) Дат. пад. ед. ч. этих местоимений отмечен в формах: „мне, тибе“, и в форме „себя“ — уже в начале специально оговоренной. По материалам, приведенным Будде,[1] в говорах Крапивенского уезда в дат. пад. встречаются как формы „тибе, сибе“, так и „табе, сабе“, отмечаемые однако чаще.

7) Вин. пад. имен прилагательных жен. рода имеет окончание *-ую* (дисятую часть, чужую скатину) при безударном варианте с утратой лабиализации *-аю*, возможно, отражающей произношение окончания с редуцированной гласной *-ъю* (въ глыбокаю озира, панамарскаю часть). Ср.: либидинаю стаду — с. Архангельское Крапивенского уезда.[1] В Крапивенском уезде отмечается часто и другой вариант этого окончания под ударением *-уя* (ср.: пълевýя землю — с. Орлово;[1] рябýя, сляпýя, глухýя, дурнýя).[2] Отметим образованную по типу мягкой разновидности склонения форму: кажнию ночь (Ср. „ꙗорькию мене пакинула“ с. Ясенки).

8) Употребление формы род. пад. мн. ч. местоимения „это“ вместо дат.: „по этих (о детях) кажный день воя“.

9) Стяжение в формах прилагательных и местоимений: к маму дедушки; абуваю лапти разбиты.

10) Согласование имен существительных средн. рода с прилагательным в форме жен. рода: в глыбокаю озира упалъ (но: дѣло моеё дрянь). Примеры подобного согласования широко встречаются в материалах по Крапивенскому уезду. Ср.: мая золатца, сваю дитя.[1] Интересно в связи с этим привести цитату из статьи Л. Н. Толстого „Яснополянская школа“:[3] „В нашей местности нет среднего рода: ружье, сено, масло,

[1] Е. Ф. Будде (О Тул. и Кал.).

[2] РФВ, т. X.

[3] Л. Н. Толстой. Полное собр. соч., т. XIII, 1913, стр. 176.

окно — всё *она, большая* и *дурная*, и тут грамматика ничего не помогает. Старшие ученики третий год знают все правила склонения и окончаний родов, а всё-таки пишут: *в этой сене* много щавельнику — и отвыкают только настолько, насколько их поправляешь и насколько помогает чтение".

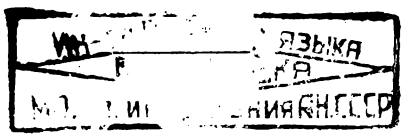
11) 3-е л. глаголов имеет окончание *т* мягкое: ломють, схватить. Глаголы 1-го спр. в форме без конечного *т:* Абижая ражая, воя. Ср. примеры подобных форм глаголов 1-го и 2-го спр. по материалам Будде: ска́жа, хо́ча, приво́зя, быва́я и др. Совпадение форм 1-го и 2-го спр. в формах: чюишь, ломють (ср.: но́сють, пасо́дють, стано́ўють в с. Ясенки).

12) Формы возвратных глаголов 3-го л. ед. ч. на *-си:* женилси, явилси, бросалси, спасалси, Асталси (Ср. примеры из с. Ясенки: дъγада́йси, папа́лси, на́румя́ньси и др.). В возвратных формах инфинитива звучит твердая аффриката *ц*, видимо, долгая: жени́ца, разари́ца (ср.: сва́татца, даста́нуцца, те́плютца — по материалам Будде[1] и Благовещенского)[2].

13) Формы причастий на *-мши*: ни емши, ни ужинамши, — черта, распространенная в тульских говорах (ср.: пирвиньча́мши, накры́мши,[1] пое́мши, сде́ламши, купи́мши[2]).

Согласно всем определяющим чертам (умеренное аканье фрикативное γ, мягкое *т* в 3-м л. глаголов, мена *в* на *у* перед согласными, форма „мене" в род.-вин. пад. и др.), обработанная нами запись выявляет типичный южновеликорусский говор Тульской группы.

Однако отдельные особенности говора могут быть окончательно установлены только путем сопоставления с современным состоянием говора с. Ясная Поляна.

[1] Е. Ф. Будде (О Тул. и Кал.).
[2] Благовещенский (РФВ, т. X).

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

П. С. Кузнецов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы . . 5

В. Г. Орлова. О говоре с. Пермас Никольского р-на Вологодской обл. 45

А. Н. Гвоздев. Два говора одного села. (Села Канаевка, Городищенского р-на, Пензенской обл.) 71

В. Н. Сидоров. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры 93

Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры. I. Описание одного говора по течению р. Пры 135

Н. П. Гринкова. Заметки о калужских говорах 237

П. Я. Черных. К фонетике южнорусских говоров 252

И. С. Ильинская. Наблюдения над говором русских переселенцев в Закавказье 265

Ф. П. Филин. Говор д. Селино Дубенского района Тульской области 280

С. В. Бромлей. Яснополянский говор по малограмотной записи, приведенной Л. Н. Толстым в его дневнике 313

www.ruslang.ru

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Е. М. Фонберг.*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова.*

*

РИСО АН СССР № 2462 А —03221. Издат. № 994
Тип. заказ № 167. Подп. к печ. 12/III 1949 г.
Формат бум. 60×92 1/16. Печ. л. 20 3/4. Уч.-изд. л. 17,25.
Тираж 3000.

1-я Тип. Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

16 руб.